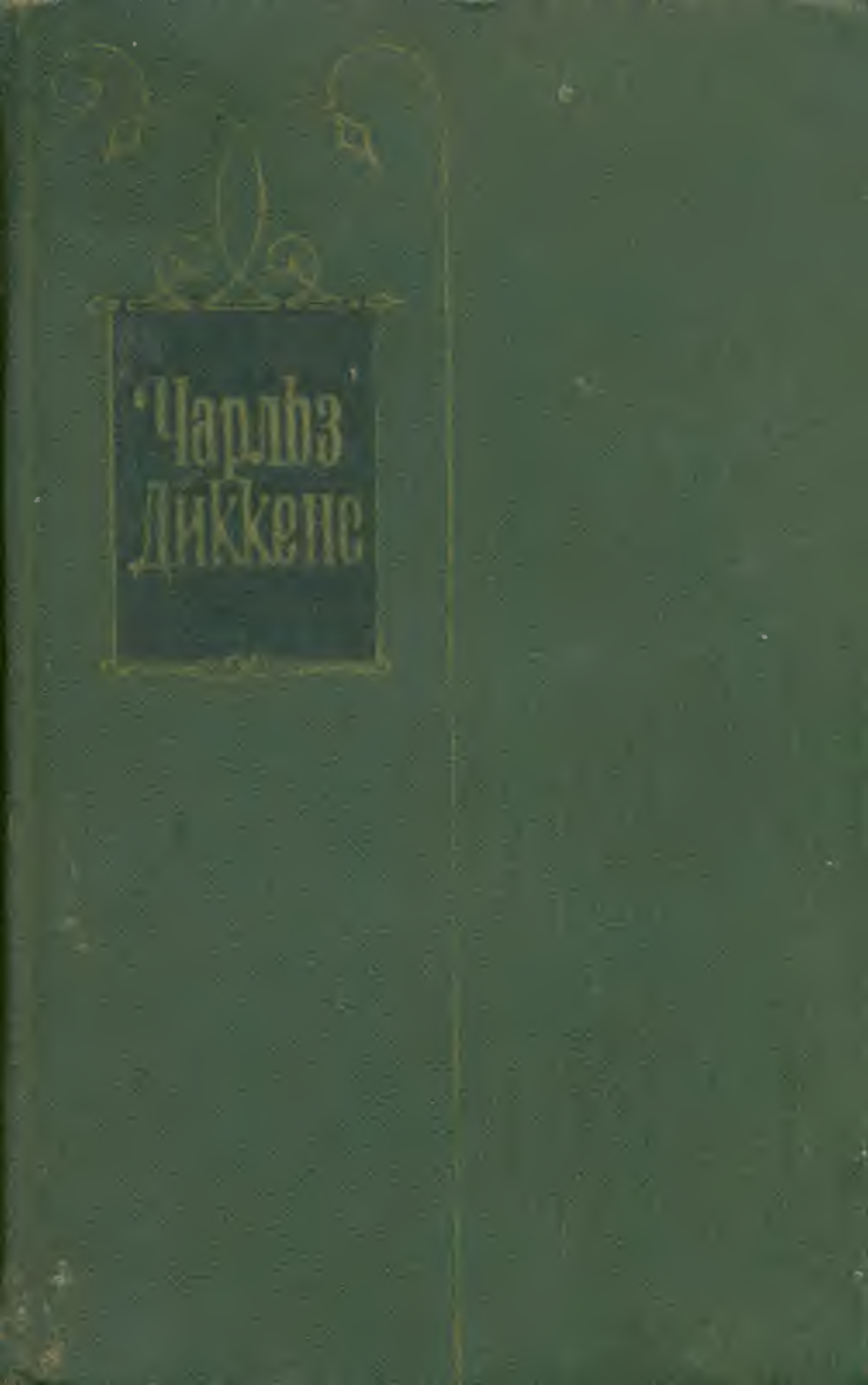

Чарльз
Диккенс

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией

А. А. АНИКСТА, В. В. ИВАШЕВОЙ, ЕВГЕНИЯ ЛАННА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1958

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА

Роман

(Главы XXXI—LVII)

Перевод с английского

А. В. КРИВЦОВОЙ и ЕВГЕНИЯ ЛАННА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1958

CHARLES DICKENS

THE POSTHUMOUS PAPERS OF THE PICKWICK CLUB

Ch. XXXI—LVII

1837

Иллюстрации
«ФИЗА» (Х. Н. БРАУНА)

Шестое, пересмотренное издание перевода

ГЛАВА XXXI,

которая целиком посвящена юриспруденции и различным великим знатокам, ее изучившим

В разных углах и закоулках Темпля разбросаны темные и грязные комнаты, где во время судебных вакаций можно видеть в течение целого утра,— а во время сессий также и до вечера,— почти непрерывный поток адвокатских клерков, входящих и выходящих со связками бумаг, торчащими под мышкой и из карманов. Есть несколько рангов адвокатских клерков. Есть клерк-учащийся, который платит за ученье и сам станет когда-нибудь поверенным, который имеет открытый счет у портного, получает приглашения на вечеринки, знаком с одним семейством на Гауэр-стрит и с другим на Тэвисток-сквер; который уезжает из города на каникулы повидаться с отцом, имеющим всегда наготове лошадей; этот клерк является, короче говоря, аристократом среди клерков. Есть клерк на жалованье,— живущий или приходящий, как случится,— который тратит бóльшую часть своих тридцати шиллингов в неделю на свои прихоти, ходит за полцены в театр Эдельфи * по крайней мере три раза в неделю, величественно развлекается после этого в погребках, где торгуют сидром, и является скверной карикатурой на моду, выдохшуюся полгода назад. Есть клерк-писец средних лет с большой семьей, всегда оборванный и часто пьяный. И есть конторские маль-

чики, впервые надевшие сюртуки, которые питают надлежащее презрение к школьникам и, расходясь вечером по домам, угощаются в складчину копченой колбасой и портером, полагая, что это и есть «жизнь». Есть другие разновидности, слишком многочисленные, чтобы их перечислять, но, как бы многочисленны они ни были, всех этих клерков можно увидеть в определенные служебные часы, когда они торопливо входят в только что упомянутые места или покидают их.

В этих изолированных уголках помещаются официальные конторы адвокатов, где выдают судебные приказы, заверяют судебные решения, подшивают жалобы истцов и приводят в действие многие другие хитроумные приспособления, изобретенные для мук и терзаний подданных его величества и для утешения и обогащения служителей закона. В большинстве случаев это низкие, затхлые комнаты, где бесчисленные свитки пергамента, которые прели под спудом в течение прошлого века, распространяют приятный аромат, смешивающийся в дневное время с запахом тления, а в ночное — с различными испарениями, какие исходят от сырых плащей, мокрых зонтов и дрянных сальных свечей.

Вечером, около половины восьмого, дней через десять или недели через две после возвращения мистера Пиквика и его друзей в Лондон, в одну из этих контор торопливо вошел человек в коричневом сюртуке с медными пуговицами. Концы его длинных волос были старательно закручены вверх и цеплялись за края потертой шляпы, а запачканные темно-серые панталоны так туго натянуты на блюхеровские башмаки, что колени его грозили каждый момент вырваться наружу. Он извлек из кармана сюртука длинную и узкую полосу пергамента, на которой дежурный чиновник поставил неразборчивый черный штемпель. Потом он вытащил четыре листка бумаги того же размера, составлявшие печатные копии пергамента с пробелами для фамилий, и, заполнив пробелы, спрятал все пять документов в карман и торопливо вышел.

Человек в коричневом сюртуке с каббалистическими документами в кармане был не кто иной, как наш старый знакомый — мистер Джексон из конторы Додсона и Фогга, Фрименс-Корт, Корнхилл.

Однако, вместо того чтобы вернуться в контору, откуда он пришел, он направил свои стопы к Сан-Корту и, войдя в гостиницу «Джордж и Ястреб», пожелал узнать, дома ли некий мистер Пиквик.

— Позовите слугу мистера Пиквика, Том,— сказала буфетчица «Джорджа и Ястреба».

— Не трудитесь,— сказал мистер Джексон,— я пришел по делу. Если вы мне покажете комнату мистера Пиквика, я и один дойду.

— Ваша фамилия, сэр? — спросил лакей.

— Джексон,— ответил клерк.

Лакей поднялся наверх, чтобы доложить о мистере Джексоне, но мистер Джексон избавил его от труда, последовав за ним по пятам и войдя в комнату раньше, чем тот успел издать членораздельный звук.

В этот день мистер Пиквик пригласил своих трех друзей к обеду. Все сидели у камина и пили вино, когда мистер Джексон появился, как было описано выше.

— Здравствуйте, сэр,— сказал мистер Джексон, кивая мистеру Пиквику.

Сей джентльмен поклонился и казался слегка изумленным, ибо физиономии мистера Джексона он не помнил.

— Я от Додсона и Фогга,— сказал мистер Джексон в виде пояснения.

Мистер Пиквик встрепенулся при этом имени.

— Обратитесь к моему поверенному, сэр, мистеру Перкеру в Грейз-Инне,— сказал он.— Проводите этого джентльмена,— обратился он к лакею.

— Прошу прощенья, мистер Пиквик,— сказал Джексон, спокойно кладя шляпу на пол и доставая из кармана кусок пергамента,— но в таких случаях вручение через клерка или агента... вы понимаете, мистер Пиквик?.. Простая предосторожность, сэр, в соблюдении юридических форм.— Тут мистер Джексон бросил взгляд на пергамент и, положив руки на стол и озираясь с приятной и вкрадчивой улыбкой, сказал: — Послушайте, не будем спорить из-за такого пустяка. Джентльмены, кто из вас Снодграсс?

При этом вопросе мистер Снодграсс вздрогнул так заметно, что другого ответа не потребовалось.

— А-а-а... я так и думал,— сказал Джексон еще любезнее.— Мне придется слегка обеспокоить вас, сэр.

— Меня?! — воскликнул мистер Снодграсс.

— Это только повестка по делу Бардл против Пиквика со стороны истицы,— ответил Джексон, выбирая один из листков бумаги и доставая из жилетного кармана шиллинг.— Дело будет слушаться в самом начале сессии, четырнадцатого февраля, по нашему предположению. Мы признали это дело подлежащим специальному жюри *, и в списке значится только десять присяжных. Это вам, мистер Снодграсс.

С этими словами Джексон показал пергамент мистеру Снодграссу и сунул ему в руку бумажку и шиллинг.

Мистер Тапмен следил за этой процедурой в безмолвном удивлении, как вдруг Джексон повернулся к нему и сказал:

— Если я не ошибаюсь, ваша фамилия Тапмен?

Мистер Тапмен взглянул на мистера Пиквика, но, не усмотрев в широко раскрытых глазах сего джентльмена совета отречься от своего имени, ответил:

— Да, моя фамилия Тапмен, сэр.

— Полагаю, вот этот другой джентльмен — мистер Уинкль? — сказал Джексон.

Мистер Уинкль пробормотал утвердительный ответ, и оба джентльмена немедленно получили от проворного мистера Джексона по листу бумаги и по шиллингу.

— Боюсь,— сказал Джексон,— что вы меня сочтете довольно надоедливым, но мне нужен еще кое-кто. У меня здесь значится имя Сэмюела Уэллера, мистер Пиквик.

— Пошлите сюда моего слугу,— сказал мистер Пиквик лакею.

Лакей удалился, чрезвычайно удивленный, а мистер Пиквик предложил Джексону присесть.

Наступило тягостное молчание, которое в конце концов было нарушено ни в чем не повинным ответчиком.

— Полагаю, сэр,— сказал мистер Пиквик с негодованием, возраставшим по мере того, как он говорил,— полагаю, сэр, что намерения ваших патронов заключаются в том, чтобы попытаться меня обвинить на основании показаний моих же собственных друзей?

Мистер Джексон несколько раз похлопал указательным пальцем по левой стороне своего носа, давая понять, что здесь он находится не для того, чтобы открывать тайны тюремного двора, и шутливо ответил:

— Не знаю. Не могу сказать.

— Для чего же, сэр,— продолжал мистер Пиквик,— если не для этой цели, были вручены им эти повестки?

— Прекрасная уловка, мистер Пиквик,— отозвался Джексон, медленно покачивая головой,— но она ни к чему не приведет. Попытайтесь, беды в этом нет, но из меня мало удастся вытянуть.

Тут мистер Джексон снова улыбнулся присутствующим и, приставив большой палец левой руки к кончику носа, правой рукой привел в движение воображаемую кофейную мельницу, показав таким образом изящную пантомиму (в те времена очень популярную, но теперь, к сожалению, устаревшую), смысл коей был таков: «Меня не надуешь».

— Нет, мистер Пиквик,— сказал в заключение Джексон,— пусть у Перкера поломают головы над тем, для чего мы вручили эти повестки. Если не угадают, пусть подождут суда и тогда узнают.

Мистер Пиквик бросил на непрошенного гостя взгляд, выражавший крайнее омерзение, и, можно думать, обрушил бы страшные проклятья на голову мистеров Додсона и Фогга, если бы в этот момент его не остановило появление Сэма.

— Сэмюел Уэллер? — вопросительным тоном сказал мистер Джексон.

— Самые правдивые слова, какие вы произнесли за много лет,— ответил Сэм с величайшим спокойствием.

— Вот вам повестка, мистер Уэллер,— сказал Джексон.

— Что это значит? — осведомился Сэм.

— Вот оригинал,— продолжал Джексон, уклоняясь от требуемого объяснения.

— Где? — спросил Сэм.

— Вот! — ответил Джексон, потрясая пергаментом.

— О, так это оригинал? — сказал Сэм.— Ну, я очень рад, что видел оригинал, потому что это очень приятное зрелище, которое веселит душу человека.

— А вот шиллинг,— продолжал Джексон.— Это от Додсона и Фогга.

— Как мило со стороны Додсона и Фогга, которые так мало меня знают, а преподносят подарок! — сказал Сэм.— Иначе не могу рассматривать как большую любезность, сэр. Очень похвально, что они умеют вознаграждать добродетель, где бы ее ни повстречали. И вдобавок от этого можно растрогаться.

С этими словами мистер Уэллер слегка потер рукавом куртки веко правого глаза, следуя весьма похвальной манере актеров, изображающих семейные патетические сцены.

Мистер Джексон был как будто сбит с толку поведением Сэма, но так как повестку он вручил и больше ничего не имел сказать, то сделал вид, будто надевает единственную перчатку, которую обычно носил в руке ради соблюдения приличий, и вернулся в контору доложить о ходе дела.

В ту ночь мистер Пиквик спал плохо. Ему все время вспоминалось весьма неприятное дело миссис Бардл. На следующее утро он позавтракал очень рано и, предложив Сэму сопровождать его, отправился к Грейз-Инн-сквер.

— Сэм,— оглядываясь, сказал мистер Пиквик, когда они дошли до конца Чипсайда.

— Сэр? — отозвался Сэм, подходя к своему хозяину.

— Куда идти?

— По Ньюгет-стрит.

Мистер Пиквик продолжал путь не сразу; он в течение нескольких секунд смотрел рассеянно в лицо Сэму и испустил глубокий вздох.

— Что случилось, сэр? — осведомился Сэм.

— Сэм, полагают, что это дело будет разбираться четырнадцатого числа будущего месяца,— произнес мистер Пиквик.

— Замечательное совпадение, сэр,— отозвался Сэм.

— Чем оно замечательно, Сэм? — полюбопытствовал мистер Пиквик.

— Валентинов день *, сэр,— отвечал Сэм.— Весьма удачный день, день разбора дела о нарушении брачного обещания.

Улыбка мистера Уэллера не вызвала проблеска веселья на физиономии его хозяина. Мистер Пиквик круто повернул и продолжал путь молча.

Они прошли несколько десятков шагов. Мистер Пиквик трусил впереди, погруженный в глубокие размышления, а сзади, изображая на своей физиономии самое завидное и непринужденное пренебрежение ко всем и ко всему, следовал Сэм, как вдруг этот последний, всегда стремясь поделиться с своим хозяином исключительными познаниями, ускорил шаг, пока не очутился за спиной мистера Пиквика, и, указывая на дом, мимо которого они проходили, сказал:

— Очень недурная колбасная, сэр.

— Да, кажется,— отозвался мистер Пиквик.

— Знаменитая фабрика сосисок,— добавил Сэм.

— Вот как? — сказал мистер Пиквик.

— Вот как! — с некоторым негодованием повторил Сэм.— Ну еще бы не так! Да благословит бог вашу невинную голову, сэр: ведь здесь четыре года назад произошло таинственное исчезновение почтенного торговца.

— Неужели вы хотите сказать, что с ним расправились по способу Берка? * — воскликнул мистер Пиквик, поспешно оглядываясь.

— Нет, не хочу, сэр,— ответил мистер Уэллер.— Хотя это было бы лучше. Но тут дело посерьезнее. Он был хозяином этой-вот лавки, сэр, и изобрел патентованную паровую машину для непрерывного изготовления сосисок. Ну так вот, эта самая машина проглотила бы и булыжник, положи вы его близко, и перемолола бы в сосиски, как нежного младенца. Натурально, он гордился машиной и, бывало, простаивал в погребе, глядя на нее, когда она работала, пока не впадал от радости в меланхолию. Очень счастливым человеком был бы он, сэр, имея эту-вот машину да еще двух милых малюток в придачу, не будь у него жены, самой злющей ведьмы. Она всегда ходила за ним по пятам и жужжала ему в уши, пока, наконец, он не выбился из сил. «Я тебе вот что скажу, моя милая,— говорит он,— если ты будешь упорствовать в этом-вот развлечении, будь я проклят, если не уеду в Америку, и конец делу».— «Ты лентяй,— гово-

рит она,— поздравляю американцев с такой находкой». После этого она ругается еще с полчаса, а потом бежит в маленькую комнату позади лавки, принимается визжать, говорит, что он ее в гроб вгонит, и устраивает припадок, который продолжается добрых три часа, и все эти три часа она визжит и брыкается. Ну, а на следующее утро муж пропал. Ничего из кассы он не взял и даже пальто не надел — стало быть, ясно, что не в Америку поехал. Не вернулся на следующий день, не вернулся через неделю. Хозяйка напечатала объявление — если, говорит, вернется, она все простит (и очень это было великодушно, потому что он ничего плохого не сделал). Обыскали все каналы, и с тех пор ,в течение двух месяцев, как только окажется где мертвое тело, регулярно тащат его прямехонько в колбасную лавку. Но ни одно не подошло. Тогда распустили слух, что он сбежал, и она стала сама вести дело. Как-то в субботний вечер входит в лавку маленький худенький старый джентльмен в большом волнении и говорит ей: «Вы хозяйка этой лавки?» — «Да, говорит, я».— «Так вот, сударыня,— говорит он,— я пришел сказать, что ни я, ни моя семья не желаем подавиться ни с того ни с сего. И это, говорит, еще не все, сударыня: разрешите мне сказать, что поскольку вы для производства сосисок не пользуетесь мясом первого сорта, то, думаю, вы согласитесь, что оно должно обходиться вам почти так же дешево, как и пуговицы».— «Какие пуговицы, сэр?» — говорит она. «Пуговицы, сударыня,— говорит маленький старый джентльмен, развертывая клочок бумаги и показывая два-три десятка пуговичных обломков.— Славная приправа к сосискам — брючные пуговицы, сударыня!» — «Это пуговицы моего мужа!» — говорит вдова, собираясь лишиться чувств. «Как!» — взвизгивает маленький старый джентльмен, сильно побледнев. «Теперь я все понимаю,— говорит вдова.— В припадке временного умопомешательства он сгоряча превратил себя в сосиски». Так оно и было, сэр,— добавил мистер Уэллер, глядя пристально в лицо устрашенному мистеру Пиквику,— а может быть, его втянуло в машину; но так или иначе, а маленький старый джентльмен, который всю жизнь питал удивительное пристрастие к сосискам, выбежал из лавки,

как сумасшедший, и с той поры никто о нем не слышал.

Конец рассказа о трогательном происшествии в семейной жизни застал хозяина и слугу у двери мистера Перкера. Лаутен, приоткрыв дверь, беседовал с жалким на вид человеком в порыжевшем костюме, в продранных башмаках и перчатках. Нужда и страдания — чуть ли не отчаяние — оставили следы на его худой и изможденной физиономии. Он стыдился своей бедности, ибо, когда подошел мистер Пиквик, отступил в темный угол.

— Очень печально,— со вздохом сказал незнакомец.

— Очень,— отозвался Лаутен, нацарапав свою фамилию пером на дверном косяке и стирая ее другим концом пера.— Может быть, передать ему что-нибудь?

— Как вы думаете, когда он вернется? — осведомился незнакомец.

— Понятия не имею,— ответил Лаутен, подмигнув мистеру Пиквику, когда незнакомец опустил глаза.

— Вы не думаете, что имело бы смысл его подождать? — спросил незнакомец, задумчиво заглядывая в контору.

— О нет, конечно нет! — отозвался клерк, слегка заслонив собою дверь.— Он, разумеется, не вернется на этой неделе, и неизвестно, вернется ли на будущей, ибо, если Перкер уезжает из города, он никогда не торопится вернуться.

— Уехал из города! — воскликнул мистер Пиквик.— Боже мой, какая неудача!

— Не уходите, мистер Пиквик,— сказал Лаутен.— У меня есть письмо для вас.

Незнакомец, по-видимому, не знал, что делать. Он снова опустил глаза, а клерк хитро подмигнул мистеру Пиквику, словно давая понять, что происходит нечто весьма забавное, хотя в чем тут дело — мистер Пиквик не мог угадать ни за какие блага.

— Войдите, мистер Пиквик,— сказал Лаутен.— Ну-с, мистер Уотти, вы передадите мне все, что имеете сказать, или зайдете еще раз?

— Попросите его — может быть, он будет так любезен и сообщит, что предпринято по моему делу,— сказал тот.— Ради бога, не забудьте, мистер Лаутен.

— Нет, нет, я не забуду,— отозвался клерк.— Пожалуйте, мистер Пиквик. До свиданья, мистер Уотти. Славный день для прогулки, не правда ли?

Он предложил Сэму Уэллеру войти вслед за своим хозяином и, видя, что незнакомец все еще мешкает, захлопнул дверь у него перед носом.

— Такого назойливого банкрота не было с сотворения мира, в этом я уверен! — воскликнул Лаутен, с видом оскорбленного человека швыряя свое перо.— Не прошло и четырех лет, как его дело поступило в Канцлерский суд, но будь я проклят, если он не приходит надоедать нам два раза в неделю! Пожалуйте сюда, мистер Пиквик,— Перкер здесь; я знаю, что он вас примет. Чертовски холодно,— добавил он раздражительно,— стоять у двери и терять время на таких жалких бродяг.

Энергически помешав маленькой кочергой угли в большом камине, клерк отправился в кабинет своего принципала и доложил о мистере Пиквике.

— А, уважаемый сэр! — сказал маленький мистер Перкер, вставая с кресла.— Ну-с, уважаемый сэр, какие новости касательно вашего дела? Еще что-нибудь о наших приятелях из Фрименс-Корта? Они не дремали, мне это известно. Очень ловкие ребята, очень ловкие!

В заключение маленький джентльмен взял внушительную понюшку табаку, воздавая должное ловкости мистеров Додсона и Фогга.

— Они — величайшие негодяи,—сказал мистер Пиквик.

— Да,— сказал маленький человек,— это, знаете ли, зависит от точки зрения, и мы не будем спорить о словах, ибо, разумеется, нельзя ожидать, чтобы вы судили об этих вещах с профессиональной точки зрения. Ну-с, нами сделано все, что нужно. Я пригласил королевского юрисконсульта * Снаббина.

— Хороший ли он человек? — осведомился мистер Пиквик.

— Хороший ли он человек! — воскликнул мистер Перкер.— Ах, боже мой! Снаббин — украшение своей профессии. Практика у него втрое больше, чем у кого бы то ни было в суде,— занят в каждом процессе. Пусть это останется между нами, но мы говорим, что королевский юрисконсульт Снаббин вертит судом как хочет.

Сделав такое сообщение, маленький человек взял вторую понюшку табаку и таинственно кивнул мистеру Пиквику.

— Они вручили моим трем друзьям повестки,— сказал мистер Пиквик.

— А! Ну конечно! — ответил мистер Перкер.— Важные свидетели: видели вас в щекотливом положении.

— Но она упала в обморок по собственному желанию,— сказал мистер Пиквик.— Она сама бросилась мне в объятия.

— Очень возможно, уважаемый сэр,— отозвался Перкер.— Очень возможно и весьма натурально! Иначе и быть не может, уважаемый сэр. Но как это доказать?

— Они вручили повестку также моему слуге,— сказал мистер Пиквик, меняя тему, ибо вопрос мистера Перкера слегка ошеломил его.

— Сэму? — спросил Перкер.

Мистер Пиквик отвечал утвердительно.

— Разумеется, уважаемый сэр, разумеется. Я знал, что они так поступят. Я бы мог сказать это вам месяц назад. Видите ли, уважаемый сэр, если вы берете ведение дела в собственные руки, после того как доверили его своему адвокату, вы должны отвечать и за последствия.

Тут мистер Перкер выпрямился с чувством собственного достоинства и смахнул с жабо несколько крошек табаку.

— А зачем им понадобились его показания? — спросил мистер Пиквик после минутного молчания.

— Затем, что вы посылали его к истице с предложением некоторого компромисса, так я полагаю,— отозвался Перкер.— Впрочем, большого значения это не имеет: не думаю, чтобы какой-нибудь адвокат многого добился от него.

— Я тоже так думаю,— сказал мистер Пиквик, улыбаясь, несмотря на свою досаду, при мысли о Сэме в роли свидетеля.— Какой же план действия мы изберем?

— Нам остается только один план, уважаемый сэр,— ответил Перкер,— подвергнуть свидетелей перекрестному допросу, довериться красноречию Снаббина, пустить пыль в глаза судье, надеяться на присяжных.

— А что, если решение будет не в мою пользу? — осведомился мистер Пиквик.

Мистер Перкер улыбнулся, взял понюшку табаку, помешал угли в камине, пожал плечами и выразительно промолчал.

— Вы хотите сказать, что в таком случае я должен платить возмещение убытков? — спросил мистер Пиквик, следивший с некоторой строгостью за этим мимическим ответом.

Перкер еще раз помешал угли, что было совершенно излишне, и ответил:

— Боюсь, что так.

— В таком случае я заявляю вам о своем непоколебимом решении не платить ничего,— весьма внушительно произнес мистер Пиквик.— Ничего, Перкер! Ни один фунт, ни один пенни из моих денег не перейдет в карманы Додсона и Фогга. Это мое непреложное и обдуманное решение!

Мистер Пиквик с силой ударил по столу, подтверждая непреложность своего намерения.

— Прекрасно, уважаемый сэр, прекрасно,— сказал Перкер.— Конечно, вам лучше знать.

— Разумеется,— поспешно отозвался мистер Пиквик.— Где живет королевский юрисконсульт Снаббин?

— Линкольнс-Инн, Олд-сквер,— ответил Перкер.

— Я бы хотел его повидать,— сказал мистер Пиквик.

— Повидать королевского юрисконсульта Снаббина, уважаемый сэр! — с крайним изумлением воскликнул Перкер.— Нет, нет, уважаемый сэр, невозможно! Повидать Снаббина! Бог с вами, уважаемый сэр, слыханное ли это дело, если предварительно не внесена плата за консультацию и не назначен час консультации! Это никак невозможно, уважаемый сэр!

Однако мистер Пиквик заявил, что это не только возможно, но и необходимо, и в результате через десять минут после того, как он выслушал заверение, что это сделать невозможно, поверенный ввел его в контору великого Снаббина.

Это была довольно просторная комната без ковра, с большим письменным столом, придвинутым к камину. Сукно, покрывавшее стол, давно отказалось от всяких

претензий на свой первоначальный зеленый цвет и постепенно посерело от пыли и времени, за исключением тех мест, где все следы его натурального цвета были уничтожены чернильными пятнами. На столе лежали многочисленные пачки бумаг, перевязанные красной тесьмой, а за столом сидел пожилой клерк, чей прилизанный вид и массивная золотая цепочка от часов служили внушительным показателем большой и прибыльной практики королевского юрисконсульта Снаббина.

— Королевский юрисконсульт у себя в кабинете, мистер Моллерд? — осведомился Перкер, с величайшей учтивостью предлагая свою табакерку.

— Да, он у себя, но очень занят,— последовал ответ.— Посмотрите-ка сюда: еще не дано ни одного заключения по всем этим делам, а гонорар за каждое уплачен.

При этом клерк улыбнулся и втянул понюшку табаку с увлечением, которое, казалось, вызвано было как любовью к табаку, так и пристрастием к гонорарам.

— Вот это называется практикой! — сказал Перкер.

— Да,— отозвался адвокатский клерк, доставая собственную табакерку и предлагая ее с величайшей любезностью.— А лучше всего то, что никто на свете, кроме меня, не разбирает почерка королевского юрисконсульта, и, следовательно, все должны ждать заключения, которое он уже дал, до тех пор, пока я не перепишу. Ха-ха-ха!

— И от этого выигрывает... Мы знаем, кто выигрывает, кроме королевского юрисконсульта... И таким способом вытягивает из клиентов еще кое-что, а? — добавил Перкер.— Ха-ха-ха!

Тут клерк королевского юрисконсульта засмеялся снова — не громким, раскатистым смехом, а тихим, внутренним смешком, который неприятно было слышать мистеру Пиквику. Когда у человека бывает внутреннее кровоизлияние, это опасно для него самого, но когда он смеется внутренним смешком, это не предвещает добра другим.

— Вы не составили для меня счетика гонораров, которые я вам должен? — спросил Перкер.

— Нет, не составил,— ответил клерк.

— Я бы вас попросил составить,— сказал Перкер.— Дайте мне его, и я вам пришлю чек. Но вы, должно

быть, слишком заняты получением наличных денег, чтобы думать о должниках. Ха-ха-ха!

Эта шутка, казалось, польстила клерку, и он еще раз засмеялся тихим смешком.

— Но, мистер Моллерд, уважаемый друг,— сказал Перкер, вдруг обретая всю свою серьезность и увлекая великого клерка великого королевского юрисконсульта за отворот сюртука в угол,— вы должны уговорить королевского юрисконсульта принять меня и моего клиента.

— Что вы, что вы! — воскликнул клерк.— Вот это недурно! Увидеть королевского юрисконсульта! Нет, это слишком нелепо!

Впрочем, несмотря на нелепость предложения, клерк позволил увлечь себя потихоньку в сторону от мистера Пиквика и после краткой беседы шепотом вышел неслышными шагами в темный коридорчик и скрылся в святилище юридического светила, откуда вскоре вернулся на цыпочках и уведомил мистера Перкера и мистера Пиквика, что ему удалось уговорить королевского юрисконсульта, вопреки всем установленным правилам и обычаям, принять их немедленно.

Королевский юрисконсульт Снаббин был человек со впалыми щеками и желтоватым цветом лица, лет сорока пяти, или, как говорится в романах, ему могло быть и пятьдесят. У него были те тусклые, осовелые глаза, какие часто можно увидеть на лицах людей, предающихся в течение многих лет утомительным и тягостным кабинетным занятиям, и какие могли и без добавления лорнета, висевшего на широкой черной ленте, обвивавшей шею, предупредить посетителя о том, что он очень близорук. Волосы у него были тонкие и редкие, что отчасти объяснялось постоянным отсутствием досуга для ухода за ними, а отчасти ношением в течение двадцати пяти лет адвокатского парика, который в настоящее время висел перед ним на подставке. Следы пудры на воротнике фрака, плохо выстиранный и еще хуже повязанный галстук свидетельствовали о том, что у него не было времени, вернувшись из суда, произвести какие-нибудь изменения в своем туалете. Впрочем, неопрятный вид остальных принадлежностей его костюма наводил на мысль, что внешность его не улучшилась бы в значительной степени,

если бы у него и было свободное время. Юридические книги, кипы бумаг и распечатанные письма валялись на столе в полном беспорядке; мебель в комнате была старая и расшатанная; дверцы книжного шкафа подгнили на петлях; при каждом шаге пыль взлетала маленькими облачками над ковром; шторы пожелтели от времени и грязи; вид всех предметов в комнате доказывал с несомненной ясностью, что королевский юрисконсульт Снаббин слишком занят своими профессиональными делами, чтобы обращать внимание на личные удобства или заботиться о них.

Королевский юрисконсульт писал, когда вошли его клиенты. Он рассеянно поклонился мистеру Пиквику, представленному поверенным, а затем, предложив им сесть, заботливо опустил ручку в чернильницу, покачал левой ногой и приготовился слушать.

— Мистер Пиквик — ответчик по делу Бардл и Пиквик, королевский юрисконсульт Снаббин,— сказал Перкер.

— Я выступаю по этому делу? — спросил королевский юрисконсульт.

— Да, сэр,— ответил Перкер.

Королевский юрисконсульт кивнул и ждал продолжения.

— Мистер Пиквик горячо желал повидаться с вами, королевский юрисконсульт Снаббин,— продолжал Перкер,— чтобы заявить, раньше чем вы займетесь этим процессом, что он отрицает наличие каких бы то ни было данных или основания для возбуждения иска против него; и если бы он не мог явиться в суд с чистой совестью и с полнейшей уверенностью в том, что он прав, отвергая требования истицы, он бы вовсе туда не явился. Мне кажется, я правильно излагаю ваши взгляды, не так ли, уважаемый сэр? — добавил маленький человек, обращаясь к мистеру Пиквику.

— Вполне,— отвечал сей джентльмен.

Королевский юрисконсульт Снаббин раскрыл лорнет, поднес его к глазам и, поглядев в течение нескольких секунд с любопытством на мистера Пиквика, повернулся к мистеру Перкеру и сказал, слегка улыбаясь при этом:

— У мистера Пиквика хорошие шансы?

Поверенный пожал плечами.

— Намерены ли вы вызвать свидетелей?

— Нет.

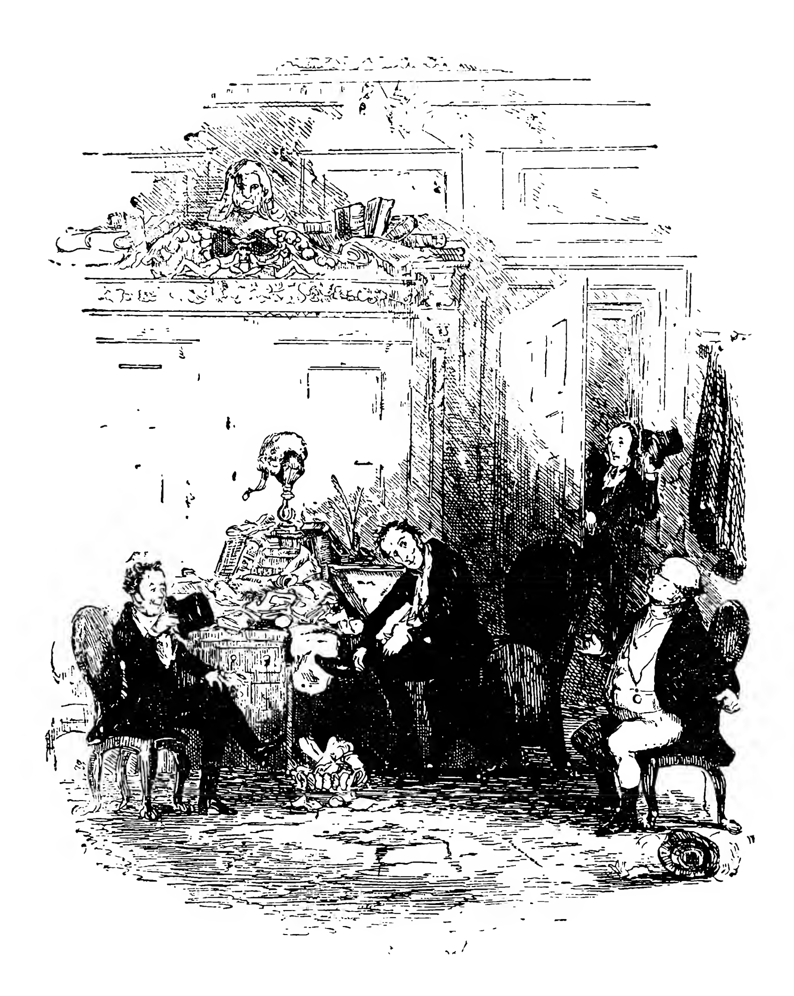
Улыбка на лице королевского юрисконсульта обрисовалась ясней. Он с удвоенной силой качнул ногою и, откинувшись на спинку кресла, с сомненьем кашлянул.

Эти признаки дурных предчувствий королевского юрисконсульта, как ни были они мимолетны, не ускользнули от мистера Пиквика. Он крепче утвердил на носу очки, сквозь которые внимательно наблюдал те проявления чувств адвоката, которые тот позволил себе обнаружить, и сказал с большой энергией и решительно пренебрегая предостерегающим подмигиванием и нахмуренными бровями мистера Перкера:

— Желание нанести вам визит с такою целью, как у меня, сэр, несомненно, покажется весьма необычным джентльмену, перед глазами которого проходит столько дел подобного рода.

Королевский юрисконсульт старался серьезно глядеть на огонь в камине, но улыбка снова появилась на его устах.

— Джентльмены вашей профессии, сэр,— продолжал мистер Пиквик,— видят наихудшую сторону человеческой природы. Все споры, все недоброжелательство, вся злоба обнаруживаются перед вами. Вы знаете по опыту, изучив присяжных (я отнюдь не осуждаю ни вас, ни их), сколь многое зависит от «эффекта», и вы склонны приписывать другим желание воспользоваться в целях обмана, а также в целях эгоистических теми самыми средствами, характер и целесообразность коих так хорошо вам известны, ибо вы сами постоянно ими пользуетесь с совершенно честными и почтенными намерениями и с похвальным желанием сделать все возможное для своего клиента. Право же, я думаю, именно этому обстоятельству следует приписать вульгарное, но весьма распространенное мнение, что люди вашей профессии подозрительны, недоверчивы и чересчур осторожны. Хотя я и сознаю, сэр, сколь невыгодно заявлять это при данных обстоятельствах, я явился сюда, ибо хочу, чтобы вы отчетливо поняли, что, как сказал мой друг мистер Перкер, я не повинен в той лжи, в какой меня обвиняют, и, хотя я прекрасно сознаю неоценимое значение вашей

помощи, сэр, я должен добавить, что, если вы мне не верите, я готов скорее лишить себя вашей высокоталантливой помощи, чем воспользоваться ею.

Задолго до окончания этой речи, весьма прозаической для мистера Пиквика,— мы вынуждены это отметить,— королевский юрисконсульт снова впал в рассеянность. Впрочем, спустя несколько минут, вновь взявшись за перо, он как будто вспомнил о присутствии своих клиентов. Оторвавшись от бумаг, он сказал довольно раздражительно:

— Кто со мной в этом деле?

— Мистер Фанки, королевский юрисконсульт Снаббин,— ответил поверенный.

— Фанки, Фанки...— повторил королевский юрисконсульт.— Никогда не слышал этой фамилии. Должно быть, очень молодой человек.

— Да, он очень молод,— отозвался поверенный.— Он допущен совсем недавно. Позвольте припомнить... он не состоит при суде и восьми лет.

— А, я так и думал! — сказал королевский юрисконсульт тем сострадательным тоном, каким простые смертные говорят о беспомощном младенце.— Мистер Моллерд, пошлите за мистером... мистером...

— Фанки, Холборн-Корт, Грейз-Инн — вмешался Перкер (кстати, Холборн-Корт переименован теперь в Саут-сквер).— Скажите, я буду рад, если он зайдет сюда.

Мистер Моллерд отправился исполнять поручение, а королевский юрисконсульт Снаббин снова впал в рассеянность, продолжавшуюся до появления мистера Фанки.

Этот младенец-адвокат был вполне зрелым человеком. Он отличался большой нервозностью и мучительно запинался, когда говорил. По-видимому, это не был природный дефект, а скорее результат застенчивости, возникшей от сознания того, что его «затирают» вследствие отсутствия у него средств, или влияний, или связей, или наглости. Он был преисполнен благоговения к королевскому юрисконсульту и изысканно любезен.

— Я не имел удовольствия видеть вас раньше, мистер Фанки,— сказал королевский юрисконсульт Снаббин с высокомерной снисходительностью.

Мистер Фанки поклонился. Он *имел* удовольствие видеть королевского юрисконсульта; и он, бедняк, завидовал ему на протяжении восьми лет и трех месяцев.

— Вы выступаете со мной в этом деле, насколько я понимаю? — сказал королевский юрисконсульт.

Будь мистер Фанки человеком богатым, он немедленно послал бы за своим клерком, чтобы тот ему напомнил; будь он человеком ловким, он приложил бы указательный палец ко лбу и постарался вспомнить, имеется ли среди множества взятых им на себя обязательств также и это дело; но, не будучи ни богатым, ни ловким (в этом смысле, во всяком случае), он покраснел и поклонился.

— Вы познакомились с документами, мистер Фанки? — осведомился королевский юрисконсульт.

Опять-таки мистеру Фанки следовало притвориться, будто он забыл обо всем, что касается этого дела, но так как он читал те бумаги, какие доставлялись ему по мере развития процесса, и только об этом и думал во сне и наяву в течение двух месяцев с той поры, когда его наняли помощником мистера королевского юрисконсульта Снаббина, то он покраснел еще гуще и поклонился снова.

— Вот это мистер Пиквик, — сказал королевский юрисконсульт, помахивая пером в ту сторону, где стоял сей джентльмен.

Мистер Фанки поклонился мистеру Пиквику с почтением, которое всегда внушает первый клиент, и снова обратил лицо к своему руководителю.

— Быть может, вы проводите мистера Пиквика, — сказал королевский юрисконсульт, — и... и... и... выслушаете все, что мистер Пиквик пожелает сообщить. Мы, конечно, устроим совещание.

Намекнув таким образом на то, что у него отняли достаточно времени, мистер королевский юрисконсульт Снаббин, который постепенно делался все более и более рассеянным, приложил на секунду лорнет к глазам, слегка поклонился и снова погрузился в лежавшее перед ним дело, которое выросло из нескончаемого судебного процесса, порожденного поступком некоего субъекта,

скончавшегося лет сто назад и в свое время загородившего тропинку, ведущую из какого-то места, откуда никто никогда не выходил, к какому-то месту, куда никто никогда не входил.

Мистер Фанки не соглашался пройти ни в одну дверь раньше мистера Пиквика и его поверенного, так что потребовалось немало времени, прежде чем они попали на Олд-сквер. Придя туда, они стали шагать взад и вперед и устроили длительное совещание, в результате которого выяснилось, что весьма трудно сказать, каково будет решение; что никто не может предугадать исход дела; что было большой удачей предупредить противную сторону и заручиться участием королевского юрисконсульта Снаббина,— словом, ряд заключений утешительных и выражающих сомнения, обычных при таком положении дел.

Затем мистер Уэллер был пробужден хозяином от сладкого сна, в который он погрузился на целый час, и, распрощавшись с Лаутеном, они вернулись в Сити.

ГЛАВА XXXII

описывает гораздо подробнее, чем судебный репортер, холостую вечеринку, устроенную мистером Бобом Сойером в его квартире в Боро

Покой витает над Лент-стрит, в Боро, окутывая нежной меланхолией душу. На этой улице всегда сдается внаем много домов. Это пустынная улица, и ее скука успокоительна. Дом на Лент-стрит нельзя почитать первоклассной резиденцией в точном смысле этого слова, но тем не менее это завидное местечко. Если человеку захотелось извлечь себя из мира, уйти за пределы искушения, поставить себя вне всякого соблазна выглянуть из окна,— он должен во что бы то ни стало отправиться на Лент-стрит.

Это счастливое убежище заселяют несколько прачек, кучка поденных переплетчиков, два-три тюремных агента при Суде по делам о несостоятельности, мелкие квартирохозяева, служащие в доках, горсточка портних с при-

правою портных, работающих сдельно. Большинство обитателей либо направляет свою энергию на сдачу меблированных комнат, либо посвящает свои силы здоровому и полезному занятию — катанью белья. Характерные черты мертвой природы на этой улице: зеленые ставни, билетики о сдаче комнат, медные дощечки на дверях и ручки колокольчиков; главные образчики одушевленной природы: мальчишка из портерной, юноша, торгующий пышками, и мужчина, продающий печеный картофель. Население здесь кочевое, обычно исчезающее накануне взноса квартирной платы за квартал, и притом всегда в ночные часы. Доходы его величества редко пополняются в этой счастливой юдоли; арендная плата ненадежна, и водопровод часто бывает закрыт.

В тот вечер, на который был приглашен мистер Пиквик, мистер Боб Сойер украшал своей особой один угол у камина в комнате второго этажа, выходящей окнами на улицу, а мистер Бен Эллен — другой. Приготовление к приему гостей, видимо, закончилось. Зонты в коридоре были свалены в угол за дверью задней комнаты, шляпа и платок служанки убраны с перил лестницы, не больше двух пар патен * оставалось на циновке у парадной двери, и кухонная свеча с очень длинным нагаром весело горела на подоконнике лестничного окна. Мистер Боб Сойер самолично купил спиртные напитки в винном погребке на Хай-стрит и вернулся домой, шествуя впереди того, кто их нес, дабы их не доставили по ошибке в другое место. Пунш был приготовлен в красной кастрюле и стоял в спальне; столик, покрытый зеленой байкой, был взят на время из гостиной и приготовлен для игры в карты; стаканы, имевшиеся в квартире, и стаканы, позаимствованные ради такого случая в трактире, выстроились на подносе, поставленном на площадке за дверью.

Несмотря на весьма удовлетворительный характер всех этих приготовлений, темное облако омрачало физиономию мистера Боба Сойера, сидевшего у камина. Лицо мистера Бена Эллена, пристально смотревшего на угли, выражало сожаление, и в его голосе звучали меланхолические ноты, когда он после долгого молчания произнес:

— Да, действительно, какая неудача, что ей взбрело в голову скиснуть как раз в такой день! Могла бы подождать по крайней мере до завтра.

— Это ее зловредная натура, зловредная натура! — с жаром отозвался мистер Боб Сойер.— Она говорит, что если у меня есть деньги на вечеринку, значит они должны у меня быть и на уплату по ее проклятому «счетику».

— А много там набежало? — осведомился мистер Бен Эллен.

Кстати сказать, счет — самый необыкновенный локомотив, какой был изобретен человеческим гением. Он не переставая бежит в течение самой долгой человеческой жизни, никогда не останавливаясь по собственному почину.

— Месяца четыре всего-навсего,— ответил мистер Боб Сойер.

Бен Эллен безнадежно закашлялся и устремил испытующий взгляд на верхние прутья камина.

— Будет чертовски неприятно, если ей взбредет в голову расшуметься, когда все соберутся, не правда ли? — сказал, наконец, мистер Бен Эллен.

— Ужасно,— отозвался Боб Сойер,— ужасно!

Послышался тихий стук в дверь. Мистер Боб Сойер выразительно посмотрел на друга и попросил стучавшего войти; вслед за тем грязная, неряшливо одетая девушка в черных бумажных чулках, которую можно было принять за нелюбимую дочь престарелого мусорщика, находящегося в бедственном положении, просунула голову в дверь и сказала:

— С вашего позволения, мистер Сойер, миссис Редль хочет поговорить с вами.

Не успел Боб Сойер дать какой-нибудь ответ, как девушка вдруг исчезла, словно кто-то сильно дернул ее сзади. Едва совершилось это таинственное исчезновение, как раздался снова стук в дверь — резкий, отчетливый стук, казалось, говоривший: «Я здесь, и я войду».

Мистер Боб Сойер бросил на своего друга взгляд, выражавший смертельный страх, и крикнул:

— Войдите!

В разрешении не было никакой необходимости, ибо, раньше чем мистер Боб Сойер произнес это слово, в комнату ворвалась маленькая свирепая женщина, дрожащая от негодования и бледная от бешенства.

— Ну-с, мистер Сойер,— сказала маленькая свирепая женщина, стараясь казаться очень спокойной,— если вы будете так добры и уплатите мне по этому счетику, я буду вам благодарна, потому что я должна платить сегодня за квартиру, и хозяин ждет сейчас внизу.

Маленькая женщина потерла руки и пристально посмотрела поверх головы Боба Сойера на стену за его спиной.

— Мне очень жаль, что я причиняю вам беспокойство, миссис Редль,— почтительно начал Боб Сойер,— но...

— О, тут нет никакого беспокойства,— отозвалась маленькая женщина, пронзительно захихикав.— Особой нужды в этих деньгах у меня не было до сегодняшнего дня. Во всяком случае, пока мне не нужно было платить их домохозяину, все равно, у кого они были — у вас или у меня. Вы обещали мне, мистер Сойер, заплатить сегодня, и все джентльмены, которые здесь жили, всегда держали свое слово, как и полагается, конечно, всякому, кто называет себя джентльменом.

Миссис Редль качнула головой, закусила губы, крепче потерла руки и воззрилась на стену еще пристальнее. Было совершенно ясно, как выразился впоследствии мистер Боб Сойер, в стиле восточной аллегории, что она «разводила пары».

— Я очень сожалею, миссис Редль,— начал Боб Сойер с крайним смирением,— но факт тот, что сегодня в Сити я обманулся в своих надеждах!

Замечательное место это Сити. Поразительное количество людей всегда обманывается там в своих надеждах.

— Пусть так, мистер Сойер,— сказала миссис Редль, прочно укрепляясь на пурпурной цветной капусте кидерминстерского ковра *,— а мне какое до этого дело, сэр?

— Я... я... не сомневаюсь, миссис Редль,— сказал Боб Сойер, увиливая от последнего вопроса,— что в на-

чале будущей недели нам удастся уладить все наши счеты и в дальнейшем завести другой порядок.

Этого-то и добивалась миссис Редль. Она ворвалась в апартаменты злополучного Боба Сойера с таким страстным желанием устроить сцену, что, по всей вероятности, была бы разочарована в случае уплаты денег. Она была прекрасно подготовлена к такого рода маленькому развлечению, ибо только что обменялась в кухне несколькими предварительными любезностями с мистером Редлем.

— Вы полагаете, мистер Сойер,— сказала миссис Редль, повышая голос в назидание соседям,— вы полагаете, что я буду по-прежнему держать в своей квартире человека, который и не помышляет платить за комнату, не платит даже за свежее масло и колотый сахар к завтраку и даже за молоко, которое подвозят к дверям? Вы полагаете, что работящей и трудолюбивой женщине, которая живет на этой улице вот уже двадцать лет (десять лет в доме напротив и девять лет и девять месяцев в этом самом доме), только и дела, что работать до изнеможения на шайку ленивых бездельников, которые вечно курят, и пьют, и шляются, вместо того чтобы приняться за какую-нибудь работу и оплатить счета? Вы полагаете...

— Милая моя! — начал мистер Бенджемин Эллен умиротворяющим тоном.

— Будьте добры, оставьте свои замечания при себе, сэр, прошу вас,— сказала миссис Редль, вдруг обрывая стремительный поток слов и обращаясь с внушительной важностью и медлительностью к посреднику.— Я не уверена, сэр, что вы имеете право вмешиваться в разговор. Мне кажется, я сдаю эти комнаты не вам, сэр.

— Правильно. Не мне,— сказал мистер Бенджемин Эллен.

— Очень хорошо, сэр! — ответствовала миссис Редль с высокомерной вежливостью.— Тогда, сэр, вы, может быть, ограничитесь тем, что будете ломать руки и ноги бедным людям в больницах, и придержите свой язык, а иначе здесь найдется кто-нибудь, кто заставит вас это сделать, сэр!

— Но вы такая непонятливая женщина,— увещевал мистер Бенджемин Эллен.

— Прошу прощения, молодой человек! — сказала миссис Редль, от злости покрываясь холодным потом.— Не будете ли вы столь добры назвать меня так еще раз?

— Я употребил это выражение совсем не в обидном смысле, сударыня,— отозвался мистер Бенджемин Эллен, начиная опасаться уже за себя.

— Прошу прощения, молодой человек,— повторила миссис Редль еще громче и еще повелительнее,— но кого вы назвали женщиной? Вы обратились с этим замечанием ко мне, сэр?

— Господи помилуй! — воскликнул мистер Бенджемин Эллен.

— Я вас спрашиваю, сэр: это выражение относилось ко мне? — с бешенством прервала миссис Редль, распахивая дверь настежь.

— Ну да, конечно,— ответил мистер Бенджемин Эллен.

— Да, конечно! — подхватила миссис Редль, постепенно пятясь к двери и повышая голос до крайнего предела специально для мистера Редля, находившегося в кухне.— Да, конечно. И все знают, что меня можно оскорблять безнаказанно в моем собственном доме, а мой муж дрыхнет внизу, а на меня обращает внимания не больше, чем на бездомную собаку. Как он не постыдится самого себя! (Тут миссис Редль всхлипнула.) Он допускает, чтобы его жену обижала шайка молодцов, которые режут и кромсают тела живых людей и позорят мой дом (снова всхлипывание), а он оставляет ее беззащитной лицом к лицу с обидчиками! Низкий, трусливый, жалкий негодяй, который боится подняться наверх и расправиться с грубиянами!.. Боится... боится подняться!

Миссис Редль приостановилась, чтобы послушать, разбудил ли этот повторный вызов ее лучшую половину. Убедившись, что он не возымел успеха, она начала с бесконечными всхлипываниями спускаться по лестнице, как вдруг у входной двери раздался громкий двойной стук; в ответ на него миссис Редль впала в истерику, сопровождающуюся горестными стонами, которая не прерывалась до тех пор, пока стук не повторился шесть раз;

тогда, в припадке душевной муки, она швырнула вниз все зонты и скрылась в задней комнате, с оглушительным шумом захлопнув за собой дверь.

— Здесь живет мистер Сойер? — спросил мистер Пиквик, когда дверь была открыта.

— Да,— сказала служанка,— во втором этаже. Дверь прямо перед вами, когда вы подниметесь по лестнице.

Дав сие наставление, девушка, которая была воспитана среди аборигенов Саутуорка, скрылась, унося свечу вниз, в кухню, совершенно уверенная в том, что она удовлетворила всем требованиям, какие можно было ей предъявить при данных обстоятельствах.

Мистер Снодграсс, который вошел последним, после многих неудачных попыток заложить засов запер, наконец, парадную дверь, и друзья, спотыкаясь, поднялись наверх, где были встречены мистером Бобом Сойером, который не спускался вниз, опасаясь быть перехваченным миссис Редль.

— Здравствуйте! — сказал расстроенный студент.— Рад вас видеть. Осторожнее — здесь стаканы.

Это предостережение предназначалось для мистера Пиквика, который положил свою шляпу на поднос.

— Ах, боже мой! — сказал мистер Пиквик.— Простите!

— Не стоит об этом говорить,— отозвался Боб Сойер.— Я здесь живу тесновато, но с этим вы должны примириться, раз пришли в гости к молодому холостяку. Входите. С этим джентльменом вы, кажется, уже встречались?

Мистер Пиквик пожал руку мистеру Бенджемину Эллену, и друзья последовали его примеру. Едва они успели усесться, как снова раздался двойной стук в дверь.

— Надеюсь, это Джек Хопкинс! — воскликнул мистер Боб Сойер.— Тс... Да, это он. Входите, Джек, входите!

На лестнице послышались тяжелые шаги, и появился Джек Хопкинс. На нем был черный бархатный жилет с ослепительными пуговицами и синяя полосатая рубашка с пристегнутым воротничком.

— Что так поздно, Джек? — спросил Бенджемин Эллен.

— Задержался в больнице Барта *,— ответил Хопкинс.

— Что-нибудь новенькое?

— Нет, ничего особенного. Довольно интересный пациент в палате несчастных случаев.

— А в чем дело, сэр? — полюбопытствовал мистер Пиквик.

— Да знаете ли, человек вывалился из окна четвертого этажа, но очень удачно... очень удачно.

— Вы хотите сказать, что больной находится на пути к выздоровлению? — осведомился мистер Пиквик.

— О нет! — беспечно отозвался Хопкинс.— Я скорее сказал бы обратное. Впрочем, на завтра назначена замечательная операция... великолепное зрелище, если оперировать будет Слешер.

— Вы считаете мистера Слешера хорошим хирургом? — поинтересовался мистер Пиквик.

— Лучшим в мире! — ответил Хопкинс.— На прошлой неделе он ампутировал ногу у мальчика... мальчик съел пять яблок и имбирный пряник... Ровно через две минуты, когда все было кончено, мальчик сказал, что не желает больше тут лежать, чтобы над ним потешались, и пожалуется матери, если они не приступят к делу.

— Да неужели?! — воскликнул пораженный мистер Пиквик.

— Ну, это пустяки,— сказал Джек Хопкинс.— Не так ли, Боб?

— Разумеется, пустяки,— ответил мистер Боб Сойер.

— Кстати, Боб,— сказал Хопкинс, украдкой бросив взгляд на мистера Пиквика, слушавшего весьма внимательно,— вчера вечером у нас был любопытный случай. Привели ребенка, который проглотил бусы.

— Что он проглотил, сэр? — перебил мистер Пиквик.

— Бусы,— ответил Джек Хопкинс.— Не все сразу, знаете ли, это было бы уже слишком; даже вы не могли бы этого проглотить, не говоря о ребенке... Не так ли, мистер Пиквик? Ха-ха-ха!

Мистер Хопкинс, казалось, был весьма доволен собственной шуткой и продолжал:

— Послушайте, как было дело. Родители ребенка — бедные люди, живут в переулочке. Старшая сестра ку-

пила бусы, дешевые бусы из больших черных деревянных бусин. Ребенок прельстился игрушкой, утащил бусы, спрятал их, забавлялся ими, перерезал шнурок и проглотил бусину. Ему это показалось ужасно забавным. На следующий день он проглотил еще одну бусину.

— Помилуй бог! — воскликнул мистер Пиквик.— Какая ужасная история! Прошу прощения, сэр. Продолжайте.

— На следующий день ребенок проглотил две бусины; еще через день угостился тремя и так далее и, наконец, через неделю покончил с бусами,— всего было двадцать пять бусин. Сестра, которая была работящей девушкой и редко покупала какие-нибудь украшения, глаза себе выплакала, потеряв бусы, искала их повсюду, но, разумеется, не нашла. Спустя несколько дней семья сидела за обедом — жареная баранья лопатка и картофель; ребенок, который не был голоден, играл тут же в комнате, как вдруг раздался чертовский стук, словно посыпался град. «Не делай этого, мой мальчик»,— сказал отец. «Я ничего не делаю»,— ответил ребенок. «Ну, хорошо, только больше этого не делай»,— сказал отец. Наступила тишина, а затем снова раздался стук, еще громче. «Если ты меня не будешь слушать, то и пикнуть не успеешь, как очутишься в постели!» Он хорошенько встряхнул ребенка, чтобы научить его послушанию, и тут так затарахтело, что поистине никто ничего подобного не слыхивал. «Ах, черт подери, да ведь это у него внутри! — воскликнул отец.— У него крупозный кашель, только не в надлежащем месте!» — «У меня нет никакого крупозного кашля, отец,— сказал ребенок, расплакавшись.— Это бусы, я их проглотил». Отец схватил ребенка на руки и побежал с ним в больницу. Бусины в желудке у мальчика тарахтели всю дорогу от тряски, и люди смотрели на небо и заглядывали в погреба, чтобы узнать, откуда доносятся эти необыкновенные звуки. Теперь ребенок в больнице и такой поднимает шум, когда двигается, что пришлось завернуть его в куртку сторожа, чтобы он не будил больных!

— Это самый удивительный случай, о котором мне когда-либо приходилось слышать,— заявил мистер Пиквик, выразительно ударив кулаком по столу.

— О, это пустяки! — сказал Джек Хопкинс.— Не так ли, Боб?

— Конечно, пустяки,— ответил мистер Боб Сойер.

— Очень странные вещи случаются в нашей профессии, уверяю вас, сэр,— сказал Хопкинс.

— Охотно верю,— ответил мистер Пиквик.

Стук в дверь возвестил о прибытии большеголового молодого человека в черном парике, который привел с собой цинготного юношу, украшенного широким жестким галстуком. Следующим гостем был джентльмен в рубашке, разукрашенной розовыми якорями, а немедленно вслед за ним явился бледный юноша с часовой цепочкой из накладного золота. По прибытии жеманного субъекта в безукоризненном белье и прюнелевых ботинках общество оказалось в полном составе. Столик, покрытый зеленой байкой, был выдвинут, первая порция пунша в белом кувшине подана, и последующие три часа посвящены игре в vingt-et-un пó шесть пенсов за дюжину фишек, прерванной только один раз легким спором между цинготным юношей и джентльменом с розовыми якорями, когда цинготный юноша изъявил пламенное желание дернуть за нос джентльмена с эмблемами надежды, в ответ на что этот последний выразил решительное нежелание принимать какие бы то ни было «угощения» безвозмездно как от вспыльчивого молодого джентльмена с цинготной физиономией, так и от любого индивида, украшенного головой.

Когда были открыты последние «натуральные» * и подсчитаны ко всеобщему удовольствию все выигранные и проигранные фишки и шестипенсовики, мистер Боб Сойер позвонил, чтобы подавали ужин, и, пока шли приготовления к нему, гости толпились по углам комнаты.

Подать ужин было не так легко, как можно предположить. Прежде всего пришлось разбудить служанку, которая крепко заснула, уронив голову на кухонный стол; это заняло некоторое время, а когда, наконец, она явилась на звонок, еще четверть часа ушло на бесплодные попытки раздуть в ней слабую и тусклую искру разума. Торговца, которому заказали устрицы, не предупредили, чтобы он их открыл. Открыть устрицу обыкновенным ножом или вилкой о двух зубцах — дело нелегкое, и уст-

риц съедено было немного. Мало было подано мяса, а также и ветчины (взятой вместе с мясом в немецком колбасном магазине за углом). Зато портеру в оловянном сосуде было много; большое внимание уделили сыру, благо он оказался острым. В общем, ужин вышел не хуже, чем бывают обычно такие ужины.

После ужина на стол был подан второй кувшин пунша вместе с пачкой сигар и двумя бутылками спиртного. Затем наступил мучительный перерыв; этот мучительный перерыв был вызван весьма обычным обстоятельством в такого рода обстановке, но тем не менее он был очень стеснителен.

Дело в том, что служанка мыла стаканы. В доме их было четыре; мы отнюдь не считаем это унизительным для миссис Редль, но не существует еще таких меблированных комнат, где бы хватало стаканов. Хозяйские стаканы были маленькие, из тонкого стекла, а позаимствованные в трактире — большие, раздутые и распухшие стопы на толстых подагрических ножках. Этот факт сам по себе мог открыть обществу истинное положение дел; но молодая служанка предупредила возможность возникновения по этому поводу ложных представлений в уме кого-нибудь из джентльменов, насильно выхватив у каждого стакан задолго до того, как был выпит портер, и заявив во всеуслышание, несмотря на подмигивания и предостережения мистера Боба Сойера, что их следует отнести вниз и немедленно вымыть.

Только очень дурной ветер никому не приносит добра. Жеманный джентльмен в прюнелевых ботинках, который безуспешно пытался острить во время игры, увидел, что ему представляется удобный случай, и воспользовался им. В тот момент, когда исчезли стаканы, он начал длинный рассказ о великом политическом деятеле, чье имя он позабыл, давшем исключительно удачный ответ другому выдающемуся и знаменитому индивиду, чью личность он никогда не мог установить. Он распространялся довольно долго и с большой добросовестностью о различных побочных обстоятельствах, имеющих некоторое отношение к данному анекдоту, но ни за какие блага в мире не мог припомнить именно в этот момент, в чем соль анекдота, хотя он и имел

обыкновение рассказывать его с весьма большим успехом в течение последних десяти лет.

— Ах, боже мой! — сказал жеманный джентльмен в прюнелевых ботинках.— Какой поразительный случай!

— Жаль, что вы забыли,— заметил мистер Боб Сойер, нетерпеливо посматривая на дверь, ибо ему послышался звон стаканов.— Очень жаль!

— Мне тоже жаль,— отвечал жеманный джентльмен,— потому что я знаю, как бы это всех позабавило. Ну, ничего, надеюсь, мне удастся припомнить этак через полчаса.

Жеманный джентльмен пришел к такому выводу в момент появления стаканов, а мистер Боб Сойер, который все время напряженно прислушивался, заявил, что ему очень хотелось бы услышать конец рассказа, ибо, если судить по тому, что было сказано, это наилучший анекдот, какой он когда-либо слышал.

Вид стаканов вернул Бобу Сойеру то душевное равновесие, которое он утратил после свидания со своей квартирной хозяйкой. Его лицо просияло, и он готов был окончательно развеселиться.

— А теперь, Бетси...— весьма учтиво сказал мистер Боб Сойер, распределяя в то же время шумную маленькую группу стаканов, которые девушка поместила в центре стола,— а теперь, Бетси, горячей воды, будьте добры, поскорее.

— Никакой горячей воды вы не получите,— ответила Бетси.

— Не получим? — воскликнул мистер Боб Сойер.

— Да! — сказала девушка, покачав головой, что свидетельствовало об отказе более решительном, чем может выразить самый красноречивый язык.— Миссис Редль не велела давать вам никакой воды.

Изумление, написанное на лицах гостей, вдохнуло новое мужество в хозяина.

— Сейчас же принесите горячей воды, сейчас же! — с отчаянием приказал мистер Боб Сойер.

— Не могу,— ответила девушка.— Миссис Редль выгребла угли из печки перед тем, как лечь спать и заперла котелок.

— О, неважно, неважно! Пожалуйста, не волнуйтесь из-за такого пустяка,— сказал мистер Пиквик, наблюдая борьбу противоречивых чувств, отражавшихся на физиономии Боба Сойера.— Мы прекрасно обойдемся холодной водой.

— О, превосходно! — подхватил мистер Бенджемин Эллен.

— Моя квартирная хозяйка подвержена легким припадкам умственного расстройства,— заметил Боб Сойер с бледной улыбкой.— Боюсь, что придется заявить ей об отказе от помещения.

— Ну, нет! К чему же! — возразил Бен Эллен.

— Боюсь, что придется! — сказал Боб с героической решимостью.— Я ей заплачу то, что должен, и завтра же утром предупрежу.

Бедный малый! Как страстно желал он это сделать!

Мучительные условия мистера Боба Сойера оправиться от этого последнего удара подействовали угнетающе на гостей, бо̀льшая часть которых с целью поднятия духа проявила чрезмерное пристрастие к холодному грогу, первое заметное действие коего сказалось в возобновлении вражды между цинготным юношей и джентльменом в рубашке. Сначала воюющие стороны выражали взаимное презрение хмурыми взглядами и сопением, пока, наконец, цинготный юноша не счел нужным перейти к более ясным объяснениям, и тогда произошел следующий вразумительный разговор:

— Сойер! — громко сказал цинготный юноша.

— В чем дело, Нодди? — отозвался мистер Боб Сойер.

— Мне бы очень не хотелось, Сойер,— сказал мистер Нодди,— говорить неприятные вещи за столом у кого-либо из друзей, и в особенности за вашим столом, Сойер, но я должен воспользоваться случаем и сообщить мистеру Гантеру, что он не джентльмен.

— А мне бы очень не хотелось, Сойер, устраивать беспорядок на улице, где вы живете,— сказал мистер Гантер,— но, боюсь, я буду вынужден потревожить соседей и вышвырнуть из окна субъекта, который только что говорил.

— Что вы хотите этим сказать, сэр? — осведомился мистер Нодди.

— То, что я сказал, сэр,— ответил мистер Гантер.

— Хотел бы я посмотреть, как бы вы это сделали, сэр,— заметил мистер Нодди.

— Вы *почувствуете,* как я это сделаю, через полминуты, сэр,— отозвался мистер Гантер.

— Я требую, чтобы вы дали мне вашу визитную карточку, сэр,— сказал мистер Нодди.

— Я этого не сделаю, сэр,— возразил мистер Гантер.

— Почему, сэр? — осведомился мистер Нодди.

— Потому что вы поставите ее на камине и будете вводить в заблуждение своих гостей, которые подумают, что у вас был с визитом джентльмен, сэр,— ответил мистер Гантер.

— Сэр, один из моих друзей навестит вас завтра утром,— сказал мистер Нодди.

— Сэр, я весьма признателен вам за предупреждение, и мною будет отдано специальное распоряжение прислуге спрятать под замок ложки.

В этот момент вмешались остальные гости и стали доказывать обеим сторонам неприличие их поведения, после чего мистер Нодди попросил запомнить, что его отец был такой же почтенный человек, как и отец мистера Гантера; мистер Гантер ответил, что его отец был такой же почтенный человек, как отец мистера Нодди, и что в любой день недели сын его отца был не хуже мистера Нодди. Так как это заявление, казалось, предвещало возобновление спора, последовало новое вмешательство остальных гостей; со всех сторон послышались возгласы и крики, после чего мистер Нодди постепенно уступил наплыву чувств и признался, что он всегда питал горячую привязанность к мистеру Гантеру. На это мистер Гантер ответил, что, в общем, для него мистер Нодди дороже родного брата; услышав такое признание, мистер Нодди великодушно поднялся со стула и протянул руку мистеру Гантеру. Мистер Гантер пожал ее с трогательной горячностью, и присутствующие единодушно заявили, что весь спор был проведен обеими сторонами в благороднейшем стиле.

— А теперь,— сказал Джек Хопкинс,— не худо было бы спеть что-нибудь, Боб, для поднятия духа.

И Хопкинс, побуждаемый бурными рукоплесканиями, немедленно и громко затянул «Бог да благословит короля» на новый мотив, сложенный из двух других: «Бискайского залива» и «Лягушки» *.

Хор играл существенную роль в пении, а так как каждый джентльмен пел на тот мотив, который лучше знал, эффект получался поистине потрясающий.

В конце припева к первому куплету мистер Пиквик поднял руку, как бы прислушиваясь, и сказал, как только наступило молчание:

— Тише! Прошу прощения. Мне почудилось, будто кто-то кричит с верхней площадки лестницы.

Немедленно воцарилась глубокая тишина. Было замечено, что мистер Боб Сойер сильно побледнел.

— Кажется, опять кричат,— сказал мистер Пиквик.— Будьте добры открыть дверь.

Как только дверь была открыта, все сомнения по этому поводу рассеялись.

— Мистер Сойер! Мистер Сойер! — визжал голос с площадки третьего этажа.

— Это моя квартирная хозяйка,— сказал Боб Сойер, озираясь в великом смятении.— Слушаю, миссис Редль.

— Что это значит, мистер Сойер? — продолжал голос весьма пронзительно и скоропалительно.— Мало вам того, что вы денег за квартиру не платите и вдобавок долгов не возвращаете, а ваши приятели, которые осмеливаются называть себя мужчинами, ругают меня и оскорбляют, вам надо еще весь дом перевернуть вверх дном и в два часа ночи поднимать такой шум, что вот-вот приедет пожарная команда? Гоните этих негодяев!

— Как вам не стыдно! — изрек голос мистера Редля, доносившийся, казалось, из-под одеяла.

— Тебе стыдно! — подхватила миссис Редль.— Почему ты не спустишься вниз и не сбросишь их с лестницы всех до единого? Ты бы это сделал, будь ты мужчиной.

— Я бы это сделал, будь я десятком мужчин, моя милая,— миролюбиво отозвался мистер Редль,— но на их стороне численный перевес, моя милая.

— Тьфу, трус! — отвечала миссис Редль с величайшим презрением.— Намерены вы прогнать этих негодяев, мистер Сойер, или нет?

— Они уходят, миссис Редль, они уходят,— сказал несчастный Боб.— Пожалуй, лучше разойтись,— сообщил мистер Боб Сойер своим друзьям.— Мне кажется, мы слишком шумели.

— Это очень печально,— сказал жеманный джентльмен.— А мы как раз развеселились!

У жеманного джентльмена только что мелькнул проблеск воспоминания об анекдоте, который он забыл.

— С этим трудно примириться,— озираясь, сказал жеманный джентльмен.— Трудно примириться, не правда ли?

— Не следует мириться,— отозвался Джек Хопкинс.— Споем следующий куплет, Боб. Ну-ка!

— Нет, нет, Джек, не нужно,— перебил Боб Сойер.— Это чудесная песня, но лучше нам не петь второго куплета. Очень вспыльчивые люди — жильцы этого дома.

— Может быть, мне подняться наверх и поколотить хозяина? — осведомился Хопкинс.— А может быть, потрезвонить в колокольчик или завыть на лестнице? Вы можете располагать мною, Боб.

— Я глубоко признателен вам, Хопкинс, за вашу дружбу и доброту,— сказал злополучный мистер Боб Сойер,— но, мне кажется, во избежание дальнейших споров мы должны разойтись немедленно.

— Ну, что, мистер Сойер? — раздался пронзительный голос миссис Редль.— Уходят эти грубияны?

— Они ищут свои шляпы, миссис Редль,— ответил Боб.— Сейчас уйдут.

— Уйдут? — повторила миссис Редль, выставляя из-за перил свой ночной чепец как раз в тот момент, когда мистер Пиквик в сопровождении мистера Тапмена вышел из комнаты.— Уйдут! А зачем им было приходить?

— Сударыня...— начал мистер Пиквик, поднимая голову.

— Проваливайте, старый бездельник! — ответила миссис Редль, поспешно сдергивая ночной чепец.— Вы ему в дедушки годитесь, несчастный! Вы хуже их всех!

Мистер Пиквик убедился, что доказывать свою невиновность бессмысленно, и посему поспешно спустился с лестницы и выбежал на улицу, где к нему присоединились мистер Тапмен, мистер Уинкль и мистер Снодграсс. Мистер Бен Эллен, на которого угнетающе подействовали грог и тревога, проводил их до Лондонского моста и во время прогулки поведал мистеру Уинклю, как лицу наиболее подходящему, что он решил перерезать горло любому джентльмену, за исключением мистера Боба Сойера, который осмелится посягать на любовь его сестры Арабеллы. Высказав с подобающей твердостью свое решение исполнить сей мучительный долг брата, он расплакался, надвинул шляпу на глаза и, сделав попытку вернуться домой, стал стучать в дверь конторы рынка Боро, изредка задремывая на ступеньках, и стучал до рассвета в твердой уверенности, что он живет здесь, но позабыл свой ключ.

Когда все гости ушли согласно настойчивой просьбе миссис Редль, злополучный мистер Боб Сойер остался один, чтобы поразмыслить о возможных событиях завтрашнего дня и увеселениях этого вечера.

ГЛАВА XXXIII

Мистер Уэллер-старший высказывает некоторые критические замечания, касающиеся литературного стиля, и с помощью своего сына Сэмюела уплачивает частицу долга преподобному джентльмену с красным носом

Утро тринадцатого февраля, которое,— читатели сего правдивого повествования знают это не хуже, чем мы,— было кануном дня, назначенного для слушания дела миссис Бардл, оказалось беспокойным для мистера Сэмюела Уэллера, непрерывно путешествовавшего от «Джорджа и Ястреба» к дому мистера Перкера и обратно с девяти часов утра и до двух часов дня включительно. Нельзя сказать, чтобы это могло содействовать ходу дела, ибо консультация уже состоялась и план действия, который следовало избрать, был окончательно

выработан; но мистер Пиквик, находясь в состоянии крайнего возбуждения, непрестанно посылал записочки своему поверенному, содержащие один только вопрос: «Дорогой Перкер, все ли идет хорошо?» — на что мистер Перкер неизменно отвечал: «Дорогой Пиквик, все идет хорошо, насколько это возможно». В действительности же, как мы уже намекали, идти было решительно нечему ни хорошо, ни худо, вплоть до судебного заседания, назначенного на следующее утро.

Но людям, которые добровольно обращаются к правосудию или насильственно и впервые привлекаются к суду, можно простить некоторое временное раздражение и беспокойство, и Сэм с подобающим снисхождением к слабостям человеческой природы исполнял все приказания своего хозяина с невозмутимым добродушием и нерушимым спокойствием, обнаруживая тем самым поразительнейшие и приятнейшие свойства своей натуры.

Сэм утешился весьма недурным обедом и ждал у буфетной стойки стакана горячей смеси, в которой мистер Пиквик посоветовал ему утопить усталость, вызванную утренними прогулками, когда юнец ростом около трех футов, в мохнатой шапке и бумазейных штанах, каковой костюм свидетельствовал о похвальном стремлении его владельца занять в будущем высокий пост конюха, вошел в коридор «Джорджа и Ястреба» и оглядел сначала лестницу, затем коридор, а затем заглянул в буфетную, словно отыскивая кого-то для передачи поручения, вслед за сим буфетчица, считая вероятным, что упомянутое поручение может коснуться чайных или столовых ложек гостиницы, обратилась к юнцу:

— Эй, молодой человек, что вам здесь нужно?

— Есть здесь кто-нибудь по имени Сэм? — осведомился юнец громким дискантом.

— А как фамилия? — спросил Сэм Уэллер, оглянувшись.

— Откуда мне знать? — живо откликнулся молодой джентльмен под мохнатой шапкой.

— Вы парень смышленый,— сказал мистер Уэллер,— но, будь я на вашем месте, я бы эту самую смышленость не слишком показывал,— вдруг кто-нибудь ее утащит. Что это значит? Почему вы являетесь в отель

и спрашиваете Сэма с такой вежливостью, как будто вы дикий индеец?

— Потому что мне приказал старый джентльмен,— ответил мальчик.

— Какой старый джентльмен? — с глубоким презрением осведомился Сэм.

— Тот, который ездит с ипсуичской каретой и останавливается у нас,— отозвался мальчик.— Вчера утром он мне сказал, чтобы я пошел сегодня к «Джорджу и Ястребу» и спросил Сэма.

— Это мой отец, моя милая,— пояснил мистер Уэллер, обращаясь к молодой леди за буфетной стойкой.— Черт побери! Пожалуй, он и в самом деле забыл мою фамилию. Ну-с, молодой барсук, что дальше?

— А дальше то,— сказал юнец,— что вы должны прийти к нему в шесть часов в нашу гостиницу, потому что он хочет вас видеть,— «Синий Боров», Леднхоллский рынок. Сказать ему, что вы придете?

— Рискните сообщить ему это, сэр,— ответил Сэм.

Получив такие полномочия, юный джентльмен удалился и разбудил при этом все эхо во дворе «Джорджа», изобразив несколько раз, с удивительной чистотою и точностью, свист погонщика скота голосом, отличавшимся своеобразной полнотой и звучностью.

Мистер Уэллер, получив отпуск у мистера Пиквика, который, находясь в возбужденном и тревожном состоянии, был отнюдь не прочь остаться один, отправился в путь задолго до назначенного часа и, имея в своем распоряжении много времени, добрел до Меншен-Хауса, где остановился и с философическим спокойствием стал созерцать многочисленных омнибусных кондукторов и кучеров, которые собираются около этого знаменитого и людного места к великому ужасу и смятению старых леди, населяющих эти края. Прослонявшись здесь около получаса, мистер Уэллер повернул и направил свои стопы к Леднхоллскому рынку, пробираясь боковыми улицами и переулками. Так как он слонялся, чтобы убить время, и разглядывал чуть ли не каждый предмет, попадавшийся ему на глаза, то ничего нет удивительного в том, что он остановился перед маленькой витриной торговца канцелярскими принадлежностями и кар-

тинками; но без дальнейших объяснений покажется странным, что едва взгляд его упал на кое-какие картинки, выставленные на продажу, как он вдруг встрепенулся, хлопнул себя очень сильно по правой ляжке и энергически воскликнул:

— Не будь здесь этого, я бы так ни о чем и не вспомнил, а потом было бы слишком поздно!

Картинка, с которой не спускал глаз Сэм Уэллер, произнося эти слова, была весьма красочным изображением двух человеческих сердец, скрепленных вместе стрелой и поджаривавшихся на ярком огне, в то время как чета людоедов в современных костюмах — джентльмен в синей куртке и белых брюках, а леди в темно-красной шубе, с зонтом того же цвета — приближались с голодным видом к жаркому по извилистой песчаной дорожке. Явно нескромный молодой джентльмен, одеянием которого служила только пара крыльев, был изображен в качестве надзирающего за стряпней; шпиль церкви на Ленгхем-плейс, Лондон, виднелся вдали, а все вместе было «валентинкой» *, и таких «валентинок», как гласило объявление, в лавке имелся большой выбор, причем торговец обещал продавать их своим соотечественникам по пониженной цене — полтора шиллинга за штуку.

— Я бы забыл об этом! Конечно, я бы забыл об этом! — сказал Сэм; и с этими словами он немедленно вошел в лавку канцелярских принадлежностей и потребовал, чтобы ему дали лист лучшей писчей бумаги с золотым обрезом и твердо очиненное перо, с ручательством, что оно не будет брызгать. Быстро получив эти предметы, он пошел прямо к Леднхоллскому рынку энергическим ровным шагом, резко отличавшимся от его недавних медлительных шагов. Оглянувшись, он увидел вывеску, на которой талантливый живописец изобразил нечто отдаленно напоминающее небесно-голубого слона с горбатым носом вместо хобота. Правильно заключив, что это и есть «Синий Боров», он вошел и осведомился о своем родителе.

— Он здесь будет не раньше, чем через три четверти часа,— сказала молодая леди, которая ведала домашним хозяйством «Синего Борова».

— Отлично, моя дорогая,— ответил Сэм.— Будьте добры, мисс, дайте мне на девять пенсов тепловатого грогу и чернильницу.

Когда теплый грог и чернильница были доставлены в маленькую гостиную и молодая леди старательно выровняла угли, чтобы они не пылали, и унесла кочергу, дабы нельзя было их размешивать без ведома «Синего Борова» и без предварительного его разрешения, Сэм Уэллер уселся за перегородку у печки и вынул лист писчей бумаги с золотым обрезом и остро очиненное перо. Затем, посмотрев внимательно, нет ли на пере волоска, и вытерев стол, дабы не оказалось хлебных крошек под бумагой, Сэм засучил обшлага куртки, раздвинул локти и приготовился писать.

Для леди и джентльменов, которые не имеют привычки посвящать себя искусству каллиграфии, написать письмо — нелегкая задача; в таких случаях всегда признается необходимым для пишущего склонить голову к левому плечу так, чтобы глаза находились по возможности на одном уровне с бумагой, и, поглядывая сбоку на буквы, какие он сооружает, одновременно выводить языком соответствующие воображаемые письмена. Хотя такие движения бесспорно благоприятствуют в высокой степени оригинальному творчеству, однако они в некоторой мере замедляют процесс писания; и Сэм, сам того не ведая, добрых полтора часа выписывал слова мелким почерком, стирал мизинцем неудавшиеся буквы и вписывал новые, которые нужно было обводить по нескольку раз, чтобы разглядеть их сквозь старые кляксы, как вдруг его внимание было отвлечено распахнувшейся дверью и появлением родителя.

— Здорово, Сэмми! — сказал отец.

— Здорово, мой лазоревый! — отозвался сын, кладя перо.— Каков последний бюллетень о мачехе?

— Миссис Веллер очень хорошо провела ночь, но на редкость несговорчива и неприятна сегодня утром. Это клятвенно удостоверяет Т. Веллер-старший, эсквайр. Вот последний бюллетень, Сэмми,— ответил мистер Уэллер, разматывая шарф.

— И никакого улучшения? — осведомился Сэм.

— Все симптомы угрожающие,— отозвался мистер

Уэллер, покачивая головой.— Ну, а ты что тут поделываешь? Туговато дается наука, Сэмми?

— Я уже кончил,— сказал Сэм с легким замешательством.— Я писал.

— Это я вижу,— отозвался мистер Уэллер.— Надеюсь, не молодой женщине, Сэмми?

— Что толку отрицать! — сказал Сэм.— Это валентинка.

— Что? — воскликнул мистер Уэллер, явно устрашенный этим словом.

— Валентинка,— повторил Сэм.

— Сэмивел, Сэмивел! — сказал мистер Уэллер укоризненным тоном.— Не думал я, что ты способен на это! После того, как у тебя перед глазами был пример твоего отца, отдавшегося дурным наклонностям, после всего, что я тебе говорил об этом деле, после того, как ты повидал свою собственную мачеху и побывал в ее обществе! А я-то полагал, что это такой нравственный урок, которого человек не забудет до своего смертного часа! Не думал, что ты можешь это сделать, Сэмми, не думал, что ты можешь это сделать!

Такие размышления оказались не под силу доброму старику. Он поднес ко рту стакан Сэма и выпил залпом.

— Что, полегчало? — спросил Сэм.

— Как будто, Сэмми,— отозвался мистер Уэллер.— Мучительное это будет испытание для меня в мои годы, но я довольно-таки жилист, а это единственное утешение, как заметил очень старый индюк, когда фермер сказал, как бы не пришлось его зарезать для Лондонского рынка.

— Какое испытание? — полюбопытствовал Сэм.

— Видеть тебя женатым, Сэмми, видеть тебя одураченной жертвой, воображающей по наивности, будто все очень хорошо,— объявил мистер Уэллер.— Это жестокое испытание для отцовских чувств, Сэмми, вот оно что.

— Вздор! — сказал Сэм.— Я не намерен жениться... Не расстраивайтесь. Вы, кажется, знаток в таких делах. Потребуйте свою трубку, и я вам прочту письмо. Вот!

Мы не можем сказать определенно, предвкушение ли трубки, или утешительное соображение, что фатальная склонность к женитьбе была фамильной чертой,

успокоило чувства мистера Уэллера и утишило его скорбь. Мы скорее склонны предположить, что этот результат был достигнут благодаря обоим источникам утешения, ибо о втором он твердил тихим голосом, звоня тем временем в колокольчик, чтобы потребовать первый. Затем он освободился от верхней одежды и, закурив трубку и расположившись спиной к камину, чтобы пользоваться всем его теплом и в то же время прислоняться к каминной полке, повернулся к Сэму и с физиономией, значительно смягчившейся от благотворного действия табака, предложил ему «катать».

Сэм окунул перо в чернила, приготовляясь вносить поправки, и начал с весьма театральным видом:

— «Милое...»

— Стоп! — сказал мистер Уэллер, звоня в колокольчик.— Двойной стакан, как всегда, моя милая.

— Очень хорошо, сэр,— отвечала девушка, которая с удивительным проворством появилась, исчезла, вернулась и снова скрылась.

— Здесь как будто знают ваши привычки,— заметил Сэм.

— Да,— отозвался отец.— Я здесь бывал в свое время. Продолжай, Сэмми.

— «Милое создание...» — повторил Сэм.

— Уж не стихи ли это? — перебил отец.

— Нет,— ответил Сэм.

— Очень рад это слышать,— сказал мистер Уэллер.— Стихи ненатуральная вещь. Никто не говорит стихами, разве что приходский сторож, когда он является за святочным ящичком *, или уорреновская вакса * да ролендовское масло *, а не то какой-нибудь плаксивый парень. Никогда не опускайся до поэзии, мой мальчик! Начинай сначала, Сэмми!

Мистер Уэллер взял трубку с видом критическим и глубокомысленным, а Сэм начал снова и прочитал следующее:

— «Милое создание, я чувствую себя обмоченным...»

— Это неприлично,— сказал мистер Уэллер, вынимая изо рта трубку.

— Нет, это не «обмоченный»,— заметил Сэм, под-

нося письмо к свечке,— это «озабоченный», но тут клякса. «Я чувствую себя озабоченным».

— Очень хорошо,— сказал мистер Уэллер.— Валяй дальше.

— «Я чувствую себя озабоченным и совершенно одур...» Забыл, какое тут стоит слово,— сказал Сэм, почесывая голову пером и тщетно пытаясь припомнить.

— Так почему же ты не посмотришь, что там написано? — полюбопытствовал мистер Уэллер.

— Да я и смотрю,— ответил Сэм,— но тут еще одна клякса. Вот «о», а вот «д» и «р».

— Должно быть, «одураченным»,— сказал мистер Уэллер.

— Нет, это не то,— сказал Сэм,— «одурманенным» — вот оно что.

— Это слово не так подходит, как «одураченный»,— серьезно заметил мистер Уэллер.

— Вы думаете? — осведомился Сэм.

— Куда уж там! — откликнулся отец.

— А вам не кажется, что в нем смысла больше? — спросил Сэм.

— Ну, пожалуй, оно понежней будет,— подумав, сказал мистер Уэллер.— Валяй дальше, Сэмми.

— «...чувствую себя озабоченным и совершенно одурманенным, обращаясь к вам, потому что вы славная девушка, и конец делу».

— Это очень красивая мысль,— сказал мистер Уэллер-старший, вынимая трубку изо рта, чтобы сделать это замечание.

— Да, мне тоже кажется, что оно неплохо вышло,— заметил Сэм, весьма польщенный.

— Что мне больше всего нравится в таком вот слоге,— продолжал мистер Уэллер-старший,— так это то, что тут нет никаких непристойных прозвищ, никаких Венер или чего-нибудь в этом роде. Что толку называть молодую женщину Венерой или ангелом, Сэмми?

— Вот. именно! — согласился Сэм.

— Ты можешь называть ее грифоном, или единорогом, или уж сразу королевским гербом, потому что, как всем известно, это коллекция диковинных зверей,— добавил мистер Уэллер.

— Правильно,— подтвердил Сэм.

— Кати дальше, Сэмми,— сказал мистер Уэллер.

Сэм исполнил просьбу и стал читать, а его отец продолжал курить с видом глубокомысленным и благодушным, что было весьма назидательно.

— «Пока я вас не увидел, я думал, что все женщины одинаковы».

— Так оно и есть,— заметил в скобках мистер Уэллер-старший.

— «Но теперь,— продолжал Сэм,— теперь я понял, какой я был регулярно безмозглый осел, потому что никто не походит на вас, хотя вы подходите мне больше всех...» Мне хотелось выразиться тут посильнее,— сказал Сэм, поднимая голову.

Мистер Уэллер кивнул одобрительно, и Сэм продолжал:

— «И вот я пользуюсь привилегией этого дня, моя милая Мэри,— как сказал джентльмен по уши в долгах, выходя из дома в воскресенье,— чтобы сказать вам, что в первый и единственный раз, когда я вас видел, ваш портрет отпечатался в моем сердце куда скорее и красивее, чем делает портрет профильная машина (о которой вы, может быть, слыхали, моя милая Мэри), хотя она его заканчивает и вставляет в рамку под стеклом с готовым крючком, чтобы повесить, и все это в две с четвертью минуты».

— Боюсь, что тут пахнет стихами, Сэмми,— подозрительно сказал мистер Уэллер.

— Нет, не пахнет,— ответил Сэм и продолжал читать очень быстро, чтобы ускользнуть от обсуждения этого пункта: — «Возьмите меня, моя милая Мэри, своим Валентином и подумайте о том, что я сказал. Моя милая Мэри, а теперь я кончаю». Это все,— сказал Сэм.

— Что-то очень уж неожиданно затормозил, а, Сэмми? — осведомился мистер Уэллер.

— Ничуть не бывало,— возразил Сэм.— Тут ей и захочется, чтобы еще что-нибудь было, а это и есть большое умение писать письма.

— Пожалуй, оно верно,— согласился мистер Уэллер,— и хотел бы я, чтобы твоя мачеха следовала при

разговоре такому славному правилу. А разве ты не подпишешься?

— Вот тут-то и загвоздка! — сказал Сэм.— Не знаю, как подписаться.

— Подпишись — Веллер,— посоветовал старейший представитель этой фамилии.

— Не годится,— возразил Сэм.— Никогда не подписывают валентинку своей настоящей фамилией.

— Ну, тогда подпиши «Пиквик»,— сказал мистер Уэллер.— Это очень хорошее имя и легко пишется.

— Вот это дело,— согласился Сэм.— Я бы мог закончить стишком, как вы думаете?

— Мне это не нравится, Сэм,— возразил мистер Уэллер.— Я не знавал ни одного почтенного кучера,

который бы писал стихи. Вот только один написал трогательные стишки накануне того дня, когда его должны были повесить за грабеж на большой дороге; ну, да он был из Кемберуэла, так что это не в счет.

Но Сэм не хотел отказаться от поэтической идеи, пришедшей ему в голову, и подписал письмо:

«Полюбил вас в миг
Ваш *Пиквик*».

Сложив его весьма замысловато, он нацарапал наискось адрес в углу: «Мэри, горничной у мистера Напкинса, мэра, Ипсуич, Саффок», запечатал облаткой и сунул его в карман, готовое для сдачи на почтамт. Когда покончено было с этим важным вопросом, мистер Уэллер-старший приступил к тому, ради чего вызвал сына.

— Первое дело о твоем хозяине, Сэмми,— сказал мистер Уэллер.— Завтра его будут судить.

— Будут судить,— подтвердил Сэм.

— Ну, так вот,— продолжал мистер Уэллер,— я полагаю, что ему понадобится вызвать свидетелей, чтобы те потолковали о его репутации или, может быть, доказали алиби. Я это дело обмозговал, так что он может не беспокоиться, Сэмми. Есть у меня приятели, которые сделают для него и то и другое, но мой совет такой: наплевать на репутацию и держаться за алиби. Нет ничего лучше алиби, Сэмми, ничего.

У мистера Уэллера был весьма глубокомысленный вид, когда он высказывал это юридическое соображение; и, погрузив нос в стакан, он подмигнул поверх него изумленному сыну.

— Да вы о чем толкуете? — спросил Сэм.— Уж не думаете ли вы, что его будут судить в Олд-Бейли?

— Наших обсуждений это не касается, Сэмми,— возразил мистер Уэллер.— Где бы его не судили, мой мальчик, алиби — как раз такая штука, которая поможет ему выпутаться. С алиби мы выручили Тома Уайльдспарка, которого судили за смертоубийство, а длинные парики все до единого сказали, что его ничто не спасет. И вот мое мнение, Сэмми: если твой хозяин не докажет алиби, придется ему, как говорят итальянцы, регулярно влопаться, и конец делу.

Так как мистер Уэллер-старший придерживался твердого и непоколебимого убеждения, что Олд-Бейли является высшей судебной инстанцией в стране и что его правила и процедура регулируют и контролируют делопроизводство всех других судов, то он решительно пренебрег уверениями и доводами сына, пытавшегося объяснить, что алиби неприемлемо, и энергически заявил, что мистера Пиквика «сделают жертвой». Убедившись, сколь бессмысленно продолжать разговор на эту тему, Сэм заговорил о другом и спросил, что это за второе дело, о котором его почтенный родитель хотел потолковать с ним.

— Это уже пункт семейной политики,— сообщил мистер Уэллер.— Этот-вот Стиггинс...

— Красноносый? — осведомился Сэм.

— Он самый,— отвечал мистер Уэллер.— Так вот этот красноносый парень, Сэмми, навещает твою мачеху с такой любезностью и постоянством, каких я еще не видывал. Он такой друг дома, Сэмми, что когда он от нас уходит, у него на душе неспокойно, если не прихватит чего-нибудь на память о нас.

— А будь я на вашем месте, я бы что-нибудь такое ему дал, чтоб оно наскипидарило и навощило ему память на десять лет,— перебил Сэм.

— Подожди минутку,— продолжал мистер Уэллер.— Я хотел сказать, что теперь он всегда приносит плоскую флягу, в которую вмещается пинты полторы, и наполняет ее ананасным ромом, перед тем как уйти.

— И, должно быть, выпивает ее перед тем, как вернуться? — предположил Сэм.

— До дна! — ответил мистер Уэллер.— Никогда не оставляет в ней ничего, кроме пробки и запаха, уж можешь на него положиться, Сэмми. Так вот эти самые ребята, мой мальчик, устраивают сегодня вечером месячное собрание Бриклейнского отделения Объединенного великого Эбенизерского общества трезвости. Твоя мачеха хотела пойти, Сэмми, да схватила ревматизм и не пойдет, а я, Сэмми... я забрал два билета, которые были присланы ей.

Мистер Уэллер сообщил секрет с большим удовольствием и при этом подмигивал столь неутомимо, что Сэм

предположил, не начинается ли у него в веке правого глаза tic douloureux [1].

— Ну и что? — спросил молодой джентльмен.

— Так вот,— продолжал его родитель, осторожно озираясь,— мы вместе отправляемся и попадем туда пунктуально к сроку, а заместитель пастыря не попадет, Сэмми, заместитель пастыря не попадет.

Тут с мистером Уэллером начался припадок сдавленного смеха, который постепенно перешел в приступ удушья, небезопасный для пожилого джентльмена.

— За всю свою жизнь никогда не видел такого старого чудака! — воскликнул Сэм, растирая спину пожилого джентльмена с такой силой, что тот мог воспламениться от трения.— Чего вы так хохочете, толстяк вы этакий?

— Тише, Сэмми! — сказал мистер Уэллер, озираясь с сугубой осторожностью и говоря шепотом.— Двое моих приятелей, что работают на Оксфордской дороге и готовы на всякую штуку, взяли заместителя на буксир, Сэмми, а когда он придет в Эбенизерское общество (а он наверняка придет, потому что они доведут его до двери и впихнут, если понадобится), он будет так наполнен ромом, как никогда не бывал у «Маркиза Гренби» в Доркинге, а это дело нешуточное.

И мистер Уэллер снова неудержимо захохотал, в результате чего снова едва не задохся.

Ничто не могло больше прийтись по вкусу Сэму Уэллеру, чем задуманное разоблачение подлинных склонностей и качеств красноносого, а так как приближалось время, назначенное для собрания, то отец и сын немедленно отправились в Брик-лейн. По дороге Сэм не забыл занести свое письмо в почтовую контору.

Ежемесячные собрания Бриклейнского отделения Объединенного великого Эбенизерского общества трезвости происходили в большой комнате, приятно и удобно расположившейся в конце надежной и удобной лестницы. Председателем был «ровной дорогой идущий» мистер Энтони Хамм, обращенный пожарный, а ныне школьный учитель

---

[1] Болезненное подергиванье (*франц.)*.

и при случае странствующий проповедник, а секретарем — мистер Джонес Мадж, мелочной торговец, сосуд энтузиазма и бескорыстия, продававший чай членам. Явившись заблаговременно, леди сидели на скамьях и пили чай вплоть до того момента, когда считали целесообразным прекратить это занятие. На видном месте, на зеленом сукне письменного стола, помещался большой деревянный ящик для денег; секретарь стоял за столом и благодарил милостивой улыбкой за каждое добавление к богатым залежам меди, таившимся внутри.

На этот раз леди пили чай в устрашающем количестве, к великому ужасу мистера Уэллера-старшего, который, не обращая ни малейшего внимания на предостерегающие толчки Сэма, озирался по сторонам с самым откровенным изумлением.

— Сэмми! — прошептал мистер Уэллер.— Если коекого из этих людей не придется лечить завтра от водянки, я не отец тебе, помяни мое слово. Вот эта старая леди рядом со мной хочет утопиться в чае.

— Неужели вы не можете помолчать? — тихо отозвался Сэм.

— Сэм,— прошептал через секунду мистер Уэллер глубоко взволнованным голосом,— запомни мои слова, мой мальчик: если этот-вот секретарь не остановится через пять минут, он лопнет от гренков и воды.

— Ну что ж, пусть лопнет, если ему это нравится,— ответил Сэм.— Это не ваше дело.

— Если это протянется еще дольше, Сэмми,— сказал мистер Уэллер все так же тихо,— я сочту своим долгом, долгом человеческого существа, встать и обратиться к председателю. Вон та молодая женщина, через две скамьи, выпила девять с половиной чайных чашек; она пухнет на моих глазах.

Можно не сомневаться в том, что мистер Уэллер не замедлил бы осуществить свое благое намерение, если бы оглушительный шум, вызванный стуком чашек и блюдец, не возвестил весьма кстати об окончании чаепития. Посуду унесли, стол, покрытый зеленым сукном, выдвинули на середину комнаты, и деловая часть заседания была открыта темпераментным человечком с лысой головой, в темно-серых коротких штанах, который вне-

запно взбежал по лестнице, неминуемо рискуя сломать ноги, облаченные в темно-серые штанишки, и сказал:

— Леди и джентльмены, я предлагаю выбрать председателем нашего славного брата, мистера Хамма!

При этом предложении леди начали размахивать изысканной коллекцией носовых платков, и стремительный человечек буквально потащил мистера Хамма к креслу, взяв его за плечи и толкнув к остову из красного дерева, некогда являвшемуся вышеупомянутым предметом обстановки. Размахиванье носовыми платками возобновилось, и мистер Хамм, прилизанный человек с бледным, всегда потным лицом, смиренно поклонился — к великому восторгу особ женского пола — и церемонно занял свое место. Затем человечек в темно-серых штанишках потребовал тишины, а мистер Хамм поднялся и сказал, что с разрешения братьев и сестер Бриклейнского отделения, ныне здесь присутствующих, секретарь прочитает отчет комитета Бриклейнского отделения. Предложение было встречено новой демонстрацией носовых платков.

После того как секретарь весьма внушительно чихнул, а кашель, который неизменно овладевает собранием, когда предстоит что-нибудь интересное, в надлежащее время прекратился, был прочитан следующий документ:

«ОТЧЕТ КОМИТЕТА БРИКЛЕЙНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ОБЪЕДИНЕННОГО ВЕЛИКОГО ЭБЕНИЗЕРСКОГО
ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ

В течение истекшего месяца наш Комитет продолжал свои благородные труды и с невыразимым удовольствием имеет сообщить о следующих новых случаях обращения на путь трезвости:

Г. Уокер, портной, жена и двое детей. Признается, что, находясь в лучшем материальном положении, имел привычку пить эль и пиво; говорит, что не уверен в том, не случалось ли ему на протяжении двадцати лет отведывать аккуратно два раза в неделю «песьего носа», каковое питье, по наведенным нашим Комитетом справкам, состоит из теплого портера, сахара, джина и мускатного ореха. (Стон и восклицание пожилой особы женского пола: «Правильно!») В настоящее время без работы и

без денег; думает, что в этом виноват портер (рукоплескания) или частичная потеря трудоспособности — повреждение правой руки; не уверен, какая из этих причин подлинная, но считает весьма возможным, что если бы он всю жизнь пил только воду, его товарищ по работе не воткнул бы ему в руку заржавленной иглы, что и послужило непосредственной причиной несчастного случая. (Восторженные возгласы.) В настоящее время у него для питья нет ничего, кроме холодной воды, и он никогда не испытывает жажды. (Оглушительные рукоплескания.)

Бетси Мартин, вдова, один ребенок, один глаз. Занимается поденной работой и стиркой; об одном глазе — от рождения, но знает, что ее мать пила портер, и не удивилась бы, если бы оказалось, что это послужило причиной ее одноглазия. (Восторженные возгласы.) Не исключает возможности, что если бы сама всегда воздерживалась от спиртных напитков, у нее могло бы быть в настоящее время два глаза. (Громкие рукоплескания.) Прежде получала за работу восемнадцать пенсов в день, пинту портера и стакан водки, но с той поры, как стала членом Бриклейнского отделения, требует вместо этого три шиллинга и шесть пенсов. (Сообщение об этом весьма интересном факте было принято с бурным энтузиазмом.)

Генри Беллер много лет был провозглашателем тостов на общественных обедах и в течение этого времени пил в большом количестве заграничные вина; нередко уносил с собой одну-две бутылки; не совсем уверен в этом, но не сомневается, что выпивал содержимое бутылок, когда уносил их. Состояние духа у него всегда меланхолическое, у него постоянный жар и вследствие этого — непрерывная жажда; думает, что в этом виновато вино, которое он имел обыкновение пить. (Рукоплескания.) В настоящее время без места и никогда в рот не берет ни капли заграничных вин. (Оглушительные рукоплескания.)

Томас Бартон — поставщик конины для кошек лорд-мэра, шерифов и многих членов городского совета. (Упоминание об этом джентльмене встречено было с глубочайшим вниманием.) У него деревянная нога; находит, что деревянная нога обходится дорого вследствие необходимости ходить по камням; всегда приобретал подержанные деревянные ноги и аккуратно каждый вечер выпи-

вал стакан горячего джина с водой, иногда два. (Глубокие вздохи.) Нашел, что подержанные деревянные ноги расщепляются и гниют очень быстро; твердо убежден, что на них вредно отражается джин с водою. (Длительные рукоплескания.) Теперь покупает новые деревянные ноги и не пьет ничего, кроме воды и жидкого чая. Новые ноги служат вдвое дольше, и он объясняет это исключительно своим воздержным образом жизни». (Торжествующие возгласы.)

Затем Энтони Хамм предложил собранию развлечься пением. С целью доставить членам разумное и духовное наслаждение, брат Мордлин приспособил прекрасные слова «Кто не слышал о юном веселом гребце?» к мотиву Сотого псалма, каковые он и предлагал собранию пропеть вместе с ним. (Громкие рукоплескания.) Он мог воспользоваться случаем и высказать твердое свое убеждение, что покойный мистер Дибдин *, признав прежние свои ошибки, написал эту балладу с целью показать преимущества воздержания. Это — гимн трезвости. (Буря рукоплесканий.) Опрятная одежда молодого человека, его умение грести, завидное состояние духа, которое позволяло ему, выражаясь прекрасными словами поэта,

И не думать, а только грести,—

все это вместе взятое доказывало, что он пил одну воду. (Рукоплескания.) О, какое добродетельное, веселое расположение духа! (Восторженные возгласы.) А какова награда, полученная молодым человеком? Пусть все присутствующие здесь молодые люди заметят следующее:

И сбегались все девушки к лодке его.

(Громкие возгласы, подхваченные леди.) Какой блестящий пример! Сестры, девушки, сбегающиеся к молодому гребцу и побуждающие его плыть по течению долга и трезвости. Но одни ли только девушки скромных семейств утешали, успокаивали и поддерживали его? Нет!

Он был первым гребцом горожанок-красавиц.

(Оглушительные рукоплескания.) Слабый пол, все до единого мужчины...— он просит прощения,— до единой женщины...— сплотился вокруг молодого гребца и от-

вернулся с отвращением от пьющего спиртные напитки. (Рукоплескания.) Братья Бриклейнского отделения — гребцы. (Рукоплескания и смех.) Эта комната — их лодка, аудитория — прекрасные девушки, и он (мистер Энтони Хамм), хотя и не достоин такой чести,— «первый гребец». (Взрыв рукоплесканий.)

— Кого он разумеет под слабым полом, Сэмми? — шепотом осведомился мистер Уэллер.

— Женщин,— сказал Сэм тоже шепотом.

— Тут он не ошибается,— заметил мистер Уэллер.— Должно быть, они и в самом деле слабый пол, очень даже слабый пол, если дают себя одурачивать таким молодцам, как этот.

Дальнейшие замечания возмущенного старого джентльмена были прерваны пением, причем мистер Энтони Хамм прочитывал предварительно по два стиха для сведения тех своих слушателей, которые были незнакомы с песней. Во время пения человечек в темно-серых штанишках исчез; он вернулся, как только пение было закончено, и с весьма многозначительным видом шепнул что-то мистеру Энтони Хамму.

— Друзья мои,— сказал мистер Хамм, умоляюще поднимая руку, дабы призвать к молчанию тех полных старых леди, которые отстали на один-два стиха,— делегат от Доркингского отделения нашего общества, брат Стиггинс, ждет внизу.

Снова заволновались носовые платки — и с еще бо̀льшим энтузиазмом, ибо мистер Стиггинс был исключительно популярен среди женского населения Брик-лейна.

— Я думаю, он может войти,— сказал мистер Хамм, озираясь с довольной улыбкой.— Брат Теджер, введите его, он передаст нам свои приветствия.

Человечек в темно-серых штанишках, который откликался на имя «брат Теджер», стремительно сбежал по лестнице, и тотчас же вслед за этим в зале услышали, как он поднимается с преподобным мистером Стиггинсом.

— Он идет, Сэмми,— прошептал мистер Уэллер, багровый от сдерживаемого смеха.

— Не говорите мне ни слова,— отозвался Сэм,— потому что я этого не выдержу. Он уже у самой двери. Я слышу, как он бьется головой об доски и штукатурку...

Сэм Уэллер не успел закончить фразу, как маленькая дверь распахнулась, и появился брат Теджер в сопровождении преподобного мистера Стиггинса, который едва успел войти, как начались оглушительные рукоплескания, топот и размахивание носовыми платками. На все эти проявления восторга брат Стиггинс не ответил ничем, кроме напряженной улыбки и дикого взгляда, устремленного на кончик свечи, стоявшей на столе, при этом он всем телом раскачивался из стороны в сторону, весьма неровно и неуверенно.

— Вы нездоровы, брат Стиггинс? — прошептал мистер Энтони Хамм.

— Я в полном порядке, сэр,— ответил мистер Стиггинс голосом свирепым и чрезвычайно хриплым.— Я в полном порядке, сэр.

— О, очень приятно,— отозвался мистер Энтони Хамм, отступая на несколько шагов.

— Надеюсь, никто здесь не посмеет сказать, что я не в порядке, сэр? — сказал мистер Стиггинс.

— О, конечно, никто,— согласился мистер Хамм.

— И не советую говорить, сэр! И не советую! — воскликнул мистер Стиггинс.

Тем временем в комнате наступила полная тишина, все ждали с некоторой тревогой возобновления прерванных занятий.

— Не желаете ли вы обратиться с речью к собранию, брат? — с любезной улыбкой осведомился мистер Хамм.

— Нет, сэр,— возразил мистер Стиггинс.— Нет, сэр, не желаю, сэр.

Присутствующие широко раскрытыми глазами посмотрели друг на друга, и шепот изумления пробежал по комнате.

— По моему мнению, сэр,— сказал мистер Стиггинс, расстегивая сюртук и говоря очень громко,— по моему мнению, сэр, все здесь пьяны, сэр. Брат Теджер, сэр! — сказал мистер Стиггинс, вдруг свирепея и круто поворачиваясь к человечку в темно-серых штанишках.— Вы пьяны, сэр!

С этими словами мистер Стиггинс, побуждаемый похвальным желанием повысить трезвость собрания и ис-

ключить из него всех недостойных членов, ударил брата Теджера в нос столь метко, что темно-серые штанишки исчезли с молниеносной быстротой. Брат Теджер полетел вниз головой с лестницы.

Вслед за этим женщины разразились громкими и жалобными воплями и, бросившись к своим возлюбленным братьям, обхватили их руками, чтобы защитить от опасности. Образец привязанности, едва не оказавшейся фатальной для Хамма, который благодаря своей популярности был почти удушен толпой ханжей женского пола, висевших у него на шее и осыпавших его ласками. Бо̀льшая часть свечей погасла, и в зале воцарились шум и смятение.

— Ну, Сэмми,— сказал мистер Уэллер, неторопливо снимая пальто,— ступай и приведи сторожа.

— А вы что будете тем временем делать? — осведомился Сэм.

— Не беспокойся обо мне, Сэмми,— ответил старый джентльмен.— Я сведу маленькие счеты с этим-вот Стиггинсом!

Не успел Сэм вмешаться, как его героический родитель пробился в дальний угол комнаты и с ловкостью боксера атаковал преподобного мистера Стиггинса.

— Проваливайте! — воскликнул Сэм.

— Выходите! — крикнул мистер Уэллер и, не повторяя приглашения, хлопнул мистера Стиггинса предварительно по голове и начал весело приплясывать вокруг него, как пробковый бакан на волнах, что было поистине чудом для джентльмена его возраста.

Убедившись, что все возражения не достигают цели, Сэм нахлобучил шапку, перекинул через руку отцовское пальто и, схватив старика за талию, насильно стащил его с лестницы и вывел на улицу, не отпуская его и не позволяя ему останавливаться, пока они не дошли до угла. Добравшись туда, они услышали крики толпы, наблюдавшей, как преподобного мистера Стиггинса препровождают на ночь в надежное помещение, и до них донесся шум, вызванный рассыпавшимися во все стороны членами Бриклейнского отделения Объединенного великого Эбенизерского общества трезвости.

ГЛАВА XXXIV

целиком посвящена полному и правдивому отчету о памятном судебном процессе Бардл против Пиквика

— Хотел бы я знать, что ел сегодня за завтраком старшина присяжных, кто бы он ни был,— сказал мистер Снодграсс с целью поддержать разговор в чреватое последствиями утро четырнадцатого февраля.

— Да,— ответил Перкер,— надеюсь, он хорошо позавтракал.

— Почему это вас интересует? — осведомился мистер Пиквик.

— Чрезвычайно важно. Очень важно, уважаемый сэр,— отвечал Перкер.— Благодушный, удовлетворенный, плотно позавтракавший присяжный — факт капитальный, которым нехудо заручиться. Недовольные или голодные присяжные, уважаемый сэр, всегда решают в пользу истца.

— Помилуй бог,— сказал мистер Пиквик с растерянным видом,— почему же это так?

— Право, не знаю,— хладнокровно отозвался маленький человечек.— Полагаю, для сбережения времени. Как только приближается час обеда, когда присяжные удаляются на совещание, старшина присяжных вынимает часы и говорит: «Ах, боже мой, джентльмены, объявляю, что уже без десяти пять! Я обедаю в пять, джентльмены».— «Я тоже»,— говорят остальные, за исключением двоих, которым полагалось обедать в три, и поэтому они еще больше торопятся домой. Старшина улыбается и прячет часы. «Ну-с, джентльмены, так как же мы решим — истец или ответчик, джентльмены? Я склонен думать, насколько я могу судить, джентльмены,— повторяю, я склонен думать,— пусть это не влияет на ваше мнение,— я *склонен* думать, что прав истец»,— на что двое или трое несомненно скажут, что они тоже так думают,— и, конечно, они так и думают,— а затем они уже действуют единодушно и быстро. Однако десять минут десятого! — воскликнул маленький джентльмен, взглянув на часы.— Пора отправляться, уважаемый сэр,— когда слушается

дело о нарушении брачного обещания, зал суда обычно переполнен. Вы бы вызвали карету, уважаемый сэр, а не то мы опоздаем.

Мистер Пиквик немедленно позвонил в колокольчик, и когда карета была подана, четверо пиквикистов и мистер Перкер разместились в ней и поехали к Гилдхоллу *.

Сэм Уэллер, мистер Лаутен и синий мешок последовали за ними в кэбе.

— Лаутен,— сказал Перкер, когда они вошли в вестибюль суда,— усадите друзей мистера Пиквика на места для юристов; сам мистер Пиквик пусть сядет рядом со мной. Сюда, уважаемый сэр, сюда.

Взяв мистера Пиквика за рукав, маленький джентльмен повел его к нижней скамье, находящейся перед пюпитрами королевских юрисконсультов и сооруженной для удобства поверенных, которые имеют возможность шептать с этой скамьи на ухо выступающему королевскому юрисконсульту те сведения, какие могут оказаться необходимыми по ходу дела. Занимающие это место невидимы большинству зрителей, ибо помещаются на значительно более низком уровне, чем адвокаты и публика, чьи скамьи находятся на возвышении. Поверенные, таким образом, сидят спиной и к тем и к другим и обращены лицом к судье.

— Должно быть, это место для свидетелей? — осведомился мистер Пиквик, указывая на нечто вроде кафедры с медными перилами по левую руку от него.

— Место для свидетелей, уважаемый сэр,— подтвердил Перкер, извлекая кипу бумаг из синего мешка, только что положенного Лаутеном у его ног.

— А там,— продолжал мистер Пиквик, указывая на две скамьи за перилами справа от него,— там сидят присяжные, не правда ли?

— Вот именно, уважаемый сэр,— отозвался Перкер, постукивая по крышке своей табакерки.

Мистер Пиквик встал в крайнем волнении и окинул взглядом зал суда. На галерее уже собралось немало зрителей, а на скамьях для адвокатов — солидное количество джентльменов в париках, представлявших в целом приятную и разнообразную коллекцию носов и бакенбард, каковыми справедливо прославилось адвокатское сосло-

вие Англии. Те из джентльменов, у которых были при себе папки с бумагами, держали их по возможности на виду и время от времени почесывали ими нос, чтобы с особенной силой запечатлеть их в памяти зрителей. У других джентльменов, которые не могли демонстрировать такие папки, торчали под мышкою солидные фолианты с красными ярлыками на корешке и в переплете цвета подгоревшей хлебной корки, для коего существует технический термин «адвокатский переплет». Те, у кого не было ни папок, ни книг, засовывали руки в карманы и принимали по возможности глубокомысленный вид; остальные разгуливали с большим беспокойством и энергией, возбуждая этим восхищение и изумление непосвященных зрителей. Все, к великому удивлению мистера Пиквика, разделившись на маленькие группы, болтали и обсуждали новости дня без малейшего волнения, словно и не предвиделось никакого разбирательства.

Поклон мистера Фанки, который вошел и занял свое место за скамьей, предназначенной для королевских юрисконсультов, привлек внимание мистера Пиквика, и едва он успел ответить на поклон, как появился королевский юрисконсульт Снаббин в сопровождении мистера Моллерда, который наполовину заслонил королевского юрисконсульта, положив перед ним на стол большой красный мешок, и, пожав руку Перкеру, удалился. Затем вошли еще два-три королевских юрисконсульта, и среди них — один толстяк с красным лицом, который дружески кивнул королевскому юрисконсульту Снаббину и сообщил, что сегодня прекрасное утро.

— Кто этот краснолицый человек, который сказал, что сегодня прекрасное утро, и поклонился нашему адвокату? — шепотом спросил мистер Пиквик.

— Королевский юрисконсульт Базфаз,— ответил Перкер.— Выступает против нас; он представляет интересы истицы. Джентльмен за ним — мистер Скимпин, его помощник.

Мистер Пиквик, преисполненный отвращения к хладнокровной подлости этого человека, хотел было осведомиться, как смеет королевский юрисконсульт Базфаз, являясь представителем противной стороны, говорить королевскому юрисконсульту Снаббину, который был ад-

вокатом мистера Пиквика, что сегодня прекрасное утро, но тут все адвокаты встали и судебные приставы провозгласили: «Тише!» Оглянувшись, он обнаружил, что это было вызвано появлением судьи.

Судья Стейрли (который заменял главного судью, отсутствующего по болезни) был чрезвычайно маленького роста и такой толстый, что казалось, весь состоял из лица и жилета. Он вкатился на двух маленьких кривых ножках и, важно кивнув адвокатам, которые так же важно кивнули ему, поместил маленькие ноги под стол, а свою треуголку — на стол; и когда судья Стейрли покончил с этим, от всей его особы остались видны только два маленьких подозрительных глаза, широкая розовая физиономии и примерно половина большого и очень курьезного на вид парика.

Как только судья занял свое место, судебный пристав в зале повелительно крикнул: «Тише!» — после чего другой пристав на галерее возгласил гневно: «Тише!» — а вслед за этим еще три-четыре курьера подхватили негодующими голосами: «Тише!» Когда это было выполнено, джентльмен в черном, сидевший ниже судьи, начал выкрикивать фамилии присяжных, и после долгих выкриков обнаружилось, что налицо только десять специальных присяжных. Тогда мистер королевский юрисконсульт Базфаз попросил о включении обыкновенных присяжных в специальное жюри, и джентльмен в черном тут же стал вербовать двух обыкновенных присяжных, немедленно уловив для этой цели зеленщика и аптекаря.

— Откликайтесь на свои фамилии, джентльмены, вы будете приведены к присяге,— сказал джентльмен в черном.— Ричард Апуич.

— Здесь,— сказал зеленщик.

— Томас Гроффин.

— Здесь,— сказал аптекарь.

— Возьмите книгу, джентльмены. Вы должны судить по правде и совести...

— Прошу прощения у суда,— сказал аптекарь, высокий, худой и желтолицый человек,— но я надеюсь, что суд освободит меня.

— На каком основании, сэр? — спросил судья Стейрли.

— У меня нет помощника, милорд,— ответил аптекарь.

— Ничем не могу вам помочь, сэр,— возразил судья Стейрли.— Вы должны были нанять помощника.

— Мне это не по средствам, милорд,— объявил аптекарь.

— Значит, вы должны были сделать так, чтобы это было вам по средствам, сэр,— сказал судья, багровея, ибо судья Стейрли был раздражительного нрава и не терпел противоречий.

— Знаю, что должен, если бы мои дела шли хорошо, как я того заслуживаю, но они идут плохо, милорд,— отвечал аптекарь.

— Приведите джентльмена к присяге! — повелительным тоном сказал судья.

Пристав успел произнести только: «Вы должны судить по правде и совести»,— как его снова перебил аптекарь.

— Я все-таки должен принести присягу, милорд? — спросил аптекарь.

— Разумеется, сэр,— ответил желчный маленький судья.

— Очень хорошо, милорд,— с покорным видом отозвался аптекарь.— Значит, будет совершено убийство раньше, чем закончится это судебное заседание, вот и все! Приводите меня к присяге, если вам угодно, сэр.

И аптекарь был приведен к присяге раньше, чем судья нашелся что сказать.

— Я хотел только сообщить, милорд,— проговорил аптекарь с большим хладнокровием, усаживаясь на свое место,— что в аптеке я не оставил никого, кроме рассыльного. Он очень славный мальчик, милорд, но не знаком с лекарствами, и, насколько мне известно, он твердо убежден в том, что английской солью называется щавелевая кислота, а александрийским листом — настойка из опия. Вот и все, милорд.

С этими словами долговязый аптекарь принял удобную позу и, состроив любезную мину, казалось, приготовился к худшему.

Мистер Пиквик смотрел на аптекаря с глубоким ужасом, в зале суда произошло легкое волнение, и немедленно вслед за этим была введена миссис Бардл, опирав-

шаяся на миссис Клаппинс, и в состоянии полного изнеможения водворена на другом конце той же скамьи, где сидел мистер Пиквик. Затем мистером Додсоном был передан огромный зонт, а мистером Фоггом — пара патен, причем каждый из них заготовил для этого случая сочувственную и меланхолическую мину. Затем появилась миссис Сендерс, которая вела юного Бардла.

При виде своего дитяти миссис Бардл встрепенулась; опомнившись вдруг, она поцеловала его с безумным видом, затем, снова впав в состояние истерического слабоумия, добрая леди пожелала узнать, где она находится. В ответ на это миссис Клаппинс и миссис Сендерс отвернулись и залились слезами, в то время как мистеры Додсон и Фогг умоляли истицу успокоиться. Королевский юрисконсульт Базфаз усердно тер глаза большим белым носовым платком и бросал умоляющий взгляд на присяжных, а судья был заметно растроган. Многие зрители старались кашлем подавить свое волнение.

— Прекрасная мысль! — шепнул Перкер мистеру Пиквику.— Замечательные ребята — эти Додсон и Фогг. Превосходно рассчитано на эффект, уважаемый сэр, превосходно!

Пока Перкер говорил, миссис Бардл начала медленно приходить в себя, а миссис Клаппинс, заботливо осмотрев пуговицы юного Бардла и петли, им соответствующие, поставила его перед матерью,— выгодная позиция, где он не мог не пробудить сострадания и симпатии как судьи, так и присяжных. Это было сделано после серьезного сопротивления и горьких слез со стороны юного джентльмена, у которого мелькало тайное опасение, что, выдвигая его пред очи судьи, соблюдают только предварительную формальность, после чего ему тотчас же прикажут удалиться по меньшей мере для немедленной экзекуции или для отправки за океан на все дни его жизни.

— Бардл и Пиквик! — выкрикнул джентльмен в черном, называя дело, стоявшее первым в списке.

— Я — со стороны истицы, милорд,— сказал королевский юрисконсульт Базфаз.

— Кто с вами, коллега Базфаз? — спросил судья.

Мистер Скимпин поклонился, давая понять, что это именно он.

— Я — со стороны ответчика, милорд,— сказал королевский юрисконсульт Снаббин.

— А с вами кто, коллега Снаббин? — осведомился судья.

— Мистер Фанки, милорд,— ответил королевский юрисконсульт Снаббин.

— Королевский юрисконсульт Базфаз и мистер Скимпин — со стороны истицы,— сказал судья, записывая фамилии в записную книжку и повторяя вслух.— Со стороны ответчика — королевский юрисконсульт Снаббин и мистер Банки.

— Прошу прощения, милорд,— Фанки.

— Очень хорошо! — сказал судья.— Я еще не имел удовольствия слышать фамилию джентльмена.

Мистер Фанки поклонился и улыбнулся, и судья тоже поклонился и улыбнулся; затем мистер Фанки, покраснев до самых белков глаз, постарался принять такой вид, словно он не подозревает, что все на него смотрят,— задача, с которой никогда еще не мог справиться ни один смертный и, по всей вероятности, никогда и не справится.

— Продолжайте,— сказал судья.

Судебные приставы снова призвали соблюдать тишину, и мистер Скимпин «открыл дело»; * но когда дело открылось, то оказалось, что в нем почти ничего нет, ибо мистер Скимпин оставил при себе все обстоятельства, какие были ему известны, и сел по истечении трех минут, оставив присяжных в той же стадии осведомленности, в какой они пребывали раньше.

Затем поднялся королевский юрисконсульт Базфаз со всем величием и достоинством, каких требовало существо дела, шепнул что-то Додсону и, кратко переговорив с Фоггом, натянул мантию на плечи, поправил парик и обратился к присяжным.

Королевский юрисконсульт Базфаз начал с заявления, что никогда на протяжении всей своей профессиональной карьеры, никогда с той минуты, как он посвятил себя юридической науке и практике, не приступал он к делу с чувством такого глубокого волнения или с таким тяжелым сознанием ответственности, на него возложенной,— ответственности, сказал бы он, которую он не мог бы принять на себя, если бы его не вдохновляло и не

поддерживало убеждение столь сильное, что оно равно подлинной уверенности в том, что дело правды и справедливости, или, иными словами, дело его жестоко оскорбленной и угнетенной клиентки, должно воздействовать на двенадцать высоконравственных и проницательных людей, которых он видит сейчас перед собой на этой скамье.

Адвокаты обычно начинают в этом стиле, ибо он создает у присяжных наилучшие отношения с самими собой и заставляет их думать о том, какие они, должно быть, умные люди. Явные результаты сказались немедленно: многие присяжные с большим рвением начали делать пространные записи.

— Вы узнали от моего высокоученого друга, джентльмены,— продолжал королевский юрисконсульт Базфаз, прекрасно понимая, что из намеков ученого друга джентльмены присяжные не узнали решительно ничего,— вы узнали от моего высокоученого друга, джентльмены, что перед нами дело о нарушении брачного обещания, возмещение убытков по каковому делу исчисляется в сумме тысяча пятьсот фунтов! Но вы не узнали от моего высокоученого друга, поскольку в задачи моего высокоученого друга не входило говорить об этом, каковы факты и обстоятельства дела. Об этих фактах и обстоятельствах, джентльмены, вы услышите со всеми подробностями от меня, и они будут подтверждены свидетельницами, заслуживающими безусловного доверия, которых я представлю вам на этой свидетельской трибуне.

Тут королевский юрисконсульт Базфаз, сделав устрашающее ударение на слове «трибуна», громко хлопнул рукой по столу и взглянул на Додсона и Фогга, которые кивнули, выражая свое восхищение королевским юрисконсультом и негодующее презрение к ответчику.

— Истица, джентльмены,— продолжал королевский юрисконсульт Базфаз мягким и меланхолическим голосом,— истица — вдова. Да, джентльмены, вдова! Покойный мистер Бардл, пользовавшийся в течение многих лет уважением и доверием своего монарха, чьи королевские доходы он охранял, ушел почти безболезненно из этого мира, дабы обрести в ином месте то отдохновение и покой, каких никогда не может предоставить таможня.

При этом патетическом описании кончины мистера Бардла, которому кружкой вместимостью в кварту прошибли голову в каком-то погребке, голос высокоученого королевского юрисконсульта дрогнул, и он продолжал с волнением:

— Незадолго до смерти он запечатлел свой образ и подобие в младенце-сыне. С этим младенцем, единственным залогом любви покойного таможенного чиновника, миссис Бардл укрылась от мира и коротала свои дни на тихой и спокойной Госуэлл-стрит и здесь в окне своей гостиной она вывесила билет с надписью: «Меблированные комнаты для холостого джентльмена. Справиться в доме».

Тут королевский юрисконсульт Базфаз приостановился, а некоторые джентльмены присяжные записали это сообщение.

— Имеется ли на нем дата, сэр? — осведомился один присяжный.

— Даты на нем нет, джентльмены,— ответил королевский юрисконсульт Базфаз,— но я уполномочен сообщить, что он был вывешен в окне гостиной истицы ровно три года назад. Я обращаю внимание присяжных на формулировку этого документа: «Меблированные комнаты для холостого джентльмена». Представления миссис Бардл о мужчинах, джентльмены, вытекали из долгого созерцания неоценимых качеств ее покойного супруга. У нее не было страха, у нее не было сомнений, у нее не было подозрений — только полное доверие и надежда. «Мистер Бардл,— говорила вдова,— мистер Бардл был человек чести, мистер Бардл был человек своего слова, мистер Бардл не был обманщиком; мистер Бардл сам был когда-то холостым джентльменом; у холостого джентльмена я ищу защиты, помощи, успокоения и утешения; в холостом джентльмене я постоянно буду видеть нечто, напоминающее мне о том, кем был мистер Бардл, когда только что завоевал мою юную и неискушенную любовь; поэтому мои комнаты будут сданы холостому джентльмену». Увлекаемая этим прекрасным и трогательным побуждением (одним из лучших побуждений нашей несовершенной природы, джентльмены), одинокая и безутешная вдова осушила слезы, меблировала второй этаж,

привлекла невинного мальчика к своей материнской груди и вывесила билетик в окне гостиной. Долго ли оставался он там? Нет! Змей был на страже, фитиль приготовлен, мина закладывалась, сапер и минер делали свое дело. Не провисел билетик в окне гостиной и трех дней — трех дней, джентльмены! — как некое существо, передвигающееся на двух ногах и внешне похожее на человека, а не на чудовище, постучалось в дверь дома миссис Бардл. Оно навело справки в доме, оно сняло помещение, и на следующий же день оно вступило во владение им. Этот человек был Пиквик — Пиквик, ответчик.

Королевский юрисконсульт Базфаз, говоривший с такой стремительностью, что лицо у него стало совсем малиновым, остановился, чтобы перевести дух. Молчание разбудило судью Стейрли, который немедленно записал что-то пером, не обмакнув его в чернила, и принял необычайно сосредоточенный вид, чтобы внушить присяжным уверенность, будто он всегда размышляет особенно глубокомысленно, когда у него закрыты глаза. Королевский юрисконсульт Базфаз продолжал:

— Об этом человеке, Пиквике, я не буду много говорить: этот сюжет мало привлекателен, а я, джентльмены, не такой человек, и вы, джентльмены, не такие люди, чтобы наслаждаться созерцанием возмутительного бессердечия и систематического злодейства.

При этих словах мистер Пиквик, который корчился молча в течение некоторого времени, сильно вздрогнул, словно в его голове мелькнула туманная мысль броситься на королевского юрисконсульта Базфаза пред священным лицом судьи и закона. Предостерегающий жест Перкера остановил его, и он стал слушать продолжение речи высокоученого джентльмена с негодующим видом, который составлял резкий контраст с восторженными лицами миссис Клаппинс и миссис Сендерс.

— Я говорю: «систематическое злодейство», джентльмены,— продолжал королевский юрисконсульт Базфаз, пронизывая взглядом мистера Пиквика и обращаясь к нему,— а когда я говорю: «систематическое злодейство», разрешите мне сказать ответчику Пиквику, буде он присутствует в суде,— а, как мне сообщили, он здесь присутствует,— что он поступил бы приличнее, пристойнее,

умнее и тактичнее, если бы не явился сюда. Разрешите мне сказать ему, джентльмены, что любые жесты, выражающие несогласие или неодобрение, какие он может себе позволить здесь, в суде, не возымеют у вас успеха; что вы знаете, как нужно их понимать и расценивать; и разрешите мне сказать ему далее, как подтвердит вам, джентльмены, милорд судья, что адвоката, исполняющего свой долг по отношению к своему клиенту, нельзя ни запугивать, ни прерывать и что всякая попытка сделать то или другое, первое или последнее обратится против виновного, будь он истец или ответчик, называйся он Пиквиком, или Ноксом, или Стоксом, или Стайльсом, или Брауном, или Томсоном.

Это маленькое уклонение от основной темы возымело, конечно, желаемое действие, ибо взоры всех устремились на мистера Пиквика. Королевский юрисконсульт Базфаз, слегка успокоившись после взрыва морального негодования, до которого он сам себя довел, продолжал:

— Я вам докажу, джентльмены, что в продолжение двух лет Пиквик проживал постоянно, непрерывно и безвыездно в доме миссис Бардл. Я вам докажу, что миссис Бардл на протяжении всего этого времени прислуживала ему, заботилась об его удобствах, стряпала для него, отдавала белье прачке, штопала, проветривала и приготовляла белье для носки, когда оно возвращалось из стирки, и, короче, пользовалась полным доверием жильца. Я докажу вам, что много раз он давал полпенни, а иногда даже шесть пенсов ее сынишке, и я докажу вам, опираясь на свидетеля, чье показание не удастся моему высокоученому другу ни опорочить, ни опровергнуть, что один раз он погладил мальчика по головке и, осведомившись, выиграл ли он за последнее время что-нибудь в «отборные» или «обыкновенные» шарики (и то и другое означает, насколько мне известно, особый сорт камешков, высоко ценимых нашими подростками), употребил следующее знаменательное выражение: «Хотел бы ты иметь другого отца?» Я докажу вам, джентльмены, что около года назад Пиквик вдруг начал отлучаться из дому на длительные сроки, как бы с намерением постепенно порвать с моей клиенткой; но я упомяну также, что его решение в то время не было достаточно твердым, или что

лучшие его чувства (если у него имеются лучшие чувства) тогда еще брали верх, или что очарование и совершенства моей клиентки преодолевали его трусливые намерения, ибо я докажу вам, что однажды, вернувшись из провинции, он недвусмысленно и формально предложил ей заключить брачный союз, хотя позаботился предварительно о том, чтобы не было ни одного свидетеля их торжественного договора; и я имею возможность доказать вам, опираясь на свидетельские показания трех его собственных друзей, дающих свои показания весьма неохотно, джентльмены, весьма неохотно, что в то утро он был застигнут ими в тот момент, когда держал истицу в объятиях и успокаивал ее взволнованные чувства ласками и нежными словами.

Эта часть речи высокоученого королевского юрисконсульта произвела явное впечатление на аудиторию. Вынув два крохотных клочка бумаги, он продолжал:

— А теперь, джентльмены, еще одно только слово. Два письма фигурируют в этом деле, два письма, которые, как установлено, написаны рукой ответчика и которые стоят многих томов. Эти письма разоблачают также нравственный облик этого человека. Это не откровенные, пылкие, красноречивые послания, которые дышат нежной привязанностью, это скрытые, лукавые, двусмысленные сообщения, но, к счастью, они гораздо более убедительны, чем если бы они содержали самые пламенные фразы и самые поэтические образы,— письма, которые, по-видимому, писал в то время Пиквик с целью сбить с толку и ввести в заблуждение постороннего человека; в чьи руки они могли попасть. Разрешите мне прочесть первое: «У Гереуэя *, двенадцать часов. Дорогая миссис Б.— Отбивные котлеты и томатный соус. Ваш Пиквик». Джентльмены, что это значит? Отбивные котлеты и томатный соус! Ваш Пиквик! Отбивные котлеты! Боже милостивый! И томатный соус! Джентльмены, неужели счастье чувствительной и доверчивой женщины может быть разбито мелкими уловками? Во втором письме нет никакой даты, что уже само по себе подозрительно. «Дорогая миссис Б., я буду дома только завтра. Подвигаемся медленно». А далее следует весьма замечательное выражение: «О грелке не беспокойтесь». О грел-

ке! Но, джентльмены, кто же беспокоится о грелке? Было ли душевное спокойствие мужчины или женщины когда-нибудь нарушено, или смущено грелкой, которая сама по себе является безобидным, полезным и, я могу добавить, джентльмены, удобным предметом домашнего обихода? Почему нужно было столь горячо умолять миссис Бардл не волноваться по поводу грелки, если не служит это слово (а оно несомненно служит) лишь покровом для некоего скрытого огня — простой заменой какого-нибудь ласкательного слова или обещания, согласно установленной системе переписки, хитро задуманной Пиквиком, замышлявшим отступление,— системе, которую я не в состоянии объяснить? А что значит этот намек: «Подвигаемся медленно»? Карета подвигается медленно? Насколько я понимаю, это относится к самому Пиквику, который, конечно, преступно запаздывал во всем этом деле, но чья скорость теперь неожиданно возрастет и чьи колеса, джентльмены, как он убедится себе во вред, будут весьма скоро смазаны вами!

Королевский юрисконсульт Базфаз сделал в этом месте паузу, чтобы посмотреть, улыбнутся ли присяжные на его шутку; но так как никто ее не понял, кроме зеленщика, чья восприимчивость в данном случае была, вероятно, вызвана тем, что в это самое утро он над собственной тележкой проделал упомянутую операцию смазывания колес, то высокоученый королевский юрисконсульт счет уместным, заканчивая свою речь, снова впасть в унылый тон.

— Но довольно об этом, джентльмены,— продолжал королевский юрисконсульт Базфаз,— Трудно улыбаться, когда ноет сердце, не подобает шутить, когда затронуты наши глубочайшие чувства. Надежды на будущее моей клиентки разбиты; и отнюдь не будет преувеличением сказать, что она осталась ни с чем. Билетик снят, но жильца нет. Подходящие жильцы — холостые джентльмены — проходят мимо, но никто не приглашает их навести справки в доме или вне дома. Уныние и тишина в нем, замолк даже голос ребенка; его младенческие игры заброшены, когда мать плачет; он забыл о своих «отборных» и «обыкновенных» шариках; он забывает давно знакомый возглас: «Запускай!» — и не играет в чижи и

чет или нечет. Но Пиквик, джентльмены... Пиквик, безжалостный разрушитель этого мирного оазиса в пустыне Госуэлл-стрит... Пиквик, который засорил источник и загрязнил чистую мураву... Пиквик, представший сегодня перед вами с его бездушным томатным соусом и грелками... Пиквик все еще поднимает голову с бесстыдной наглостью и взирает без единого вздоха на произведенное им разрушение. Возмещение убытков, джентльмены, солидное возмещение убытков — вот единственное наказание, какое вы можете на него возложить, единственная компенсация, какую вы можете предоставить моей клиентке. И с просьбой о возмещении убытков она обращается теперь к просвещенному, высоконравственному, справедливому, добросовестному, беспристрастному, сочувствующему, вдумчивому жюри, составленному из ее цивилизованных соотечественников.

Закончив речь этой блестящей тирадой, королевский юрисконсульт Базфаз сел, а мистер Стейрли проснулся.

— Вызовите Элизабет Клаппинс! — сказал королевский юрисконсульт Базфаз, вставая через минуту, с новой энергией.

Ближайший судебный пристав вызвал Элизабет Таппинс, другой, стоявший немного дальше, потребовал Элизабет Джапкинс, а третий выбежал задыхаясь на Кингстрит и взывал к Элизабет Маффинс, пока не охрип.

Между тем миссис Клаппинс соединенными усилиями миссис Бардл, миссис Сендерс, мистера Додсона и мистера Фогга была поставлена на места для свидетелей; и когда она благополучно утвердилась на верхней ступени, миссис Бардл расположилась на нижней, с носовым платком и патенами в одной руке и стеклянной бутылкой, содержащей не менее четверти пинты нюхательной соли,— в другой, готовая ко всяким случайностям. Миссис Сендерс, чьи глаза были пристально устремлены на лицо судьи, поместилась рядом, с огромным зонтом, держа большой палец правой руки на пружине с таким серьезным видом, словно приготовилась раскрыть зонт по первому знаку.

— Миссис Клаппинс,— сказал королевский юрисконсульт Базфаз,— пожалуйста, успокойтесь, сударыня.

Разумеется, как только миссис Клаппинс предложили

успокоиться, она зарыдала с удвоенным рвением и проявила различные тревожные симптомы приближающегося обморока, или, как выразилась она впоследствии, наплыва чувств.

— Припоминаете ли вы, сударыня,— сказал королевский юрисконсульт Базфаз после нескольких несущественных вопросов,— что в одно памятное июльское утро прошлого года вы находились у миссис Бардл в задней комнате второго этажа, когда она убирала помещение Пиквика?

— Да, милорд и присяжные, помню,— ответила миссис Клаппинс.

— Кажется, гостиная мистера Пиквика находилась во втором этаже, окнами на улицу?

— Да, сэр,— отвечала миссис Клаппинс.

— Что вы делали в задней комнате, сударыня? — осведомился маленький судья.

— Милорд и присяжные,— сказала миссис Клаппинс с волнением,— я не буду вас обманывать.

— И хорошо сделаете, сударыня,— сказал маленький судья.

— Я была там,— продолжала миссис Клаппинс,— без ведома миссис Бардл; я вышла из дому с корзиночкой, джентльмены, чтобы купить три фунта красного продолговатого картофеля, который стоит два с половиной пенса за три фунта, когда увидела, что парадная дверь миссис Бардл не приперта.

— Не... что?! — воскликнул маленький судья.

— Приоткрыта, милорд,— объяснил королевский юрисконсульт Снаббин.

— Она сказала — не... приперта,— возразил с проницательным видом маленький судья.

— Это одно и то же, милорд,— сказал королевский юрисконсульт Снаббин.

Маленький судья посмотрел на него недоверчиво и сказал, что он это запишет. Миссис Клаппинс продолжала:

— Я вошла, джентльмены, только для того, чтобы поздороваться, и поднялась невзначай по лестнице в заднюю комнату. Джентльмены, в передней комнате слышались голоса, и...

— И, кажется, вы стали прислушиваться, миссис Клаппинс? — спросил королевский юрисконсульт Базфаз.

— Прошу прощения, сэр! — с величественным видом возразила миссис Клаппинс.— Я бы не позволила себе такого поступка. Голоса были очень громкие, сэр, и они сами проникали мне в уши.

— Отлично, миссис Клаппинс, вы не прислушивались, но тем не менее слышали голоса. Не был ли один из них голос Пиквика?

— Да, сэр.

И миссис Клаппинс, точно установив, что мистер Пиквик обращался к миссис Бардл, воспроизвела с помощью многочисленных вопросов разговор, о котором наши читатели уже осведомлены.

Присяжные насторожились — это видно было по их лицам,— а королевский юрисконсульт Базфаз улыбнулся и сел. Их лица стали поистине угрожающими, когда королевский юрисконсульт Снаббин сообщил, что он не будет допрашивать свидетельницу, ибо мистер Пиквик считает своим долгом по отношению к ней заявить, что ее показания в основном правильны.

Миссис Клаппинс, раз пробив лед, нашла, что ей представляется удобный случай войти в краткое рассуждение о собственных домашних делах; поэтому она немедленно начала сообщать суду, что в момент настоящего заседания она — мать восьмерых детей и что она питает тайную надежду подарить мистера Клаппинса девятым через каких-нибудь шесть месяцев, считая от сегодняшнего дня. На этом интересном месте маленький судья с большим раздражением прервал ее, вследствие чего достойная леди и миссис Сендерс были без дальнейших разговоров вежливо выведены из суда под эскортом мистера Джексона.

— Натэниел Уинкль! — провозгласил мистер Скимпин.

— Здесь! — отозвался слабый голос.

Мистер Уинкль занял место для свидетелей и, принеся должным образом присягу, поклонился судье с большим почтением.

— Смотрите не на меня, сэр! — резко сказал судья в ответ на поклон.— Смотрите на присяжных.

Мистер Уинкль исполнил приказание и стал смотреть на то место, где, по его предположениям, с наибольшей вероятностью должны были находиться присяжные, ибо видеть что-нибудь в его состоянии душевного смятения было невозможно.

Мистер Уинкль был затем допрошен мистером Скимпином, который, будучи подающим надежды молодым человеком лет сорока двух или сорока трех, старался, конечно, по мере своих сил смутить свидетеля, явно расположенного в пользу противной стороны.

— Итак, сэр,— сказал мистер Скимпин,— не будете ли вы столь любезны сообщить его лордству и присяжным свою фамилию?

И мистер Скимпин склонил голову набок, дабы выслушать с большим вниманием ответ, и взглянул в то же время на присяжных, как бы предупреждая, что он не будет удивлен, если прирожденная склонность мистера Уинкля к лжесвидетельству побудит его назвать фамилию, ему не принадлежащую.

— Уинкль,— ответил свидетель.

— Как ваше имя, сэр? — сердито спросил маленький судья.

— Натэниел, сэр.

— Дениэл... второе имя есть?

— Натэниел, сэр... то есть милорд.

— Натэниел-Дэниел или Дэниел-Натэниел.

— Нет, милорд, только Натэниел, Дэниела совсем нет.

— В таком случае зачем же вы сказали Дэниел? — осведомился судья.

— Я не говорил, милорд,— отвечал мистер Уинкль.

— Вы сказали, сэр! — возразил судья, сурово нахмурившись.— Как бы я мог записать Дэниел, если вы мне не говорили этого, сэр?

Довод был, конечно, неоспорим.

— У мистера Уинкля довольно короткая память, милорд,— вмешался мистер Скимпин, снова взглянув на присяжных.— Надеюсь, мы найдем средства освежить ее, раньше чем покончим с ним.

— Советую вам быть осторожнее, сэр! — сказал маленький судья, бросив зловещий взгляд на свидетеля.

Бедный мистер Уинкль поклонился и старался держать себя развязно, но он был взволнован, и эта развязность придавала ему сходство с застигнутым врасплох воришкой.

— Итак, мистер Уинкль,— сказал мистер Скимпин,— пожалуйста, слушайте меня внимательно, сэр, и разрешите мне посоветовать вам, в ваших же интересах, хранить в памяти предостережение его лордства. Если я не ошибаюсь, вы близкий друг Пиквика, ответчика, не так ли?

— Я знаю мистера Пиквика, насколько я сейчас могу припомнить, почти...

— Пожалуйста, мистер Уинкль, не уклоняйтесь от ответа. Вы близкий друг ответчика или нет?

— Я только хотел сказать, что...

— Ответите вы или не ответите на мой вопрос, сэр?

— Если вы не ответите на вопрос, вы будете арестованы, сэр,— вмешался маленький судья, отрываясь от своей записной книжки.

— Итак, сэр,— сказал мистер Скимпин,— будьте любезны: да или нет?

— Да,— ответил мистер Уинкль.

— Итак, вы его друг. А почему же вы не могли сказать это сразу, сэр? Быть может, вы знакомы также с истицей? Не так ли, мистер Уинкль?

— Я с нею не знаком, я ее видел.

— О, вы с нею не знакомы, но вы ее видели? А теперь будьте добры сообщить джентльменам присяжным, что вы хотите сказать этим, мистер Уинкль?

— Хочу сказать, что я с нею близко не знаком, но видел ее, когда бывал у мистера Пиквика на Госуэллстрит.

— Сколько раз вы ее видели, сэр?

— Сколько раз?

— Да, мистер Уинкль, сколько раз? Я могу повторить этот вопрос двенадцать раз, если вы пожелаете, сэр.

И ученый джентльмен, решительно и сурово сдвинув брови, подбоченился и многозначительно улыбнулся присяжным.

По этому вопросу возникли поучительные пререкания, обычные в подобных случаях. Прежде всего мистер

Уинкль заявил, что решительно не может припомнить, сколько раз он видел миссис Бардл. Тогда его спросили, видел ли он ее раз двадцать, на что он ответил: «Конечно... больше двадцати раз». Тогда его спросили, видел ли он ее сто раз,— может ли он под присягой утверждать, что видел ее не больше пятидесяти раз,— признает ли он, что видел ее по крайней мере семьдесят пять раз,— и так далее; в конце концов пришли к удовлетворительному заключению, что ему следует быть осторожнее и думать, о чем он говорит. Когда свидетель был доведен таким образом до желаемого состояния нервного расстройства, допрос продолжался:

— Скажите, пожалуйста, мистер Уинкль, помните ли вы, что посетили ответчика Пиквика у него на квартире, в доме истицы на Госуэлл-стрит, в упомянутое утро в июле прошлого года?

— Да, помню.

— Сопровождали вас в тот день приятель по фамилии Тапмен и другой по фамилии Снодграсс?

— Да, сопровождали.

— Они здесь?

— Да, здесь,— ответил мистер Уинкль, пристально глядя в ту сторону, где сидели его друзья.

— Пожалуйста, слушайте меня, мистер Уинкль, и не занимайтесь вашими друзьями,— сказал мистер Скимпин, бросив еще один выразительный взгляд на присяжных.— Они должны дать свои показания без всякой предварительной консультации с вами, если таковая еще не имела места (снова взгляд в сторону присяжных). Итак, сэр, скажите джентльменам присяжным, что вы увидели в то утро, войдя в комнату ответчика. Ну, говорите же, сэр. Рано или поздно, но мы заставим вас говорить!

— Ответчик, мистер Пиквик, держал истицу в своих объятиях, обхватив ее руками за талию,— ответил мистер Уинкль с понятной нерешительностью,— а истица, по-видимому, была в обмороке.

— Вы слышали, говорил что-нибудь ответчик?

— Я слышал, как он назвал миссис Бардл «дорогая моя», и слышал, как он просил ее успокоиться, указывая на положение, в которое они попадут, если кто-нибудь войдет, или что-то в этом роде.

— Теперь, мистер Уинкль, мне остается задать вам только один вопрос, и я прошу вас помнить о предостережении, сделанном милордом. Можете ли вы под присягой показать, что Пиквик, ответчик, не сказал тогда: «Моя дорогая миссис Бардл, привыкайте к мысли об этом положении, ибо оно вас ждет» или что-то в *этом* роде?

— Я... я, конечно, понял его не так,— сказал мистер Уинкль, потрясенный этим остроумным истолкованием тех немногих слов, какие он слышал.— Я был на лестнице и не мог ясно расслышать... у меня создалось такое впечатление...

— Джентльмены присяжные не нуждаются, мистер Уинкль, в создавшихся у вас впечатлениях, от которых, боюсь, мало будет пользы честным, прямым людям,— перебил мистер Скимпин.— Вы были на лестнице и слышали не ясно; но вы не можете присягнуть, что Пиквик не воспользовался теми выражениями, которые я цитировал? Так ли я понимаю?

— Да, не могу,— ответил мистер Уинкль.

И мистер Скимпин с торжествующим видом сел на место.

Дело мистера Пиквика развивалось до сих пор так неудачно, что следовало избегать новых поводов для обвинения. Надлежало дать делу более благоприятный поворот, и мистер Фанки встал, желая добиться чего-нибудь существенного от мистера Уинкля при перекрестном допросе. Добился ли он чего-нибудь существенного, обнаружится немедленно.

— По-видимому, мистер Уинкль,— сказал Фанки,— мистер Пиквик уже не молодой человек?

— Да,— ответил мистер Уинкль,— он мог бы быть моим отцом.

— Вы сказали моему высокоученому другу, что знаете мистера Пиквика много лет. Были у вас какие-нибудь основания предполагать или думать, что он собирается жениться?

— О нет, конечно нет! — ответил мистер Уинкль с таким жаром, что мистеру Фанки следовало бы как можно скорее удалить его с места для свидетелей. Адвокаты утверждают, что есть два вида особенно неприятных свидетелей: сопротивляющийся свидетель и слишком

рьяный свидетель: мистеру Уинклю было суждено выступить в обеих ролях.

— Я пойду еще дальше, мистер Уинкль,— продолжал мистер Фанки с весьма любезным и самодовольным видом.— Замечали вы в манерах мистера Пиквика и в его поведении по отношению к другому полу нечто такое, что побуждало вас думать, будто он помышлял о женитьбе, по крайней мере в последние годы?

— О нет, конечно нет! — ответил мистер Уинкль.

— Всегда ли его поведение по отношению к женщинам было поведением человека, который, будучи уже не молод и вполне удовлетворен своими занятиями и развлечениями, относится к ним, как мог бы отец относиться к своим дочерям?

— В этом не приходится сомневаться,— ответил мистер Уинкль от всей души,— то есть... да, о да... конечно!

— Вы никогда не замечали в его отношениях к миссис Бардл или какой-либо другой женщине ничего хоть сколько-нибудь подозрительного? — спросил мистер Фанки, приготовляясь сесть на свое место, так как королевский юрисконсульт Снаббин делал ему знаки.

— Н-н-нет,— ответил мистер Уинкль,— за исключением одного незначительного случая, который, я нимало не сомневаюсь, можно легко объяснить.

Если бы злополучный мистер Фанки сел, когда королевский юрисконсульт Снаббин ему подмигнул, или если бы королевский юрисконсульт Базфаз прекратил этот неправильный перекрестный допрос в самом начале (от чего он, разумеется, воздержался, заметив волнение мистера Уинкля и прекрасно зная, что оно, по всем вероятиям, послужит ему, Базфазу, на пользу), это неуместное признание не было бы сделано. Как только эти слова сорвались с языка мистера Уинкля, мистер Фанки сел, а королевский юрисконсульт Снаббин с несколько излишней поспешностью предложил мистеру Уинклю покинуть место для свидетелей, что мистер Уинкль приготовился сделать с большой охотой, королевский юрисконсульт Базфаз остановил его.

— Постойте, мистер Уинкль, постойте! — сказал королевский юрисконсульт Базфаз.— Не угодно ли милорду

спросить его, что это за единственный пример подозрительного поведения по отношению к женщинам со стороны джентльмена, который по своим годам мог бы быть ему отцом!

— Вы слышите, что говорит высокоученый адвокат, сэр? — заметил судья, обращаясь к жалкому и измученному мистеру Уинклю.— Изложите обстоятельство, о котором вы упомянули.

— Милорд,— сказал мистер Уинкль, дрожа от волнения,— я... я предпочел бы воздержаться.

— Возможно,— отозвался маленький судья,— но вы должны говорить.

Среди глубокого молчания всего суда мистер Уинкль, заикаясь, рассказал о случае, внушавшем подозрение и заключавшемся в том, что мистер Пиквик очутился в полночь в спальне одной леди, каковой случай, как полагал мистер Уинкль, закончился разрывом упомянутой леди с ее женихом и привел, как ему было известно, к тому, что всю компанию насильно повели к Джорджу Напкинсу, эсквайру, мэру и мировому судье города Ипсуича.

— Вы можете удалиться, сэр,— сказал королевский юрисконсульт Снаббин.

Мистер Уинкль удалился и с горячечной поспешностью устремился к «Джорджу и Ястребу», где спустя несколько часов его обнаружил лакей: зарывшись в диванные подушки, он глухо и жалобно стонал.

Треси Тапмен и Огастес Снодграсс были вызваны поочередно для допроса, оба подтвердили показания своего несчастного друга, и каждый был доведен до грани отчаяния перекрестным допросом.

Затем была вызвана Сьюзен Сендерс и допрошена королевским юрисконсультом Базфазом и королевским юрисконсультом Снаббином. Она всегда говорила, что Пиквик женится на миссис Бардл. Знала, что после июльского обморока помолвка миссис Бардл с Пиквиком служила очередной темой разговоров среди соседей; она сама слышала об этом от миссис Мадберри, которая держит каток для белья, и от миссис Банкин, которая крахмалит белье, но она не видит в зале суда ни миссис Мадберри, ни миссис Банкин. Слышала, как Пиквик спра-

шивал маленького мальчика, хочет ли он иметь другого отца. Не знает, водила ли миссис Бардл знакомство с булочником, но знает, что булочник тогда был холост, а теперь женат. Не могла бы показать под присягой, что миссис Бардл не была очень расположена к булочнику, но склонна думать, что булочник был не очень расположен к миссис Бардл, иначе он не женился бы на ком-то другом. Думает, что миссис Бардл упала в обморок утром в июле, потому что Пиквик просил ее назначить день. Помнит, что она (свидетельница) сама упала замертво, когда мистер Сендерс просил ее назначить день, и считает, что каждая женщина, которая называет себя леди, сделала бы при подобных обстоятельствах то же самое. Слышала, как Пиквик задал мальчику вопрос о шариках, но может показать под присягой, что ни за что не смогла бы установить разницу между шариком отборным и обыкновенным.

На вопрос судьи ответила: в период своего знакомства с мистером Сендерсом получала любовные письма, подобно другим леди. В письмах мистер Сендерс часто называл ее «уточкой», но никогда не называл ни «отбивной котлетой», ни «томатным соусом». Он был большим любителем уток. Может быть, если бы он также любил отбивные котлеты и томатный соус, он воспользовался бы этими словами как ласкательными.

Затем встал королевский юрисконсульт Базфаз с таким внушительным видом, какого он еще не демонстрировал, и провозгласил:

— Вызовите Сэмюела Уэллера.

Вызывать Сэмюела Уэллера было совершенно незачем, ибо Сэмюел Уэллер проворно поднялся на возвышение, как только было произнесено его имя, и, положив шляпу на пол, а локти на перила, обозрел суд с высоты птичьего полета и одним взглядом окинул присяжных с удивительно беззаботным и веселым видом.

— Как ваше имя, сэр? — осведомился судья.

— Сэм Уэллер, милорд,— ответил этот джентльмен.

— Вы пишете свою фамилию через «В» или через «У»? — спросил судья.

— Это зависит от вкуса и каприза пишущего, милорд,— отвечал Сэм.— Мне не случалось подписывать-

ся чаще одного-двух раз в жизни, но я ее пишу через «В».

В этот момент с галереи послышался громкий голос:

— И правильно, Сэмивел, совершенно правильно! Пишите «В», милорд, пишите «В»!

— Кто это осмелился обращаться к суду? — воскликнул маленький судья, поднимая голову.— Пристав!

— Слушаю, милорд.

— Немедленно привести сюда этого человека.

— Слушаю, милорд.

Но так как пристав не нашел этого человека, то он и не привел его, и когда улеглась суматоха, все вставшие посмотреть на виновного уселись снова. Маленький судья повернулся к свидетелю, как только его негодование рассеялось в достаточной мере, чтобы не мешать ему говорить, и сказал:

— Вы знаете, кто это, сэр?

— Подозреваю, что это мой отец, милорд,— ответил Сэм.

— Вы его сейчас здесь видите? — спросил судья.

— Нет, не вижу, милорд,— отозвался Сэм, глядя вверх, на застекленный потолок зала.

— Если бы вы могли указать его, я бы арестовал его немедленно,— сообщил судья.

Сэм поклонился в знак признательности и повернулся с невозмутимо благодушным видом к королевскому юрисконсульту Базфазу.

— Итак, мистер Уэллер? — сказал королевский юрисконсульт Базфаз.

— Итак, сэр? — отозвался Сэм.

— Кажется, вы состоите на службе у мистера Пиквика, ответчика по этому делу? Говорите смелее, мистер Уэллер.

— Я собираюсь говорить смело, сэр,— отозвался Сэм.— Я состою на службе у этого-вот джентльмена, и у меня место очень хорошее.

— Работы мало, а получаете, кажется, много,— шутливо заметил королевский юрисконсульт Базфаз.

— О, получаю вполне достаточно, сэр, как сказал солдат, когда его приговорили к тремстам пятидесяти ударам плетью,— отвечал Сэм.

— Вам незачем сообщать нам, сэр, что сказал солдат или кто-то другой,— перебил судья.— Это не относится к свидетельским показаниям.

— Очень хорошо, милорд,— ответил Сэм.

— Не припомните ли вы чего-нибудь исключительного в то утро, когда вы только что поступили на службу к ответчику, мистер Уэллер? — спросил королевский юрисконсульт Базфаз.

— Да, припоминаю, сэр,— ответил Сэм.

— Будьте добры сообщить присяжным, что произошло.

— В то утро я получил, регулярно, новый костюм, джентльмены присяжные, и это было совсем исключительное и необычайное обстоятельство для меня в то время,— заявил Сэм.

В ответ раздался общий хохот, а маленький судья поднял глаза, сердито посмотрел и сказал:

— Советую вам быть осторожнее, сэр!

— Вот это самое сказал мне тогда и мистер Пиквик, милорд,— отвечал Сэм.— И я был очень осторожен с этим-вот костюмом; право же, очень осторожен, милорд.

Судья сурово смотрел на Сэма в течение добрых двух минут, но физиономия Сэма оставалась столь невозмутимо спокойной и безмятежной, что судья не сказал ни слова и жестом предложил королевскому юрисконсульту Базфазу продолжать.

— Вы хотите сказать, мистер Уэллер,— произнес королевский юрисконсульт Базфаз, внушительно складывая на груди руки и поворачиваясь вполоборота к присяжным, словно давая немое заверение, что еще допечет свидетеля,— вы хотите сказать, мистер Уэллер, что вы не видели этого обморока истицы в объятиях ответчика — обморока, о котором, как вы слышали, говорили свидетели?

— Конечно, не видел,— ответил Сэм.— Я был в коридоре, пока меня не позвали наверх, а тогда старой леди там уже не было.

— Но позвольте, мистер Уэллер,— сказал королевский юрисконсульт Базфаз, опуская большое перо в стоявшую перед ним чернильницу в расчете запугать Сэма тем, что записывает его ответ.— Вы были в коридоре

и тем не менее не видели решительно ничего, что происходило. Есть у вас глаза, мистер Уэллер?

— Да, у меня есть глаза,— ответил Сэм,— и в этом-то все дело. Будь у меня вместо них пара патентованных газовых микроскопов * особой силы, увеличивающих в два миллиона раз, может быть я и увидел бы сквозь лестницу и сосновую дверь, но коли у меня есть только глаза, то, понимаете ли, зрение мое ограничено.

Услышав такой ответ, который был дан без малейшего раздражения и с величайшим простодушием и хладнокровием, зрители захихикали, маленький судья улыбнулся,— вид у королевского юрисконсульта Базфаза был отменно глупый. После краткой консультации с Додсоном и Фоггом высокоученый королевский юрисконсульт снова обратился к Сэму и сказал, усиленно стараясь скрыть досаду.

— Теперь, мистер Уэллер, с вашего разрешения, я задам еще один вопрос по другому пункту.

— К вашим услугам, сэр,— отозвался Сэм с беспредельным добродушием.

— Припоминаете ли вы, что как-то вечером, в ноябре прошлого года, вы зашли к миссис Бардл?

— О да, прекрасно помню.

— А, вы это помните, мистер Уэллер! — сказал королевский юрисконсульт Базфаз, воспрянув духом.— Я так и думал, что в конце концов мы до чего-нибудь договоримся.

— Я тоже так думал, сэр,— ответил Сэм, и слушатели снова захихикали.

— Так вот, я полагаю, вы зашли побеседовать об этом процессе, не так ли, мистер Уэллер? — сказал королевский юрисконсульт Базфаз, многозначительно взглядывая на присяжных.

— Я зашел, чтобы уплатить за квартиру, но мы и в самом деле побеседовали о процессе,— ответил Сэм.

— О, так вы побеседовали о процессе! — подхватил королевский юрисконсульт Базфаз, с удовольствием предвкушая важное разоблачение.— Ну, так что же вы говорили о процессе, не будете ли вы так добры сообщить нам, мистер Уэллер?

— С величайшим удовольствием, сэр,— отозвался Сэм.— После нескольких незначительных замечаний,

сделанных двумя добродетельными женщинами, которых допрашивали здесь сегодня, леди выразили большой восторг по случаю достойного поведения мистеров Додсона и Фогга — вон тех двух джентльменов, что сидят сейчас возле вас.

Эти слова, разумеется, привлекли всеобщее внимание к Додсону и Фоггу, которые приняли по возможности добродетельный вид.

— Поверенные истицы,— пояснил королевский юрисконсульт Базфаз.— Прекрасно! Они высказались с большой похвалой о достойном поведении мистеров Додсона и Фогга, поверенных истицы, не так ли?

— Да,— подтвердил Сэм,— они говорили о том, как это великодушно со стороны джентльменов принять это дело на свой риск и не требовать уплаты судебных издержек, если им ничего не удастся вытянуть из мистера Пиквика.

При этом весьма неожиданном ответе зрители снова захихикали, а Додсон и Фогг, сильно покраснев, наклонились к королевскому юрисконсульту Базфазу и торопливо стали шептать ему что-то на ухо.

— Вы совершенно правы,— громко сказал королевский юрисконсульт Базфаз с притворным спокойствием.— Совершенно бесполезно, милорд, пытаться пробить непроницаемую тупость этого свидетеля. Не буду утруждать суд дальнейшими вопросами. Можете удалиться, сэр.

— Не желает ли еще какой-нибудь джентльмен спросить меня о чем-нибудь? — осведомился Сэм, беря свою шляпу и озираясь с большим спокойствием.

— Мне не нужно, мистер Уэллер, благодарю вас,— смеясь, сказал королевский юрисконсульт Снаббин.

— Вы можете удалиться сэр,— сказал королевский юрисконсульт Базфаз, нетерпеливо махнув рукой.

Сэм удалился, нанеся делу мистеров Додсона и Фогга такой ущерб, какой мог нанести, не нарушая приличий и почти ничего не сообщив о мистере Пиквике, что и было целью, которую он преследовал.

— Я не буду отрицать, милорд,— сказал королевский юрисконсульт Снаббин,— если это избавит нас от допроса других свидетелей,— не буду отрицать того, что

мистер Пиквик удалился от дел и имеет значительное и независимое состояние.

— Очень хорошо! — сказал королевский юрисконсульт Базфаз, предъявляя обе записки мистера Пиквика.— Больше мне нечего добавить, милорд.

Засим королевский юрисконсульт Снаббин обратился к присяжным с речью в защиту ответчика и произнес очень длинную, очень выразительную речь, в которой осыпал величайшими похвалами поведение и характер мистера Пиквика; но так как наши читатели могут составить более правильное представление о заслугах и качествах этого джентльмена, чем королевский юрисконсульт Снаббин, то мы считаем излишним излагать сколько-нибудь подробно наблюдения высокоученого джентльмена. Он пытался доказать, что предъявленные суду письма относились только к обеду мистера Пиквика или к приготовлению для приема в занимаемой им квартире по случаю его возвращения из какой-то загородной экскурсии. Достаточно добавить в общих словах, что он сделал все возможное для мистера Пиквика, а больше того, что можно сделать, не сделаешь, как гласит старая истина.

Судья Стейрли сказал напутственное слово по давно установленной и самой испытанной форме. Он прочел присяжным столько своих заметок, сколько успел расшифровать за такой короткий срок, и попутно дал беглые комментарии к свидетельским показаниям. Если миссис Бардл права, то совершенно ясно, что мистер Пиквик не прав, и если присяжные считают показания миссис Клаппинс достойными доверия, то они им поверят, а если не считают — они им, конечно, не поверят. Если они убеждены, что нарушение брачного обещания имело место, они решат дело в пользу истицы, с возмещением убытков, какое сочтут подобающим, а если, с другой стороны, они найдут, что никакого брачного обещания не было дано, то решат дело в пользу ответчика, без всякого возмещения убытков.

Затем присяжные удалились в совещательную комнату, чтобы обсудить дело, а судья удалился в отведенную для него комнату, чтобы подкрепиться бараньей котлетой и рюмкой хереса.

Прошло тревожных четверть часа; присяжные вернулись, и был вызван судья. Мистер Пиквик надел очки и с возбужденным видом и сильно бьющимся сердцем смотрел на старшину присяжных.

— Джентльмены,— сказал субъект в черном,— ваш вердикт вынесен единогласно?

— Да,— ответил старшина.

— Дело решено в пользу истицы, джентльмены, или в пользу ответчика?

— В пользу истицы.

— В какой сумме выражаются убытки, джентльмены?

— Семьсот пятьдесят фунтов.

Мистер Пиквик снял очки, старательно протер стекла, уложил очки в футляр и спрятал в карман; затем, натянув с большой аккуратностью перчатки и не спуская при этом глаз со старшины, он машинально вышел из суда вслед за мистером Перкером и его синим мешком.

Они задержались в боковой комнате, пока Перкер делал полагающиеся судебные взносы; здесь к мистеру Пиквику присоединились его друзья. И здесь же он встретил мистеров Додсона и Фогга, потиравших руки, не скрывая удовольствия.

— Ну, как, джентльмены? — сказал мистер Пиквик.

— Ну, как сэр? — сказал Додсон за себя и за партнера.

— Вы воображаете, что получите свои издержки, не так ли, джентльмены? — сказал мистер Пиквик.

Фогг сказал, что они считают это довольно вероятным. Додсон улыбнулся и сказал, что они постараются.

— Вы можете стараться, стараться и еще раз стараться, мистеры Додсон и Фогг! — с жаром воскликнул мистер Пиквик.— Но ни единого фартинга издержек и вознаграждения за убытки вы от меня не получите, хотя бы мне пришлось провести конец жизни в долговой тюрьме!

— Ха-ха! — рассмеялся Додсон.— Вы еще передумаете, прежде чем начнется следующая сессия, мистер Пиквик.

— Хи-хи-хи! Скоро мы это увидим, мистер Пиквик! — осклабился Фогг.

Онемев от негодования, мистер Пиквик позволил увести себя своему поверенному и друзьям и усадить в карету, которую нанял всегда бдительный Сэм Уэллер.

Сэм закрепил подножку и уже собирался вскочить на козлы, когда почувствовал, что кто-то дотронулся до его плеча, и, оглянувшись, увидел перед собою отца. Физиономия старого джентльмена выражала уныние, он серьезно покачал головой и сказал укоризненным тоном:

— Я так и знал, что выйдет из такого способа вести дела. О Сэмми, Сэмми, почему не было алиби!

ГЛАВА XXXV,

в которой мистер Пиквик убеждается, что лучше всего ему отправиться в Бат, и поступает соответственно*

— Разумеется, уважаемый сэр, вы не предполагаете в самом деле и всерьез — оставим раздражение в стороне — не платить судебных издержек и вознаграждения за убытки? — сказал маленький Перкер, явившись к мистеру Пиквику на следующее утро после суда.

— Ни полпенни,— твердо сказал мистер Пиквик.— Ни полпенни!

— Ура! Да здравствует принцип, как сказал ростовщик, когда не хотел переписать вексель,— заметил мистер Уэллер, который убирал со стола после завтрака.

— Сэм,— сказал мистер Пиквик,— будьте так добры, ступайте вниз.

— Есть, сэр,— ответил мистер Уэллер и, повинуясь деликатному намеку мистера Пиквика, удалился.

— Нет, Перкер,— сказал мистер Пиквик весьма серьезно,— мои друзья, здесь присутствующие, пытались отговорить меня от этого решения, но безуспешно. Я буду жить по-старому, пока противная сторона не получит полномочия привести в исполнение постановление суда; если они окажутся настолько подлы, что воспользуются этим и арестуют меня, я подчинюсь с полным спокойствием и безропотно. Когда они могут добиться этого?

— Они могут получить исполнительное решение, уважаемый сэр, на сумму вознаграждения за убытки и судебных издержек в следующую сессию,— ответил Перкер,— ровно через два месяца, уважаемый сэр.

— Очень хорошо,— сказал мистер Пиквик.— До тех пор, дорогой мой, не заговаривайте со мной об этом деле. А теперь,— продолжал мистер Пиквик, оглядывая своих друзей с добродушной улыбкой и поблескивая глазами, и этого блеска не могли ни затуманить, ни скрыть никакие очки,— единственный вопрос сводится к тому, куда нам направиться прежде всего?

Мистер Тапмен и мистер Снодграсс были слишком потрясены героизмом своего друга, чтобы дать какой-нибудь ответ; мистер Уинкль еще не настолько справился с воспоминанием о своих показаниях на суде, чтобы сделать какое бы то ни было замечание по какому бы то ни было поводу, и мистер Пиквик тщетно ждал ответа.

— Ну, что ж,— сказал сей джентльмен,— если вы предоставляете мне выбрать место, я предлагаю Бат. Мне кажется, никто из нас там никогда не бывал.

Никто там не бывал; и так как эта идея была горячо поддержана Перкером, который считал весьма вероятным, что перемена обстановки и развлечение побудят мистера Пиквика изменить свое решение на лучшее и свое мнение о долговой тюрьме на худшее, то предложение было принято единогласно, и Сэм немедленно отправился в «Погреб Белого Коня» заказать пять мест в карете, отходившей в половине восьмого следующего утра.

Оставалось два внутренних места и три на крыше; поэтому Сэм Уэллер взял билеты на все места и, обменявшись с клерком билетной кассы несколькими комплиментами по поводу оловянной полукроны, которую ему предложили в счет сдачи, вернулся в «Джордж и Ястреб», где был не на шутку занят до ночи, стараясь компактнее уложить одежду и белье и изощряя свои способности в области механики на изобретение различных хитроумных способов приладить крышки к ящикам, не имеющим ни замков, ни петель.

Следующее утро было весьма неблагоприятно для путешествия — туманное, сырое и дождливое. Лошади, запряженные в пассажирские кареты, проехав по городу, окутаны были таким облаком пара, что наружные пассажиры стали невидимками. Газетчики промокли, и от них пахло плесенью; вода стекала со шляп торговцев апель-

синами, когда они просовывали головы в окна кареты и освежали пассажиров струей воды. Евреи, торговавшие перочинными ножами с пятьюдесятью лезвиями, в отчаянии закрыли их. Продавцы карманных записных книжек спрятали их в карманы. Цепочки от часов и вилки для поджаривания гренков продавались по пониженной цене, а на пеналы и губки спроса вовсе не было.

Предоставив Сэму Уэллеру спасать багаж от семи-восьми носильщиков, которые неистово на него набросились, как только карета остановилась, и убедившись, что они приехали минут на двадцать раньше, чем следовало, мистер Пиквик и его друзья нашли приют в зале для пассажиров — последнем пристанище человеческой скорби.

Зал для пассажиров в «Погребе Белого Коня», конечно, не комфортабелен, иначе он не был бы залом для пассажиров. Комната эта расположена направо от входа, и в нее как будто ввалился честолюбивый кухонный очаг в сопровождении мятежной кочерги, щипцов и совка. Она разбита на отделения для одиночного заключения пассажиров и снабжена часами, зеркалом и живым сервантом, каковой предмет обстановки содержится в маленькой конуре для мытья стаканов, в углу комнаты.

Одно из отделений было занято на сей раз человеком лет сорока пяти, с сердитыми глазами, блестящей лысиной, обрамленной довольно густыми черными волосами, и с большими черными бакенбардами. Его коричневый сюртук был застегнут до подбородка, а большая дорожная шапка из тюленьей кожи, пальто и плащ лежали на скамье подле него. Когда вошел мистер Пиквик, он оторвался от своего завтрака со свирепым и решительным видом, преисполненным достоинства; осмотрев критически этого джентльмена и его спутников, к своему полному удовлетворению, он начал сквозь зубы напевать какой-то мотив, как бы желая выразить подозрение, что его хотят задеть, но из этого ничего не выйдет.

— Лакей! — крикнул джентльмен с бакенбардами.

— Сэр? — отозвался человек с грязным лицом и таким же полотенцем, вылезая из вышеупомянутой конуры.

— Еще гренков.

— Слушаю, сэр.

— С маслом, не забудьте,— свирепо сказал джентльмен.

— Сию минуту, сэр,— ответил лакей.

Джентльмен с бакенбардами продолжал напевать себе под нос и в ожидании прибытия гренков подошел к очагу и, заложив под мышки фалды сюртука, посмотрел на свои башмаки и задумался.

— Интересно, где останавливается в Бате эта карета,— тихо сказал мистер Пиквик, обращаясь к мистеру Уинклю.

— Гм... э... что такое? — проговорил незнакомец.

— Я обратился к своему другу, сэр,— ответил мистер Пиквик, всегда готовый вступить в разговор.— Я хотел бы знать, у какой гостиницы в Бате останавливается карета? Быть может, вы мне сообщите?

— Вы едете в Бат? — спросил незнакомец.

— Да, сэр,— отозвался мистер Пиквик.

— И эти джентльмены?

— И они также,— сказал мистер Пиквик.

— Не внутри, надеюсь? Будь я проклят, если вы собираетесь ехать внутри! — воскликнул незнакомец.

— Не все,— сказал мистер Пиквик.

— Надеюсь, не все! — выразительно произнес незнакомец.— Я занял два места. Если они попробуют всунуть шестерых в этот адский ящик, который вмещает только четверых, я найму дорожную карету и подам в суд. Я заплатил за проезд. Это не пройдет. Я сказал клерку, когда брал места, что это не пройдет. Я знаю, как это у них делается... Я знаю, что они проделывают это ежедневно, но со мной они этого никогда не проделают. Тем, кто меня знает, это хорошо известно, черт побери!

Свирепый джентльмен неистово позвонил в колокольчик и объявил лакею, чтобы тот подал гренки через пять секунд, иначе ему придется плохо.

— Мой дорогой сэр,— сказал мистер Пиквик,— разрешите мне заметить, что такое волнение совершенно излишне. Я взял только два места внутри кареты.

— Рад это слышать,— отозвался свирепый человек.— Беру назад свои слова. Прошу извинения. Вот моя карточка. Разрешите познакомиться.

— С большим удовольствием, сэр,— ответил мистер Пиквик.— Нам предстоит быть попутчиками, и, надеюсь, мы будем довольны обществом друг друга.

— Надеюсь,— сказал свирепый джентльмен.— Уверен, что будем. Мне нравятся ваши лица, они приятны. Джентльмены, ваши руки и фамилии. Познакомимся.

Разумеется, за этой любезной речью последовал обмен дружескими приветствиями, и свирепый джентльмен тотчас же начал сообщать друзьям теми же короткими, резкими, отрывистыми фразами, что его фамилия Даулер, что он едет в Бат для развлечения, что прежде он служил в армии, что теперь он занялся коммерцией, как подобает джентльмену, что он живет на получаемые от этого доходы и что лицо, для которого заказано второе место,— не более и не менее как миссис Даулер, его законная супруга.

— Она прекрасная женщина,— сказал мистер Даулер.— Я горжусь ею. У меня есть для этого основания.

— Надеюсь, я буду иметь удовольствие судить об этом,— с улыбкой заметил мистер Пиквик.

— Будете,— отозвался Даулер.— Она познакомится с вами... она оценит вас. Я ухаживал за ней при своеобразных обстоятельствах. Я добился ее, дав опрометчивую клятву. Я ее увидел; я ее полюбил; я сделал предложение, она мне отказала. «Вы любите другого?» — «Пощадите мою стыдливость».— «Я его знаю?» — «Знаете».— «Очень хорошо; если он не уедет отсюда, я сдеру с него кожу».

— Помилуй бог! — невольно воскликнул мистер Пиквик.

— Вы содрали кожу с этого джентльмена, сэр? — осведомился мистер Уинкль, сильно побледнев.

— Я написал ему записку. Я сказал, что это мучительная вещь. И это так.

— Несомненно,— вставил мистер Уинкль.

— Я сказал, что дал слово джентльмена содрать с него кожу. Моя репутация была поставлена на карту. У меня не было иного выхода. Как офицер службы его величества, я был обязан содрать с него кожу. Я жалел о такой необходимости, но я должен был это сделать. Он

внял убеждениям, он понял, что законы службы выше всего. Он бежал. Я женился на ней. Вот и карета. Это ее голова.

Тут мистер Даулер указал на только что подъехавшую карету, из открытого окна которой выглядывала довольно хорошенькая особа в ярко-синей шляпе, отыскивавшая глазами кого-то в толпе на тротуаре,— должно быть, этого неистового человека.

Мистер Даулер расплатился и выбежал со своей дорожной шапкой, пальто и плащом; мистер Пиквик и его друзья последовали за ним, чтобы занять места.

Мистер Тапмен и мистер Снодграсс уселись на задних наружных местах кареты; мистер Уинкль расположился внутри, и мистер Пиквик готовился последовать за ним, как вдруг Сэм Уэллер подошел к своему хозяину и, шепча ему на ухо с видом глубоко таинственным, попросил разрешения поговорить с ним.

— Ну, Сэм,— сказал мистер Пиквик,— что случилось?

— Чудные дела делаются, сэр,— ответил Сэм.

— Что такое? — осведомился мистер Пиквик.

— А вот что, сэр,— отозвался Сэм.— Я очень боюсь, сэр, что владелец этой-вот кареты хочет сыграть с нами дерзкую штуку.

— В чем дело, Сэм? — спросил мистер Пиквик.— Наши фамилии не занесены в список пассажиров?

— Фамилии не только занесены в список пассажиров, сэр,— отозвался Сэм,— но одну из них они вдобавок еще написали на дверце кареты.

С этими словами Сэм указал на ту часть каретной дверцы, на которой обычно значится фамилия владельца; а там и в самом деле золотыми буквами внушительных размеров была начертана магическая фамилия *«Пиквик»*.

— Ах, боже мой! — воскликнул мистер Пиквик, совершенно потрясенный таким совпадением.— Какая изумительная вещь!

— Да, но это не все,— сказал Сэм, снова привлекая внимание своего хозяина к дверце кареты.— Им мало было написать «Пиквик», они еще поставили перед ним «Мозес», а это уж я называю прибавлять к обиде оскорб-

ление, как сказал попугай, когда его не только увезли из родной страны, но заставили еще потом говорить по-английски.

— Конечно, это довольно странно, Сэм,— сказал мистер Пиквик,— но если мы будем стоять тут и разговаривать, мы останемся без мест.

— Как! Да разве ничего не нужно сделать по этому случаю, сэр? — воскликнул Сэм, совершенно ошеломленный тем хладнокровием, с каким мистер Пиквик собирался лезть в карету.

— Сделать? — повторил мистер Пиквик.— А что же можно сделать?

— Разве никого не нужно вздуть за такую вольность, сэр? — спросил мистер Уэллер, который надеялся, что ему будет поручено по меньшей мере вызвать тут же кучера и кондуктора на кулачный бой.

— Конечно, нет! — с живостью ответил мистер Пиквик.— Ни под каким видом! Немедленно полезайте на свое место.

— Я очень боюсь,— бормотал про себя Сэм, удаляясь,— что с хозяином случилось что-то неладное, иначе он никогда бы не снес этого так спокойно. Надеюсь, этот-вот процесс не пришиб его, но похоже, что дело дрянь, совсем дрянь!

Мистер Уэллер задумчиво покачал головой; и следует отметить для иллюстрации того, сколь близко к сердцу он принял это обстоятельство, что он не произнес больше ни слова, пока карета не остановилась у Кенсингтонской заставы. Для Сэма такой промежуток времени, проведенный в безмолвии, был столь длителен, что этот факт можно рассматривать как не имеющий прецедентов.

Ничего заслуживающего особого упоминания за время путешествия не случилось. Мистер Даулер рассказывал различные анекдоты, иллюстрирующие его собственную удаль и неустрашимость, и обращался к миссис Даулер за подтверждением своих слов; миссис Даулер неизменно сообщала, в виде приложения, какой-нибудь замечательный факт или обстоятельство, которые были забыты мистером Даулером или пропущены им из скромности; эти добавления, в каждом отдельном случае, должны были доказать, что мистер Даулер был еще бо́льшим молод-

цом, чем он сам себя изображал. Мистер Пиквик и мистер Уинкль слушали с большим восторгом, а в промежутках беседовали с миссис Даулер, весьма приятной и очаровательной особой. Итак, благодаря рассказам мистера Даулера, чарам миссис Даулер, добродушию мистера Пиквика и умению слушать мистера Уинкля пассажиры в карете коротали время самым дружественным образом.

Наружные пассажиры вели себя так, как всегда ведут себя наружные пассажиры. Они были очень беззаботны и болтливы после каждой остановки, и очень хмуры и сонливы на полпути, и снова очень веселы и оживленны перед остановкой. Один молодой джентльмен в резиновом плаще курил все время сигары; другой молодой джентльмен, облаченный в пародию на пальто, закуривал их в огромном количестве и, чувствуя себя явно не по себе после второй затяжки, выбрасывал их, когда ему казалось, что никто на него не смотрит. Третий молодой человек, который интересовался скотоводством, сидел на козлах, а сзади помещался пожилой джентльмен, хорошо знакомый с сельским хозяйством. Постоянно сменялись рабочие блузы и белые куртки, которые получали от кондуктора предложение «подвезти» их и знали каждую лошадь и каждого конюха на этой дороге и в стороне от нее. Обед по полкроны с едока был бы дешев, если бы умеренное количество едоков могло поглотить его во время краткой остановки. В семь часов пополудни мистер Пиквик со своими друзьями и мистер Даулер с супругой разошлись по своим комнатам в гостинице «Белый Олень» против Большой галереи минеральных вод Бата, где лакеев можно принять по костюму за учеников Вестминстерской школы, если бы они не нарушали иллюзии тем, что держат себя гораздо учтивее.

На следующее утро, едва был убран со стола завтрак, лакей подал визитную карточку мистера Даулера, который просил разрешения представить своего друга. Немедленно вслед за визитной карточкой явился собственной персоной мистер Даулер со своим другом.

Друг оказался очаровательным молодым человеком, не старше пятидесяти лет, одетым в очень яркий синий фрак с ослепительными пуговицами, черные панталоны

и пару тончайших и безукоризненно вычищенных башмаков. Золотой лорнет висел на короткой черной ленте; золотая табакерка зажата в левой руке; бесчисленные золотые кольца блестели на пальцах, и булавка с большим бриллиантом в золотой оправе сверкала у него в жабо. На нем были золотые часы и золотая цепочка с массивными золотыми печатями; в руке гибкая трость черного дерева * с тяжелым золотым набалдашником. Белье у него было самое белоснежное, тонкое и туго накрахмаленное; парик самый глянцевитый, самый черный и самый кудрявый. Его нюхательный табак назывался «Смесью принца»; его духи — «Bouquet du roi». На лице его всегда сияла улыбка, а его зубы были в таком безупречном порядке, что на небольшом расстоянии не удалось бы отличить настоящие от вставных.

— Мистер Пиквик,— сказал мистер Даулер,— это мой друг Энджело-Сайрес Бентам, эсквайр, церемониймейстер Бентам; мистер Пиквик, познакомьтесь.

— Добро пожаловать в Ба-ат, сэр. Вот это поистине приобретение. Еще раз добро пожаловать в Ба-ат, сэр. Давно, очень давно, мистер Пиквик, вы не бывали на здешних водах. Кажется, будто целый век прошел, мистер Пиквик. За-амечательно.

С этими словами Энджело-Сайрес Бентам, эсквайр, церемониймейстер, взяв руку мистера Пиквика и задержав в своей руке, приподнял плечи и, не переставая, кланялся, словно для него было мучительным испытанием выпустить ее.

— Несомненно, очень много времени прошло с тех пор, как я не бывал на водах,— отозвался мистер Пиквик,— ибо, насколько мне известно, я никогда здесь не бывал.

— Не бывали в Ба-ате, мистер Пиквик? — воскликнул церемониймейстер, в изумлении выпуская его руку.— Не бывали в Ба-ате? Хи-хи! Мистер Пиквик, вы шутник. Недурно, недурно! Хорошо! Хи-хи-хи! За-амечательно!

— К стыду своему, должен сказать, что я не шучу,— возразил мистер Пиквик.— Я действительно никогда не бывал здесь раньше.

— О, понимаю! — воскликнул церемониймейстер с чрезвычайно довольным видом.— Да, да... хорошо, хо-

рошо... все лучше и лучше. Вы тот самый джентльмен, о котором мы столько слышали. Да, мы вас знаем, мистер Пиквик, мы вас знаем!

«Судебные отчеты в этих проклятых газетах,— подумал мистер Пиквик.— Здесь все обо мне знают!»

— Вы — джентльмен, проживающий в Клепхем-Грине *,— продолжал Бентам,— у вас отнялись руки и ноги оттого, что вы по неосторожности простудились после портвейна. Вас нельзя было перевозить вследствие острых болей, вы приказали наполнить бутылки водой в сто три градуса из королевского источника и доставить целую фуру в вашу спальню в Лондоне, где вы выкупались, чихнули и в тот же день выздоровели! За-мечательно!

Мистер Пиквик поблагодарил за комплимент, заключавшийся в таком предположении, но у него хватило скромности отклонить его; и, воспользовавшись минутным молчанием церемониймейстера, он попросил разрешения представить своих друзей, мистера Тапмена, мистера Уинкля и мистера Снодграсса, знакомство с коими преисполнило церемониймейстера радостью и гордостью.

— Бентам,— сказал мистер Даулер,— мистер Пиквик и его друзья — приезжие. Они должны вписать свои фамилии. Где книга?

— Регистрационная книга знатных посетителей Баата будет в галерее сегодня в два часа,— ответил церемониймейстер.— Быть может, вы приведете наших друзей в это роскошное помещение и предоставите мне возможность получить их автографы?

— Хорошо,— отозвался Даулер.— Мы засиделись. Пора идти. Я вернусь через час. Идемте.

— Сегодня вечером будет бал,— сказал церемониймейстер и, вставая, чтобы удалиться, снова завладел рукой мистера Пиквика.— Балы в Ба-ате — минуты, похищенные из рая; им придает очарование музыка, красота, элегантность, мода, этикет и... и прежде всего отсутствие торговцев, которые совершенно несовместимы с раем и которые устраивают свои собственные собрания в Гилдхолле каждые две недели — собрания, по меньшей мере, замечательные. До свиданья, до свиданья!

И, уверяя все время, пока спускался по лестнице, что он в высшей степени доволен, и в высшей степени восхищен, и в высшей степени потрясен, и в высшей степени польщен, Энджело-Сайрес Бентам, эсквайр, церемониймейстер, уселся в элегантный экипаж, который дожидался его, и укатил.

В назначенный час мистер Пиквик и его друзья, эскортируемые Даулером, отправились в Залы ассамблей и записали свои имена в книге — любезность, которая привела Энджело Бентама в еще большее восхищение. Так как всем нужно было запастись билетами на вечернее собрание и так как они еще не были готовы, мистер Пиквик решил, несмотря на все протесты Энджело Бентама, послать за ними Сэма в четыре часа дня на квартиру церемониймейстера на Квин-сквер. Совершив небольшую прогулку по городу и придя к единогласному заключению, что Парк-стрит очень напоминает те перпендикулярные улицы, которые случается видеть во сне, но по которым ни за какие блага в мире не удается пройти, они вернулись к «Белому Оленю» и послали Сэма с поручением, которое передал ему хозяин.

Сэм Уэллер надел шляпу весьма небрежно и элегантно и, засунув руки в карманы жилета, отправился не спеша к Квин-сквер, насвистывая при этом самые популярные мотивы, аранжированные совершенно по-новому для такого благородного инструмента, как шарманка или губная гармоника. Дойдя до того дома на Квин-сквер, куда его послали, он перестал свистеть и беззаботно постучался в дверь; на стук немедленно вышел лакей с напудренной головой, в превосходной ливрее и симметрического телосложения.

— Здесь живет мистер Бентам, старина? — осведомился Сэм Уэллер, нимало не смущенный тем ослепительным великолепием, какое явилось перед ним в лице напудренного лакея, облаченного в превосходную ливрею.

— Что нужно, молодой человек? — последовал высокомерный вопрос напудренного лакея.

— Если он живет здесь, то ступайте к нему с этой-вот карточкой и скажите, что мистер Уэллер ждет, понимаете? — сказал Сэм.

С этими словами он хладнокровно вошел в вестибюль и уселся.

Напудренный лакей очень громко хлопнул дверью и очень величественно нахмурился: но ни хлопанье, ни хмурый вид не произвели впечатления на Сэма, который разглядывал с критическим одобрением стойку красного дерева для зонтов.

По-видимому, отношение хозяина к визитной карточке расположило напудренного лакея в пользу Сэма, ибо, когда он передал ее и вернулся, он улыбался дружелюбно и сказал, что ответ сейчас будет готов.

— Очень хорошо,— отозвался Сэм.— Скажите старому джентльмену, чтобы он не вгонял себя в пот. Дело не к спеху, приятель, ну и верзила же вы... Я уже пообедал.

— Вы обедаете рано, сэр,— сказал напудренный лакей.

— Я нахожу, что лучше справляюсь с ужином, если обедаю рано,— ответил Сэм.

— Давно ли вы в Бате, сэр? — осведомился напудренный лакей.— Я не имел удовольствия слышать о вас раньше.

— Я пока еще не произвел здесь поразительной сенсации,— пояснил Сэм,— потому что я и другие модные джентльмены приехали только вчера вечером.

— Славное местечко, сэр,— сказал напудренный лакей.

— Похоже на то,— заметил Сэм.

— Хорошее общество, сэр,— продолжал напудренный лакей.— Лучшая прислуга, сэр.

— Я бы тоже так сказал,— отозвался Сэм.— Приветливые, простые ребята, слова из них не вытянешь.

— О, совершенно верно, вот именно, сэр! — подтвердил напудренный лакей, истолковав замечание Сэма как величайший комплимент.— Вот именно. Вы это употребляете, сэр? — осведомился рослый лакей, извлекая маленькую табакерку с лисьей головой на крышке.

— Да, но чихаю,— ответил Сэм.

— Признаюсь, это нелегко, сэр,— согласился рослый лакей.— К этому нужно привыкать постепенно, сэр.

Лучше всего практиковаться на кофе. Я долго носил с собой кофе. Он очень напоминает рапè *, сэр.

Резкий звонок поставил напудренного лакея перед постыдной необходимостью спрятать лисью голову в карман и поспешить со смиренной физиономией в «рабочий кабинет» мистера Бентама. Кстати, знал ли кто человека, который ничего не читает и ничего не пишет, но у которого не было бы маленькой задней комнаты, именуемой «рабочим кабинетом»?

— Вот ответ, сэр,— сказал напудренный лакей.— Боюсь, что он покажется вам обременительным по величине.

— Не стоит об этом говорить,— отозвался Сэм, беря письмо в самодельном конвертике.— Есть надежда, что мое истощенное тело как-нибудь выдержит.

— Надеюсь, мы еще встретимся, сэр,— сказал напудренный лакей, потирая руки и провожая Сэма до порога.

— Благодарю вас, сэр,— отозвался Сэм,— но не трудитесь, не утомляйтесь чрезмерно; вы очень любезны. Подумайте, как вы нужны обществу, и не допускайте, чтобы вам повредила непосильная работа. Ради ваших ближних берегите свое спокойствие; вы только подумайте, какая бы это была потеря!

С такими патетическими словами Сэм Уэллер удалился.

— Это очень странный молодой человек,— сказал напудренный лакей, глядя вслед мистеру Уэллеру; физиономия лакея явно выражала, что он не может его раскусить.

Сэм ничего не сказал. Он подмигнул, тряхнул головой, снова подмигнул и весело удалился; лицо его, казалось, свидетельствовало о том, что он весьма позабавился.

Вечером, ровно в восемь часов без двадцати минут, Энджело-Сайрес Бентам, эсквайр, церемониймейстер, вышел из своего экипажа у входа в Залы ассамблей, все в том же парике, с теми же зубами, с тем же лорнетом, с теми же часами и печатками, с теми же кольцами, с той же булавкой, с тою же тростью.

Единственным заметным изменением в его внешности было то, что он надел более яркий синий фрак на белой

шелковой подкладке, черные туго натянутые панталоны, черные шелковые чулки и бальные туфли, белый жилет и, если это только возможно, чуть-чуть сильнее надушился.

В этом наряде церемониймейстер, приступая к исполнению важных обязанностей, возлагаемых на него ответственной должностью, занял место в зале, чтобы принимать гостей.

В Бате был съезд, гости и шестипенсовики за чай вливались потоком. В бальном зале, в длинном игорном зале, в восьмиугольном игорном зале, на лестницах и в коридорах гул многочисленных голосов и шарканье многочисленных ног буквально оглушали. Платья шелестели, перья развевались, огни сияли, драгоценные камни сверкали. Слышалась музыка — не оркестра, ибо кадриль еще не началась,— а музыка тихих, легких шагов, в которую врывался чистый веселый смех — мягкий и нежный женский смех, очень приятный для слуха в Бате, так же как и в других местах. Блестящие глаза, разгоревшиеся от предвкушаемого удовольствия, сияли, и куда бы вы ни взглянули, какая-нибудь очаровательная фигура грациозно скользила в толпе и не успевала скрыться, как ее уже заменяла другая, такая же изысканная и обольстительная.

В чайном зале и вокруг карточных столов толпилось основательное количество чудных старых леди и дряхлых старых джентльменов, обсуждавших все мелкие сплетни и скандалы истекшего дня с таким вкусом и смаком, которые в достаточной мере свидетельствовали о степени удовольствия, извлекаемого ими из этого занятия. К этим группам примыкали три-четыре охотящиеся за женихами мамаши, делая вид, будто всецело поглощены разговором, но не забывая время от времени поглядывать искоса и с тревогой на своих дочерей, которые, помня материнский наказ использовать свою молодость наилучшим образом, уже начали предварительный флирт, теряя шарфы, путая перчатки, опрокидывая чашки и так далее,— все это как будто мелочи, но опытные особы добиваются благодаря им поразительно успешных результатов.

У дверей и в дальних углах расположились группами глупые юноши, демонстрирующие разнообразные виды

фатовства и тупости, забавляя всех разумных людей, находившихся поблизости, своим шутовством и самодовольством и пребывая в блаженной уверенности, что они — предмет всеобщего восхищения. Таково мудрое и милосердное распределение даров провидением, против которого не будет возражать ни один добрый человек.

И, наконец, на задних скамьях, где они уже заняли места на весь вечер, сидели различные незамужние леди, перешагнувшие критический возраст, которые не танцевали, ибо кавалеров для них не было, и не играли в карты из боязни прослыть безнадежными старыми девами, а потому занимали выгодную позицию, имея возможность злословить обо всех и самим оставаться в тени. И они злословили обо всех, ибо здесь были все. Зрелище было веселое, блестящее и пышное: роскошные наряды, прекрасные зеркала, натертые до блеска полы, жирандоли и восковые свечи; и всюду, молчаливо скользя с места на место, кланяясь подобострастно одной группе, кивая фамильярно другой и улыбаясь самодовольно всем, двигалась элегантно одетая фигура Энджело-Сайреса Бентама, эсквайра, церемониймейстера.

— Зайдите в чайный зал, приготовьте шестипенсовики. Они наливают горячей воды и называют это чаем. Отведайте! — произнес мистер Даулер громким голосом, ведя мистера Пиквика, который шел во главе своей маленькой группы под руку с миссис Даулер.

Мистер Пиквик повернул в чайный зал, и, завидев его, мистер Бентам штопором ввинтился в толпу и восторженно приветствовал его:

— Дорогой мой сэр, я весьма польщен, Ба-ат осчастливлен. Миссис Даулер, вы — украшение зала. Поздравляю вас — какие перья! За-амечательно!

— Кто-нибудь есть здесь? — подозрительно осведомился Даулер.

— Кто-нибудь?! Сливки Ба-ата! Мистер Пиквик, видите вы эту леди в газовом тюрбане?

— Полную пожилую леди? — простодушно спросил мистер Пиквик.

— Тсс, дорогой мой сэр! В Ба-ате нет ни полных, ни пожилых. Это вдовствующая леди Снафенаф.

— Вот как! — сказал мистер Пиквик.

— Она самая, уверяю вас,— подтвердил церемониймейстер.— Тише! Подойдите ближе, мистер Пиквик. Видите, сюда идет великолепно одетый молодой человек?

— Вот этот, с длинными волосами и удивительно маленьким лбом? — осведомился мистер Пиквик.

— Да. В настоящее время самый богатый молодой человек в Ба-ате. Молодой лорд Мютенхед.

— Что вы говорите? — откликнулся мистер Пиквик.

— Да. Через секунду вы услышите его голос, мистер Пиквик. Он заговорит со мной. Другой джентльмен, в красном жилете и с темными усами,— почтенный мистер Краштон, его закадычный друг. Как поживаете, милорд?

— Очень жагко, Бентам,— сказал его лордство.

— Действительно, очень жарко, милорд,— ответил церемониймейстер.

— Чертовски! — подтвердил почтенный мистер Краштон.

— Видели ли вы колясочку его лордства, Бентам? — осведомился почтенный мистер Краштон после недолгого молчания, пока молодой лорд Мютенхед пытался смутить своим взором мистера Пиквика, а мистер Краштон размышлял о том, на какую тему предпочтительно мог бы поговорить милорд.

— Ах, боже мой! — воскликнул церемониймейстер.— Колясочка! Какая превосходная идея! За-амечательно!

— Милюсегдное небо! — сказал милорд.— Я думал, что все видели новую колясочку. Это пгостейшая, кгасивейшая, элегантнейшая вещь, котогая когда-либо двигалась на колесах. Выкгашена в кгасный цвет, лошадь молочно-пегая.

— Настоящий ящик для писем, и все на месте,— сказал почтенный мистер Краштон.

— И маленькое сиденье впегеди, с железной пегекладиной для кучега,— добавил его лордство.— На днях я ездил в Бгистоль, в ягко-кгасном фгаке, а двое слуг ехали сзади на гасстоянии четвегти мили. И будь я пгоклят, если нагод не выбегал из коттеджей, останавливал меня и спгашивал, не почтальон ли я! Чудесно, чудесно!

Рассказав этот анекдот, милорд рассмеялся от души, что, конечно, сделали и слушатели. Затем, продев свою

руку под руку подобострастного мистера Краштона, лорд Мютенхед удалился.

— Очаровательный молодой человек — милорд,— сказал церемониймейстер.

— Да, как будто,— сухо отозвался мистер Пиквик.

Когда начались танцы, и со всеми необходимыми официальными представлениями было покончено, и все приготовления сделаны, Энджело Бентам вернулся к мистеру Пиквику и повел его в игорный зал.

В тот самый момент, когда они вошли, вдовствующая леди Снафенаф и еще две леди, на вид очень древние и преданные висту, бродили вокруг ломберного стола. Завидев мистера Пиквика под конвоем Энджело Бентама, они переглянулись и решили, что это как раз то лицо, которого недоставало для роббера.

— Дорогой мой Бентам,— ласково сказала леди Снафенаф,— найдите нам какого-нибудь приятного человека, чтобы составить партию, будьте так любезны.

В этот момент мистер Пиквик смотрел в другую сторону, и миледи кивнула головой, указывая на него и выразительно сдвигая брови.

— Мой друг, мистер Пиквик, миледи, будет очень счастлив, я уверен, весьма-а счастлив,— сказал церемониймейстер, поняв намек.

— Мистер Пиквик, леди Снафенаф, полковница Уагсби, мисс Боло.

Мистер Пиквик поклонился каждой из этих леди и, убедившись, что ускользнуть нельзя, взял колоду карт и снял. Мистер Пиквик и мисс Боло против леди Снафенаф и полковницы Уагсби.

В начале второй сдачи, лишь только был открыт козырь, две молоденькие леди вбежали в комнату и стали по обе стороны полковницы Уагсби, терпеливо выжидая окончания партии.

— Ну, Джейн, в чем дело? — спросила полковница Уагсби, обращаясь к одной из девушек.

— Я пришла спросить, мама, можно ли мне танцевать с мистером Кроули,— прошептала младшая и более миловидная.

— Боже мой, Джейн, как ты могла об этом подумать? — с негодованием отозвалась мама.— Разве ты

не слышала много раз, что у его отца всего восемьсот фунтов ежегодного дохода, который прекращается с его смертью? Мне стыдно за тебя. Ни под каким видом!

— Мама! — прошептала другая, которая была гораздо старше своей сестры, очень вялая и чопорная.— Мне был представлен лорд Мютенхед. Я сказала, что, *кажется,* я еще не ангажирована.

— Ты умница, моя милая,— ответила полковница Уагсби, прикасаясь веером к щеке дочери,— и на тебя всегда можно положиться. Он чрезвычайно богат, моя дорогая. Да благословит тебя бог!

С этими словами полковница Уагсби ласково поцеловала старшую дочь и, бросив в виде предостережения хмурый взгляд на младшую, принялась разбирать карты.

Бедный мистер Пиквик! Он никогда не играл с тремя искусными игроками женского пола. Они были так сообразительны, что совсем запугали его. Если он ходил не с той карты, мисс Боло пронзала его взглядом, словно целым арсеналом кинжалов; если он медлил, обдумывая, с какой карты пойти, леди Снафенаф откидывалась на спинку стула и улыбалась с нетерпением и жалостью полковнице Уагсби; в ответ на это полковница Уагсби пожимала плечами и кашляла, как будто хотела намекнуть, что не уверена, пойдет ли он вообще когда-нибудь. В конце каждой игры мисс Боло осведомлялась с печальной миной и укоризненным вздохом, почему мистер Пиквик не повторял бубен или треф, или пропустил, или не прорезал червей, или не проводил онера, или не снес туза, или не ходил под короля, или еще что-нибудь; и в ответ на все эти серьезные обвинения мистер Пиквик решительно ничего не мог сказать в свое оправдание, забыв за это время все правила игры. Вдобавок публика подходила и глазела, что действовало мистеру Пиквику на нервы. Наконец, очень отвлекали разговоры, которые велись близ стола между Энджело Бентамом и двумя мисс Метинтерс, незамужними и капризными девами, которые очень ухаживали за церемониймейстером в надежде заполучить случайного кавалера. Все это вместе взятое, а также шум и непрерывная ходьба привели к тому, что мистер Пиквик играл неважно; вдобавок ему не везло; и когда в десять минут двенадцатого игра была

закончена, мисс Боло поднялась из-за стола заметно взволнованная и откравилась прямо домой в слезах и в портшезе.

Соединившись со своими друзьями, которые все до единого заявили, что вряд ли они могли провести вечер с бо̀льшим удовольствием, мистер Пиквик направился вместе с ними к «Белому Оленю» и, успокоив свои чувства каким-то горячим напитком, лег в постель и заснул почти мгновенно.

ГЛАВА XXXVI,

содержанием коей главным образом является правдивое изложение легенды о принце Блейдаде и в высшей степени необычайное бедствие, постигшее мистера Уинкля

Предполагая остаться в Бате по крайней мере два месяца, мистер Пиквик счел за лучшее нанять на это время частную квартиру для себя и друзей, и так как им представился случай за умеренную цену снять на Ройел-Крессент верхний этаж дома, который был просторнее, чем им требовалось, мистер и миссис Даулер предложили занять у них спальню и гостиную.

Это предложение мистера и миссис Даулер было тотчас же принято, и через три дня все разместились в новой квартире, после чего мистер Пиквик начал пить воды с величайшим усердием. Мистер Пиквик пил их систематически. Он выпивал четверть пинты перед завтраком и затем поднимался на холм, еще четверть пинты выпивал после завтрака и спускался с холма; после каждой новой четверти пинты мистер Пиквик объявлял в самых торжественных и энергических выражениях, что чувствует себя значительно лучше, чему его друзья очень радовались, хотя до сей поры не знали, что у него не все обстоит благополучно.

Большая галерея — поместительный зал, декорированный коринфскими колоннами, эстрадой для оркестра, томпионовскими часами *, статуей Нэша * и золотою надписью, на которую должны обращать внимание все

пьющие воду, ибо она взывает к их милосердию. Здесь находится большой бювет с мраморной вазой, из которой служитель черпает воду, и множество желтоватых стаканов, из которых гости пьют ее. В высшей степени поучительно и приятно наблюдать ту настойчивость и серьезность, с какими они ее поглощают. Поблизости находятся ванны, в которых купается часть гостей; а после этого играет оркестр, чтобы поздравить их с окончанием купанья. Есть еще одна галерея, куда привозят больных леди и джентльменов на стульях и в креслах в таком изумительном количестве, что любой предприимчивый индивид, который входит сюда с нормальным числом пальцев на ногах, неминуемо рискует выйти без них; есть и третья галерея, где собираются люди тихие, ибо там менее шумно. Тьма народу прогуливается на костылях и без них, с палками и без палок, и всюду говор, оживление, веселье.

Каждое утро лица, регулярно пившие воду, в том числе мистер Пиквик, встречались в галерее, выпивали свою четверть пинты и совершали моцион. Во время послеполуденной прогулки лорд Мютенхед и почтенный мистер Краштон, вдовствующая леди Снафенаф, полковница Уагсби, и все великие особы, и все пьющие по утрам воду встречались в большом обществе. После этого они отправлялись на прогулку пешком, или верхом, или передвигались в батских креслах * и встречались снова. После этого джентльмены шли в читальные залы и встречались отдельными группами. После этого они шли домой. Если бывал вечерний спектакль, они могли встретиться в театре; если бывало вечернее собрание, они встречались в залах, а если не бывало ни того, ни другого, они встречались на следующий день. Очень приятная рутина, не лишенная, быть может, легкого привкуса однообразия.

Мистер Пиквик сидел в одиночестве после дня, проведенного таким образом, и делал заметки в дневнике, когда его друзья уже улеглись спать; вдруг он услышал тихий стук в дверь.

— Прошу прощенья, сэр,— сказала миссис Креддок, квартирная хозяйка, заглядывая в комнату.— Вам больше ничего не понадобится, сэр?

— Больше ничего, сударыня,— ответил мистер Пиквик.

— Моя служанка легла спать, сэр,— сказала миссис Креддок,— а мистер Даулер был так любезен, что обещал посидеть до прихода миссис Даулер, так как она вернется домой не очень поздно, вот я и подумала, что, если вам больше ничего не нужно, мистер Пиквик, я могу идти спать.

— Безусловно, сударыня,— ответил мистер Пиквик.

— Желаю вам спокойной ночи, сэр,— сказала миссис Креддок.

— Спокойной ночи, сударыня,— отозвался мистер Пиквик.

Миссис Креддок закрыла дверь, и мистер Пиквик продолжал писать.

Через полчаса записи были закончены. Мистер Пиквик старательно приложил к последней странице пропускную бумагу, закрыл тетрадь, вытер перо о фалду фрака с изнанки и открыл ящик письменного стола, чтобы аккуратно спрятать чернильницу. Там, в ящике, лежало несколько листков писчей бумаги, мелко исписанных и сложенных таким образом, что заглавие, написанное разборчивым, круглым почерком, было ясно ему видно. Убедившись по заглавию, что это не частный документ, а какая-то рукопись, по-видимому относящаяся к Бату, и притом очень короткая, мистер Пиквик развернул ее, оправил ночник, чтобы он получше горел во время чтения, и, придвинув стул ближе к огню, стал читать нижеследующее:

«ПРАВДИВАЯ ЛЕГЕНДА О ПРИНЦЕ БЛЕЙДАДЕ

Не более двухсот лет назад на одной из общественных купален нашего города красовалась надпись в честь его могущественного основателя, прославленного принца Блейдада. Эта надпись ныне стерта.

За много столетий до той эпохи из века в век передавалась старая легенда о знаменитом принце, который, будучи поражен проказой по возвращении своем из Афин, где собрал богатую жатву знаний, покинул двор

своего царственного отца и, погруженный в печаль, общался с землепашцами и свиньями. В стаде (так повествует легенда) была свинья с глубокомысленной и важной физиономией, к которой принц питал приятельские чувства,— ибо он тоже был мудр,— свинья степенного и сдержанного поведения, животное, стоявшее выше своих собратьев, животное, чье хрюканье было ужасно и чьи укусы болезненны. Молодой принц глубоко вздыхал, взирая на физиономию величественной свиньи; он думал о своем царственном отце, и его глаза заволакивались слезами.

Эта премудрая свинья любила купаться в жирной и жидкой грязи. Не в летнюю пору, как простые свиньи купаются теперь, чтобы освежиться, и купались даже в те далекие века (свидетельство того, что свет цивилизации уже начал загораться, хотя и слабо), но в холодные зимние дни. Ее щетина всегда была такой гладкой, а кожа такой светлой, что принц решил испробовать очистительное действие воды, к которой прибегала его приятельница. Он сделал эту пробу. Под черной грязью были горячие источники Бата. Он выкупался и исцелился. Поспешив ко двору своего отца, он засвидетельствовал ему свое глубочайшее почтение и, скоро вернувшись сюда, основал этот город с его знаменитыми целебными купаньями.

Он разыскивал свинью со всем пылом прежней дружбы, но — увы! — воды были причиной ее смерти. Она приняла по неосторожности слишком горячую ванну — и прирожденного философа не стало. По ее стопам следовал Плиний *, который также пал жертвой своей жажды знаний.

Такова легенда. Теперь выслушайте правдивую историю.

Очень много веков назад жил во славе и благоденствии великий и знаменитый Лад Гудибрас, король Британии. Это был могущественный монарх. Земля тряслась, когда он ходил,— такой он был толстый. Его народ грелся в лучах его физиономии — такая она была красная и блестящая. Он был поистине королем до последнего дюйма. А у него было очень много дюймов, ибо хотя он не отличался высоким ростом, зато был замечателен своим объемом, и дюймы, которых ему не хватало в

вышину, он восполнял в ширину. Если какой-либо выродившийся монарх новейших времен может выдержать какое бы то ни было сравнение с ним, то, на мой взгляд, только высокочтимый король Коль мог бы быть этим славным властелином.

У этого доброго короля была королева, восемнадцать лет назад родившая сына, которого назвали Блейдадом. Он был отправлен в приготовительную школу во владениях своего отца, а когда ему исполнилось десять лет, послан под охраной верного слуги в высшую школу в Афины; а так как там за время каникул не взималось никакой добавочной платы и не требовалось предупреждать заранее об уходе ученика, то он пробыл там восемь долгих лет, а по истечении этого срока король, его отец, послал туда лорда камергера уплатить по счету и привезти его домой; исполнив это поручение, лорд камергер был встречен торжественными кликами и награжден пенсией.

Когда король Лад увидел принца, своего сына, и нашел, что он стал очень красивым молодым человеком, он сразу сообразил, как хорошо было бы женить его без промедления, дабы его дети могли стать орудием продления славного рода короля вплоть до последнего дня существования мира. С этой целью он отправил специальное посольство, составленное из знатных дворян, не имевших никакого определенного дела и нуждавшихся в прибыльном занятии, к соседнему королю и потребовал его прекрасную дочь в жены своему сыну, заявляя в то же время, что он желает быть в наидружественнейших отношениях со своим братом и другом, но что, если они не придут к соглашению касательно этого брака, он вынужден будет подчиниться неприятной необходимости вторгнуться в его королевство и выколоть ему глаза. На это другой король (он был слабее соседа) ответил, что он весьма признателен своему другу и брату за всю его доброту и великодушие и что дочь его готова выйти замуж, как только принц Блейдад пожелает приехать и взять ее.

Едва этот ответ дошел до Британии, как весь народ преисполнился радости. Со всех сторон слышался гул празднеств и пирушек, а также звон монет, уплачивае-

мых народом сборщику королевской казны на покрытие расходов, связанных со счастливой церемонией. И вот по этому-то случаю король Лад, восседавший на троне в зале совета, встал под наплывом чувств и приказал лорду верховному судье распорядиться, чтобы подали лучшие вина и привели придворных менестрелей: акт снисхождения, который, по неведению легендарных историков, был приписан королю Колю в тех знаменитых строках, где о его величестве сказано, что он

Потребовал трубку, потребовал кружку,
Потребовал трех скрипачей,—

что является явной несправедливостью по отношению к памяти короля Лада и бесчестным преувеличением добродетелей короля Коля.

Но в разгар всех этих празднеств и веселья был здесь один человек, который не пил, когда рекой лились искристые вина, и не плясал, когда играли менестрели. Это был не кто иной, как сам принц Блейдад, ради счастья которого весь народ в это самое время надрывал глотки и завязки кошельков. Дело в том, что принц, забыв о неоспоримом праве министра иностранных дел влюбляться за него, уже влюбился сам за себя, вопреки всем прецедентам в политике и дипломатии, и тайно обручился с прекрасной дочерью благородного афинянина.

Здесь мы имеем поразительный пример одного из многих преимуществ цивилизации и утонченности. Живи принц в позднейшее время, он мог бы немедленно жениться на той, кого выбрал его отец, а затем всерьез взяться за дело, чтобы освободиться от бремени, которое его тяготило. Он мог бы попытаться разбить ей сердце систематическими оскорблениями и пренебрежением; если же дух ее пола и гордое сознание многих перенесенных обид дали бы ей силу выдержать это дурное обращение, он мог бы лишить ее жизни и таким образом избавиться от нее окончательно. Но ни один из этих способов освобождения не пришел в голову принцу Блейдаду; поэтому он добился частной аудиенции и открылся своему отцу.

Такова старая прерогатива королей — управлять всем, кроме своих страстей. Король Лад пришел в страшную

ярость, подбросил свою корону к потолку и снова ее поймал,— ибо в те времена короли хранили свои короны на голове, а не в Тауэре,— топнул о землю, хлопнул себя по лбу, изумился, что его собственная плоть и кровь восстала против него, и, наконец, призвав стражу, приговорил принца к немедленному заключению в высокой башне: метод обхождения, к которому обычно прибегали короли старых времен по отношению к своим сыновьям, если матримониальные устремления последних случайно не совпадали с отцовскими.

Когда принц Блейдад провел в заключении в высокой башне больше полугода, не имея перед телесными своими очами ничего, кроме каменной стены, а перед духовными — ничего, кроме длительного заточения, он, естественно, начал обдумывать план бегства, который после многих месяцев, посвященных приготовлениям, он и осуществил, предусмотрительно оставив свой обеденный нож в сердце тюремщика, чтобы бедняга (который имел семью) не был заподозрен в пособничестве и соответствующим образом наказан взбешенным королем.

Монарх был вне себя, лишившись сына. Он не знал, на ком сорвать свою скорбь и гнев, пока не вспомнил, по счастью, о лорде камергере, который привез его сына, и не лишил камергера одновременно и пенсии и головы.

В это время молодой принц, искусно замаскированный, скитался пешком по владениям отца, находя утешение и поддержку в своих страданиях при мысли об афинской девушке, которая была невинной причиной его тяжелых испытаний. Однажды он остановился на отдых в деревне и, увидев веселые пляски, устроенные на лугу, и веселые лица, мелькавшие всюду, осмелился спросить у одного из пирующих, стоявшего подле него, о причине такого веселья.

— Разве не знаете вы, о странник,— последовал ответ,— о последнем воззвании нашего милостивейшего короля?

— О воззвании? Нет. Какое воззвание? — спросил принц, ибо он путешествовал по глухим и пустынным тропам и ничего не знал о том, что происходило на больших дорогах.

— Да неужто не знаете? — воскликнул крестьянин.— Чужеземная леди, на которой хотел жениться наш принц, вышла замуж за знатного иностранца, своего соотечественника, и король объявляет об этом, а также о большом народном празднестве, ибо теперь, конечно, принц Блейдад вернется и женится на леди, избранной для него отцом, которая, говорят, так же прекрасна, как полуденное солнце. Будьте здоровы, сэр! Боже, храни короля!

Принц не стал слушать дальше. Он бежал оттуда и углубился в чащу соседнего леса. Он шел все дальше и дальше днем и ночью, под палящим солнцем и холодной, бледной луной, в сухой жаркий полдень и сырою холодною ночью, в серых лучах рассвета и в красном зареве заката. Так мало думал он о времени и цели, что, держа путь на Афины, забрел в Бат.

В те времена там, где находится Бат, не было города. Не было никаких признаков человеческого жилья, ничего, что заслуживало бы название города. Но это был все тот же благодатный край, те же бесконечные холмы и долины, тот же прекрасный пролив *, видневшийся вдали, те же высокие горы, которые, подобно житейским невзгодам, созерцаемые на расстоянии и отчасти затемненные яркой утренней дымкой, теряют свою суровость и резкость и кажутся мягкими и приятными. Растроганный мягкой красотой этого пейзажа, принц опустился на зеленый дерн и омыл слезами свои распухшие ноги.

— О! — воскликнул несчастный Блейдад, сжимая руки и горестно возводя очи к небу.— О, если бы мои скитания могли окончиться здесь! О, если бы эти тихие слезы, которыми я ныне оплакиваю обманутую надежду и оскорбленную любовь, могли вечно струиться в покое!

Его желание было услышано. Это было во времена языческих богов, которые иной раз ловили людей на слове с быстротой, в некоторых случаях чрезвычайно неуместной. Земля разверзлась под ногами принца, он провалился в пропасть, и мгновенно земля сомкнулась над его головой навеки, но его горячие слезы пробивались сквозь нее и с тех пор продолжают струиться.

Замечено, что и по сей день многие пожилые леди и джентльмены, которым не посчастливилось найти спут-

ников,— и почти столько же молодых леди и джентльменов, стремящихся найти их,— посещают ежегодно Бат, чтобы пить воды, дарующие им силу и утешение. Это делает честь добродетельным слезам принца и подтверждает правдивость легенды».

Мистер Пиквик зевнул несколько раз, когда дочитывал эту маленькую рукопись, заботливо свернул ее и снова спрятал в ящик с письменными принадлежностями, а затем, с лицом, выражающим крайнюю усталость, зажег свечу и пошел наверх в спальню.

Он остановился, по заведенному обычаю, у двери мистера Даулера и постучался, чтобы пожелать ему спокойной ночи.

— А! — сказал Даулер.— Ложитесь спать? Хотел бы и я лечь. Скверная ночь. Ветрено, не правда ли?

— Очень ветрено,— согласился мистер Пиквик.— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Мистер Пиквик ушел в свою спальню, а мистер Даулер снова занял место у камина, исполняя опрометчиво данное обещание бодрствовать, пока не вернется жена.

Мало на свете вещей более неприятных, чем ожидание кого-нибудь, в особенности если этот кто-нибудь где-то развлекается. Вы невольно думаете о том, как быстро летит для него время, которое столь томительно тянется для вас; и чем больше вы об этом думаете, тем слабее становится у вас надежда на его скорое возвращение. Громко тикают часы, когда вы бодрствуете в одиночестве, и вам кажется, будто вы окутываетесь паутиной. Сначала что-то щекочет вам правое колено, потом такое же ощущение начинается в левом. Не успели вы изменить позу, как то же самое происходит с руками. Когда вы вывернули руки и ноги самым фантастическим образом, вы неожиданно ощущаете рецидив зуда в носу, который вы трете, словно хотите его оторвать,— что несомненно вы бы и сделали, если бы только могли. Глаза тоже причиняют одни неприятности, а фитиль одной свечи вырастает в полтора дюйма, пока вы снимаете нагар с другой. Эти и другие мелкие раздражающие неудобства

превращают долгое бодрствование, когда все остальные улеглись спать, в развлечение отнюдь не из приятных.

Именно таково было мнение мистера Даулера, когда он сидел у камина и справедливо негодовал на бесчеловечных участников вечеринки, которые заставляли его бодрствовать. Его расположение духа не улучшилось при мысли, что ему взбрело в голову в начале вечера пожаловаться на головную боль и в результате остаться дома. Наконец, после того как он несколько раз задремывал, падая вперед на каминную решетку и откидываясь назад как раз вовремя, чтобы не выжечь клейма на лице, мистер Даулер решил, что он приляжет на кровать в задней комнате и будет *думать*, но, конечно, не спать.

— Я сплю крепко,— сказал мистер Даулер, бросаясь на кровать.— Надо думать, здесь я услышу стук. Да. Несомненно. Я слышу шаги сторожа. Вот он! Сейчас слышно глуше. Он заворачивает за угол. А!

Когда мистер Даулер дошел до этого пункта, он тоже завернул за угол, на котором долго топтался, и крепко заснул.

В тот момент, когда часы пробили три, на Крессент показался портшез с миссис Даулер внутри, подгоняемый ветром и несомый одним низкорослым и толстым носильщиком и одним длинноногим и худым, которым большого труда стоило удержать в перпендикулярном положении свои тела, не говоря уже о портшезе. А здесь, на высоком месте, и притом расположенном в виде полумесяца, где ветер носился по кругу, словно собирался вырвать булыжники из мостовой, бешенство ветра было беспредельно. Они с радостью поставили портшез и раза два громко ударили в парадную дверь.

Некоторое время они подождали, но никто не выходил.

— Должно быть, слуги в объятиях Морфа,— сказал низкорослый носильщик, грея руки у факела ночного проводника, сопровождавшего их.

— Хотел бы я, чтобы он их ущипнул и разбудил,— заметил долговязый.

— Постучите, пожалуйста, еще раз! — крикнула миссис Даулер из портшеза.— Постучите, пожалуйста, несколько раз.

Низкорослому не терпелось развязаться со всем этим делом, а потому он поднялся на ступеньку и раз пять или шесть оглушительно постучал в дверь; тем временем долговязый стоял на мостовой и смотрел, не покажется ли свет в окнах.

Никто не подошел к двери; во всем доме было тихо и темно по-прежнему.

— Боже мой! — сказала миссис Даулер.— Постучите еще раз, будьте так добры!

— А колокольчика здесь нет, сударыня? — спросил низкорослый носильщик.

— Есть,— вмешался мальчишка с факелом.— Я все время его дергаю.

— Это только ручка,— отозвалась миссис Даулер.— Проволока оборвана.

— Жаль, что не головы слуг! — проворчал долговязый.

— Я попрошу вас постучать снова, будьте так добры! — сказала миссис Даулер с величайшей вежливостью.

Низкорослый постучал еще несколько раз, не добившись никаких результатов. Затем долговязый, потеряв терпение, сменил его и начал без устали колотить двойными ударами, словно сошедший с ума почтальон.

В это время мистеру Уинклю снилось, будто он находится в клубе, и так как члены его громко пререкаются, то председатель должен все время стучать молоточком, чтобы поддерживать порядок; затем у него мелькнула туманная мысль об аукционе, на котором никто не предлагает цен, и аукционер сам все скупает; и, наконец, он начал допускать возможность, что кто-то стучится в парадную дверь. Впрочем, дабы убедиться в этом, он спокойно пролежал в постели минут десять и прислушивался; насчитав тридцать два или тридцать три удара, он остался вполне удовлетворен чуткостью своего сна и поздравил себя с такой бдительностью.

Тук, тук-тук, тук-тук, тук-ту-ту, ту-ту-ту, ту-ту-тук! — продолжал стучать молоток.

Мистер Уинкль вскочил с постели, недоумевая, что бы это могло быть, и, поспешно надев чулки и туфли, завернулся в халат, зажег свечу от ночника, горевшего в камине, и побежал вниз.

— Наконец-то кто-то идет, сударыня,— сообщил низкорослый носильщик.

— Хотел бы я идти за ним с шилом,— проворчал долговязый.

— Кто там? — крикнул мистер Уинкль, снимая дверную цепочку.

— Нечего задавать вопросы, чугунная башка! — с великим презрением отозвался долговязый, вполне уверенный в том, что говорит с лакеем.— Открой!

— Ну-ка, поживее, соня! — поощрительно добавил второй.

Мистер Уинкль спросонья машинально исполнил приказание, приоткрыл дверь и выглянул. Первое, что он увидел, был красный огонь факела. Испуганный внезапной мыслью, что в доме пожар, он широко распахнул дверь и, держа свечу над головой, стал напряженно всматриваться, не совсем уверенный в том, видит он портшез или пожарную машину. В этот момент налетел неистовый порыв ветра; свечу задуло; мистер Уинкль почувствовал, что его с непреодолимой силой вытолкнуло на ступеньки подъезда, и вслед за ним захлопнулась с оглушительным треском дверь.

— Ну-с, молодой человек, наделали вы дел! — сказал низкорослый носильщик.

Мистер Уинкль, увидав лицо леди в окне портшеза, поспешно повернулся, и изо всех сил стал стучать молотком, в отчаянии взывая к носильщику, чтобы тот унес портшез.

— Унесите его, унесите его! — кричал мистер Уинкль.— Вот кто-то выходит из соседнего дома! Посадите меня в портшез! Спрячьте меня... Сделайте со мной что-нибудь!

Он дрожал от холода, и каждый раз, когда поднимал руку к молотку, ветер развевал полы халата самым непристойным образом.

— Теперь кто-то переходит площадь. И с ними леди! Прикройте меня чем-нибудь! Заслоните меня! — вопил мистер Уинкль.

Но носильщики слишком изнемогли от смеха, чтобы оказать ему хоть какую-нибудь помощь, а леди с каждой секундой приближались.

Мистер Уинкль в полном отчаянии еще раз застучал: леди были всего за несколько домов. Тогда он отшвырнул потухшую свечу, которую все время держал над головой, и бросился прямо в портшез, в котором находилась миссис Даулер.

Наконец, миссис Креддок услышала стук и голоса и, задержавшись только для того, чтобы прикрыть голову чем-нибудь получше ночного чепца, выбежала в гостиную, выходившую окнами на улицу, удостовериться, что вернулись свои. Подняв оконную раму в тот момент, когда мистер Уинкль рванулся к портшезу, и едва успев разглядеть, что происходит внизу, она подняла дикий и отчаянный визг, умоляя мистера Даулера проснуться немедленно, ибо его жена убегает с другим джентльменом.

Услышав это, мистер Даулер соскочил с кровати, как резиновый мяч, и, выскочив в гостиную, очутился у одного окна в тот момент, когда мистер Пиквик открыл другое; и первое, что они увидели, был мистер Уинкль, ныряющий в портшез.

— Сторож! — неистово завопил Даулер.— Остановите его, не пускайте его... держите крепко... под замок его, пока я не спущусь. Я ему горло перережу... Дайте мне нож... от уха до уха... Миссис Креддок, я вам говорю!..

И возмущенный супруг, вырвавшись из рук квартирной хозяйки и мистера Пиквика, схватил десертный нож и выбежал на улицу.

Но мистер Уинкль не ждал его. Едва услышав страшную угрозу доблестного Даулера, он выскочил из портшеза с такой же быстротой, с какой вскочил в него, и, швырнув туфли на мостовую, обратился в бегство и помчался по изгибу Крессента, бешено преследуемый Даулером и сторожем. Он не дал себя догнать; когда он вторично обегал дугу Крессента, наружная дверь была открыта; он влетел, захлопнув ее перед носом Даулера, поднялся в свою спальню, запер дверь, загородив ее умывальником, комодом и столом, и уложил кое-какие необходимые вещи, приготовившись бежать с первым лучом рассвета.

Даулер подошел к запертой двери и клятвенно повторил в замочную скважину свое непреклонное решение

перерезать на следующий день горло мистеру Уинклю. И когда в гостиной умолк гул многих голосов, среди которых ясно слышался голос мистера Пиквика, пытавшегося водворить мир, жильцы разошлись по своим спальням, и в доме снова наступила тишина. Не исключена возможность, что кто-нибудь задаст вопрос, где же был все это время мистер Уэллер? О том, где он был, мы сообщим в следующей главе.

ГЛАВА XXXVII

правдиво объясняет отсутствие мистера Уэллера, описывая soirée, на которое он был приглашен и отправился; а также повествует о том, как мистер Пиквик дал ему секретное поручение, деликатное и важное

— Мистер Уэллер, вам письмо,— сказала миссис Креддок утром этого чреватого событиями дня.

— Это очень странно,— отозвался Сэм,— боюсь, не случилось ли чего-нибудь, потому что я что-то не припоминаю, чтобы какой-нибудь джентльмен из моих знакомых был в состоянии написать письмо.

— Может быть, случилось что-нибудь необыкновенное,— заметила миссис Креддок.

— Должно быть, и в самом деле что-нибудь очень необыкновенное, раз оно заставило одного из моих друзей написать письмо,— ответил Сэм, раздумчиво покачивая головой.— Не иначе как натуральная конвульсия, как заметил молодой джентльмен, когда с ним случился припадок. Оно не может быть от папаши,— продолжал Сэм, рассматривая адрес.— Он, я знаю, всегда пишет печатными буквами, потому что учился писать по объявлениям, развешанным в конторе пассажирских карет. Это очень странная штука. Откуда могло бы появиться это-вот письмо?

Рассуждая таким образом, Сэм проделал то, что делают очень многие, когда не знают автора записки,— посмотрел на печать, посмотрел на лицевую сторону, потом на оборотную, потом сбоку, потом на адрес и,

наконец, вспомнил о последнем средстве, находившемся в его распоряжении,— решил, что, пожалуй, нужно заглянуть внутрь и, таким образом, извлечь какое-нибудь указание.

— Написано на бумаге с золотым обрезом,— сказал Сэм, развертывая письмо,— и запечатано бронзовым сургучом, к которому приложен конец ключа. Ну, посмотрим!

И с очень серьезной физиономией мистер Уэллер медленно прочел следующее:

«Избранное общество служителей Бата свидетельствует свое почтение мистеру Уэллеру и просит его почтить своим обществом сегодня вечером дружеское сваре, состоящее из вареной бараньей ноги с обычным гарниром. Сваре будет на столе в половине десятого точно».

Это приглашение было вложено в другую записку, гласившую:

«Мистер Джон Смаукер, джентльмен, который имел удовольствие встретиться с мистером Уэллером в доме их общего знакомого, мистера Бентама, несколько дней назад, имеет честь препроводить при сем приглашение мистеру Уэллеру. Если мистер Уэллер навестит мистера Джона Смаукера в девять часов, мистер Джон Смаукер будет иметь удовольствие представить мистера Уэллера.

(Подписано) *Джон Смаукер*».

Конверт был адресован: (пробел) «Уэллеру, эсквайру, у мистера Пиквика»; а в скобках в левом углу было написано: «Черный ход» — в качестве инструкции письмоносцу.

— Да-а...— произнес Сэм.— Это довольно-таки важно сказано, я еще не слыхал, чтобы вареную баранью ногу называли «сваре». Интересно, как они называют жареную.

Однако, не теряя времени на обсуждение этого пункта, Сэм немедленно предстал перед лицом мистера Пиквика и попросил разрешения отлучиться на этот

вечер, каковое разрешение было тотчас же дано. С этим разрешением и ключом от парадной двери Сэм Уэллер отправился в путь немного раньше назначенного часа и пошел не спеша к Квин-сквер, где немедленно по прибытии имел удовольствие узреть на небольшом расстоянии мистера Джона Смаукера, прислонившего свою напудренную голову к фонарному столбу и курившего сигару в янтарном мундштуке.

— Как поживаете, мистер Уэллер? — спросил мистер Джон Смаукер, грациозно приподнимая шляпу одной рукой и слегка помахивая другой со снисходительным видом.— Как поживаете, сэр?

— Недурно, поправляюсь, как полагается,— отвечал Сэм.— Ну, а вы как себя чувствуете, приятель?

— Так себе,— сказал мистер Джон Смаукер.

— А, вы работали слишком много! — заметил Сэм.— Вот этого я и боялся. Так, знаете ли, не годится, вы не должны уступать своему непреклонному духу.

— Тут дело не столько в этом, мистер Уэллер,— отозвался мистер Джон Смаукер,— сколько в плохом вине; кажется, слишком кутнул.

— О, вот оно что! — сказал Сэм.— Это очень тяжелая болезнь.

— Но каков соблазн, мистер Уэллер! — заметил мистер Джон Смаукер.

— Что и говорить,— отозвался Сэм.

— Брошен, знаете ли, в самый вихрь общества, мистер Уэллер,— сказал со вздохом мистер Джон Смаукер.

— В самом деле, это ужасно! — согласился Сэм.

— Но так всегда бывает,— сказал мистер Джон Смаукер.— Если судьба толкает вас к общественной жизни и общественному положению, вы должны ждать встречи с соблазнами, которых не знают другие люди, мистер Уэллер.

— Точь-в-точь то же самое говорил мой дядя, когда пошел по общественной линии, открыв питейное заведение,— заметил Сэм,— и прав был старый джентльмен, потому что он допился до смерти меньше чем в три месяца.

Мистер Джон Смаукер казался глубоко возмущенным этой параллелью, проведенной между ним и упомя-

нутым покойным джентльменом; но так как лицо Сэма было невозмутимо, то он настроился на другой лад и снова стал приветливым.

— Пожалуй, нам не мешает отправиться в путь,— сказал мистер Смаукер, взглянув на медный аппарат, который пребывал на дне глубокого кармана для часов и был извлечен на поверхность посредством черного шнурка с медным ключом на конце.

— Пожалуй, не мешает,— ответил Сэм,— иначе они переварят сваре и испортят ее.

— Вы пили воды, мистер Уэллер? — осведомился его спутник, когда они шли по направлению к Хай-стрит.

— Один раз,— отвечал Сэм.

— Как вы их нашли, сэр?

— Я нашел, что они на редкость противные,— отозвался Сэм.

— Ах, вот что! — сказал мистер Джон Смаукер.— Может быть, вам не понравился кальцониевый привкус?

— В этом-вот я мало понимаю,— отвечал Сэм.— Я нашел, что они очень сильно пахнут горячим утюгом.

— Это и есть кальцониевый привкус, мистер Уэллер,— презрительно сказал мистер Джон Смаукер.

— Ну, если так, то это очень невразумительное слово, вот и все,— сказал Сэм.— Может быть, и так, но я сам не очень силен в химической науке, стало быть не могу судить.

И тут, к великому ужасу мистера Джона Смаукера, Сэм Уэллер начал насвистывать.

— Прошу прощенья, мистер Уэллер! — сказал мистер Джон Смаукер, доведенный до отчаяния неподобающими звуками.— Не возьмете ли меня под руку?

— Благодарю, вы очень любезны, но я не хочу лишать вас руки,— ответил Сэм.— У меня, собственно, есть привычка класть руки в карманы, если вы не возражаете.

При этом Сэм привел сказанное в исполнение и засвистал еще громче.

— Вот сюда! — сказал его новый приятель, который, по-видимому, почувствовал большое облегчение, когда они свернули в боковую улицу.— Скоро придем.

— Вот как? — отозвался Сэм, нисколько не взволнованный сообщением, что он находится неподалеку от избранных служителей Бата.

— Да,— сказал мистер Джон Смаукер.— Не робейте, мистер Уэллер.

— О нет! — сказал Сэм.

— Вы увидите очень красивые форменные одеяния, мистер Уэллер,— продолжал мистер Джон Смаукер,— и, может быть, некоторые джентльмены покажутся вам сначала несколько, знаете ли, высокомерными, но они скоро смягчатся.

— Очень любезно с их стороны,— отвечал Сэм.

— И знаете ли,— продолжал мистер Джон Смаукер с покровительственным видом,— знаете ли, так как вы здесь чужой человек, пожалуй они сначала будут немного суровы с вами.

— Но они не будут слишком жестоки, не правда ли? — осведомился Сэм.

— О нет! — ответил мистер Джон Смаукер, вытаскивая лисью голову и, как подобает джентльмену, беря понюшку.— Есть среди нас веселые ребята, и они любят, знаете ли, пошутить. Но вы не должны обижаться на них, вы не должны обижаться на них.

— Я постараюсь и как-нибудь перенесу такие сокрушительные таланты,— отозвался Сэм.

— Вот и отлично! — сказал мистер Джон Смаукер, пряча лисью голову и задирая собственную.— Я вас поддержу.

В это время они подошли к маленькой зеленной лавке, куда вступил сначала мистер Джон Смаукер, а затем Сэм, который, очутившись за его спиной, начал строить ряд забавных неподражаемых гримас и проявлять другие симптомы, свидетельствовавшие о том, что он находится в завидном расположении духа.

Перешагнув порог зеленной лавки и оставив свои шляпы на лестнице в маленьком заднем коридоре, они вошли в небольшую комнату. Здесь взорам мистера Уэллера открылась великолепная картина.

Посредине комнаты были сдвинуты два стола, накрытые тремя-четырьмя скатертями разных возрастов и в разное время побывавших в стирке, разостланными так,

чтобы они сошли за одну, насколько это было возможно при данных обстоятельствах. На них лежали ножи и вилки на семь-восемь персон. У одних ножей ручки были зеленые, у других — красные, у третьих — желтые, а так как все вилки были черные, то комбинация красок производила потрясающее впечатление. Тарелки для соответствующего количества гостей согревались за каминной решеткой, а перед нею согревались сами гости, из коих главным и самым важным был, по-видимому, довольно полный джентльмен в ярко-малиновом фраке с длинными фалдами, в ослепительно красных коротких штанах и в треуголке, который стоял спиной к камину и, вероятно, только что вошел, ибо не только не снял шляпы, но и держал в руке длинную палицу, какую джентльмены его профессии обычно поднимают наклонно над крышами экипажей.

— Смаукер, дружище, вашу лапу! — сказал джентльмен в треуголке.

Мистер Смаукер вложил кончик мизинца правой руки в руку джентльмена в треуголке и выразил свое удовольствие по поводу того, что у него такой прекрасный вид.

— Да, говорят, что вид у меня цветущий,— сказал джентльмен в треуголке,— и это удивительно. Последние две недели я хожу за нашей старухой по два часа в день, а если постоянного созерцания застежки на спине ее проклятого старого платья цвета лаванды мало для того, чтобы на всю жизнь впасть в уныние, пусть мне не платят жалованья три месяца.

В ответ избранное общество расхохоталось от всей души, а один джентльмен в желтом жилете с кучерской обшивкой шепнул соседу в зеленоватых штанах, что Такль сегодня в духе.

— Кстати,— сказал мистер Такль,— Смаукер, друг мой, вы...— Конец фразы был сообщен мистеру Джону Смаукеру на ухо шепотом.

— Ах, боже мой, я совсем забыл! — сказал мистер Джон Смаукер.— Джентльмены, мой друг, мистер Уэллер.

— Простите, что заслонил от вас огонь, Уэллер,— сказал мистер Такль с фамильярным кивком.— Надеюсь, вам не холодно, Уэллер?

— Ничуть,— отвечал Сэм.— Нужно быть очень зябким, чтоб чувствовать холод, когда стоишь перед таким адским пламенем. Вы сберегли бы немало угля, если бы вас посадили за каминную решетку в приемной какого-нибудь общественного учреждения.

Так как этот выпад, по-видимому, таил в себе намек на малиновую ливрею мистера Такля, то сей джентльмен на несколько секунд принял величественный вид, но потом, отодвинувшись от камина, принужденно улыбнулся и заметил, что это было сказано неплохо.

— Очень признателен за ваше доброе мнение, сэр,— отозвался Сэм.— Будем подвигаться не спеша. Дойдем постепенно и до лучшего.

На этом месте разговор был прерван прибытием джентльмена в оранжевом плисе, в сопровождении другого субъекта, в пурпурном костюме и чрезвычайно длинных чулках. Когда вновь прибывшие выслушали приветствия остальных, мистер Такль внес предложение потребовать немедленно ужин, что и было принято единогласно.

Тогда зеленщик и его жена поставили на стол вареную баранью ногу, соус из каперсов, брюкву и картофель. Мистер Такль занял председательское место, а против него за другим концом расположился джентльмен в оранжевом плисе. Зеленщик надел пару замшевых перчаток и поместился за стулом мистера Такля.

— Харрис! — произнес мистер Такль повелительным тоном.

— Сэр? — сказал зеленщик.

— Вы надели перчатки?

— Да, сэр.

— В таком случае снимите крышку.

— Слушаю, сэр.

Зеленщик со смиренным видом исполнил приказание и подобострастно вручил мистеру Таклю нож для разрезывания мяса; при этом он случайно зевнул.

— Что это значит, сэр? — сурово спросил мистер Такль.

— Прошу прощенья, сэр! — ответил смутившийся зеленщик.— Я нечаянно, сэр. Вчера я поздно лег спать, сэр.

— Я вам скажу, каково мое мнение о вас, Харрис,— произнес мистер Такль, принимая внушительный вид.— Вы — грубая скотина.

— Надеюсь, джентльмены,— сказал Харрис,— что вы не будете строги ко мне, джентльмены. Я очень признателен вам, джентльмены, за ваше покровительство, а также за ваши рекомендации; джентльмены, если где-нибудь требуется лишний человек прислуживать за столом. Надеюсь, джентльмены, вы довольны мною?

— Нет, не довольны, сэр,— сказал мистер Такль,— отнюдь не довольны, сэр.

— Мы считаем вас нерадивым бездельником,— сказал джентльмен в оранжевом плисе.

— И гнусным плутом! — добавил джентльмен в коротких зеленых штанах.

— И неисправимым лентяем! — присовокупил джентльмен в пурпуре.

Бедный зеленщик кланялся самым униженным образом, пока на него сыпались эти эпитеты, порожденные духом самого низкого деспотизма, а когда каждый сказал что-нибудь, долженствовавшее свидетельствовать о собственном его превосходстве, мистер Такль начал резать баранью ногу и угощать гостей.

Едва было приступлено к этому важному делу, как дверь настежь распахнулась и появился еще один джентльмен, в голубом костюме с оловянными пуговицами.

— Против правил! — заявил мистер Такль.— Слишком поздно. Слишком поздно.

— Право же, я ничего не мог поделать,— сказал джентльмен в голубом.— Я взываю к собранию. Долг вежливости, свидание в театре.

— О, конечно, если так! — сказал джентльмен в оранжевом плисе.

— Право же, клянусь честью! — продолжал человек в голубом.— Я обещал зайти за нашей младшей дочерью в половине одиннадцатого, а она такая на редкость милая девушка, что у меня, право же, духу не хватило ее огорчать. Не хочу обижать присутствующую компанию, сэр, но женский пол, сэр, женский пол, сэр, неотразим!

— Я начинаю подозревать, что тут что-то есть,— сказал Такль, когда вновь прибывший занял место рядом с Сэмом.— Я заметил раз или два, что она сильно опирается на ваше плечо, когда садится в экипаж или выходит из него.

— О, право же, право же, Такль, вы не должны так говорить! — воскликнул человек в голубом.— Это нехорошо. Быть может, я сказал одному-двум приятелям, что она очень божественное создание и ответила отказом на одно-два предложения без всякой видимой причины, но... нет, нет, нет, Такль... да еще при посторонних... это не годится, вы не должны. Деликатность, мой милый друг, деликатность!

И человек в голубом, подтянув выше галстук и поправив обшлага куртки, кивнул и нахмурился, словно тут крылось что-то, о чем бы он мог поговорить, если бы захотел, но чувство чести обязывает его молчать.

Человек в голубом, белокурый, развязный лакей, своим чванным видом, негнущейся шеей и дерзкой физиономией сразу привлек особое внимание мистера Уэллера, и когда он начал свои рассуждения, Сэм решил поддерживать с ним знакомство; поэтому он вступил в разговор немедленно, с присущей ему независимостью.

— За ваше здоровье, сэр! — сказал Сэм.— Ваш разговор мне очень нравится. Я его нахожу очень приятным.

Человек в голубом улыбнулся, как будто выслушивать комплименты было для него делом привычным, но в то же время одобрительно посмотрел на Сэма и выразил надежду, что они познакомятся ближе, ибо, без всякой лести, у Сэма, по-видимому, задатки очень славного парня... как раз ему по душе.

— Вы очень добры, сэр,— сказал Сэм.— Ну и счастливчик же вы!

— Что вы хотите этим сказать? — осведомился джентльмен в голубом.

— Эта-вот молодая леди! — отозвался Сэм.— Уж она-то понимает толк. Ого, я все вижу!

Мистер Уэллер закрыл один глаз и помотал головой с видом, который в высшей степени удовлетворил тщеславие джентльмена в голубом.

— Боюсь, что вы хитрый малый, мистер Уэллер,— сказал этот субъект.

— Ничуть не бывало,— возразил Сэм.— Всю эту хитрость предоставляю вам. Это касается гораздо больше вас, чем меня, как сказал находившийся за оградой в саду джентльмен человеку, на которого несся по улице бешеный бык.

— Ну что вы, мистер Уэллер! — сказал джентльмен в голубом.— Впрочем, полагаю, что она заметила мою наружность и манеры, мистер Уэллер.

— По-моему, никак нельзя не заметить,— отозвался Сэм.

— У вас есть какая-нибудь интрижка в таком же роде, сэр? — осведомился осчастливленный джентльмен в голубом, доставая зубочистку из жилетного кармана.

— Не совсем,— ответил Сэм.— Там, где я служу, никаких дочерей нет, иначе я бы уж, конечно, поухаживал за одной из них. Ну, а так, пожалуй, нет смысла иметь дело с женщиной ниже маркизы. Впрочем, я еще мог бы поладить с молодой особой, очень богатой, но не титулованной, если бы она была от меня без ума. Не иначе.

— Ну, конечно, мистер Уэллер,— сказал джентльмен в голубом,— иначе, знаете ли, и хлопотать незачем. Мы знаем, мистер Уэллер,— мы, светские люди,— что красивая форменная одежда должна рано или поздно подействовать на женщину. В сущности, говоря между нами, только ради этого и стоит поступать на службу.

— Вот именно,— сказал Сэм.— Разумеется.

Когда этот конфиденциальный диалог закончился, были поданы стаканы, и, прежде чем ближайший трактир закрылся, каждый из джентльменов заказал себе любимый напиток. Джентльмен в голубом и человек в оранжевом, которые были первыми щеголями в этой компании, заказали холодный сладкий грог, а любимым напитком остальных был, по-видимому, подслащенный джин с водой. Сэм назвал зеленщика «отъявленным негодяем» и заказал большую чашу пунша; и то и другое, казалось, весьма повысило его во мнении избранного общества.

— Джентльмены,— сказал джентльмен в голубом с видом заправского денди,— я предлагаю тост за леди!

— Правильно, правильно! — крикнул Сэм.— За здоровье молодых хозяек!

Тут раздался громкий крик: «К порядку!» — и мистер Джон Смаукер, как джентльмен, который ввел мистера Уэллера в общество, попросил его принять к сведению, что слово, только что им произнесенное, непарламентарно.

— Какое слово, сэр? — осведомился Сэм.

— Хозяйка, сэр! — ответил мистер Джон Смаукер, грозно нахмурившись.— Здесь мы не признаем таких различий.

— Очень хорошо,— сказал Сэм.— Тогда я сделаю поправку и назову их милыми созданиями, если Адское пламя мне разрешит.

В уме джентльмена в коротких зеленых штанах, по-видимому, возникло некоторое сомнение по поводу того, допустимо ли называть председателя «адским пламенем», но так как общество, казалось, было более расположено отстаивать свои права, чем его, то этот вопрос не обсуждался. Человек в треуголке засопел и пристально посмотрел на Сэма, но, по-видимому, решил промолчать, опасаясь попасть впросак.

После краткого молчания джентльмен в вышитой ливрее, доходившей ему до пят, и в таком же жилете, согревавшем верхнюю половину ног, размешал с большой энергией свой джин с водой и вдруг, сделав усилие, встал и заявил, что желает обратиться с несколькими словами к собранию, после чего треуголка выразила уверенность, что общество будет счастливо услышать любые слова, с какими длинная ливрея пожелает обратиться.

— Я чувствительно волнуюсь, джентльмены, выдвигаясь вперед,— сказал человек в длинной ливрее,— потому что на мое несчастье я кучер и допущен сюда только как почетный член этих приятных сваре, но я вынужден — прямо до зарезу, если можно так сказать,— объявить о прискорбном обстоятельстве, которое дошло до моего сведения, которое случилось, так сказать, на моих глазах. Джентльмены, наш друг, мистер Уифферс

(все посмотрели на субъекта в оранжевом), наш друг мистер Уифферс подал в отставку.

Изумление овладело слушателями. Каждый джентльмен заглянул в лицо соседу, а затем перевел взгляд на вставшего кучера.

— Не чудо, что вы удивлены, джентльмены,— сказал кучер.— Я не берусь излагать причины этой невознаградимой потери для службы, но прошу, чтоб мистер Уифферс изложил их сам для назидания и подражания своим восхищенным друзьям, здесь присутствующим.

Так как это предложение было встречено шумным одобрением, то мистер Уифферс дал объяснение. Он сказал, что, конечно, у него могло быть желание сохранить за собой то место, от которого он отказался. Форменное платье было чрезвычайно пышное и дорогое, женская половина дома очень приятная, а служба — он вынужден это признать — не слишком тяжелая; основная обязанность, какую на него возлагали, заключалась в том, чтобы он только и делал, что глазел из окна вестибюля в компании с другим джентльменом, который также подал в отставку. Он желал бы избавить общество от тех прискорбных и отвратительных деталей, о коих он собирается упомянуть, но раз от него потребовали объяснения, ему ничего иного не остается, как заявить смело и открыто, что его хотели заставить есть холодное мясо.

Немыслимо представить себе то негодование, какое было вызвано в сердцах слушателей этим признанием. Громкие возгласы: «Позор!», сливаясь с ревом и свистками, не прекращались в течение четверти часа.

Мистер Уифферс выразил опасение, что эту обиду можно до известной степени объяснить его собственной снисходительностью и покладистым нравом. Он отчетливо припоминает, что однажды согласился есть соленое масло, и, мало того, по случаю внезапной болезни, посетившей члена семьи, он настолько забылся, что отнес ведро углей на третий этаж. Он надеется, что не уронил себя во мнении друзей этим откровенным признанием своих ошибок, и выражает надежду, что стремительность, с какою он ответил на это последнее бесчеловечное оскорбление, нанесенное его чувствам, восстановит его в их мнении, если он себя уронил.

На речь мистера Уифферса ответили восторженными возгласами и за здоровье мученика, вызвавшего всеобщее участие, выпили с величайшим энтузиазмом. Со своей стороны, мученик выразил благодарность и предложил выпить за здоровье их гостя, мистера Уэллера, джентльмена, с которым он не имел удовольствия быть близко знакомым, но который был другом мистера Джона Смаукера, что является достаточной рекомендацией для любого джентльменского общества, какого бы то ни было и где бы то ни было. По этому случаю он был бы склонен выпить за здоровье мистера Уэллера по всем правилам, если бы его друзья пили вино; но так как они пьют для разнообразия грог и так как, пожалуй, неудобно осушать стакан при каждом тосте, то он предлагает считать, что все правила соблюдены.

В конце этого спича все выпили по глотку за здоровье Сэма, а Сэм, черпая из чаши и осушив два стакана пунша за свое собственное здоровье, выразил благодарность в изящном спиче.

— Очень признателен вам, друзья,— сказал Сэм, с самым независимым видом поглощая пунш,— за этот-вот комплимент, который, исходя из такого общества, прямо ошеломляет. Я слышал много обо всех вас вместе взятых, но, признаюсь, я никогда не думал, что вы такие на редкость славные люди. Я надеюсь только, что вы будете о себе заботиться и никак не уроните собственного достоинства, которое так приятно видеть, когда выйдешь на прогулку, и для меня было всегда большой радостью его видеть еще в те времена, когда я был мальчиком вдвое ниже палицы с медным набалдашником моего весьма почтенного друга, Адского пламени. Что касается жертвы угнетения в костюме цвета серы, то о нем я могу сказать одно: надеюсь, он найдет как раз такое хорошее место, какого заслуживает, и впредь ему редко придется беспокоиться из-за холодной сваре.

Тут Сэм сел с приятной улыбкой, и когда шумные одобрения, которыми была встречена его речь, затихли, гости начали расходиться.

— Как, неужели вы всерьез хотите уйти, старина? — спросил Сэм Уэллер своего друга, мистера Джона Смаукера.

— Да, я должен уйти,— сказал мистер Смаукер.— Я обещал Бентаму.

— Очень хорошо,— заметил Сэм,— это другое дело. А то как бы *он* не попросил расчета, если вы его обманете. Но вы-то не уходите, Адское пламя?

— Ухожу,— ответил человек в треуголке.

— Как! И оставляете чашу с пуншем на три четверти недопитой! — воскликнул Сэм.— Вздор! Садитесь!

Мистер Такль был не в состоянии отказаться от такого приглашения. Он отложил в сторону треуголку и палицу, которую только что взял, и заявил, что выпьет стаканчик за доброе товарищество.

Так как джентльмену в голубом было по пути с мистером Таклем, то его тоже уговорили остаться.

Когда пунш был наполовину выпит, Сэм потребовал устриц из зеленной лавки: эффект, произведенный пуншем и поведением Сэма, оказался столь зажигательным, что мистер Такль в треуголке и с палицей исполнил матросский танец среди устричных раковин на столе, а джентльмен в голубом аккомпанировал на хитроумном музыкальном инструменте, сделанном из гребенки и папильотки. Наконец, когда пунш пришел к концу и ночь приблизилась к нему же, они отправились провожать друг друга. Мистер Такль, едва выйдя на свежий воздух, внезапно почувствовал желание улечься на мостовой. Сэм, находя, что было бы безжалостно противодействовать, предоставил ему осуществить свое желание. Так как шляпа могла пострадать, если бы оставалась при нем, Сэм заботливо нахлобучил ее на голову джентльмену в голубом и, вложив ему в руку большую палицу, прислонил его к его же собственной парадной двери, позвонил в колокольчик и спокойно отправился домой.

На следующее утро, встав значительно раньше, чем имел обыкновение вставать, мистер Пиквик спустился по лестнице совсем одетый и позвонил.

— Сэм,— сказал мистер Пиквик, когда мистер Уэллер явился на зов,— закройте дверь.

Мистер Уэллер повиновался.

— Прошлой ночью, Сэм, здесь произошел неприятный инцидент,— сказал мистер Пиквик,— инцидент,

который дал мистеру Уинклю основания опасаться нанесения оскорблений со стороны мистера Даулера.

— Да, я слышал об этом внизу, от старой леди, сэр,— ответил Сэм.

— И я, к сожалению, должен добавить, Сэм,— продолжал мистер Пиквик с весьма озадаченной физиономией,— что, опасаясь этого насилия, мистер Уинкль уехал.

— Уехал! — воскликнул Сэм.

— Покинул дом рано утром, не переговорив предварительно со мной,— ответил мистер Пиквик.— И уехал — не знаю куда.

— Он должен был остаться и решить дело дракой, сэр,— презрительно отозвался Сэм.— Не так уж трудно было бы справиться с этим-вот Даулером, сэр.

— Да, Сэм,— сказал мистер Пиквик,— и у меня самого есть основания сомневаться в его великой храбрости и решимости. Но как бы то ни было, а мистер Уинкль уехал. Его нужно найти, Сэм. Найти и доставить сюда, ко мне.

— А если он не захочет вернуться, сэр? — спросил Сэм.

— Нужно его заставить, Сэм,— сказал мистер Пиквик.

— А кто это сделает, сэр? — с улыбкой осведомился Сэм.

— Вы,— ответил мистер Пиквик.

— Очень хорошо, сэр.

С такими словами мистер Уэллер вышел из комнаты, и немедленно вслед за этим услышали, как захлопнулась парадная дверь.

Через два часа он вернулся с таким хладнокровным видом, словно его посылали с самым обыкновенным поручением, и принес весть, что субъект, во всех отношениях отвечающий описанию мистера Уинкля, уехал сегодня утром в Бристоль из отеля «Ройел» с каретой прямого сообщения.

— Сэм,— сказал мистер Пиквик, пожимая ему руку,— вы — превосходный человек, незаменимый человек. Вы должны ехать за ним, Сэм.

— Слушаю сэр,— отвечал мистер Уэллер.

— Как только вы его отыщете, немедленно напишите мне, Сэм,— сказал мистер Пиквик.— Если он попытается от вас удрать, поколотите его или заприте. Я вам даю широкие полномочия, Сэм.

— Будьте покойны, сэр,— отозвался Сэм.

— Вы ему скажете,— продолжал мистер Пиквик,— что я очень взволнован, очень недоволен и, конечно, возмущен чрезвычайно странной линией поведения, которую он счел уместным избрать.

— Скажу, сэр,— отвечал Сэм.

— Вы ему скажете,— продолжал мистер Пиквик,— что, если он не вернется сюда, в этот самый дом, вместе с вами, он вернется со мной, ибо я приеду и увезу его.

— Об этом-вот я передам ему, сэр,— ответил Сэм.

— Как вы думаете, удастся вам найти его, Сэм? — спросил мистер Пиквик с озабоченным видом, заглядывая ему в лицо.

— О, я его найду, где бы он ни был! — ответил Сэм с большой уверенностью.

— Отлично,— сказал мистер Пиквик.— В таком случае, чем скорее вы отправитесь, тем лучше.

Вместе с этими инструкциями мистер Пиквик вручил своему верному слуге некоторую сумму денег и приказал немедленно отправляться в Бристоль, в погоню за беглецом.

Сэм уложил в дорожный мешок кое-какие необходимые вещи и собрался в путь. Дойдя до конца коридора, он остановился и, потихоньку вернувшись, просунул голову в дверь гостиной.

— Сэр! — прошептал Сэм.

— Что, Сэм? — спросил мистер Пиквик.

— Хорошо ли я понял указания, сэр? — осведомился Сэм.

— Надеюсь,— сказал мистер Пиквик.

— Насчет того, чтобы поколотить, это надо понимать регулярно, сэр? — спросил Сэм.

— Вполне,— отвечал мистер Пиквик.— Безусловно. Поступайте, как найдете нужным. Вы действуете по моему распоряжению.

Сэм кивнул в знак понимания, запер дверь и с легким сердцем отправился в путь.

ГЛАВА XXXVIII

О том, как мистер Уинкль, сойдя со сковороды, тихо и мирно вошел в огонь

Незадачливый джентльмен, который был злополучным виновником необычного шума и суматохи, всполошивших население на Ройел-Крессент при обстоятельствах, описанных выше, провел ночь в великом смятении и тревоге, после чего покинул кров, под коим еще почивали его друзья, и сам не зная, куда направиться. Превосходные и деликатные чувства, которые побудили мистера Уинкля сделать этот шаг, были таковы, что их трудно переоценить и не воздать им должного.

«Если этот Даулер,— рассуждал мистер Уинкль сам с собой,— вздумает (а я не сомневаюсь в этом) привести в исполнение свои угрозы и нанесет мне оскорбление действием, на мне будет лежать обязанность вызвать его на дуэль. У него есть жена, эта жена привязана к нему и от него зависит. О небо! Если я убью его, ослепленный гневом, каково будет после этого у меня на душе!»

Эти мучительные мысли подействовали столь сильно на гуманного молодого человека, что колени его заколотились друг о дружку, а на физиономии отразилось ужасное внутреннее волнение. Побуждаемый такими соображениями, он схватил свой дорожный мешок и, спустившись на цыпочках по лестнице, как можно тише запер за собой ненавистную парадную дверь и удалился. Направив свои шаги к отелю «Ройел», он застал карету в момент ее отправки в Бристоль, и, думая, что Бристоль отвечает его целям не хуже всякого другого места, куда бы он мог поехать, он влез на козлы и прибыл к месту своего назначения с той быстротой, какой можно было ждать от пары лошадей, совершавших путешествие туда и обратно два раза в день, если не чаще.

Он остановился в гостинице «Кустарник» и, решив отложить всякие сношения в письменной форме с мистером Пиквиком до того момента, когда можно будет предположить, что гнев мистера Даулера до известной степени испарился, вышел обозреть город и нашел его чуть грязнее, чем все другие, когда-либо им виденные города.

Освидетельствовав док и суда и обозрев собор, он осведомился, как пройти в Клифтон *, и, получив ответ, пошел в указанном направлении. Но тротуары Бристоля отнюдь не являются самыми широкими или самыми чистыми на земном шаре, а его улицы, пожалуй, не самые прямые или наименее запутанные; посему мистер Уинкль, сбитый с толку их многочисленными изгибами и поворотами, стал озираться, отыскивая какую-нибудь приличную лавочку, куда бы он мог снова обратиться за советом и указанием.

Его взгляд упал на заново выкрашенное помещение, недавно превращенное в нечто среднее между магазином и жилым домом; красный фонарь, выступавший над полукруглым окном парадной двери, достаточно ясно оповещал о том, что здесь находится резиденция практикующего врача, даже если бы слова «Врачебный кабинет» не были начертаны золотыми литерами на панельной обшивке над окном комнаты, которая в прежнее время служила парадной комнатой. Считая, что это подходящее место для наведения справок, мистер Уинкль вошел в маленькую лавочку, которая была заставлена ящиками с золочеными ярлычками и пузырьками, и, не обнаружив там никого, постучал полукроною о прилавок, чтобы привлечь внимание того, кто, быть может, находился в задней комнате, которую он признал сокровенным и особым святилищем, ибо те же слова: «Врачебный кабинет» — повторялись на двери, начертанные на этот раз, во избежание однообразия, белыми буквами.

При первом же стуке монеты шум, вызванный, казалось, фехтованием каминными щипцами и до этой минуты весьма громкий, вдруг прекратился; при втором стуке молодой джентльмен, на вид трудолюбивый, в зеленых очках и с очень большой книгой в руках, тихо проскользнул в лавку и, зайдя за прилавок, осведомился, что угодно посетителю.

— Простите, что обеспокоил вас, сэр,— сказал мистер Уинкль,— но не будете ли вы так любезны указать...

— Ха-ха-ха! — заревел трудолюбивый молодой джентльмен, подбрасывая огромную книгу и с величайшей ловкостью подхватывая ее в тот самый момент, когда

она грозила расколоть на атомы все пузырьки на прилавке.— Вот так сюрприз!

Это был, несомненно, сюрприз, ибо мистер Уинкль столь изумился необычайному поведению джентльмена медика, что невольно отступил к двери, видимо смущенный таким странным приемом.

— Как, вы меня не узнаете? — сказал джентльмен медик.

Мистер Уинкль пробормотал в ответ, что не имел чести.

— Ну, если так,— сказал джентльмен медик,— то у меня еще есть надежда, что, если мне повезет, я могу обслужить половину бристольских старух. К черту этого заплесневелого, старого негодяя, к черту!

С таким заклятием, обращенным к огромной книге, джентльмен медик с замечательной ловкостью отшвырнул ее ногой в дальний конец лавки и, сняв зеленые очки, обнаружил подлинную ухмыляющуюся физиономию Роберта Сойера, эсквайра, бывшего студента Гайевского госпиталя в Боро, проживавшего на Лент-стрит.

— Не вздумайте отрицать, что зашли навестить меня! — воскликнул мистер Боб Сойер, с дружеской горячностью пожимая руку мистеру Уинклю.

— Право же, нет,— заявил мистер Уинкль, отвечая на рукопожатие.

— Странно, что вы не видели фамилии,— сказал Боб Сойер, привлекая внимание своего друга к наружной двери, на которой тою же белой краской были начертаны слова: «Сойер, преемник Нокморфа».

— Я ее не заметил,— признался мистер Уинкль.

— Господи, если бы я знал, что это вы, я бы бросился навстречу и заключил вас в свои объятия! — сказал Боб Сойер.— Но, клянусь честью, я думал, что вы — *Королевские налоги.*

— Да неужели? — сказал мистер Уинкль.

— Уверяю вас,— подтвердил Боб Сойер.— И я только что собирался сказать, что меня нет дома, но если вам угодно передать какое-нибудь поручение мне, я обязательно передам его! Дело в том, что он меня не знает; и *Освещение* и *Мостовые* тоже не знают. Подозреваю, *Церковный налог* догадывается, кто я такой, и знаю, что

Водопроводу это известно,— я ему вырвал зуб, как только приехал сюда. Но входите же, входите!

Болтая таким образом, мистер Боб Сойер втолкнул мистера Уинкля в заднюю комнату, где, забавляясь просверливанием раскаленной докрасна кочергой маленьких круглых ямок в каминном кожухе, сидел не кто иной, как мистер Бенджемин Эллен.

— А! — воскликнул мистер Уинкль.— Вот неожиданный сюрприз. Какое у вас здесь славное помещение!

— Недурно, недурно,— отозвался Боб Сойер.— Я «выдержал» вскоре после того замечательного вечера, и мои друзья собрали сколько нужно на открытие этого дела. Я надел черную пару, очки и явился сюда в этом торжественном виде.

— И у вас, несомненно, очень прибыльное дело? — проницательно заметил мистер Уинкль.

— Очень,— отвечал Боб Сойер.— Такое прибыльное, что через несколько лет вы можете положить все доходы в рюмку и прикрыть их листом крыжовника.

— Вы шутите,— сказал мистер Уинкль.— Одни лекарства...

— Подделка, дорогой друг,— отозвался Боб Сойер,— в одних ящиках ничего нет, другие не открываются.

— Вздор! — воскликнул мистер Уинкль.

— Факт! Честное слово! — возразил Боб Сойер, выйдя в лавку и в подтверждение своих слов энергически дергая за маленькие позолоченные шишечки поддельных ящиков.— Вряд ли есть что-нибудь настоящее в этой лавке, кроме пиявок, да и те подержанные.

— Никогда бы я этого не подумал! — воскликнул мистер Уинкль, весьма изумленный.

— Надеюсь,— отозвался Боб Сойер,— иначе какая была бы польза от видимости, а? Но не хотите ли подкрепиться? Последуете нашему примеру? Правильно, Бен, дружище, засуньте руку в буфет и достаньте патентованное пищеварительное.

Мистер Бенджемин Эллен улыбнулся в знак готовности и извлек из буфета, находившегося по соседству, бутылку, до половины наполненную бренди.

— Вода нам не нужна, конечно? — спросил Боб Сойер.

— Да как сказать,— отозвался мистер Уинкль.— Час, собственно говоря, ранний. Я бы предпочел разбавить, если вы не возражаете.

— Нимало, если ваша совесть может примириться с этим,— ответил Боб Сойер, со смаком осушая одним глотком рюмку бренди.— Бен, миску!

Мистер Бенджемин Эллен извлек из того же потайного местечка маленькую медную миску, причем Боб Сойер заметил, что особенно гордится ею, ибо у нее весьма деловой вид. Когда вода в профессиональной миске своевременно закипела благодаря нескольким лопаткам угля, который мистер Боб Сойер достал из ящика под окном с табличкой: «Содовая вода», мистер Уинкль осквернил свой бренди. Разговор принял оживленный характер, как вдруг был прерван прибытием в лавку мальчика в скромной серой ливрее и в шляпе, обшитой золотым галуном, с маленькой закрытой корзинкой в руке. Этого мальчика мистер Боб Сойер немедленно приветствовал:

— Том, бездельник, иди сюда!

Мальчик явился на зов.

— Сознайся, прыгал через каждую тумбу в Бристоле, молодой лодырь? — спросил мистер Боб Сойер.

— Нет, сэр, не прыгал,— ответил мальчик.

— И не советую,— заявил мистер Боб Сойер с угрожающим видом.— Как ты полагаешь, кто прибегнет к помощи врача, чей мальчишка только и делает, что играет в шарики на тротуаре или в чехарду на мостовой? Или ты не питаешь никакого уважения к своей профессии, бездельник? Ты доставил все лекарства?

— Да, сэр.

— Порошки для ребенка в большой дом, куда въехали новые жильцы, а пилюли для приема четыре раза в день сварливому старому джентльмену с подагрической ногой?

— Да, сэр.

— В таком случае закрой дверь и присматривай за аптекой.

— Послушайте,— сказал мистер Уинкль, когда мальчик удалился,— дела совсем не так плохи, как вы меня уверяли. Кое-какие лекарства вы все-таки рассылаете.

Мистер Боб Сойер выглянул в аптеку, дабы убедиться, что поблизости нет посторонних людей, и, наклонившись к мистеру Уинклю, сообщил тихим голосом:

— Он доставляет их не в тот дом.

У мистера Уинкля был недоумевающий вид, а Боб Сойер и его друг расхохотались.

— Как же вы не понимаете,— сказал Боб.— Он подходит к какому-нибудь дому, звонит у парадной двери, сует без всяких объяснений сверток с лекарствами в руку слуге и уходит. Слуга несет его в столовую, хозяин развертывает пакет и читает наклейку: «Микстуру принимать перед сном; пилюли — как и раньше; полоскание — употребление известно; порошок. От Сойера, преемника Нокморфа. Аккуратно приготовлено по рецепту врача» и так далее. Он показывает жене, *она* читает наклейку; сверток передают слугам, *они* читают наклейку. На следующий день является мальчик: «Прошу прощенья, ошибся, столько дела, столько пакетов для доставки, привет от мистера Сойера, преемника Нокморфа». Фамилия запоминается, а в этом-то все дело, друг мой, в медицинской практике. Это лучше любой рекламы, старина! У нас есть одна бутылка в четыре унции, которая побывала в доброй половине домов Бристоля, и мы с ней еще не покончили.

— Ах, вот оно что! — воскликнул мистер Уинкль.— Какой превосходный план!

— О, мы с Беном придумали десяток таких планов,— отвечал Боб Сойер с большим воодушевлением.— Фонарщик получает восемнадцать пенсов в неделю за то, что звонит нам в ночной звонок в течение десяти минут каждый раз, как проходит мимо; а мой мальчишка врывается в церковь как раз перед пением псалмов, когда у людей только и дела, что глазеть по сторонам, и вызывает меня, изображая на своей физиономии ужас и скорбь. «Ах, боже мой,— говорят вокруг,— кто-то внезапно заболел! Послали за Сойером, преемником Нокморфа. Какая большая практика у этого молодого человека!»

После этого разоблачения некоторых тайн медицины мистер Боб Сойер и его друг Бен Эллен откинулись на спинки стульев и неудержимо расхохотались. Когда они насладились шуткой в полное свое удовольствие, разговор

перешел на темы, которыми мистер Уинкль интересовался более непосредственно.

Кажется, мы уже упомянули, что мистер Бенджемин Эллен делался сентиментальным после бренди. Это обстоятельство не является исключительным, что мы сами можем подтвердить, ибо нам приходилось изредка иметь дело с пациентами, проявлявшими те же симптомы. В этот период своего существования мистер Бенджемин Эллен отличался, пожалуй, более сильным предрасположением к сентиментальности, чем когда бы то ни было, а причина сей болезни состояла вкратце в следующем: он уже около

трех недель гостил у мистера Боба Сойера; мистер Боб Сойер не мог похвалиться воздержанностью, так же как не мог мистер Бенджемин Эллен похвалиться очень крепкой головой; результат был тот, что в течение вышеуказанного промежутка времени мистер Бенджемин Эллен все время переходил от опьянения частичного к опьянению полному.

— Мой дорогой друг, я очень несчастен! — сказал мистер Бен Эллен, воспользовавшись временным отсутствием мистера Боба Сойера, удалившегося за прилавок для того, чтобы отпустить несколько подержанных пиявок, о коих было упомянуто выше.

Мистер Уинкль выразил свое искреннее сожаление по поводу сказанного и спросил, не может ли он как-нибудь облегчить скорбь страдающего студента.

— Никак, старина, никак! — сказал Бен.— Вы помните Арабеллу, Уинкль? Мою сестру Арабеллу — девчонку с черными глазками,— она гостила у Уордля? Не знаю, заметили ли вы ее; славная девочка, Уинкль. Может быть, черты моей физиономии помогут вам вспомнить ее лицо?

Мистер Уинкль не нуждался ни в каких средствах, чтобы вызвать в памяти очаровательную Арабеллу, и, пожалуй, это было к счастью, ибо черты физиономии ее брата Бенджемина, бесспорно, не могли в достаточной мере освежить в его памяти ее образ. Он отвечал со всем возможным самообладанием, что превосходно помнит молодую леди, о которой идет речь, и от души надеется, что она в добром здоровье.

— Наш друг Боб — чудесный парень, Уинкль! — был единственный ответ мистера Бена Эллена.

— Конечно,— сказал мистер Уинкль, не очень обрадованный этим близким сопоставлением двух имен.

— Я предназначил их друг для друга, они созданы друг для друга, посланы в мир друг для друга, рождены друг для друга, Уинкль! — сказал мистер Бен Эллен, энергически ставя на стол свой стакан.— Тут особое предназначение: разницы между ними всего пять лет, и оба празднуют день рождения в августе.

Мистеру Уинклю так хотелось услышать продолжение, что он не очень удивился такому необычайному совпадению, сколь ни было оно чудесно. Тогда мистер Бен

Эллен, пролив несколько слезинок, стал говорить о том, что, невзирая на все его уважение, почтение и благоговение к другу, Арабелла беспричинно и неблагодарно проявила самую определенную антипатию к его особе.

— И я думаю, что загвоздка в какой-то более ранней привязанности,— сказал в заключение мистер Бен Эллен.

— Есть у вас какие-нибудь предположения, кто может быть предметом ее любви? — спросил мистер Уинкль с великим трепетом.

Мистер Бен Эллен схватил кочергу, воинственно взмахнул ею над головой, нанес сокрушительный удар по воображаемому черепу и, наконец, заявил очень выразительным тоном, что он хотел бы только угадать, кто это,— вот и все.

— Я бы ему показал, что я о нем думаю,— сказал мистер Бен Эллен.

И кочерга снова описала круг еще более неистово.

Все это действовало, конечно, весьма успокоительно на чувства мистера Уинкля, который безмолвствовал в течение нескольких минут, но в конце концов собрался с духом, чтобы спросить, находится ли мисс Эллен в Кенте.

— Нет! — ответил мистер Бен Эллен с хитрой миной и опустил кочергу.— Я считаю, что дом Уордля не вполне подходящее место для упрямой девушки, поэтому, раз я являюсь ее естественным защитником и опекуном, ибо наши родители умерли, я привез ее в эти края, чтобы она провела несколько месяцев у старой тетки в славном, скучном, глухом месте. Думаю, это ее излечит, старина. А если не излечит, я ее повезу ненадолго за границу и посмотрю, как это подействует.

— А тетка живет в Бристоле? — запинаясь, спросил мистер Уинкль.

— Нет, не в Бристоле,— ответил мистер Бен Эллен, указав большим пальцем через левое плечо,— в той стороне, вон там. Но тише, вот Боб! Ни слова, мой дорогой друг, ни слова!

Как ни был краток этот разговор, он пробудил в мистере Уинкле величайшее волнение и тревогу. Мысль о том, что у нее была привязанность, не давала ему покоя. Не он ли объект ее? Не из-за него ли прекрасная Ара-

белла взирала с презрением на веселого Боба Сойера, или у него был счастливый соперник? Он решил увидеть ее во что бы то ни стало, но тут возникло непреодолимое препятствие, ибо он никак не мог угадать, означают ли пояснительные слова мистера Бена Эллена «в той стороне» и «вон там» расстояние в три, в тридцать или в триста миль.

Но в настоящее время ему не представилось случая поразмыслить о своей любви, так как возвращение Боба Сойера непосредственно предшествовало появлению мясного паштета из булочной, для уничтожения которого этот джентльмен настоятельно предложил мистеру Уинклю остаться. Скатерть была разостлана поденщицей, которая занимала место экономки мистера Боба Сойера; а когда третий нож и вилку позаимствовали у матери мальчика в серой ливрее (ибо домашнее хозяйство мистера Сойера было поставлено на скромную ногу), они уселись за обед, к которому было подано пиво «в самой подходящей для него оловянной посуде», как заметил мистер Сойер.

После обеда мистер Боб Сойер потребовал самую большую ступку из находившихся в лавке и начал приготовлять в ней ароматический ромовый пунш, уверенно и с ловкостью аптекаря размешивая и растирая пестиком соответствующие составные части. Мистер Сойер, будучи холостяком, владел одним-единственным стаканом, который был предоставлен мистеру Уинклю как гостю, мистер Бен Эллен приспособил себе воронку, заткнув пробкой узкий конец ее, а Боб Сойер воспользовался одним из тех стеклянных сосудов с широким отверстием и различными каббалистическими знаками, в которых аптекари обыкновенно отмеряют жидкие лекарства при изготовлении своих микстур. Когда с предварительными приготовлениями было покончено, пунш отведали, объявили превосходным, и, условившись, что Боб Сойер и Бен Эллен имеют право наполнять свои сосуды дважды на каждый стакан мистера Уинкля, они честно принялись за дело с большим удовольствием и в добром согласии.

Пением не развлекались, ибо мистер Боб Сойер сказал, что это было бы непрофессионально; но в награду за такое лишение говорили и хохотали так громко, что,

по всей вероятности, их слышали на другом конце улицы. Эти разговоры существенно помогли скоротать время и развить ум подручного Боба Сойера, каковой подручный, вместо того чтобы посвятить вечер обычному занятию — писанию собственного имени на прилавке, а затем стиранию его, прильнул к стеклянной двери, и в одно и то же время мог и слышать и видеть.

Веселье мистера Боба Сойера стремительно переходило в буйство, мистер Бен Эллен быстро впадал в сентиментальность, и от пунша почти ничего не оставалось, когда мальчик, вбежав в комнату, объявил, что некая молодая женщина приглашает Сойера, преемника Нокморфа, немедленно прибыть на одну из ближайших улиц. Это положило конец пирушке. Мистер Боб Сойер, уразумев сообщение после двадцатикратных повторений, обвязал голову мокрым полотенцем, чтобы протрезвиться, и добившись этого только отчасти, надел зеленые очки и отправился в путь. Не поддаваясь ни на какие уговоры подождать возвращения Боба и убедившись в полной невозможности завязать с мистером Беном Элленом хоть сколько-нибудь разумный разговор на тему, особенно близкую его сердцу или на какую бы то ни было другую, мистер Уинкль попрощался и вернулся в «Кустарник».

Душевное смятение и непрерывные размышления, пробужденные Арабеллой, воспрепятствовали пуншу, который пришелся на его долю, произвести на него то впечатление, какое он произвел бы при иных обстоятельствах. Посему, выпив стакан содовой воды с бренди в буфетной, мистер Уинкль прошел в общую столовую скорее угнетенный, чем возбужденный событиями этого дня.

Перед камином, спиной к мистеру Уинклю, сидел довольно высокий джентльмен в пальто; кроме него, в комнате никого не было. Ветер был довольно холодный для этого времени года, и джентльмен отодвинул свой стул в сторону, чтобы дать возможность вновь прибывшему созерцать камин. Что же должен был почувствовать Уинкль, когда при этом обнаружились лицо и фигура мстительного и кровожадного Даулера!

Первым побуждением мистера Уинкля было ухватиться за ручку ближайшего колокольчика, но таковая, к несчастью, находилась за головой мистера Даулера. Он

шагнул было к ней, раньше чем одумался. Это движение заставило мистера Даулера поспешно отодвинуться.

— Мистер Уинкль, сэр! Успокойтесь. Не бейте меня! Я этого не стерплю. Побои! Никогда! — сказал мистер Даулер мягче, чем мистер Уинкль ожидал от столь свирепого джентльмена.

— Побои, сэр? — заикаясь, выговорил мистер Уинкль.

— Побои, сэр,— отозвался Даулер.— Не волнуйтесь. Сядьте. Выслушайте меня.

— Сэр,— сказал мистер Уинкль, дрожа всем телом,— раньше чем я соглашусь сесть рядом с вами или против вас, мне нужна гарантия в виде некоторого объяснения. Прошлой ночью вы бросили угрозу, направленную против меня, сэр, страшную угрозу, сэр.

Тут мистер Уинкль сильно побледнел и умолк.

— Да,— сказал Даулер с лицом почти таким же бледным, как у мистера Уинкля.— Обстоятельства внушали подозрение. Были даны объяснения. Я уважаю ваше мужество. Ваши чувства благородны. Сознание невинности. Вот моя рука. Пожмите ее.

— Право же, сэр,— начал мистер Уинкль, не решаясь подать ему руку из опасения подвергнуться неожиданному нападению,— право же, сэр, я...

— Я знаю, что вы хотите сказать,— перебил Даулер.— Вы чувствуете себя обиженным. Вполне естественно. Так было и со мной. Я был неправ. Прошу прощенья. Будем друзьями. Простите меня.

С этими словами Даулер почти насильно завладел рукой мистера Уинкля и, пожав ее с величайшим жаром, заявил, что считает его человеком чрезвычайно смелым и уважает его больше, чем когда-либо.

— Теперь садитесь,— сказал Даулер.— Расскажите все. Как вы нашли меня? Когда вы за мной погнались? Будьте откровенны. Скажите мне.

— Это произошло совершенно случайно,— ответил мистер Уинкль, весьма озадаченный странными и неожиданными вопросами.— Совершенно.

— Рад этому,— сказал Даулер.— Я проснулся. Забыл об угрозе. Я смеялся над происшествием. Я был расположен к вам дружелюбно. Я так и сказал.

— Кому? — осведомился мистер Уинкль.

— Миссис Даулер. «Вы дали клятву»,— сказала она. «Дал», — сказал я. «Это была опрометчивая клятва»,— сказала она. «Да,— сказал я.— Я принесу извинения. Где он?»

— Кто? — спросил мистер Уинкль.

— Вы! — отвечал Даулер.— Я спустился вниз. Вас не было. Пиквик был мрачен. Он покачал головой. Выразил надежду, что до насилия не дойдет. Я понял все. Вы считали себя обиженным. Вы вышли... быть может, за другом; может быть, за пистолетами. «Благородное мужество,— сказал я.— Я восхищаюсь им».

Мистер Уинкль откашлялся и, начиная соображать, откуда ветер дует, приосанился.

— Я оставил вам записку,— продолжал Даулер.— Написал, что сожалею. И это верно. По срочному делу меня вызвали сюда. Вы были не удовлетворены. Вы последовали за мной. Вы потребовали устного объяснения. Вы правы. Теперь все выяснено. С моими делами покончено. Завтра я возвращаюсь. Едем вместе.

По мере того как Даулер давал свои объяснения, мистер Уинкль принимал все более внушительную осанку. Тайна, окутывавшая начало их разговора, рассеялась; мистер Даулер питал такое же сильное отвращение к дуэли, как и он сам; короче, этот задорный и страшный субъект был одним из отъявленных трусов и, истолковав отсутствие мистера Уинкля в духе, соответствовавшем его собственным опасениям, поступил так же, как он: благоразумно уехал, пока не уляжется смятение чувств.

Когда подлинное положение дел открылось мистеру Уинклю, он принял очень грозный вид и сказал, что вполне удовлетворен, но сказал таким тоном, который не оставлял у мистера Даулера никаких сомнений в том, что, не будь он удовлетворен, неизбежно должно было бы произойти нечто в высшей степени ужасное и смертоносное. У мистера Даулера, по-видимому, создалось подобающее впечатление от великодушия и снисходительности мистера Уинкля; и обе воюющие стороны расстались на ночь после многократных заверений в вечной дружбе.

Около половины первого, когда мистер Уинкль уже минут двадцать вкушал всю сладость первого сна, его неожиданно разбудил громкий стук в дверь; этот стук,

будучи повторен с сугубой настойчивостью, заставил его сесть в постели и осведомиться, кто там и что случилось.

— Сэр! Тут какой-то молодой человек говорит, что должен видеть вас немедленно,— отозвался голос служанки.

— Молодой человек? — воскликнул мистер Уинкль.

— Никакой ошибки нет, сэр,— отвечал другой голос в замочную скважину,— и если этот интересный юноша не будет впущен без промедления, весьма возможно, что его ноги войдут раньше, чем его физиономия.

Высказав такое предположение, молодой человек слегка ударил ногой по одной из нижних филенок двери, словно для того, чтобы придать больше силы и веса своему замечанию.

— Это вы, Сэм? — осведомился мистер Уинкль, вскакивая с постели.

— Совершенно невозможно установить личность джентльмена и получить нравственное удовлетворение, не взглянув на него, сэр,— поучительно ответил голос.

Мистер Уинкль, не сомневаясь больше в том, кто был этот молодой человек, отпер дверь. Едва он это сделал, как мистер Сэмюел Уэллер вошел с большой поспешностью, заботливо запер снова дверь с внутренней стороны, преспокойно положил ключ в жилетный карман и, окинув взглядом мистера Уинкля с головы до ног, сказал:

— Вы очень забавный молодой джентльмен, вот вы кто такой, сэр!

— Что означает это поведение, Сэм? — с негодованием спросил мистер Уинкль.— Убирайтесь, сэр, сию же минуту! Что это означает, сэр?

— Что это означает? — спросил Сэм.— Послушайте, сэр, пожалуй, это слишком жирно, как сказала молодая леди, упрекая пирожника, продавшего ей свиной паштет, в котором ничего не было внутри, кроме сала. Что это означает? Это недурно, совсем недурно!

— Отоприте дверь и немедленно удалитесь из этой комнаты, сэр! — сказал мистер Уинкль.

— Я удалюсь из этой-вот комнаты, сэр, как раз в тот самый момент, когда и вы из нее удалитесь,— весьма убедительным тоном возразил Сэм, степенно усажи-

ваясь.— Если мне придется унести вас на спине,— ну, тогда, конечно, я удалюсь на самую крохотную секунду раньше вас; но разрешите выразить надежду, что вы не доведете меня до крайности. Говоря это, я только повторяю то, что сказал благородный джентльмен упрямой съедобной улитке, которая не вылезала из раковины, невзирая на булавку, и он боялся, что придется раздавить ее дверью.

В заключение этой речи, которая отличалась необычным для него многословием, мистер Уэллер положил руки на колени и посмотрел прямо в лицо мистеру Уинклю, выражая всей своей физиономией твердое намерение не допускать никаких шуток.

— Нечего сказать, сэр,— продолжал мистер Уэллер тоном морального осуждения,— вы очень любезны, молодой человек, если впутываете нашего драгоценного хозяина во всякие фантазии, когда он твердо решил перенести все для принципа. Вы куда хуже Додсона, сэр, а что касается Фогга, то его я считаю сущим ангелом по сравнению с вами!

Мистер Уэллер, сопровождая эту последнюю фразу выразительным шлепком по коленям, скрестил руки с видом глубокого отвращения и откинулся на спинку стула, как бы дожидаясь защитительной речи преступника.

— Мой добрый Сэм! — сказал Уинкль, протягивая руку; зубы его стучали все время, пока он говорил, ибо он стоял на протяжении всей лекции мистера Уэллера в своем ночном одеянии.— Я уважаю вашу привязанность к моему превосходному другу и, право же, очень сожалею, что доставил ему еще новый повод для беспокойства. Полно, Сэм, полно!

— Правильно. Вы и должны сожалеть,— сказал Сэм довольно хмуро, но в то же время почтительно пожимая протянутую руку,— и я очень рад, что убедился в этом, и если только это от меня зависит, я никому не позволю его дурачить, и конец делу.

— Конечно, Сэм,— согласился мистер Уинкль.— Так! Теперь ложитесь спать, Сэм, а утром мы об этом еще потолкуем.

— Очень сожалею,— сказал Сэм,— но я не могу лечь спать.

— Не можете лечь спать? — повторил мистер Уинкль.

— Нет,— сказал Сэм, покачивая головой.— Это невозможно.

— Неужели вы хотите сказать, что немедленно отправляетесь обратно, Сэм? — осведомился мистер Уинкль, крайне изумленный.

— Нет, если только вы не пожелаете,— ответил Сэм,— но я не могу покинуть эту-вот комнату. Хозяин дал строгий приказ.

— Вздор, Сэм! — сказал мистер Уинкль.— Мне нужно остаться здесь два-три дня. И мало того, Сэм, вы должны остаться здесь, чтобы помочь мне добиться свидания с молодой леди, мисс Эллен, Сэм,— вы ее помните,— которую я должен и хочу видеть раньше, чем покину Бристоль.

Но в ответ на каждый из этих пунктов Сэм качал головой с большой твердостью и энергически отвечал:

— Невозможно!

Однако после многих доводов и уговоров со стороны мистера Уинкля и полного разоблачения того, что произошло при встрече с Даулером, Сэм начал колебаться, и, наконец, порешили на компромиссе, главные и основные условия коего были следующие: Сэм удаляется и предоставляет комнату в полное распоряжение мистера Уинкля, если ему будет разрешено запереть дверь снаружи и унести ключ, обязавшись в случае пожара или другой непредвиденной опасности немедленно отпереть; рано утром будет написано и отправлено с Даулером письмо мистеру Пиквику с просьбою о его согласии на пребывание Сэма и мистера Уинкля в Бристоле для достижения целей, уже изложенных, и об ответе с ближайшей каретой; в случае благоприятного ответа вышеуказанные лица остаются, а в случае неблагоприятного возвращаются в Бат немедленно по получении оного; и, наконец, мистер Уинкль категорически обязуется в течение этого времени не делать попыток к тайному бегству ни через окно, ни через камин, ни каким-либо иным путем.

Когда договор был заключен, Сэм запер дверь и удалился.

Он уже почти добрался до нижней площадки лестницы, как вдруг остановился и вытащил из кармана ключ.

— Я совсем забыл о том, что нужно было его поколотить,— сказал Сэм, поворачивая было назад.— Хозяин ясно сказал, что нужно это сделать. Удивительно глупо с моей стороны! Не беда! — добавил он, просияв.— Это легко будет сделать и завтра.

Утешившись, по-видимому, таким соображением, мистер Уэллер снова сунул ключ в карман, спустился с последних ступенек, не испытывая новых угрызений совести, и вскоре погрузился, вместе с другими обитателями дома, в глубокий сон.

ГЛАВА XXXIX

Мистер Сэмюел Уэллер, удостоившись романического поручения, приступает к его исполнению; с каким успехом — обнаружится дальше

В течение следующего дня Сэм упорно не упускал мистера Уинкля из виду, твердо решив не сводить с него глаз ни на секунду, пока не получит определенных инструкций из первоисточника. Хотя мистеру Уинклю неприятны были строгий надзор и великая бдительность Сэма, он предпочитал мириться с этим, чем идти на явное сопротивление и подвергнуть себя опасности быть увезенным силою; мистер Уэллер не раз внушительно намекал, что избрать именно эту линию поведения его побуждает суровое чувство долга. Нет причин сомневаться в том, что Сэм очень быстро успокоил бы свою совесть, доставив мистера Уинкля в Бат, связанного по рукам и по ногам, если бы немедленный ответ мистера Пиквика на записку, которую Даулер взялся передать, не предупредил подобного акта. Говоря коротко, в восемь часов вечера мистер Пиквик самолично вошел в общую столовую «Кустарника» и с улыбкой сказал Сэму, к великому его облегчению, что он поступил совершенно правильно и больше нет необходимости стоять на страже.

— Я решил приехать сам,— сказал мистер Пиквик, обращаясь к мистеру Уинклю, когда Сэм освободил его от пальто и дорожного шарфа,— чтобы убедиться, раньше

чем я дам свое согласие на участие Сэма в этом деле, что ваше чувство к этой молодой леди вполне честно и серьезно.

— От всего сердца и от всей души говорю, что серьезно! — воскликнул мистер Уинкль с большой энергией.

— Помните, Уинкль,— сказал мистер Пиквик с сияющими глазами,— мы ее встретили в доме нашего превосходного и гостеприимного друга. Плохо бы вы отблагодарили его, если бы стали добиваться привязанности этой молодой леди из одного легкомыслия и без серьезных намерений. Я этого не допущу, сэр. Я этого не допущу!

— Конечно, у меня и в помыслах этого нет! — с жаром воскликнул мистер Уинкль.— Я об этом много думал и чувствую, что все мое счастье в ней.

— Это то, что мы называем — завязать все в один узелок, сэр,— вмешался мистер Уэллер с приятной улыбкой.

Мистер Уинкль отнесся несколько сурово к этому замечанию, а мистер Пиквик сердито приказал своему слуге не шутить с одним из лучших чувств нашей натуры, на что Сэм ответил, что он не стал бы шутить, если бы разбирался в этом; но столько есть этих лучших чувств, что он не может угадать, какое из них действительно лучшее.

Затем мистер Уинкль рассказал о разговоре, который был у него с мистером Беном Элленом относительно Арабеллы; сообщил, что его целью было добиться свиданья с молодой леди и формально признаться ей в своей страсти; и заявил о своей уверенности, основанной на некоторых туманных намеках и бормотанье вышеупомянутого Бена, что — где бы ни была она заточена в настоящее время — место это находится где-то поблизости от Холмов. Таков был весь запас сведений или догадок по этому вопросу.

Было решено, что с этой весьма ненадежной нитью для руководства мистер Уэллер отправится на следующее утро на разведку; было условлено также, что мистер Пиквик и мистер Уинкль, будучи менее уверены в своих силах, совершат прогулку по городу и мимоходом заглянут в течение дня к мистеру Бобу Сойеру в надежде увидеть молодую леди или услышать что-либо о ее местопребывании.

Итак, на следующее утро Сэм Уэллер вышел на поиски, отнюдь не устрашенный весьма обескураживающей перспективой; он побрел по одной улице, побрел по другой (мы готовы были бы сказать: в гору и под гору, но в сторону Клифтона мы все время идем в гору), не встретив никого и ничего, что могло пролить хотя бы слабый свет на предмет его поисков. Сэм много раз вступал в разговоры с грумами, прогуливавшими лошадей на улицах, и с няньками, гулявшими с детьми в переулках; но Сэм не мог извлечь ни из первых, ни из последних ничего, что имело бы хотя малейшее отношение к объекту искусно проводимого дознания. В очень многих домах было очень много молодых леди, бо́льшую часть коих проницательные слуги мужского и женского пола подозревали в глубокой привязанности к кому-то или в полной готовности привязаться, если представится случай. Но поскольку ни одна из этих молодых леди не была мисс Арабеллой Эллен, Сэм по получении информации оставался не более осведомленным, чем был до нее.

Сэм оставил позади Холмы, борясь с сильным ветром и задаваясь вопросом, неужели в этих краях всегда приходится держать шляпу обеими руками, и добрел до тенистого местечка, где было разбросано несколько маленьких вилл, казавшихся тихими и уединенными.

Перед дверью конюшни в конце длинного переулка-тупика грум в рабочем костюме бездельничал, по-видимому убеждая себя в том, что он что-то делает с помощью лопаты и тачки. Мы можем отметить здесь, что нам вряд ли случалось когда-нибудь видеть грума около его конюшни, который в минуту досуга не пребывал бы, в большей или меньшей степени, жертвой этого странного заблуждения.

Сэм подумал, что он может с таким же успехом поговорить с этим грумом, как и со всяким другим, в особенности потому, что он очень устал от ходьбы, а как раз против тачки находился прекрасный большой камень; поэтому он свернул в переулок и, усевшись на камень, начал разговор с присущей ему легкостью и развязностью.

— Доброе утро, старина,— сказал Сэм.

— Вы хотите сказать — день,— отозвался грум, бросив угрюмый взгляд на Сэма.

— Вы совершенно правы, старина,— согласился Сэм,— я именно хочу сказать — день. Как поживаете?

— Ну, я себя чувствую не лучше оттого, что вас вижу,— отвечал сердитый грум.

— Это очень странно,— сказал Сэм,— а вид у вас такой беззаботный, и кажетесь вы таким добрым, что глядеть на вас — одно удовольствие.

Угрюмый грум стал еще угрюмее, однако же это не произвело никакого впечатления на Сэма, который немедленно осведомился с весьма озабоченным видом, не Уокер ли фамилия его хозяина.

— Нет, не так,— ответил грум.

— Не Браун ли? — спросил Сэм.

— Нет, не так.

— И не Уилсон?

— Нет, тоже не так,— сказал грум.

— Ну, значит, я ошибся,— продолжал Сэм,— и он не имеет чести быть со мною знакомым, как я полагал. Не задерживайтесь здесь из любезности ко мне,— добавил Сэм, когда грум вкатил тачку и приготовился закрыть ворота.— Удобства выше церемоний, старина, я не буду в обиде.

— Я бы вам голову проломил за полкроны! — сказал угрюмый грум, захлопывая одну створку ворот.

— На таких условиях не согласен! — возразил Сэм.— За это вам бы дали стол и квартиру до конца жизни, да и этого было бы мало. Передайте там, в доме, привет от меня. Скажите, чтобы меня не ждали к обеду и не оставляли для меня, потому что все остынет раньше, чем я приду.

В ответ на это грум, распалясь гневом, выразил желание отколотить кого-нибудь, но скрылся, не приведя его в исполнение, и сердито захлопнул за собой дверь, не обратив ни малейшего внимания на покорнейшую просьбу Сэма оставить ему прядь своих волос.

Сэм продолжал сидеть на большом камне, размышляя о том, что предпринять, и обдумывая план, сводившийся к тому, чтобы стучать во все двери в пределах пяти миль от Бристоля, считая в среднем по сто пятьдесят или две-

сти дверей в день, и попытаться таким путем отыскать мисс Арабеллу, как вдруг благодаря счастливой случайности произошло нечто такое, чего он мог бы не дождаться, хотя бы просидел здесь целый год.

В переулок, где он сидел, выходило три-четыре калитки, ведущие к домам, которые хотя и были обособлены друг от друга, но разделялись только садами. Так как сады были большие, длинные и тенистые, дома находились на некотором расстоянии от переулка, и бо́льшая часть их оставалась почти невидимой. Сэм сидел, устремив взгляд на мусорную кучу перед калиткой, следующей за той, куда вошел грум, и глубокомысленно размышлял о трудностях своего предприятия, как вдруг калитка открылась и в переулок вышла служанка, чтобы выколотить ковры.

Сэм был столь поглощен своими мыслями, что, пожалуй, не обратил бы особого внимания на молодую женщину, а только поднял бы голову и одобрил ее изящную и красивую фигуру, если бы в нем не вспыхнуло чувство галантности, когда он увидел, что ей некому помочь, а ковры, по-видимому, слишком тяжелы и работа ей не под силу. Мистер Уэллер был джентльменом, на свой лад чрезвычайно галантным, и едва он успел обратить внимание на упомянутое обстоятельство, как поспешно поднялся с большого камня и направился к ней.

— Моя милая,— сказал Сэм, подходя с очень почтительным видом,— вы испортите все пропорции такой хорошенькой фигуры, если сами будете выколачивать эти-вот ковры. Позвольте вам помочь.

Молодая леди, стыдливо притворявшаяся, будто не заметила находившегося вблизи джентльмена, оглянулась, когда Сэм заговорил,— несомненно (она утверждала это впоследствии) с целью отклонить предложение совершенно незнакомого человека,— как вдруг вместо ответа отпрянула и слегка взвизгнула. Сэм был ошеломлен, пожалуй, не меньше, ибо в чертах лица хорошо сложенной служанки узнал подлинные черты своей «Валентины», миловидной горничной мистера Напкинса.

— Мэри, дорогая моя! — сказал Сэм.

— О господи, мистер Уэллер,— воскликнула Мэри,— как вы пугаете людей!

Сэм не дал никакого словесного ответа на эту жалобу, и точно мы не можем сказать, какой именно ответ он дал. Мы знаем только, что после короткого молчания Мэри сказала: «Ах, перестаньте, мистер Уэллер!» — и что шляпа слетела с него за несколько секунд до этого. На основании этих двух признаков мы склонны предположить, что стороны обменялись одним или несколькими поцелуями.

— Да как же вы сюда попали? — спросила Мэри, когда разговор, таким образом прерванный, возобновился.

— Конечно, я пришел посмотреть на вас, моя милочка,— отвечал мистер Уэллер, на этот раз позволяя страсти одержать верх над правдивостью.

— А как вы узнали, что я здесь? — осведомилась Мэри.— Кто мог вам это сказать, что я поступила на другое место в Ипсуиче, а потом они переехали сюда? Кто мог вам это сказать, мистер Уэллер?

— Совершенно верно,— отозвался Сэм с лукавой миной,— в этом вся штука. В этом вся штука. Кто бы мог мне сказать?

— Не мистер Мазль, не правда ли? — спросила Мэри.

— О нет! — ответил Сэм, серьезно покачав головой.— Не он.

— Должно быть, кухарка? — сказала Мэри.

— Должно быть, она,— сказал Сэм.

— Никогда я еще такого не слыхала! — воскликнула Мэри.

— И я не слыхал,— сказал Сэм.— Но, Мэри, моя дорогая,— тут голос Сэма стал чрезвычайно нежен,— Мэри, моя дорогая, у меня есть еще одно дело, очень спешное. Один из друзей моего хозяина... мистер Уинкль, вы его помните?

— Тот, что в зеленой куртке? — спросила Мэри.— О да, я его помню.

— Так вот,— продолжал Сэм,— он в ужасном состоянии от любви... регулярно запутался и потерял голову.

— Ах, боже мой! — воскликнула Мэри.

— Да,— сказал Сэм,— но это пустяки, если только нам удастся найти молодую особу.

И Сэм, со многими отступлениями на тему о красоте Мэри и невыразимых муках, какие он испытывал с тех пор, как в последний раз ее видел, дал правдивый отчет о бедственном положении мистера Уинкля.

— Ну, никогда бы не подумала! — сказала Мэри.

— Конечно, и никто бы не подумал и впредь не подумает,— сказал Сэм,— а я странствую, как вечный жид,— может, вы слыхали, Мэри, моя дорогая, был такой спортивный тип: непременно хотел обставить время и никогда не спал,— и отыскиваю эту-вот мисс Арабеллу Эллен.

— Мисс... как? — с великим изумлением спросила Мэри.

— Мисс Арабеллу Эллен,— повторил Сэм.

— Боже милостивый! — воскликнула Мэри, указывая на калитку сада, которую запер за собой угрюмый грум.— Вот он, этот дом! Она тут живет вот уже полтора месяца. Их старшая горничная, которая состоит также при леди, все мне рассказала однажды утром через решетку прачечной, когда в доме все еще спали.

— Как? В соседнем доме? — воскликнул Сэм.

— Да, в соседнем,— ответила Мэри.

Мистер Уэллер был так глубоко потрясен этим сообщением, что счел совершенно необходимым искать поддержки у своей прелестной собеседницы, и между ними произошел обмен маленькими любезностями, раньше чем он оправился в достаточной мере для того, чтобы продолжать разговор.

— Ну, если это возможно,— произнес, наконец, Сэм,— то на свете нет ничего невозможного, как сказал лорд-мэр, когда главный министр предложил выпить после обеда за здоровье хозяйки. В соседнем доме! Да ведь у меня есть к ней поручение, которое я целый день стараюсь передать.

— Ах! — сказала Мэри.— Сейчас вы не можете его передать, потому что она гуляет в саду только по вечерам, да и то очень недолго, а из дому никогда не выходит без старой леди.

Сэм несколько секунд размышлял, наконец придумал следующий план действий: он вернется в сумерки — как раз к тому времени, когда Арабелла неизменно совершает

прогулку; Мэри впустит его в сад своего дома, а он постарается вскарабкаться на забор под нависшими ветвями большой груши, которая в достаточной мере скроет его; затем передаст поручение и, если возможно, устроит свидание для мистера Уинкля на следующий вечер, в тот же час. Быстро набросав перед Мэри план действий, он помог ей в давно откладываемой работе — в выколачивании ковров.

Далеко не такое невинное занятие, каким оно кажется,— это выколачивание ковриков; быть может, самое выколачивание и не грозит большой бедой, но складывание — очень коварный процесс. Пока длится выколачивание и оба участника находятся на расстоянии, равном длине ковра, это самая невинная забава, какую только можно придумать; но когда начинается складывание и расстояние между ними уменьшается постепенно с половины его прежней длины до одной четверти, а затем до одной восьмой, а затем до одной шестнадцатой, а затем до одной тридцать второй, если ковер достаточно длинен,— забава становится опасной. Мы точно не знаем, сколько ковриков было сложено в данном случае, но смеем сказать, что, сколько бы их ни было, ровно столько раз Сэм поцеловал хорошенькую горничную.

Мистер Уэллер скромно закусывал в ближайшей таверне, пока не надвинулись сумерки, а затем вернулся в переулок. Как только Мэри впустила его в сад и он получил от этой леди различные предостережения, касающиеся целости его рук, ног и шеи, Сэм влез на грушу и стал ждать появления Арабеллы.

Ждать пришлось так долго, что он начал сомневаться, наступит ли вообще когда-нибудь это с тревогой ожидаемое событие, как вдруг послышались легкие шаги по песку, и немедленно вслед за этим он увидел Арабеллу, задумчиво идущую по саду. Едва она приблизилась к дереву, Сэм, дабы деликатно уведомить о своем присутствии, начал издавать чудовищные звуки, которые, пожалуй, были бы естественны для пожилой особы, страдающей с младенческих лет воспалением горла, крупом и коклюшем одновременно.

Молодая леди поспешно устремила взор к тому месту, откуда исходили ужасные звуки; а так как первая ее

тревога отнюдь не улеглась, когда она увидела на дереве мужчину, весьма возможно, что она бы убежала и подняла на ноги весь дом, если бы страх, по счастью, не лишил ее способности двигаться и не заставил опуститься на садовую скамью, которая весьма кстати находилась поблизости.

— Она падает в обморок,— рассуждал сам с собой Сэм в большом замешательстве.— И почему только эти молодые создания устраивают обмороки как раз в тот момент, когда не следовало бы это делать! Послушайте, молодая девица, мисс костоправка, миссис Уинкль, не надо!

Оживило ли Арабеллу магическое имя мистера Уинкля, или прохладный, свежий воздух, или смутное воспоминание о голосе мистера Уэллера, значения не имеет. Она подняла голову и томно спросила:

— Кто вы и что вам нужно?

— Тише! — сказал Сэм, перемахнув на забор и съежившись, чтобы занимать как можно меньше места.— Это только я, мисс, только я.

— Так это слуга мистера Пиквика? — с живостью воскликнула Арабелла.

— Он самый, мисс,— ответил Сэм.— А мистер Уинкль, регулярно, извелся от отчаяния, мисс!

— Ах! — воскликнула Арабелла, подходя к забору.

— Вот именно ах,— подтвердил Сэм.— Прошлой ночью мы думали, что нам придется надеть на него смирительную рубашку; он бесновался целый день и говорит, что если не увидит вас до завтрашней ночи, с ним приключится что-нибудь очень неприятное или он раньше утопится.

— Ах, не может быть, мистер Уэллер! — воскликнула Арабелла, сжимая руки.

— Он так именно и говорит, мисс,— возразил Сэм.— Он человек своего слова, и, по моему мнению, он это сделает, мисс. Он все узнал о вас от костоправа в очках.

— От брата! — воскликнула Арабелла, смутно распознавая его в изображении Сэма.

— Я хорошенько не знаю, который из двух ваш брат, мисс,— отвечал Сэм.— Тот, что погрязнее?

— Да, да, мистер Уэллер,— сказала Арабелла.— Продолжайте. Пожалуйста, поторопитесь.

— Так вот, мисс, он обо всем узнал от него,— сказал Сэм.— И, по мнению хозяина, если вы с ним не повидаетесь очень скоро,— костоправ, о котором мы говорили, всадит ему столько свинца в голову, что повредит развитию этого органа, даже если его положат потом в спирт.

— Ах, что мне делать! Как предотвратить эту ужасную ссору! — воскликнула Арабелла.

— Подозревают, что тут виной более ранняя привязанность,— вот в чем дело,— отвечал Сэм.— Вы бы лучше повидались с ним, мисс.

— Но как? Где? — вскричала Арабелла.— Я не смею уходить из дому одна. Мой брат такой недобрый, такой сумасброд! Я знаю, каким странным может показаться мой разговор с вами, мистер Уэллер, но, можете мне поверить, я очень, очень несчастна...

И бедная Арабелла заплакала так горько, что у Сэма проснулись рыцарские чувства.

— Может показаться очень странным, что вы со мной разговариваете об этих-вот делах, мисс,— сказал Сэм с большим жаром,— но я одно могу сказать: я не только готов, но с удовольствием сделаю что угодно, только бы все уладилось. И если для этого нужно вышвырнуть из окна любого из костоправов, я готов!

С этими словами Сэм Уэллер, подвергая себя неминуемой опасности слететь с забора, засучил рукава, чтобы продемонстрировать свою готовность немедленно приступить к делу.

Как ни лестно было такое проявление доброго чувства, Арабелла решительно не захотела (неведомо почему, как подумал Сэм) воспользоваться им. Сначала она настойчиво отказывалась подарить мистеру Уинклю свидание, которого Сэм так трогательно добивался; но в конце концов, боясь, как бы их беседу не прервало нежелательное появление третьего лица, она быстро дала ему понять, несколько раз выразив свою благодарность, что такая возможность не исключена и она, быть может, придет в сад завтра вечером, часом позже. Сэм прекрасно это понял, и Арабелла, подарив его одною из обворожительнейших своих улыбок, грациозно удалилась, оставив

мистера Уэллера весьма восхищенным ее чарами, как телесными, так и духовными.

Спустившись благополучно с забора и не забыв посвятить несколько минут своим личным делам по тому же департаменту, мистер Уэллер, не теряя времени, вернулся в гостиницу «Кустарник», где его длительное отсутствие вызывало различные предположения и некоторую тревогу.

— Мы должны быть осторожны,— сказал мистер Пиквик, внимательно выслушав рассказ Сэма,— не ради нас самих, но ради молодой леди. Мы должны быть очень осторожны.

— *Мы?* — повторил мистер Уинкль с подчеркнутым ударением.

Негодующий взгляд мистера Пиквика, вызванный тоном этого замечания, мгновенно смягчился, и на лице его появилось свойственное ему благодушное выражение, когда он ответил:

— *Мы,* сэр! Я буду вас сопровождать.

— Вы? — воскликнул мистер Уинкль.

— Я! — кротко ответил мистер Пиквик.— Согласившись на это свидание с вами, молодая леди сделала естественный, быть может, но все-таки очень неосторожный шаг. Если присутствовать при встрече буду я — ваш общий друг, который настолько стар, что может быть отцом обоих,— голос клеветы никогда не посмеет коснуться ее имени!

Глаза мистера Пиквика сияли чистой радостью, вызванной его собственной предусмотрительностью, когда он произносил эти слова. Мистер Уинкль был растроган таким деликатным уважением к молоденькой protegée своего друга и пожал ему руку с чувством почтения, граничившего с благоговением.

— Вы должны идти,— сказал мистер Уинкль.

— И я пойду,— сказал мистер Пиквик.— Сэм, приготовьте мне пальто и шарф и распорядитесь, чтобы завтра вечером экипаж был подан заблаговременно; мы должны быть там вовремя.

Мистер Уэллер притронулся к шляпе в знак повиновения и удалился, чтобы сделать все необходимые приготовления к экспедиции.

Карета явилась пунктуально в назначенный час, и мистер Уэллер, усадив должным образом мистера Пиквика и мистера Уинкля, занял место рядом с кучером.

Они вышли из экипажа, как было условлено, за четверть мили до места свидания и, распорядившись, чтобы карета ждала их возвращения, решили пройти оставшееся расстояние пешком.

Именно на этой стадии их предприятия мистер Пиквик, улыбаясь с весьма самодовольным видом, извлек из кармана пальто потайной фонарь, который он приобрел специально для этого случая и великие достоинства которого он начал объяснять мистеру Уинклю, пока они шли по дороге, к большому изумлению немногих встречных прохожих.

— Я бы себя лучше чувствовал, если бы у меня было что-нибудь в этом роде во время моей последней ночной экспедиции в саду, правда, Сэм? — добродушно сказал мистер Пиквик, поворачиваясь к своему слуге, который шел сзади.

— Славные штуки, если уметь ими пользоваться, сэр,— отвечал мистер Уэллер,— но если вы не хотите, чтобы вас видели, мне кажется, что от них больше пользы, когда свечку потушишь.

Мистер Пиквик, по-видимому, был озадачен замечаниями Сэма, ибо он снова спрятал фонарь в карман, и они продолжали путь молча.

— Сюда, сэр! — сказал Сэм.— Позвольте, я пойду вперед. Вот этот переулок, сэр.

Они вошли в переулок, где было довольно темно. Мистер Пиквик раза два вынимал фонарь, который бросал перед собою яркий короткий сноп лучей шириной около фута. На него очень приятно было смотреть, но, казалось, он отличался способностью делать окружающие предметы темнее, чем они были раньше.

Наконец, они добрались до большого камня. Тут Сэм предложил хозяину и мистеру Уинклю посидеть, пока он пойдет на разведку и убедится, что Мэри их ждет.

Пробыв в отсутствии минут пять — десять, Сэм вернулся и доложил, что калитка открыта и все спокойно. Следуя за ним крадущимися шагами, мистер Пиквик и мистер Уинкль вскоре очутились в саду. Здесь каждый

произнес по нескольку раз: «Тсс!..» — но никто из них, казалось, не имел сколько-нибудь ясного представления о том, что делать дальше.

— Мисс Эллен в саду, Мэри? — осведомился мистер Уинкль, приходя в волнение.

— Не знаю, сэр,— отвечала хорошенькая служанка.— Лучше всего, сэр, если мистер Уэллер поможет вам влезть на дерево, а мистер Пиквик будет так любезен и посмотрит, не идет ли кто-нибудь по переулку, я же буду сторожить в другом конце сада. Господи помилуй, что это такое?

— Этот-вот окаянный фонарь всех погубит! — раздраженно воскликнул Сэм.— Смотрите, что вы делаете, сэр! Вы направляете луч прямо в окно их дома!

— Ах, боже мой! — произнес мистер Пиквик, поспешно поворачиваясь.— Это я нечаянно.

— Теперь он на соседнем доме, сэр,— заявил Сэм.

— Помилуй бог! — воскликнул мистер Пиквик, поворачиваясь снова.

— Теперь он на крыше конюшни, и подумают, что там пожар,— сказал Сэм.— Закройте его, сэр. Что вам стоит закрыть?

— Самый необычайный фонарь, с каким мне приходилось встречаться! — воскликнул мистер Пиквик, крайне озадаченный тем эффектом, какой он столь неумышленно производил.— Никогда не видывал такого сильного рефлектора.

— Для нас он окажется слишком сильным, если вы будете светить таким манером, сэр,— отвечал Сэм, когда мистер Пиквик после многих неудачных попыток ухитрился задвинуть заслонку.— Вот шаги молодой леди. Ну, мистер Уинкль, полезайте, сэр.

— Постойте, постойте! — вмешался мистер Пиквик.— Сначала я должен переговорить с нею. Помогите мне влезть, Сэм.

— Осторожнее, сэр,— сказал Сэм, упираясь головой в забор и превращая свою спину в площадку.— Станьте на эту-вот цветочную кадку, сэр. Ну, теперь полезайте!

— Боюсь, как бы не ушибить вас, Сэм,— заметил мистер Пиквик.

— Не беспокойтесь обо мне, сэр,— отвечал Сэм.— Протяните ему руку, мистер Уинкль. Смелее, сэр, смелее! Вот и готово!

Пока Сэм говорил, мистер Пиквик, делая усилия, почти сверхъестественные для джентльмена его возраста и веса, умудрился стать на спину Сэма; Сэм осторожно выпрямился, а мистер Пиквик уцепился за край забора, в то время как мистер Уинкль крепко держал его за ноги, и таким путем они добились того, что очки мистера Пиквика очутились как раз над забором.

— Милая моя,— сказал мистер Пиквик, взглянув через забор и увидев по другую сторону Арабеллу,— не пугайтесь, это только я.

— О, пожалуйста, уходите, мистер Пиквик! — воскликнула Арабелла.— Скажите им, чтобы они все ушли. Я так ужасно боюсь. Милый, милый мистер Пиквик, не оставайтесь здесь. Вы упадете и расшибетесь! Я знаю, вы расшибетесь!

— Прошу вас, не тревожьтесь, моя дорогая,— успокоительно сказал мистер Пиквик.— Нет ни малейшей причины бояться,— уверяю вас. Стойте твердо, Сэм,— добавил мистер Пиквик, поглядев вниз.

— Слушаю, сэр,— отвечал мистер Уэллер.— Не задерживайтесь дольше, чем нужно, сэр. Вы довольно-таки тяжеловаты.

— Еще одну секунду, Сэм! — отозвался мистер Пиквик.— Я хотел только сообщить вам, моя дорогая, что я бы не разрешил моему молодому другу видеть вас тайком, если бы положение, в каком вы находитесь, позволило ему поступить иначе; и если этот шаг покажется вам неподобающим и вызовет у вас тревогу, милая моя, вы можете быть спокойны, зная, что я здесь. Вот и все, моя дорогая!

— Уверяю вас, мистер Пиквик, я очень благодарна вам за вашу доброту и заботливость,— отвечала Арабелла, вытирая слезы носовым платком.

Вероятно, она сказала бы значительно больше, если бы голова мистера Пиквика не исчезла с большой поспешностью, вследствие неверного шага, сделанного им на плече Сэма, каковой шаг неожиданно поверг его на землю. Однако он через секунду уже стоял на ногах и,

попросив мистера Уинкля торопиться и поскорее закончить свидание, побежал караулить в переулке со всей отвагой и пылом юноши. Мистер Уинкль, воодушевленный близостью свидания, в одно мгновение очутился на заборе, задержавшись только для того, чтобы попросить Сэма позаботиться о своем хозяине.

— Я о нем позабочусь, сэр,— отозвался Сэм.— Предоставьте его мне.

— Где он? Что он делает, Сэм? — осведомился мистер Уинкль.

— Да благословит бог его старые гетры! — отвечал Сэм, посматривая в сторону калитки.— Он караулит в переулке с потайным фонарем, словно живой Гай Фокс *. В жизни не видал такого доброго создания. Будь я проклят, если не думаю, что его сердце родилось по крайней мере на двадцать пять лет позже, чем его тело!

Мистер Уинкль не стал слушать панегирик своему другу. Он спрыгнул с забора, бросился к ногам Арабеллы и стал клясться в искренности своих чувств с красноречием, достойным самого мистера Пиквика.

Пока происходили эти события на открытом воздухе, некий пожилой джентльмен, обремененный ученостью, сидел в своей библиотеке за два-три дома оттуда и писал философический трактат, то и дело увлажняя свою земную оболочку и свои труды рюмкой кларета из почтенной на вид бутылки, которая стояла подле него. В муках творчества пожилой джентльмен смотрел то на ковер, то на потолок, то на стену; а когда ни ковер, ни потолок, ни стена не вдохновляли в должной мере, он выглядывал из окна.

Во время одной из таких творческих пауз ученый джентльмен рассеянно смотрел в густой мрак за окном, как вдруг с удивлением заметил очень яркий луч, скользнувший в воздухе невысоко над землей и почти мгновенно исчезнувший. Несколько минут спустя феномен повторился не один и не два, а несколько раз; наконец, ученый джентльмен положил перо и начал размышлять о том, каким естественным причинам могли быть приписаны эти явления.

Это не метеоры — они вспыхивали слишком низко. Это не светлячки — они вспыхивали слишком высоко. Это

не блуждающие огоньки; это не фосфоресцирующие мухи; это не фейерверк. Что бы это могло быть? Какой-то необычайный и удивительный феномен природы, которого не видел доселе ни один натуралист; нечто такое, что удалось открыть ему одному и чем он обессмертит свое имя, написав труд для блага потомства. Одержимый этой мыслью, ученый джентльмен снова схватил перо и занес на бумагу различные данные об этих беспримерных явлениях, указывая дату, день, час, минуту и даже секунду, когда они наблюдались; все это долженствовало служить материалом для объемистого трактата, исследовательского и глубоко ученого, которому суждено было изумить всех метеорологов во всех цивилизованных уголках земного шара.

Он откинулся на спинку кресла, погруженный в размышления о своем грядущем величии. Таинственный свет вспыхнул еще ярче; он как будто плясал по переулку, переходил с одной стороны на другую и двигался по орбите, не менее эксцентрической, чем орбиты самих комет.

Ученый джентльмен был холост. У него не было жены, которую он мог бы позвать и удивить; поэтому он позвонил слуге.

— Прафль,— сказал ученый джентльмен,— сегодня в атмосфере происходит нечто весьма необычайное. Вы видели это? — добавил ученый джентльмен, указывая на окно, когда свет появился снова.

— Видел, сэр.

— Что вы об этом думаете, Прафль?

— Что я думаю, сэр?

— Да. Вы выросли в этих краях. Что бы вы сказали, какова причина этих вспышек?

Ученый джентльмен, улыбаясь, предугадывал ответ Прафля, что он никакой причины найти не может. Прафль размышлял.

— Я думаю, что это воры, сэр,— ответил, наконец, Прафль.

— Вы — дурень и можете идти вниз,— сказал ученый джентльмен.

— Благодарю вас, сэр,— сказал Прафль и ушел.

Но ученый джентльмен не мог примириться с мыслью, что гениальный трактат, который он задумал, погибнет

для мира, а это неизбежно случится, если соображение гениального мистера Прафля не будет задушено в зародыше. Он надел шляпу и поспешно вышел в сад, решив исследовать вопрос самым основательным образом.

Незадолго до того как ученый джентльмен вышел в сад, мистер Пиквик со всею быстротой, на какую был способен, пробежал по переулку, чтобы поднять ложную тревогу, будто кто-то сюда идет, и время от времени отодвигал заслонку потайного фонаря, дабы не попасть в канаву. Едва поднята была тревога, как мистер Уинкль перелез назад через забор, а Арабелла побежала домой; калитку заперли, и три искателя приключений быстро зашагали по переулку, но тут ученый джентльмен отпер свою калитку.

— Держитесь! — прошептал Сэм, который, конечно, шагал впереди.— Откройте фонарь ровно на один момент, сэр.

Мистер Пиквик исполнил просьбу, и Сэм увидел, что на расстоянии полуярда от его головы мужчина осторожно высовывает из-за калитки голову; немедленно он нанес ей легкий удар кулаком, после чего голова гулко ударилась об калитку. Совершив этот подвиг с большой стремительностью и легкостью, мистер Уэллер взвалил себе на спину мистера Пиквика и побежал по переулку вслед за мистером Уинклем с быстротой совершенно изумительной, если принять во внимание тяжесть его ноши.

— Отдышались ли вы, сэр? — осведомился Сэм, когда они добрались до конца переулка.

— Вполне. Теперь вполне,— отвечал мистер Пиквик.

— Тогда идемте, сэр,— сказал Сэм, спуская своего хозяина на землю.— Идите между нами, сэр. Осталось пробежать меньше полумили. Вообразите, что вам надо выиграть кубок, сэр. Вперед!

После такого поощрения мистер Пиквик заставил поработать свои ноги. Можно с уверенностью сказать, что ни одна пара черных гетр не летела быстрее, чем гетры мистера Пиквика в тот достопамятный день.

Карета ждала, лошади отдохнули, дорога была хорошая, и кучер в ударе. Вся компания благополучно прибыла в гостиницу «Кустарник», раньше чем мистер Пиквик успел отдышаться.

— Скорей входите в дом, сэр! — сказал Сэм, высаживая своего хозяина из кареты.— Ни секунды не стойте на улице после таких упражнений. Прошу прощения, сэр,— продолжал Сэм, прикасаясь к шляпе, когда мистер Уинкль вышел из экипажа,— надеюсь, никакой прежней привязанности не было, сэр?

Мистер Уинкль пожал руку своему скромному другу и прошептал ему на ухо:

— Все в порядке, Сэм, в полном порядке!

После сего мистер Уэллер трижды хлопнул себя по носу в знак понимания, улыбнулся, подмигнул и стал убирать подножку экипажа, причем его физиономия выражала живейшее удовлетворение.

Что касается ученого джентльмена, то он в мастерски составленном трактате установил, что этот чудесный свет был вызван электрическим разрядом, и он ясно доказал это, обстоятельно изложив, как перед его глазами возникла ослепительная искра, когда он высунул голову из калитки, и как он испытал шок, который оглушил его на четверть часа; это доказательство восхитило все научные общества и привело к тому, что он стал светилом науки.

ГЛАВА XL

знакомит мистера Пиквика с новой и небезынтересной сценой в великой драме жизни

Остаток времени, которое мистер Пиквик отвел пребыванию в Бате, прошел без каких-либо серьезных происшествий. Началась летняя сессия суда. К концу первой недели мистер Пиквик и его друзья вернулись в Лондон; мистер Пиквик, разумеется в сопровождении Сэма, отправился прямо на свою старую квартиру в «Джордже и Ястребе».

На третье утро после приезда, как раз в тот момент, когда все часы в городе порознь выбивали девять ударов, а все вместе — около девятисот девяноста девяти, и Сэм прогуливался в переулочке «Джорджа», подъехал какой-то странный свежевыкрашенный экипаж, из коего

выскочил с большим проворством, бросив вожжи сидевшему рядом с ним толстому человеку, какой-то странный джентльмен, который, казалось, был создан для экипажа, как экипаж — для него.

Этот экипаж не был в точном смысле гигом, не был и стенхопом. Он не походил на охотничью * или на фермерскую двуколку, не был похож на двуколку для прогулок или на кабриолет без верха, и тем не менее у него было некоторое сходство с каждым из этих сооружений. Он был окрашен в ярко-желтый цвет, с черными оглоблями и колесами; кучер имел ортодоксально спортивный вид, сидя на подушках, нагроможденных на два фута выше перил. Лошадь была гнедая, довольно красивая, но в ней безусловно чувствовалось нечто вульгарное, что хорошо гармонировало как с экипажем, так и с ее хозяином.

Сам хозяин оказался человеком лет сорока, с черными волосами и тщательно расчесанными бакенбардами. Он был одет чрезвычайно щеголевато, носил множество драгоценных вещей — каждая в три раза крупнее, чем принято носить джентльменам,— и в довершение всего толстое пальто. В один карман этого пальто он засунул левую руку, как только вышел из экипажа, а из другого вытащил правой рукой яркий и ослепительный шелковый носовой платок, которым смахнул две-три пылинки с башмаков, а затем, скомкав его в руке, важно прошел по переулку.

От внимания Сэма не ускользнуло, что оборванный человек в коричневом пальто, лишенном многих пуговиц, который до сей поры слонялся по другой стороне улицы, перешел улицу, когда эта особа вышла из экипажа, и остановился поблизости. Почти угадывая цель визита этого джентльмена, Сэм опередил его на пути к «Джорджу и Ястребу» и, круто повернувшись, загородил ему вход.

— Ну-ка, любезный! — повелительным тоном сказал человек в толстом пальто, пытаясь оттолкнуть Сэма.

— В чем дело, сэр? — отозвался Сэм, возвращая толчок со сложными процентами.

— Бросьте эти штуки, любезный: со мной не пройдет! — сказал владелец толстого пальто, повышая голос и бледнея.— Сюда, Смауч!

— Ну, что такое? — проворчал человек в коричневом пальто, который, крадучись, прошел по переулку во время этого короткого диалога.

— Да вот этот молодой человек обнаглел,— отвечал его начальник, снова толкая Сэма.

— Без глупостей! — буркнул Смауч, толкнув Сэма еще раз и посильнее.

Этот последний толчок произвел эффект, на который рассчитывал опытный мистер Смауч, ибо, пока Сэм, горя желанием ответить на любезность, притиснул этого джентльмена к косяку двери, владелец толстого пальто прошмыгнул мимо и направился в буфетную. Сэм последовал за ним, предварительно обменявшись некоторыми эпитетами с мистером Смаучем.

— Доброе утро, моя милая,— сказал владелец толстого пальто, обращаясь к молодой леди за стойкой с развязностью, присущей обитателям Ботени-Бей * и с аристократическими замашками, свойственными жителям Нового Южного Уэльса.— Где комната мистера Пиквика, моя милая?

— Проводите его наверх,— сказала буфетчица лакею в ответ на этот вопрос, не подарив взглядом щеголя.

Лакей пошел наверх, как было ему приказано, а за ним следовал человек в толстом пальто и сзади — Сэм, который, поднимаясь по лестнице, делал разнообразные жесты, выражавшие крайнее презрение и возмущение, к неописуемому удовольствию служанок и прочих зрителей. Мистер Смауч, терзаемый отчаянным кашлем, остался внизу и отхаркивался в коридоре.

Мистер Пиквик крепко спал, когда ранний гость, а за ним Сэм вошли в комнату. Шум, какой они при этом подняли, разбудил его.

— Воды для бритья, Сэм! — сказал мистер Пиквик из-за занавесок.

— Брейтесь сейчас же, мистер Пиквик,— сказал гость, отдергивая занавеску у изголовья кровати.— Мне поручено привести в исполнение постановление суда по иску Бардл. Вот распоряжение. Суд Общих Тяжб. Вот моя визитная карточка. Полагаю, вы отправитесь ко мне?

Дружески хлопнув мистера Пиквика по плечу, представитель шерифа (ибо это был он) бросил свою визит-

ную карточку на одеяло и достал из жилетного кармана золотую зубочистку.

— Моя фамилия Немби,— сказал представитель шерифа, когда мистер Пиквик вытащил очки из-под подушки и надел их, чтобы прочесть карточку.— Немби, Белл Аллей, Кольмен-стрит.

Тут Сэм Уэллер, который все время не спускал глаз с блестящей касторовой шляпы мистера Немби, вмешался.

— Вы — квакер? * — спросил Сэм.

— Вы узнаете, кто я, раньше, чем я расстанусь с вами,— отвечал возмущенный чиновник.— В один из ближайших дней я вас научу хорошим манерам, любезный.

— Благодарю вас,— сказал Сэм.— А пока что я вас буду учить. Снимите шляпу.

С этими словами мистер Уэллер ловко отшвырнул шляпу мистера Немби в другой конец комнаты с такою силою, что тот чуть было не проглотил свою золотую зубочистку.

— Прошу это заметить, мистер Пиквик,— сказал потрясенный чиновник, едва переводя дух.— Я подвергся нападению вашего слуги в вашей комнате при исполнении служебных обязанностей. Мне нанесено личное оскорбление. Я призываю вас в свидетели!

— Ничего не свидетельствуйте, сэр,— перебил Сэм.— Хорошенько закройте глаза, сэр. Я бы его вышвырнул в окно, если бы ему было куда лететь, но под окном крыша.

— Сэм! — сердито сказал мистер Пиквик, пока его слуга всячески демонстрировал свои враждебные намерения.— Если вы скажете еще слово или причините этому человеку хотя бы малейшее беспокойство, я сейчас же откажу вам от места.

— Но... сэр...— возразил Сэм.

— Молчите! — перебил мистер Пиквик.— Поднимите шляпу.

Но Сэм категорически и наотрез отказался это сделать, и, после того как он получил строгий выговор от своего хозяина, чиновник, очень спешивший, согласился поднять ее сам, изливая при этом на Сэма поток самых разнообразных угроз, которые сей джентльмен принял с полным спокойствием, заметив, что, если мистеру Немби

будет угодно снова надеть шляпу, он ее отправит на край света. Мистер Немби, считая, быть может, что подобная операция чревата для него неудобствами, предпочел не давать повода для соблазна и поспешил призвать наверх Смауча. Уведомив его, что все формальности выполнены и что он должен ждать, пока арестованный закончит свой туалет, Немби важно вышел из комнаты и уехал.

Смауч угрюмо предложил мистеру Пиквику «поторапливаться, ибо дело не терпит», придвинул стул к двери и стал ждать, пока мистер Пиквик одевался. Затем Сэм был послан за каретой, в которой все три мужа отправились на Кольмен-стрит. Расстояние было небольшое,— к счастью, ибо мистер Смауч, будучи отнюдь не блестящим собеседником, оказался к тому же решительно неприятным компаньоном в таком тесном помещении вследствие физического недуга, о котором мы упоминали выше.

Карета, свернув в очень узкую и темную улицу, остановилась перед домом с железными решетками во всех окнах; дверь этого дома была украшена именем и званием: «Немби, чиновник при лондонских шерифах»; внутренние ворота открыл джентльмен, которого можно было принять за пребывающего в ничтожестве брата-близнеца мистера Смауча и который был вооружен огромным ключом от ворот, и мистера Пиквика ввели в «общую столовую».

Эта комната выходила окнами на улицу; отличительными ее признаками был свежий песок и затхлый запах табака. Мистер Пиквик поклонился трем индивидам, которые находились в комнате, куда он вошел, и, послав Сэма за Перкером, удалился в темный угол и оттуда стал рассматривать с некоторым любопытством новых сотоварищей.

Хотя еще не было десяти часов, один из них, почти мальчик, лет девятнадцати — двадцати, пил джин с водой и курил сигару — развлечения, коим, судя по его воспаленной физиономии, он в течение последних двух лет предавался довольно упорно. Против него, занимаясь размешиванием углей в камине носком правого башмака, находился грубый, вульгарный молодой человек лет тридцати, с испитым лицом и резким голосом, по-видимому

обладавший тем знанием жизни и той чарующей развязностью, которые приобретаются в трактирах и дрянных бильярдных. Третий из находившихся в комнате был человек средних лет, в очень старом сером костюме, бледный и изможденный; он неустанно шагал взад и вперед по комнате, то и дело останавливаясь, чтобы тревожно поглядеть в окно, словно кого-то ждал, а затем снова начиная бродить.

— Вы могли бы воспользоваться сегодня моей бритвой, мистер Эйрсли,— сказал человек, который размешивал угли, украдкой подмигивая своему приятелю, юноше.

— Нет, благодарю вас, она мне не понадобится; через час или два я рассчитываю выйти отсюда,— торопливо ответил тот.

Потом он еще раз подошел к окну, снова возвратился ни с чем, глубоко вздохнул и вышел из комнаты; двое других громко расхохотались.

— Никогда не видел такой потехи,— сказал джентльмен, предлагавший бритву и чья фамилия, как оказалось, была Прайс.— Никогда!

Мистер Прайс подкрепил эти слова ругательством и снова захохотал, а юноша (который считал своего приятеля одним из чудеснейших людей), конечно, вторил ему.

— Подумайте только! — продолжал Прайс, обращаясь к мистеру Пиквику.— Вчера исполнилась неделя, как этот человек сидит здесь, и он ни разу не брился; уверен, что его выпустят через полчаса, так что бритье можно отложить до возвращения домой.

— Бедняга! — воскликнул мистер Пиквик.— И у него действительно есть шансы выпутаться из затруднения?

— Какие к черту шансы! — отозвался Прайс.— У него и намека нет на них. Я бы *вот этого* не дал за его шансы разгуливать по улицам через десять лет.

С этими словами мистер Прайс презрительно щелкнул пальцами и позвонил.

— Дайте мне лист бумаги, Круки,— приказал мистер Прайс слуге, который костюмом и внешностью напоминал нечто среднее между обанкротившимся скотоводом и разорившимся погонщиком,— и стакан грогу, слышите, Круки? Я хочу написать отцу, и мне нужно возбудитель-

ное, иначе не удастся напасть на старика с достаточной энергией.

Вряд ли следует упоминать о том, что, услышав эту остроумную речь, юноша расхохотался чуть ли не до судорог.

— Правильно! — согласился мистер Прайс.— Никогда не падайте духом. Все на свете вздор, не так ли?

— Великолепно! — воскликнул молодой джентльмен.

— У вас есть бодрость, что и говорить,— сказал Прайс.— Вы видели жизнь.

— Еще бы не видел! — отозвался юноша.

Он видел ее сквозь грязные стекла трактира.

Мистер Пиквик, чувствуя немалое отвращение к этому диалогу, а также к тону и манерам тех, которые его вели, только хотел было спросить, не может ли он получить отдельную комнату, как к ним вошли три человека вполне приличного вида, заметив которых мальчик бросил свою сигару в камин и, шепнув мистеру Прайсу, что они пришли «улаживать его дело», уселся вместе с ними за стол в другом конце комнаты.

Оказалось, однако, что уладить дело далеко не так легко, как предполагал молодой джентльмен, ибо последовал очень длинный разговор, и мистер Пиквик невольно услышал гневные фразы, касающиеся распущенной жизни и не раз дарованного прощения. Затем последовало очень ясное упоминание, сделанное старшим из джентльменов, об Уайткросс-стрит *, после чего молодой джентльмен, невзирая на свой апломб и свою бодрость и на свое знание жизни в придачу, опустил голову на стол и горестно разрыдался.

Весьма довольный тем, что юноша столь внезапно забыл о своей доблести и столь основательно сбавил тон, мистер Пиквик позвонил и был переведен, по его просьбе, в отдельную комнату, снабженную ковром, столом, стульями, буфетом, диваном и украшенную зеркалом и старыми гравюрами. Сидя в ожидании завтрака, он имел удовольствие слушать над своей головой игру миссис Немби на рояле. Вместе с завтраком явился и мистер Перкер.

— Так... пригвождены, наконец, уважаемый сэр? — сказал маленький поверенный.— Ну что ж, я об этом не

жалею, потому что теперь вы поймете нелепость такого поведения. Я подсчитал все расходы — судебные издержки и возмещение убытков, словом всю сумму, на которую выдан исполнительный лист, и лучше мы уладим дело сейчас же, не теряя времени. Полагаю, Немби уже вернулся домой. Что скажете, уважаемый сэр? Я выдам чек или вы сами это сделаете?

Говоря это, маленький поверенный потирал руки с притворной беззаботностью, но, посмотрев на физиономию мистера Пиквика, не мог не бросить унылого взгляда в сторону Сэма Уэллера.

— Перкер, прошу вас больше со мной об этом не говорить,— сказал мистер Пиквик.— Я не вижу оснований оставаться здесь и сегодня же вечером отправлюсь в тюрьму.

— Но нельзя же вам ехать на Уайткросс-стрит, уважаемый сэр! — воскликнул Перкер.— Это немыслимо! Там шестьдесят кроватей в каждой камере и дверь на засове шестнадцать часов в сутки.

— Я бы предпочел какое-нибудь другое место заключения, если это возможно,— сказал мистер Пиквик.— Если же нельзя, то я должен с этим примириться.

— Вы можете отправиться во Флит *, уважаемый сэр, раз уж вы решили сидеть в тюрьме,— предложил Перкер.

— Хорошо,— сказал мистер Пиквик.— Я туда и отправлюсь, как только позавтракаю.

— Постойте, уважаемый сэр. Совершенно незачем так спешить, чтобы попасть туда, откуда большинство людей так стремится вырваться,— сказал добродушный маленький поверенный.— Нам еще нужно получить habeas corpus *. До четырех часов дня ни одного судьи не застать в судебных камерах. Вам придется подождать.

— Прекрасно,— сказал мистер Пиквик спокойно и твердо.— В таком случае в два часа мы еще съедим здесь отбивные котлеты. Позаботьтесь об этом, Сэм, и распорядитесь, чтобы они были поданы вовремя.

Мистер Пиквик, несмотря на все увещания и доводы Перкера, остался непоколебим. Котлеты появились и исчезли своевременно; затем его усадили в наемную

карету и повезли в Чансери-лейн, но лишь после того, как он около получаса ждал мистера Немби, которого никак нельзя было потревожить раньше, ибо он пригласил к обеду избранное общество.

В Сарджентс-Инне * дежурили двое судей — Суда Королевской Скамьи и Суда Общих Тяжб — и дела у них было по горло, если судить по количеству адвокатских клерков, шнырявших взад и вперед с кипами бумаг. Когда они подъехали к низкой арке, которая служит входом в Сарджентс-Инн, Перкера задержали на несколько минут переговоры с извозчиком о плате и сдаче, а мистер Пиквик, отойдя в сторону от потока людей, входивших и выходивших, стал спокойно и не без любопытства наблюдать.

Особое его внимание привлекли три-четыре человека потрепанно-элегантного вида, которые кланялись многим проходившим поверенным и, казалось, явились сюда по какому-то делу, характер коего мистер Пиквик не мог угадать. Странная была внешность у этих людей. Один тощий и слегка прихрамывавший, в порыжевшем черном костюме с белым галстуком; другой — плотный, массивный, в таком же костюме, с большим красновато-черным платком вокруг шеи; третий — маленький, сморщенный, на вид пьяный, с прыщеватым лицом. Они бродили, заложив руки за спину, и время от времени взволнованно шептали что-то на ухо кому-нибудь из джентльменов, пробегавших мимо с бумагами. Мистер Пиквик припомнил, что очень часто видел их слоняющимися под аркой, когда ему случалось здесь проходить, и воспылал желанием узнать, в чем же, собственно, состоит профессия этих грязных проходимцев.

Он собирался задать этот вопрос Немби, который стоял неотступно за его спиной, посасывая толстое золотое кольцо на мизинце, но к ним подбежал Перкер и, заметив, что не к чему терять время, вошел в здание Инна. Когда мистер Пиквик двинулся вслед за ним, к нему подошел хромой субъект и, вежливо прикоснувшись к шляпе, протянул написанную от руки визитную карточку, которую мистер Пиквик, не желая его обидеть отказом, учтиво принял и спрятал в жилетный карман.

— Сюда! — сказал Перкер у входа в одну из контор, оглядываясь, следуют ли за ним его спутники.— Входите, уважаемый сэр. А *вам* что нужно?

Этот вопрос был обращен к хромому, который незаметно для мистера Пиквика присоединился к компании. В ответ на это хромой снова с величайшей учтивостью притронулся к шляпе и указал на мистера Пиквика.

— Нет, вы нам не нужны, мой друг, вы нам не нужны,— с улыбкой сказал Перкер.

— Прошу прощенья, сэр,— возразил хромой,— джентльмен взял мою карточку. Надеюсь, вы воспользуетесь моими услугами, сэр. Джентльмен мне кивнул. Пусть решает сам джентльмен. Вы мне кивнули, сэр?

— Вздор! Вы никому не кивали, Пиквик? Ошибка, ошибка,— сказал Перкер.

— Джентльмен вручил мне свою визитную карточку,— отвечал мистер Пиквик, извлекая ее из жилетного кармана.— Я ее взял, потому что таково было, повидимому, желание джентльмена — в сущности мне любопытно было взглянуть на нее на досуге. Я...

Маленький поверенный громко расхохотался и, возвращая карточку хромому, уведомил его, что произошла ошибка, а когда тот с негодованием удалился, шепнул мистеру Пиквику, что это всего-навсего поручитель.

— Кто? — переспросил мистер Пиквик.

— Поручитель,— повторил Перкер.

— Поручитель?

— Да, уважаемый сэр, их здесь с полдюжины. Поручатся за вас, какова бы ни была сумма, и возьмут только полкроны. Любопытный промысел, не правда ли? — сказал Перкер, угощаясь понюшкой табаку.

— Что? Так ли я вас понимаю? Эти люди зарабатывают себе на жизнь тем, что ждут здесь и лжесвидетельствуют перед судьями этой страны, беря полкроны за преступление! — воскликнул мистер Пиквик, потрясенный таким разоблачением.

— Ну, я в сущности ничего не знаю о лжесвидетельстве, уважаемый сэр,— отвечал маленький джентльмен.— Резкое слово, уважаемый сэр, очень резкое слово. Это юридическая фикция, уважаемый сэр, и только.

Он пожал плечами, улыбнулся, взял вторую понюшку табаку и вошел в канцелярию, где находился клерк судьи.

Это была на редкость грязная комната с очень низким потолком и старой панелью на стенах и так плохо освещенная, что хотя дело происходило средь бела дня, на конторках горели большие сальные свечи. В одном конце находилась дверь, ведущая в кабинет судьи, у которой собралась толпа поверенных и старших клерков; их вызывали по очереди, в порядке записи. Каждый раз, когда эта дверь открывалась, выпуская выходившую группу, следующая группа неистово бросалась вперед, чтобы войти; а так как в добавление к многочисленным диалогам, происходившим между джентльменами, которые желали видеть судью, возникали всевозможные ссоры между теми, кто его уже видел, то шум был такой, какой только можно поднять в столь тесном помещении.

Однако разговоры этих джентльменов были не единственными звуками, поражавшими слух. За деревянными ширмами в другом конце комнаты стоял на ящике клерк в очках, отбиравший письменные показания под присягой, пачки которых другой клерк время от времени относил на подпись судье. Нужно было привести к присяге большое количество адвокатских клерков, а так как, по моральным основаниям, приводить всех сразу нельзя, то усилия этих джентльменов добраться до клерка в очках напоминали усилия толпы ворваться в театр, когда его всемилостивейшее величество удостаивает последний своим посещением. Третий чиновник время от времени упражнял свои легкие, выкрикивая фамилии принявших присягу, чтобы вернуть им показания, уже подписанные судьей, что служило поводом для новых драк; все это происходило одновременно и вызывало суматоху, которая могла доставить удовольствие самому энергическому и беспокойному человеку. Была здесь еще одна категория лиц: они ждали вызова своих отсутствующих патронов по тем делам, по которым присутствие поверенного противной стороны было необязательно; их занятие состояло в том, что они выкрикивали время от времени фамилию поверенного противной стороны, чтобы удостовериться, находится ли он здесь — вопреки ожиданию.

Так, например, прислонясь к стене, за стулом, который занял мистер Пиквик, стоял конторский мальчик лет четырнадцати, говоривший тенором, а рядом с ним — гражданский клерк, говоривший басом.

Вбежал клерк со связкой бумаг и осмотрелся вокруг.

— Снигль и Блинк! — крикнул тенор.

— Поркин и Сноб! — зарычал бас.

— Стампи и Дикон! — провозгласил вновь прибывший.

Никто не ответил. Следующего вошедшего клерка окликнули все трое, а он в свою очередь назвал другую фирму; затем еще кто-то заревел очень громко, называя новую фирму, и так далее.

В это время человек в очках работал неустанно, приводя к присяге клерков; привод к присяге неизменно звучал без знаков препинания и обычно в таком виде:

— Возьмите книгу в правую руку это ваша фамилия и подпись вы клянетесь что содержание этого вашего показания истинно да поможет вам бог с вас шиллинг разменяйте нет сдачи...

— Ну, Сэм,— сказал мистер Пиквик,— надеюсь, habeas corpus для меня уже получен?

— Он-то получен,— отозвался Сэм,— но я хотел бы, чтобы они вынесли сюда этот корпус. Очень невежливо заставлять нас ждать. За это время я бы приготовил и упаковал полдюжины таких корпусов.

Каким громоздким и неудобным сооружением Сэм Уэллер представлял себе приказ habeas corpus, не выяснено, ибо в этот момент подошел Перкер и увел мистера Пиквика.

После обычных формальностей особа Сэмюела Пиквика была сдана под охрану представителя шерифа, для того чтобы тот доставил его начальнику Флитской тюрьмы, в которой мистеру Пиквику надлежало оставаться до тех пор, пока возмещение убытков и судебные издержки по делу Бардл против Пиквика не будут полностью оплачены.

— А это случится очень не скоро,— улыбаясь, сказал мистер Пиквик.— Сэм, наймите карету. Перкер, дорогой друг, прощайте.

— Я поеду с вами и позабочусь, чтобы все было в порядке,— сказал Перкер.

— Нет,— возразил мистер Пиквик,— я бы предпочел ехать только с Сэмом. Когда я там устроюсь, я сейчас же вам напишу и буду вас ждать. А пока до свиданья!

С этими словами мистер Пиквик в сопровождении представителя шерифа уселся в карету, которую уже подали. Сэм поместился на козлах, и карета укатила.

— Необыкновенный человек! — воскликнул Перкер, останавливаясь, чтобы надеть перчатки.

— Какой банкрот вышел бы из него! — заметил мистер Лаутен, стоявший поблизости.— Как бы он досадил уполномоченным! Он бы их в тупик поставил, если бы они заговорили об аресте, сэр.

Поверенному, по-видимому, не понравилось профессиональное мнение его клерка о характере мистера Пиквика, ибо он удалился, не удостоив его ответом.

Наемная карета тряслась по Флит-стрит, по примеру всех наемных карет. Лошади «шли лучше», по словам извозчика, когда что-нибудь двигалось впереди (должно быть, они развивали исключительную скорость, когда перед ними не было ничего), и на этом основании карета тащилась за фургоном: когда фургон останавливался, она тоже останавливалась; когда фургон трогался с места, она следовала его примеру. Мистер Пиквик сидел против представителя шерифа; полисмен, поместив шляпу меж колен, сидел, насвистывая какой-то мотив и глядя в окно кареты.

Время творит чудеса. С помощью этого всемогущего старого джентльмена даже наемная карета преодолевает расстояние в полмили. Наконец, они остановились, и мистер Пиквик вышел у ворот Флитской тюрьмы.

Представитель шерифа, оглянувшись через плечо, дабы убедиться, что арестованный следует за ним по пятам, ввел мистера Пиквика в тюрьму; повернув налево, они через открытую дверь прошли в караульню, откуда тяжелые ворота, находившиеся прямо против тех, через которые они прошли, и охраняемые дородным тюремщиком с ключом в руке, вели во внутреннее помещение тюрьмы.

Тут они замешкались, пока представитель шерифа сдавал свои бумаги, и мистер Пиквик узнал, что здесь

он и останется, пройдя предварительно через процедуру, известную посвященным под названием «позировать для портрета».

— Позировать для портрета! — воскликнул мистер Пиквик.

— С вас снимут портрет, сэр,— отвечал дородный тюремщик.— Мы здесь мастера по портретам. Снимаем в один момент и всегда точно. Входите, сэр, и располагайтесь здесь, как дома.

Мистер Пиквик принял приглашение и сел, а мистер Уэллер, поместившись за спинкой кресла, шепнул, что позировать — значит подвергнуться осмотру различных тюремщиков, чтобы те могли отличать арестантов от посетителей.

— Все это прекрасно, Сэм,— сказал мистер Пиквик,— только бы поскорее явились эти художники. Здесь слишком людное место.

— Я думаю, они не замешкаются,— отвечал Сэм.— Взгляните, здесь голландские часы, сэр.

— Вижу,— отозвался мистер Пиквик.

— И клетка для птиц, сэр,— продолжал Сэм.— Колесо в колесе, тюрьма в тюрьме. Не правда ли, сэр?

Когда мистер Уэллер сделал это философское замечание, мистер Пиквик обнаружил, что сеанс начался. Дородный тюремщик, которого сменили, уселся и время от времени посматривал на него небрежно, а долговязый худой субъект, сменивший первого, заложил руки под фалды сюртука и, поместившись напротив, разглядывал его очень внимательно. Третий,— довольно угрюмый джентльмен, которого, по-видимому, оторвали от чаепития, ибо он доедал корку хлеба с маслом, когда вошел в комнату,— расположился рядом с мистером Пиквиком и, подбоченившись, пристально созерцал его. Еще двое присоединились к группе и с глубокомысленными физиономиями изучали черты его лица. Мистер Пиквик сильно морщился во время этой процедуры и, казалось, чувствовал себя неловко, но, пока она длилась, он не сделал ни одного замечания никому, даже Сэму, который облокотился на спинку кресла, размышляя отчасти о положении своего хозяина, а отчасти о том огромном удовольствии, с каким он набросился бы на всех тюремщиков,

здесь собравшихся, если бы это было дозволено законом и порядками.

Наконец, «портрет» был закончен, и мистера Пиквика уведомили, что теперь он может отправиться в тюрьму.

— Где я буду спать эту ночь? — полюбопытствовал мистер Пиквик.

— Насчет этой ночи я ничего не могу сказать,— ответил дородный тюремщик.— Завтра вам найдут сожителей, и тогда вам будет уютно и удобно. Первая ночь обыкновенно бывает неважной, а завтра вы будете устроены как следует.

После переговоров выяснилось, что один из тюремщиков «сдает» кровать, которой мистер Пиквик может воспользоваться на эту ночь. Он охотно согласился «снять» ее.

— Пойдемте со мною, я вам сейчас же ее покажу,— сказал тюремщик.— Она невелика, но спится на ней необыкновенно хорошо. Сюда, сэр!

Они вошли во внутренние ворота и спустились по небольшой лестнице. Ключ повернулся за ними, и мистер Пиквик впервые в жизни очутился в стенах долговой тюрьмы.

ГЛАВА XLI

Что произошло с мистером Пиквиком, когда он попал во Флит, каких заключенных он там увидел и как он провел ночь

Мистер Том Рокер, джентльмен, который ввел мистера Пиквика в тюрьму, спустившись по небольшой лестнице, круто повернул направо и, пройдя железные ворота, открытые настежь, поднялся по другой небольшой лестнице и вошел в длинную узкую галерею *, грязную и низкую, с каменным полом и двумя окнами в противоположных концах, пропускавшими тусклый свет.

— Вот! — сказал джентльмен, засовывая руки в карманы и небрежно оглядываясь на мистера Пиквика,— Вот это лестница в подвал.

— О! — отозвался мистер Пиквик, посмотрев вниз на темную грязную лестницу, которая, казалось, вела в сырые и мрачные каменные склепы под землею.— А там, вероятно, находятся маленькие погреба, где заключенные хранят свой скудный запас угля? Неприятные закоулки, когда приходится туда спускаться, но, надо думать, очень удобные.

— Еще бы не удобные,— отвечал джентльмен,— когда видишь, сколько народу там живет, и довольно уютно. Это и есть Ярмарка.

— Мой друг,— спросил мистер Пиквик,— неужели вы хотите сказать, что в этих отвратительных подземельях живут люди?

— Хочу ли я это сказать? — отвечал мистер Рокер удивленно и негодующе.— А почему бы мне не хотеть?

— Живут! Живут там, внизу! — воскликнул мистер Пиквик.

— Да, живут там, внизу! А также умирают там, внизу, очень часто,— отвечал мистер Рокер.— Что же тут такого? Кто может против этого возражать? Живут там, внизу? Да разве это не прекрасное место для жилья?

Так как Рокер при этих словах повернулся к мистеру Пиквику и вдобавок возбужденно пробормотал несколько невнятных ругательств, сей последний джентльмен счел уместным не продолжать беседы. Затем мистер Рокер начал подниматься по другой лестнице, такой же грязной, как и та, что вела в помещение, только что служившее предметом разговора. Мистер Пиквик и Сэм неотступно следовали за ним.

— Вот...— сказал мистер Рокер, останавливаясь, чтобы отдышаться, когда они добрались до следующей галереи таких же размеров, как и нижняя.— На этом этаже находится общая столовая, выше будет третий этаж, а за ним — еще один. А вы переночуете сегодня в комнате смотрителя, вот здесь, идемте.

Изложив все это одним духом, мистер Рокер стал подниматься еще на один этаж, мистер Пиквик и Сэм Уэллер следовали за ним по пятам. На эти лестницы проникал свет из нескольких окон, находившихся невысоко над полом и выходивших во двор, усыпанный гравием и

обнесенный высокой кирпичной стеной с железными рогатками наверху. Как выяснилось из слов мистера Рокера, это был двор для игры в мяч, и далее выяснилось из показаний того же джентльмена, что был еще один двор, поменьше, в той части тюремных владений, которая примыкала к Феррингдон-стрит, прозванный и именуемый «Живописным двором», ибо его стены некогда были покрыты изображениями различных кораблей, идущих на всех парусах, и другими художественными изображениями, исполненными в былые времена каким-то заключенным в тюрьму рисовальщиком в часы досуга.

Сообщив эти важные сведения, скорее с целью от них освободиться, чем с намерением просветить мистера Пиквика, проводник добрался, наконец, до следующей галереи, свернул в маленький коридор в дальнем конце, открыл дверь и обнаружил помещение на вид отнюдь не привлекательное, где стояло восемь или девять железных кроватей.

— Вот комната! — сказал мистер Рокер, придерживая дверь и с торжеством взирая на мистера Пиквика.

Однако лицо мистера Пиквика выражало столь мало удовольствия при виде этого помещения, что мистер Рокер стал искать сочувствия на физиономии Сэмюела Уэллера, который до сей поры хранил величественное молчание.

— Вот комната, молодой человек,— повторил мистер Рокер.

— Вижу,— отвечал Сэм, безмятежно кивнув головой.

— Вы не предполагали найти такую комнату в Феррингдонском отеле *, а? — осведомился мистер Рокер с самодовольной улыбкой.

В ответ мистер Уэллер ловко и непринужденно закрыл один глаз; это можно было толковать в зависимости от фантазии наблюдателя: то ли он так думает, то ли не думает, то ли вообще об этом не задумывался. Показав этот фокус и снова открыв глаз, мистер Уэллер пожелал узнать, к какой именно кровати относится лестное мнение мистера Рокера, будто на ней необыкновенно хорошо спится.

— Вот она,— ответил мистер Рокер, указывая на сильно заржавленную кровать в углу.— Она любого

заставит заснуть, хочет он того или нет,— вот какая это кровать.

— Пожалуй,— заметил Сэм, с крайним отвращением созерцая вышеупомянутый предмет обстановки,— я бы сказал, что опиум ничего не стоит по сравнению с нею.

— Ровно ничего! — подтвердил мистер Рокер.

— И надо думать,— продолжал Сэм, искоса взглянув на своего хозяина, словно в надежде удостовериться, что все происходящее поколебало его решимость,— и, надо думать, другие джентльмены, которые спят здесь,— настоящие джентльмены?

— Самые настоящие,— отвечал мистер Рокер.— Один из них выпивает двенадцать пинт эля ежедневно и не перестает курить даже за едой.

— Должно быть, это первоклассный джентльмен,— сказал Сэм.

— Первый сорт,— отозвался мистер Рокер.

Отнюдь не устрашенный даже такими сведениями, мистер Пиквик, улыбаясь, объявил о своем решении испытать в течение этой ночи действие наркотической кровати, и мистер Рокер, уведомив его, что он может лечь спать, когда ему вздумается, без дальнейших предупреждений и формальностей, удалился, оставив его с Сэмом в галерее.

Темнело; это означало, что здесь, где никогда не бывает светло, зажглось несколько газовых рожков, как бы в знак приветствия наступавшему вечеру. Так как было довольно жарко, кое-кто из обитателей многочисленных каморок, расположенных по обеим сторонам галереи, приоткрыл свою дверь. Проходя мимо, мистер Пиквик заглядывал в них с большим интересом и любопытством.

В одной из камер четверо или пятеро рослых неуклюжих молодцов, которых едва можно было разглядеть сквозь облако табачного дыма, шумно беседовали за недопитыми кружками пива или играли во «все четыре» колодой засаленных карт. В смежной камере какой-то одинокий жилец, склонившийся при свете жалкой сальной свечи над пачкой грязных, изорванных бумаг, пожелтевших от пыли и полусгнивших от времени, писал в сотый раз какую-то бесконечную жалобу какому-то

великому человеку, чьи глаза никогда ее не увидят и чье сердце она никогда не тронет. В третьей камере можно было видеть мужа с женой и целой оравой детей, устраивавших на полу или на стульях убогую постель, чтобы уложить самых маленьких. И в четвертой, и в пятой, и в шестой, и в седьмой — все тот же шум, и пиво, и табачный дым, и карты.

В галереях, и в особенности по лестницам, слонялось множество людей, которые пришли сюда: одни — потому, что их камеры были пусты и неуютны, другие — потому, что их камеры битком набиты и жарки; большинство — потому, что не находило тишины и покоя и не знало, чем себя занять. Здесь было очень много людей самых разнообразных категорий — от рабочего в бумазейной куртке до разорившегося кутилы в халате, разумеется с продранными локтями; но у всех было нечто общее — вялое тюремное беспечное чванство, наглый, заносчивый вид, который немыслимо описать словами, но который мгновенно уловит всякий, пусть только зайдет в ближайшую долговую тюрьму и присмотрится к первой попавшейся группе ее обитателей с тем же интересом, с каким смотрел мистер Пиквик.

— Меня удивляет, Сэм,— сказал мистер Пиквик, перегнувшись через перила на площадке лестницы,— что заключение в тюрьму за долги в сущности не является наказанием.

— Вы так думаете, сэр? — спросил мистер Уэллер.

— Вы видите, как эти молодцы пьют, курят, кричат,— отвечал мистер Пиквик.— Быть не может, чтобы пребывание здесь их огорчало.

— А, вот в том-то и дело, сэр,— подхватил Сэм,— их это не огорчает, для них это самый что ни на есть праздник — портер и кегли. Но кое-кто страдает от такого дела: те, кто и пивом не могут накачиваться и в кегли не играют и кто заплатил бы, если бы мог,— такие впадают в отчаяние, когда их сажают в тюрьму. Я вам скажу, в чем тут дело, сэр: на того, кто привык бездельничать по трактирам, это наказание совсем не действует, а на того, кто работает когда может, оно действует слишком сильно. Получается неровно, как говорил мой отец, когда ему приготовляли грог и воды

было больше, чем джина, получается неровно, вот в чем беда.

— Мне кажется, вы правы, Сэм,— подумав, сказал мистер Пиквик,— совершенно правы.

— Пожалуй, можно встретить иной раз и честных людей, которым это по вкусу,— задумчиво продолжал мистер Уэллер,— но я что-то не слыхал о них, если не считать одного маленького грязнолицего человечка в коричневой куртке, да и у того это было делом привычки.

— А кто он такой? — осведомился мистер Пиквик.

— А, вот этого-то никто не знал,— отвечал Сэм.

— Но что он сделал?

— Да то же, что в свое время делали многие люди, гораздо более известные, сэр,— сказал Сэм.— Он попробовал перепрыгнуть через самого себя.

— Иными словами,— сказал мистер Пиквик,— он, должно быть, жил выше средств и наделал долгов.

— Именно так, сэр,— отозвался Сэм,— и в результате попал сюда. Долгов было немного — фунтов девять, да впятеро больше на покрытие судебных издержек; но как бы там ни было, а здесь он застрял на семнадцать лет. Появились, правда, у него на лице морщины, но они были замазаны грязью, потому-то и грязное лицо и коричневая куртка остались к концу этого срока такими же, какими были вначале. Он был смирным, безобидным маленьким созданием, всегда за кого-нибудь хлопотал или играл в мяч и никогда не выигрывал; в конце концов тюремщики его полюбили, и каждый вечер он приходил к ним в комнату, болтал с ними, рассказывал разные небылицы и всякую всячину. Как-то вечером сидел он, по обыкновению, с одним своим старым другом, который был дежурным, и вдруг говорит: «Билл, я не видел рынка по ту сторону стены,— говорит (а в ту пору здесь был Флитский рынок),— Билл, я не видел рынка по ту сторону стены вот уже семнадцать лет».— «Знаю, что не видел»,— говорит тюремщик, покуривая свою трубку. «Я бы хотел поглядеть на него одну минутку, Билл»,— говорит он. «Очень возможно»,— говорит тюремщик, сильно затягиваясь трубкой и притворяясь, будто он не понимает, куда клонит тот человек. «Билл,— говорит он с еще бо́льшим волнением,— мне в голову пришла фан-

тазия. Позвольте мне поглядеть на людные улицы еще разок перед смертью, и если меня не хватит апоплексический удар, я вернусь через пять минут по часам».— «А что со мной будет, если вас хватит апоплексический удар?» — спросил тюремщик. «Ну,— говорит маленькое создание,— кто бы ни нашел меня, Билл, тот наверняка принесет меня домой, потому что моя карточка у меня в кармане,— номер двадцатый, этаж столовой»,— и правда, так оно и было, потому что, когда ему хотелось познакомиться с каким-нибудь новичком, он, бывало, вынимал маленькую памятную карточку, а на ней были написаны эти слова, и больше ничего, и потому-то его всегда звали «Номер двадцатый». Тюремщик смотрит на него в упор и, наконец, торжественно заявляет: «Двадцатый, говорит, я вам верю; вы не подведете старого друга».— «Нет, старина, надеюсь, что-то хорошее у меня здесь еще осталось!» — говорит маленький человечек и с этими словами изо всех сил хлопает себя по курточке, и потом из обоих глаз у него вытекает по слезинке, а это было очень удивительно — все думали, что вода никогда не орошала его лица. Он пожал руку тюремщику и ушел...

— И так и не вернулся,— вставил мистер Пиквик.

— На этот раз вы ошиблись, сэр,— возразил мистер Уэллер.— Он возвращается на две минуты раньше назначенного времени и вне себя от злости; рассказывает, как его чуть было не раздавила карета, что он к этому не привык, и будь он проклят, если не напишет лорд-мэру. Наконец, его утихомирили, и с той поры он в течение пяти лет даже не выглядывал за ворота.

— По прошествии этого времени он, вероятно, умер,— сказал мистер Пиквик.

— Нет, не умер, сэр,— отвечал Сэм.— Ему пришла фантазия пойти отведать пива в новом трактире через улицу, и там был такой уютный кабинетик, что ему взбрело в голову ходить туда каждый вечер; так он и делал долгое время и всегда возвращался регулярно за четверть часа до закрытия ворот; стало быть, все шло очень хорошо и приятно. Наконец, он так разошелся, что начал забывать о времени или вовсе о нем не думал и возвращался все позже и позже; и вот как-то вечером его старый друг как раз запирал ворота — даже ключ уже повер-

пул, когда он является. «Подождите, Билл»,— говорит он. «Как, вы еще не вернулись домой, Двадцатый? — говорит тюремщик.— Я думал, вы давным-давно дома».— «Нет еще»,— улыбаясь, говорит маленький человечек. «Ну, так вот что я вам скажу, мой друг,— говорит тюремщик, очень медленно и неохотно открывая ворота,— по моему мнению, вы попали в дурную компанию, и мне очень грустно это видеть. Я не хочу вас обижать, но если вы не можете довольствоваться порядочным обществом и приходить домой в положенное время, я вас вовсе не впущу сюда, и это так же верно, как то, что вы сейчас здесь стоите!» Маленький человечек так весь и затрясся и с тех пор никогда не выходил за тюремные стены.

Когда Сэм закончил свой рассказ, мистер Пиквик начал медленно спускаться по лестнице. Задумчиво пройдясь несколько раз по Живописному двору, где почти никого не было, так как уже стемнело, он уведомил мистера Уэллера, что, по его мнению, тому давно пора удалиться на ночь, и попросил его найти пристанище в одном из соседних трактиров и вернуться рано утром, чтобы условиться, как перевезти вещи своего хозяина из «Джорджа и Ястреба». Этому приказанию мистер Сэмюел Уэллер приготовился подчиниться со всей любезностью, на какую был способен, но тем не менее очень явно обнаружил свою неохоту. Он даже безуспешно пытался заговорить несколько раз о том, как удобно было бы провести эту ночь, растянувшись здесь, на песке, но, убедившись, что мистер Пиквик заупрямился и останется глух к таким намекам, в конце концов удалился.

Нельзя скрыть того факта, что на душе у мистера Пиквика было очень грустно и тревожно — не от недостатка в людях, ибо тюрьма была переполнена, а бутылка вина немедленно, без формальных церемоний знакомства, снискала бы самое дружеское расположение немногих избранных. Но он был одинок в этой грубой, вульгарной толпе и чувствовал уныние и тоску, естественно вытекающие из размышлений о том, что он посажен в клетку и лишен надежды на освобождение. Однако решение освободиться ценой потворства мошенникам Додсону и Фоггу ни на секунду у него не возникало.

В таком расположении духа он вернулся в галерею, где была столовая, и стал медленно прогуливаться. Помещение было нестерпимо грязное, а запах табачного дыма буквально удушливый. Беспрестанно захлопывались с шумом и стуком двери, когда люди входили и выходили, и гул голосов и шагов неумолчно звучал в коридорах. Молодая женщина с ребенком на руках, которая, казалось, едва могла передвигать ноги от истощения и нищеты, бродила по коридору, беседуя со своим мужем, которому больше негде было ее принять. Когда они проходили мимо мистера Пиквика, он слышал, как женщина плакала, а один раз она отдалась такому приступу отчаяния, что должна была прислониться к стене, чтобы не упасть, и мужчина взял на руки ребенка, стараясь ее успокоить.

Мистер Пиквик был так расстроен, что не мог этого вынести и пошел наверх спать.

Хотя комната смотрителя была весьма некомфортабельна (по обстановке и удобствам она занимала место на несколько сот ступеней ниже обыкновенной больничной палаты в провинциальной тюрьме), но в данный момент она отличалась тем преимуществом, что в ней не было никого, кроме самого мистера Пиквика. Поэтому он присел на маленькую железную кровать и задумался над тем, сколько денег смотритель извлекает за год из этой грязной комнаты. Убедившись посредством математических вычислений, что это помещение приносит примерно такой же годовой доход, как уличка в предместьях Лондона, он начал размышлять о том, какой соблазн мог привести грязноватую муху, которая ползала по его панталонам, в эту душную тюрьму, когда она могла выбрать любое приятное помещение. Эти размышления привели его к выводу, что насекомое помешалось. Разрешив этот вопрос, он заметил, что его клонит ко сну, после чего он вытащил ночной колпак из кармана, куда предусмотрительно сунул его утром, не спеша разделся, лег в постель и заснул.

— Браво! Пяткой кверху... режь и скользи... отбивайте, Зефир! Будь я проклят, если балет не ваша стихия! Валяйте дальше! Ура!

Эти неистовые восклицания, сопровождаемые оглушительным смехом, пробудили мистера Пиквика от того крепкого сна, который продолжается около получаса, но спящему кажется растянувшимся на три недели или месяц.

Едва умолк голос, как все в комнате задрожало с такой силой, что задребезжали оконные стекла, а кровати затряслись. Мистер Пиквик привскочил, сел и в течение нескольких минут смотрел в немом изумлении на разыгрывавшуюся перед ним сцену.

Посреди комнаты человек в зеленой куртке с широкими фалдами, в полосатых коротких штанах и серых бумажных чулках выделывал популярнейшие па матросского танца с вульгарной и шутовской пародией на грацию и легкость, что в соединении с его костюмом производило крайне нелепое впечатление. Другой, по-видимому очень пьяный, которого, должно быть, уложили в постель его товарищи, сидел, прикрытый одеялом, распевая с большим чувством и выразительностью куплеты какой-то комической песни; третий, присев на одну из кроватей, аплодировал обоим с видом глубокого знатока и поощрял их тем пылким проявлением чувств, которое и разбудило мистера Пиквика.

Этот человек был превосходным образчиком той породы людей, которую можно увидеть во всем ее блеске только в таких местах. Пожалуй, иной раз встретишь их не во всем блеске по соседству с конюшнями и трактирами, но полного расцвета они достигают только в этих теплицах, которые как будто заботливо созданы законодательной властью с единственной целью их выращивать.

Это был рослый человек с оливковым цветом лица, длинными темными волосами и очень густыми бакенбардами, сходившимися под подбородком; галстука на нем не было, так как он весь день играл в мяч, и открытый ворот рубахи позволял видеть бакенбарды во всем их великолепии. На голове у него торчала простая восемнадцатипенсовая французская шапочка с болтающейся яркой кисточкой, которая прекрасно гармонировала с простой бумазейной курткой. Его ноги, длинные и тощие, были украшены штанами цвета перца с солью, скроен-

RULES

ными так, чтобы подчеркнуть полную симметрию упомянутых конечностей. Однако, будучи довольно небрежно подтянуты и вдобавок кое-как застегнуты, они спускались не слишком изящными складками на пару башмаков, в достаточной мере стоптанных, чтобы обнаружить пару очень грязных белых носков. Было во всем облике этого человека нечто непристойно франтовское и какая-то хвастливая наглость, стоившая золотого слитка.

Этот субъект первый заметил, что мистер Пиквик на них смотрит. Он подмигнул Зефиру и с насмешливой серьезностью попросил его не будить джентльмена.

— Как! Да благословит бог честное сердце и душу джентльмена! — воскликнул Зефир, оглядываясь и притворяясь крайне изумленным.— А ведь джентльмен не спит. Эй, Шекспир!.. Как поживаете, сэр? Как поживают Мэри и Сара, сэр? Как поживает милая старая леди у себя дома, сэр? Не будете ли вы столь любезны уложить мои поклоны в первый же маленький пакет, какой вы пошлете туда, сэр, и сказать, что я бы их раньше прислал, да только боялся, как бы они не разбились в повозке, сэр?

— Не надоедайте джентльмену банальными любезностями, когда вы видите, что ему не терпится выпить,— игриво сказал джентльмен с бакенбардами.— Почему вы не спросите джентльмена, что он будет пить?

— Ах, боже мой, я совсем забыл! — отозвался тот.— Что вы будете пить, сэр? Желаете ли вы портвейну, сэр, или хересу, сэр? Я порекомендовал бы эль, сэр. Или, может быть, вы хотите отведать портеру, сэр? Осчастливьте меня разрешением повесить ваш ночной колпак, сэр.

С этими словами говоривший сорвал сей предмет туалета с головы мистера Пиквика и мгновенно напялил его на голову пьяного, который, твердо убедившись в том, что услаждает многочисленную аудиторию, продолжал меланхолически распевать комические куплеты.

Насильно сорвать ночной колпак со лба человека и водрузить его на голову неизвестному джентльмену неопрятной внешности — такой остроумный поступок, как бы он ни был оригинален сам по себе, относится бесспорно к разряду тех, которые именуются издевательством. Оценив его именно так, мистер Пиквик, отнюдь не

предупреждая о своем намерении, энергически спрыгнул с постели и нанес Зефиру такой ловкий удар в грудь, что в значительной мере лишил его той легкости дыхания, которая связывается иногда с именем Зефира; после сего, снова завладев своим ночным колпаком, он смело принял оборонительную позицию.

— А теперь выходите, оба... оба! — воскликнул мистер Пиквик, задыхаясь как от волнения, так и от потери некоторого запаса энергии.

После такого смелого приглашения достойный джентльмен придал своим кулакам вращательное движение, дабы устрашить противников научными приемами.

Храбрость ли мистера Пиквика, весьма неожиданная, или сложный маневр, проделанный им, когда он вскочил с постели и набросился на человека, отплясывающего матросский танец, произвели впечатление на его противников — неведомо, но впечатление было произведено, ибо, вместо того чтобы немедленно покуситься на человекоубийство,— а мистер Пиквик твердо верил, что они это сделают,— они приостановились, поглядели друг на друга и, наконец, от души расхохотались.

— Ну, вы молодчина, и теперь вы мне еще больше нравитесь! — объявил Зефир.— Прыгайте скорее в постель, пока не схватили ревматизма. Надеюсь, не сердитесь? — добавил он, протягивая руку величиною с желтую гроздь пальцев, которая раскачивается иной раз над дверью перчаточника.

— Нисколько! — отвечал мистер Пиквик с большой поспешностью, ибо теперь, когда возбуждение улеглось, он почувствовал, что у него зябнут ноги.

— Удостойте чести и меня,— сказал с вульгарным акцентом джентльмен, украшенный бакенбардами, подавая правую руку.

— С большим удовольствием, сэр,— сказал мистер Пиквик и после продолжительного и торжественного рукопожатия снова забрался в постель.

— Меня зовут Сменгль, сэр,— сказал человек с бакенбардами.

— О! — сказал мистер Пиквик.

— Меня — Майвинс,— сказал человек в чулках.

— Очень рад слышать, сэр,— сказал мистер Пиквик.

— Кхе,— кашлянул мистер Сменгль.

— Вы что-то сказали, сэр? — осведомился мистер Пиквик.

— Нет, я ничего не говорил, сэр,— отвечал мистер Сменгль.

— Мне послышалось, будто вы что-то сказали, сэр,— пояснил мистер Пиквик.

Все это было очень изысканно и вежливо, и в довершение удовольствия мистер Сменгль многократно заверил мистера Пиквика в том, что питает величайшее уважение к чувствам джентльмена, каковое заявление несомненно делало ему честь, ибо отнюдь нельзя было предположить, чтобы он знал, каковы эти чувства.

— Проходили через суд, сэр? — полюбопытствовал мистер Сменгль.

— Как? — переспросил мистер Пиквик.

— Через суд... на Портюгел-стрит... * Суд для освобождения от... Ну, да вы знаете.

— О нет,— отвечал мистер Пиквик.— Нет!

— Надеетесь скоро выйти? — предположил Майвинс.

— Боюсь, что нет,— ответил мистер Пиквик.— Я отказался уплатить возмещение убытков и в результате очутился здесь.

— А меня погубила бумага,— сказал мистер Сменгль.

— Вероятно, торговали писчебумажными товарами, сэр? — наивно осведомился мистер Пиквик.

— Торговал писчебумажными товарами? Нет, черт бы меня подрал! Так низко я никогда не опускался. Никакой торговли. Под «бумагой» я подразумеваю расписки.

— О, вы употребляете это слово в таком смысле? Понимаю,— сказал мистер Пиквик.

— Черт возьми! Джентльмен должен быть готов к превратностям судьбы,— продолжал Сменгль.— В чем же дело? Вот я сижу во Флитской тюрьме. Так. Прекрасно. Ну, так что же? От этого мне не хуже, правда?

— Еще бы! — отвечал мистер Майвинс.

И он был совершенно прав, ибо мистеру Сменглю отнюдь не стало хуже,— ему стало даже лучше, ибо для того, чтобы попасть в тюрьму, он без затрат приобрел некоторые драгоценности, давным-давно заложенные ростовщику.

— Да, но послушайте,— сказал мистер Сменгль,— во рту пересохло. Давайте прополощем горло каплей горячего хереса. Новичок ставит, Майвинс доставляет, я помогу распить. Это во всяком случае справедливое и достойное джентльмена разделение труда, будь я проклят!

Не желая затевать новую ссору, мистер Пиквик охотно согласился на это предложение и вручил деньги мистеру Майвинсу, который немедленно отправился в столовую исполнять поручение.

— Послушайте,— шепнул Сменгль, как только его друг вышел из комнаты,— сколько вы ему дали?

— Полсоверена,— сказал мистер Пиквик.

— Он чертовски приятный джентльмен,— сообщил мистер Сменгль,— дьявольски приятный. Другого такого я не знаю, но...

Тут мистер Сменгль запнулся и с сомнением покачал головой.

— Вы допускаете возможность, что он присвоит эти деньги? — осведомился мистер Пиквик.

— О нет! Заметьте — я этого не говорю, я подчеркиваю, что он чертовски приятный джентльмен,— сказал мистер Сменгль.— Но, пожалуй, если бы кто-нибудь сбегал вниз посмотреть, не сунул ли он случайно носа в кувшин или как-нибудь по ошибке не потерял денег, когда будет возвращаться сюда, это было бы неплохо. Эй, вы, сэр, сбегайте-ка вниз да присмотрите за джентльменом, слышите?

Эта просьба была адресована робкому нервному человечку, чья внешность свидетельствовала о большой бедности и который все время сидел съежившись на кровати, по-видимому ошеломленный новизной своего положения.

— Вы знаете, где столовая,— сказал Сменгль.— Сбегайте туда и скажите джентльмену, что вы пришли помочь ему нести кувшин. Или нет... постойте... вот что я вам скажу... я вам скажу, как мы его надуем,— сообщил Сменгль с лукавой миной.

— Как? — полюбопытствовал мистер Пиквик.

— Передайте ему, чтобы он истратил сдачу на сигары. Блестящая мысль! Бегите и скажите ему, слышите?

Не пропадут! — обратился Сменгль к мистеру Пиквику.— Я их выкурю.

Этот маневр был столь остроумен и вдобавок проведен с таким невозмутимым спокойствием и хладнокровием, что мистер Пиквик не имел ни малейшего желания ему препятствовать, даже если бы это было в его власти.

Вскоре мистер Майвинс вернулся с хересом, который мистер Сменгль налил в две маленькие надтреснутые кружки, предварительно заметив,— имея в виду самого себя,— что джентльмен не должен привередничать при таких обстоятельствах и что он лично не считает для себя унизительным пить прямо из кувшина. В доказательство своей искренности он немедленно выпил половину залпом за здоровье всей компании.

Когда таким путем была достигнута полная гармония, мистер Сменгль начал занимать своих слушателей рассказом о различных романических похождениях, которым он время от времени предавался, включая в свой рассказ интересные анекдоты о чистокровной лошади и великолепной еврейке — обе отличались исключительной красотой и обеих домогались аристократы и дворяне Соединенного королевства.

Задолго до того, как закончилось сообщение этих занимательных подробностей из биографии джентльмена, мистер Майвинс улегся в постель и захрапел, предоставив робкому незнакомцу и мистеру Пиквику извлекать пользу из жизненного опыта мистера Сменгля.

Но и эти два упомянутых джентльмена получили меньше пользы от трогательных повествований, чем могли бы получить. Мистер Пиквик некоторое время пребывал в дремотном состоянии, как вдруг ему смутно почудилось, будто пьяный возобновил свои комические куплеты, а мистер Сменгль с помощью кувшина воды деликатно намекнул ему о нежелании присутствующих слушать пение. Затем мистер Пиквик опять погрузился в сон, неясно сознавая, что мистер Сменгль все еще рассказывает историю, суть коей, по-видимому, сводилась к детальному разъяснению вопроса о том, как он одновременно подделал расписку и поддел джентльмена.

ГЛАВА XLII,

доказывающая, подобно предыдущей, справедливость старой истины, что несчастье сводит человека со странными сожителями, а также содержащая невероятное и поразительное заявление мистера Пиквика мистеру Сэмюелу Уэллеру

На следующее утро, когда мистер Пиквик открыл глаза, первое, на чем они остановились, был Сэмюел Уэллер, который восседал на маленьком черном чемодане и, пребывая, по-видимому, в глубокой рассеянности, пристально смотрел на величавую фигуру бойкого мистера Сменгля, тогда как сам мистер Сменгль, полуодетый, сидел на своей кровати, занимаясь совершенно безнадежной попыткой заставить мистера Уэллера опустить глаза. Мы сказали — совершенно безнадежной, ибо Сэм, одним взглядом окинув одновременно шапочку, башмаки, голову, лицо, ноги и бакенбарды мистера Сменгля, продолжал смотреть на него в упор, явно выражая живейшее удовольствие, но проявляя к чувствам мистера Сменгля не больше внимания, чем проявил бы, созерцая деревянную статую или набитое соломой чучело Гая Фокса *.

— Ну, что? Узнаете меня теперь? — нахмурившись, спросил мистер Сменгль.

— Готов показать под присягой,— весело ответил Сэм.

— Не говорите дерзостей джентльмену, сэр,— сказал мистер Сменгль.

— Ни под каким видом,— отвечал Сэм.— Если вы мне сообщите, когда он проснется, я буду держать себя самым экстра-наилучшим образом.

Это замечание, включавшее туманный намек на то, что мистер Сменгль не джентльмен, разожгло его гнев.

— Майвинс! — с раздражением сказал мистер Сменгль.

— Что прикажете? — откликнулся этот джентльмен со своего ложа.

— Кто этот парень, черт бы его подрал?

— Ей-богу, об этом я вас должен спросить,— сказал

мистер Майвинс, лениво выглядывая из-под одеяла.— Он здесь по какому-нибудь делу?

— Нет,— отвечал мистер Сменгль.

— Так спустите его с лестницы и скажите, чтобы не смел подниматься, пока я не приду и не попотчую его,— заявил мистер Майвинс.

Быстро дав такой совет, сей превосходный джентльмен погрузился в сон.

Судя по этим недвусмысленным симптомам, разговор грозил перейти «на личности», и мистер Пиквик счел своевременным вмешаться.

— Сэм! — сказал мистер Пиквик.

— Сэр? — откликнулся сей джентльмен.

— Ничего нового не случилось со вчерашнего дня?

— Особенного ничего, сэр,— отвечал Сэм, взглянув на бакенбарды мистера Сменгля.— Избыток спертого воздуха в тюрьме помог произрастанию сорной травы самого низкого сорта, но за исключением этого все обстоит благополучно.

— Я встану,— сказал мистер Пиквик.— Дайте мне чистое белье.

Какие бы враждебные замыслы ни лелеял мистер Сменгль, он быстро от них отвлекся при распаковке чемодана, содержимое которого, казалось, побудило его немедленно составить наилучшее мнение не только о мистере Пиквике, но и о Сэме, каковой был самым чистокровным оригиналом, стало быть как раз ему по душе,— об этом мистер Сменгль поспешил заявить достаточно громко, чтобы этот эксцентрический субъект мог услышать. Что же касается мистера Пиквика, то любовь, которой мистер Сменгль воспылал к нему, не знала границ.

— Не могу ли я что-нибудь для вас сделать, дорогой сэр? — осведомился Сменгль.

— Ничего, насколько мне известно. Очень вам признателен,— отвечал мистер Пиквик.

— Нет ли у вас белья, которое нужно отдать в стирку? Я знаю прекрасную прачку, которая два раза в неделю приходит за моим бельем, и...— ей-богу, какая чертовская удача!..— как раз сегодня она должна зайти. Не уложить ли мне кое-что из этих вещей вместе с моим

бельем? К чему упоминать о беспокойстве? Черт побери! Если один джентльмен, попавший в беду, не побеспокоится немного, чтобы помочь другому джентльмену, находящемуся в таком же положении, чего стоит человеческая природа!

Так говорил мистер Сменгль, бочком пробираясь как можно ближе к чемодану и бросая взгляды, выражающие самую пламенную и бескорыстную дружбу.

— Может быть, вам, любезнейший, нужно выколотить платье? — продолжал Сменгль.

— Не нужно, приятель,— отозвался Сэм, беря ответ на себя.— Если бы можно было кого-нибудь отколотить, не беспокоя слуг, это, пожалуй, было бы приятнее обеим сторонам, как сказал учитель, когда молодой джентльмен возражал против того, чтобы его высек дворецкий.

— И не найдется ничего, что можно было бы отослать в моей корзине в стирку? — спросил Сменгль, с обескураженным видом переводя взгляд с Сэма на мистера Пиквика.

— Решительно ничего, сэр,— отрезал Сэм.— Боюсь, что ваша корзина и без того набита доверху вашим собственным бельем.

Эта реплика сопровождалась таким выразительным взглядом, устремленным на ту часть туалета мистера Сменгля, которая обычно свидетельствует об искусстве прачек стирать джентльменское белье, что Сменглю оставалось только повернуться на каблуках и хотя бы на время отказаться от всяких притязаний на кошелек и гардероб мистера Пиквика. Поэтому он мрачно удалился во двор для игры в мяч, где позавтракал достаточно легко, но с пользой для здоровья парой сигар, купленных накануне вечером.

Мистер Майвинс, который не курил и чей счет за мелкие продукты также спустился до конца доски и «перебрался» на другую сторону, остался в постели и, по его собственным словам, «решил закусить во сне».

Позавтракав в маленьком чулане рядом со столовой, который носил громкое название «кабинета» и временный обитатель коего пользовался, принимая во внимание ничтожную доплату, великим преимуществом подслушивать все разговоры в упомянутой столовой, мистер

Пиквик послал мистера Уэллера с неотложными поручениями и отправился в комнату дежурного посоветоваться с мистером Рокером по вопросу о своем будущем помещении.

— Помещение? — переспросил этот джентльмен, заглянув в большую книгу.— Сколько угодно, мистер Пиквик. Ваш сожительский билетик будет в двадцать седьмом на третьем.

— О! — отозвался мистер Пиквик.— Как вы сказали, какой билетик?

— Ваш сожительский билетик,— повторил мистер Рокер.— Сообразили?

— Не совсем,— улыбаясь, ответил мистер Пиквик.

— Да ведь это ясно, как день,— сказал мистер Рокер.— Вы получите сожительский билет в двадцать седьмой номер на третьем этаже, и живущие в этой камере будут вашими сожителями.

— А сколько их? — нерешительно осведомился мистер Пиквик.

— Трое,— сообщил мистер Рокер.

Мистер Пиквик кашлянул.

— Один из них священник,— продолжал мистер Рокер, записывая что-то на клочке бумаги,— другой мясник.

— Как? — переспросил мистер Пиквик.

— Мясник,— повторил мистер Рокер, постукивая кончиком пера по конторке, чтобы излечить его от нежелания писать.— Каким он был когда-то молодчиной! Вы помните Тома Мартина, Недди? — добавил Рокер, обращаясь к другому стражу, который соскабливал грязь со своих башмаков складным ножом о двадцати пяти лезвиях.

— Еще бы я не помнил! — отозвался тот, к кому был обращен вопрос, делая ударение на личном местоимении.

— О, господи! — сказал мистер Рокер, медленно покачивая головой и рассеянно глядя прямо перед собой в зарешеченное окно; казалось, будто он любовно припоминал какую-то мирную сцену из ранней молодости.— Кажется мне, не дальше чем вчера он огрел грузчика возле пристани, в «Лисе под холмом». Я как сейчас его вижу: идет по Стренду между двух сторожей, малость протрезвился от синяков, над правым глазом уксусный пластырь, а этот миленький бульдог, который потом

искусал мальчика, бежит за ним по пятам. Занятная штука — время, правда, Недди?

Джентльмен, к которому были обращены эти замечания, принадлежал, казалось, к разряду молчаливых и задумчивых и только повторил вопрос. Мистер Рокер, оборвав поэтически-меланхолическую нить размышлений, которым он предавался, вернулся к повседневной жизни и снова взялся за перо.

— Вам известно, кто третий джентльмен? — полюбопытствовал мистер Пиквик, не слишком очарованный описанием своих будущих сожителей.

— Кто такой этот Симпсон, Недди? — спросил мистер Рокер, обращаясь к своему приятелю.

— Какой Симпсон? — сказал Недди.

— Да тот, что в двадцать седьмом номере на третьем, с которым будет жить этот джентльмен.

— Ах, тот! — отозвался Недди.— Он, собственно, никто. *Был* лошадиным барышником, теперь шулер.

— Я так и думал! — подхватил мистер Рокер, закрывая книгу и вручая мистеру Пиквику клочок бумаги.— Вот билет, сэр.

Весьма озадаченный таким быстрым разрешением вопроса о своей особе, мистер Пиквик вернулся в тюрьму, размышляя о том, что́ ему делать. Убедившись, однако, что разумнее будет не предпринимать дальнейших шагов до встречи и беседы с тремя джентльменами — его предполагаемыми сожителями, он отправился прямо на третий этаж.

Проблуждав некоторое время по галерее и пытаясь разобрать при тусклом свете цифры на дверях, он, наконец, обратился за помощью к слуге, которого застал за его утренним занятием — собиранием оловянной посуды.

— Где номер двадцать седьмой, любезный? — спросил мистер Пиквик.

— Дальше, шестая дверь,— ответил слуга.— Там на двери нарисован мелом человек на виселице, с трубкой во рту.

Руководствуясь этим указанием, мистер Пиквик медленно пошел по галерее, пока не встретился с вышеупомянутым «портретом джентльмена», по чьей физиономии он постучал согнутым указательным пальцем — сна-

чала осторожно, а потом громко. Повторив эту операцию несколько раз безуспешно, он решился открыть дверь и заглянуть.

В камере был всего один человек, да и тот высунулся из окна ровно настолько, чтобы не потерять равновесия, и настойчиво старался плюнуть на шляпу своего друга, стоявшего внизу во дворе. Так как слова, кашель, чиханье, стук и все прочие обычные способы привлечь внимание не подействовали на этого субъекта, не замечавшего гостя, мистер Пиквик после некоторого колебания подошел к окну и тихонько дернул обитателя камеры за фалду.

Субъект с большим проворством отпрянул от окна и, оглядев мистера Пиквика с головы до пят, грубо спросил, какого... черта... ему здесь нужно.

— Мне кажется,— сказал мистер Пиквик, взглянув на свой билет,— мне кажется, это номер двадцать седьмой на третьем?

— Ну так что же? — отозвался джентльмен.

— Я пришел сюда, потому что получил этот клочок бумаги,— сообщил мистер Пиквик.

— Покажите,— сказал джентльмен.

Мистер Пиквик повиновался.

— Рокер мог бы поместить вас с кем-нибудь другим,— сказал мистер Симпсон (он-то и был шулер) после паузы, выражавшей большое неудовольствие.

Мистер Пиквик думал то же самое, но при данных обстоятельствах счел целесообразным промолчать.

Мистер Симпсон размышлял несколько секунд, а затем, высунувшись из окна, пронзительно свистнул и несколько раз выкрикнул какое-то слово. Что это было за слово, мистер Пиквик не мог разобрать, но он предположил, что это, должно быть, прозвище мистера Мартина, ибо несколько джентльменов внизу на дворе немедленно начали кричать: «Мясник!» — имитируя возглас, которым достойные представители этой полезной для общества профессии ежедневно возвещают кухаркам о своем прибытии.

Последующие события подтвердили догадку мистера Пиквика, ибо через несколько секунд джентльмен, слишком полный для своих лет, в профессиональной синей тиковой куртке и в сапогах с отворотами и круглыми нос-

ками, ввалился, запыхавшись, в комнату в сопровождении другого джентльмена в очень поношенном черном костюме и в котиковой шапке. У этого последнего джентльмена, сюртук которого был застегнут до самого подбородка булавками и пуговицами вперемежку, было грубое красное лицо, и походил он на спившегося священника, каковым и был в действительности.

Когда оба джентльмена по очереди взглянули на билет мистера Пиквика, один высказал мнение, что это «плутня», а другой — убеждение, что это «подвох». Изложив свою точку зрения в столь вразумительных выражениях, они посмотрели на мистера Пиквика и друг на друга в неловком молчании.

— Это неприятная история, и как раз когда мы устроили себе такие уютные постели,— сказал священник, посматривая на три грязных тюфяка, завернутых на день в одеяло и сложенных в углу комнаты в виде своеобразной подставки для старого, надбитого таза, кувшина и мыльницы из грубого желтого фаянса с синими цветами.— Очень неприятная!

Мистер Мартин высказал такое же мнение в более энергических выражениях; мистер Симпсон, выпалив ряд дополнительных прилагательных без какого бы то ни было существительного, засучил рукава и начал мыть овощи к обеду.

Во время переговоров мистер Пиквик обозревал камеру, омерзительно грязную и нестерпимо затхлую. В ней не было ни малейших признаков ковра, занавесок или штор. Не было даже стенного шкафа. Правда, здесь нашлось бы мало вещей, которые можно убрать в шкаф, но, как бы незначительны по размерам ни были все эти остатки хлеба, корки сыра и все эти объедки, как бы мало ни было мокрых полотенец, рваного платья, изувеченной посуды, раздувальных мехов без сопла, сломанных вилок для поджаривания гренков,— они производят довольно неприятное впечатление, когда разбросаны по полу маленькой комнаты, которая служит общей гостиной и спальней трем бездельникам.

— Мне кажется, это можно как-нибудь уладить,— сказал мясник после довольно продолжительного молчания.— Сколько вы возьмете отступного?

— Простите,— отозвался мистер Пиквик.— Что вы сказали? Я не совсем понимаю.

— За сколько можно от вас откупиться? — повторил мясник.— По правилам сожительства — два шиллинга шесть пенсов. Хотите три боба?

— И бендер,— добавил джентльмен духовного звания.

— Ладно, не возражаю, это выйдет еще по два пенса на брата,— сказал мистер Мартин.— Ну, что вы теперь скажете? Мы откупаемся от вас за три шиллинга шесть пенсов в неделю. Согласны?

— И ставьте галлон пива,— вмешался мистер Симпсон.— Вот как!

— И разопьем его немедленно! — подхватил священник.— Ну?

— Право же, я столь не сведущ в здешних правилах,— отвечал мистер Пиквик,— что все еще не понимаю вас. Разве я могу поселиться где-нибудь в другом месте? Я думал, что не могу.

Услышав такой вопрос, мистер Мартин с крайним изумлением посмотрел на обоих своих друзей, а затем каждый из этих джентльменов указал большим пальцем правой руки через левое плечо. Этот жест, который весьма неточно принято называть «понимай наоборот», производит очень приятное впечатление, если его делают леди или джентльмены, привыкшие действовать дружно: он выражает легкий и игривый сарказм.

— Неужто не можете? — сказал мистер Мартин с сострадательной улыбкой.

— Ну, если бы я так мало знал жизнь, я бы взял да утопился,— заметила духовная особа.

— Я тоже,— торжественно добавил джентльмен спортивного вида.

После такого вступления три приятеля в один голос сообщили мистеру Пиквику, что во Флите деньги играют точь-в-точь такую же роль, как и за его стенами; что они немедленно доставят ему чуть ли не все, чего бы он ни пожелал; и что если они у него имеются и он готов их истратить,— достаточно ему выразить желание, и он может получить отдельную камеру, меблированную и в полном порядке, через полчаса.

После этого заинтересованные стороны расстались к обоюдному удовольствию: мистер Пиквик снова направил свои стопы в дежурную комнату, а три приятеля отбыли в столовую истратить пять шиллингов, которые духовная особа с поразительным благоразумием и предусмотрительностью позаимствовала для этой цели у мистера Пиквика.

— Я так и знал,— усмехнувшись, заявил мистер Рокер, когда мистер Пиквик сообщил о цели своего вторичного прихода.— Не говорил ли я вам этого, Недди?

Философический владелец универсального перочинного ножа промычал утвердительный ответ.

— Я знал, что вам понадобится отдельная камера,— сказал мистер Рокер.— Но позвольте, вам нужна и мебель! Вы можете взять у меня напрокат. Это уж так заведено.

— С большим удовольствием,— отвечал мистер Пиквик.

— В столовом этаже есть чудесная камера, которая принадлежит канцлерскому арестанту,— сказал мистер Рокер.— Она будет стоить вам фунт в неделю. Думаю, вы против этого не возражаете?

— Нимало,— отвечал мистер Пиквик.

— Пойдемте-ка со мной,— сказал Рокер, с большим проворством берясь за шляпу.— Дело будет сделано в пять минут. Ах, боже мой, почему же вы сразу не сказали, что хотите устроиться со всеми удобствами?

Дело было быстро улажено, как и предсказывал тюремщик. Арестант Канцлерского суда пробыл здесь так долго, что лишился друзей, состояния, семьи и счастья и получил право на отдельную камеру. Но так как он частенько нуждался в куске хлеба, то с восторгом выслушал предложение мистера Пиквика нанять помещение и с готовностью уступил ему полные и нерушимые права на него за двадцать шиллингов в неделю, из каковой суммы обязался платить за выселение всех и каждого, кто еще мог бы попасть сожителем в эту камеру.

Когда заключали договор, мистер Пиквик с горестным любопытством рассматривал арестанта. Это был высокий, худой, мертвенно-бледный человек в старом пальто и туфлях, со впалыми щеками и лихорадочным взглядом.

Губы у него были бескровные, а пальцы тонкие и острые. Да поможет ему бог! Железные клыки тюрьмы и нищеты медленно подтачивали его на протяжении двадцати лет.

— Где же вы будете жить теперь, сэр? — спросил мистер Пиквик, кладя на расшатанный стол деньги за первую неделю.

Тот взял деньги дрожащей рукой и ответил, что он еще не знает, ибо должен пойти и посмотреть, куда можно перенести кровать.

— Боюсь, сэр,— сказал мистер Пиквик, ласково и сочувственно положив руку ему на плечо,— боюсь, что вам придется жить в каком-нибудь шумном, густо населенном помещении. Прошу вас, считайте эту камеру своей собственной, когда вам нужен будет покой или кто-нибудь из ваших друзей придет вас навестить.

— Друзья! — хриплым голосом воскликнул арестант.— Если бы я находился на дне глубочайшего колодца, лежал в завинченном и запаянном гробу, гнил в темной и грязной канаве, которая тянется под фундаментом этой тюрьмы, я бы не мог быть более заброшенным и забытым, чем здесь. Я — мертвец! Я умер для общества, не увидев того сострадания, какое даруется тем, чьи души предстали пред страшным судом. Друзья придут навестить меня! Боже мой! Я пришел сюда в расцвете сил и состарился в этой тюрьме, и нет ни одного человека, который воздел бы руку над моим ложем, когда я умру, и сказал: «Слава богу, он успокоился».

Возбуждение, которое залило непривычным румянцем лицо человека, улеглось, когда он умолк; с тоской сжимая иссохшие руки и волоча ноги, он вышел из комнаты.

— Как его прорвало! — с улыбкой сказал мистер Рокер.— Ах, они — как слоны. Иной раз заденет их за живое, и они приходят в бешенство.

Сделав это глубоко сочувственное замечание, мистер Рокер принялся за работу с такой энергией, что скоро в камере появились ковер, шесть стульев, стол, диван, служивший кроватью, чайник и разные необходимые вещи, взятые напрокат за весьма умеренную плату — двадцать семь шиллингов шесть пенсов в неделю.

— Ну, что еще можем мы для вас сделать? — осведомился мистер Рокер, с большим удовлетворением озираясь и весело позвякивая зажатыми в руке монетами — платой за первую неделю.

— Погодите...— отвечал мистер Пиквик, который о чем-то сосредоточенно размышлял.— Нет ли здесь человека, которого можно было бы посылать с поручениями?

— То есть посылать в город? Вы говорите о тех, кто на свободе? — спросил Рокер.

— Да. Я имею в виду тех, кто мог бы выходить из тюрьмы. Не арестантов.

— Да, такие найдутся,— отвечал Рокер.— Есть один злополучный шут, у него друг сидит на «бедной стороне», он с радостью на это согласится. Последние два месяца он исполняет разные поручения. Послать его к вам?

— Будьте так добры,— попросил мистер Пиквик.— Постойте, не надо. Вы говорите — «бедная сторона»? Я бы очень хотел заглянуть туда. Я сам к нему пойду.

«Бедная сторона» в долговой тюрьме, как показывает название,— место заключения самых жалких и несчастных должников. Заключенный, поступающий в отделение для бедняков, не платит ни за отдельную камеру, ни за сожительство. Его взносы при вступлении в тюрьму и при выходе из нее — самые ничтожные, и он получает только право на скудный тюремный паек; для обеспечения им заключенных некоторые благотворители оставляли по завещанию незначительные пожертвования. Еще свежо в памяти то время, когда в стену Флитской тюрьмы была вделана железная клетка, в которой помещался голодный на вид человек и, побрякивая время от времени кружкою с деньгами, заунывно восклицал: «Не забывайте нищих должников, не забывайте нищих должников!» Сбор из этой кружки,— если таковой был,— делился между нищими заключенными, и заключенные «бедной стороны» исполняли по очереди эту унизительную обязанность.

Хотя этот обычай отменен и клетка убрана, но несчастные люди по-прежнему влачат жалкое, нищенское существование. Мы больше не позволяем им взывать у ворот тюрьмы к милосердию и состраданию прохожих, но, дабы заслужить уважение и восхищение грядущих веков, оставляем в нашем своде законов тот справедливый и

благотворный закон, согласно которому закоренелого преступника кормят и одевают, а неимущему должнику предоставляют умирать от голода и холода. Это не выдумка. Не проходит недели, чтобы в любой из наших долговых тюрем не погиб кто-нибудь из этих людей, умирающих медленной голодной смертью, если им не придут на помощь их товарищи по тюрьме.

Поднимаясь по узкой лестнице, на нижней площадке которой он расстался с Рокером, мистер Пиквик размышлял об этих предметах и постепенно довел себя до точки кипения; он был так взволнован своими размышлениями на эту тему, что ворвался в указанную ему камеру, почти забыв о месте, где находится, и о цели своего визита.

Общий вид камеры тотчас же заставил его опомниться, но едва его взгляд упал на фигуру человека, мрачно сидевшего перед запыленным камином, как он уронил шляпу на пол и в изумлении остановился, неподвижный и безмолвный.

Да, в лохмотьях и без куртки, в простой и изодранной желтой коленкоровой рубашке сидел мистер Альфред Джингль; волосы спускались ему на лоб, лицо изменилось от страданий и исказилось от голода; голову он подпирал рукой, его взгляд был устремлен на камни, и весь его вид говорил о нищете и унынии.

Подле него, устало прислонившись к стене, стоял коренастый помещик, похлопывая старым охотничьим хлыстом по сапогу с отворотом, украшавшему его правую ногу; левая (он одевался в несколько приемов) была засунута в старую туфлю. Лошади, собаки и вино — вот что привело его сюда. На одиноком сапоге торчала заржавленная шпора, которою он изредка рассекал воздух, ловко щелкая при этом хлыстом по сапогу и бормоча слова, какими наездник понукает свою лошадь. В этот момент он воображал, будто участвует в скачках с препятствиями. Бедняга! На самой быстрой лошади из своей прекрасной конюшни он никогда не скакал с такой стремительностью, с какой промчался по дороге, обрывающейся во Флите.

У противоположной стены на маленьком деревянном ящике сидел какой-то старик. Взгляд его был прикован к полу, а на лице застыло выражение глубокого и безна-

дежного отчаяния. Маленькая девочка — его внучка — суетилась около него, стараясь с помощью сотни детских уловок привлечь его внимание, но старик не видел и не слышал ее. Голос, когда-то звучавший для него, как музыка, и глаза, заменявшие ему свет, не пробуждали его сознания. Руки и ноги у него тряслись от недуга, и паралич сковал его душу.

В камере находились еще два-три человека, которые собрались в кружок и громко разговаривали. Была здесь также женщина, худая и изможденная,— жена заключенного. Она очень заботливо поливала жалкое, засохшее, увядшее растение, которое — это было сразу видно — никогда не даст зеленых побегов; это занятие было, пожалуй, символом тех обязанностей, какие женщина выполняла здесь.

Таковы были люди, представившиеся взорам мистера Пиквика, когда он с изумлением осматривался вокруг. Шаги человека, поспешно вошедшего в комнату, заставили его очнуться. Повернувшись к двери, он встретился глазами с вновь прибывшим; и в нем, несмотря на его лохмотья, грязь и нищету, он узнал знакомые черты мистера Джоба Троттера.

— Мистер Пиквик! — громко воскликнул Джоб.

— Как? — сказал Джингль, вскочив со стула.— Мистер... Совершенно верно — — диковинное место — — странная история — — поделом мне — — да!

Мистер Джингль засунул руки в прорехи, где когда-то были карманы его брюк, и, свесив голову на грудь, снова опустился на стул.

Мистер Пиквик был растроган: эти двое казались такими несчастными. Зоркий взгляд, невольно брошенный Джинглем на кусочек сырой баранины, который принес Джоб, объяснил их бедственное положение красноречивее, чем могли бы это сделать двухчасовые разговоры. Мистер Пиквик кротко посмотрел на Джингля и сказал:

— Мне бы хотелось поговорить с вами наедине. Не выйдите ли вы на минутку?

— Разумеется! — отвечал Джингль, поспешно вставая.— Далеко не могу пойти — — здесь не переутомишься от ходьбы — — вокруг парка колючая изгородь — — место красивое — — романтическое, но не обширное — —

Phiz del

открыто для публики — — семья всегда в городе — — экономка весьма заботлива — — весьма!

— Вы забыли надеть куртку,— сказал мистер Пиквик, когда они вышли на площадку лестницы и закрыли за собою дверь.

— Как? — отозвался Джингль.— В закладе — — у дорогого родственника — — дяди Тома — — ничего не поделаешь — — должен питаться — — потребность организма — — и все такое прочее...

— Что вы хотите этим сказать?

— Пропала, мой дорогой сэр,— — последняя куртка — — ничего не мог поделать. Питался парой башмаков — — целых две недели. Шелковый зонт — — ручка из слоновой кости — — неделя — — факт — — честное слово — — Джоб свидетель.

— Питались в течение трех недель парой башмаков и шелковым зонтом с ручкой из слоновой кости! — воскликнул мистер Пиквик, который слышал о том, что бывают такие случаи при кораблекрушениях, или читал о них в «Miscellanea» Констебля *.

— Вот-вот,— кивнув, сказал Джингль.— Все заложено — — квитанция здесь — — ничтожная сумма — — сущие пустяки — — все мерзавцы.

— О! — сказал мистер Пиквик, успокоенный таким объяснением.— Я вас понимаю: вы заложили свой гардероб.

— Все — — свое и Джоба — — до последней рубашки — — неважно — — экономия на стирке — — скоро ничего не останется — — лечь в постель — — голодать — — умереть — — дознание — — арестант — — обычная вещь — — замять дело — — джентльмены присяжные — — тюремные поставщики — — все улажено — — естественная смерть — — заключение коронера * — — похороны за счет работного дома — — поделом ему — — все кончено — — давайте занавес.

Джингль подвел этот странный итог своих видов на будущее со свойственной ему стремительностью и всевозможными гримасами, имитирующими улыбку. Мистер Пиквик сразу понял, что его беспечность была напускной, и, ласково посмотрев ему в лицо, заметил у него на глазах слезы.

— Добрый человек! — сказал Джингль, пожимая ему руку и отворачиваясь.— Неблагодарный пес — — ребячество плакать — — ничего не могу поделать — — скверная лихорадка — — слаб — — болен — — голоден. Все заслужил — — но страдал много — — да.

Не в силах дальше притворяться и, быть может, ослабев от этой попытки, удрученный бродячий актер сел на ступеньку лестницы и, закрыв лицо руками, разрыдался, как ребенок.

— Перестаньте! Перестаньте! — сказал мистер Пиквик, явно растроганный.— Мы подумаем, что можно сделать, когда я во всем разберусь. Джоб! Где он?

— Здесь, сэр,— отвечал Джоб, появляясь на лестнице.

Описывая выше его наружность, мы, между прочим, упомянули, что даже в лучшие времена у него были глубоко запавшие глаза. Теперь — во дни нужды и горя — у него был такой вид, как будто они провалились бог весть куда.

— Здесь, сэр! — крикнул Джоб.

— Пожалуйте сюда, сэр,— сказал мистер Пиквик, стараясь принять суровый вид, в то время как четыре крупные слезы скатились на его жилет.— Получите, сэр.

Получить что? Обычно после этих слов должен последовать удар. По всем правилам нужно было ждать здоровой, звонкой пощечины, ибо мистер Пиквик был одурачен, обманут и оскорблен этим жалким отщепенцем, который находился теперь всецело в его власти. Сказать ли правду? Из жилетного кармана мистера Пиквика что-то извлечено; оно звякнуло, когда перешло в руку Джоба, и это даяние почему-то зажгло свет в глазах и наполнило радостью сердце нашего превосходного старого друга, когда он поспешно удалился.

Вернувшись в свою камеру, мистер Пиквик застал там Сэма, обозревавшего все сделанное для удобства его хозяина с мрачным удовлетворением, которое очень забавно было наблюдать. Решительно возражая против того, чтобы хозяин оставался здесь, мистер Уэллер, казалось, считал высоким моральным долгом не обнаруживать слишком большого удовольствия по поводу того, что делалось, говорилось, предлагалось или предполагалось.

— Ну, как, Сэм? — сказал мистер Пиквик.

— Ну, как, сэр? — отвечал мистер Уэллер.

— Довольно комфортабельно теперь, Сэм?

— Довольно хорошо, сэр,— отозвался Сэм, презрительно осматриваясь вокруг.

— Видели вы мистера Тапмена и остальных наших друзей?

— Да, я их видел, сэр, и они придут завтра. Они очень удивились, узнав, что сегодня им нельзя прийти,— ответил Сэм.

— Вы принесли вещи, которые мне нужны?

Мистер Уэллер вместо ответа указал на различные свертки, которые уложил как можно аккуратнее в углу комнаты.

— Прекрасно, Сэм,— сказал мистер Пиквик после минутного колебания.— Выслушайте то, что я хочу вам сказать, Сэм.

— Выкладывайте, сэр,— отвечал мистер Уэллер.

— С самого начала я чувствовал, Сэм,— торжественно заговорил мистер Пиквик,— что здесь не подходящее место для молодого человека.

— Да и для старого, сэр,— заметил мистер Уэллер.

— Вы совершенно правы, Сэм,— согласился мистер Пиквик.— Но старики могут попасть сюда вследствие своей собственной неосторожности и доверчивости, а молодых может привести сюда эгоизм тех, кому они служат. Для молодых людей во всех отношениях лучше не оставаться здесь. Вы меня понимаете, Сэм?

— Нет, сэр, *не* понимаю,— упрямо ответил мистер Уэллер.

— Постарайтесь понять, Сэм,— сказал мистер Пиквик.

— Хорошо, сэр,— помолчав, начал Сэм.— Кажется, я вижу, куда вы клоните; а если я вижу, куда вы клоните, то, по моему мнению, что-то слишком закручено, как сказал кучер почтовой кареты, когда его настигла метель.

— Вижу, что вы меня поняли, Сэм,— сказал мистер Пиквик.— Помимо моего нежелания, чтобы вы слонялись без дела в таком месте в течение, может быть, нескольких лет, я считаю чудовищной нелепостью со стороны должника, сидящего во Флите, держать при себе слугу, Сэм,—

сказал мистер Пиквик.— Вы должны расстаться со мною на время.

— На время, сэр, вот как? — саркастически заметил мистер Уэллер.

— Да, на время, пока я останусь здесь,— отвечал мистер Пиквик.— Жалованье вы будете получать попрежнему. Любой из моих друзей с радостью возьмет вас к себе, хотя бы только из уважения ко мне. А если я когда-нибудь выйду отсюда, Сэм,— добавил мистер Пиквик с притворной веселостью,— если это случится, даю вам слово, что вы немедленно вернетесь ко мне.

— Ну, а теперь я вам тоже кое-что скажу, сэр,— произнес мистер Уэллер невозмутимым и торжественным тоном.— Это дело такого сорта, что оно не пройдет совсем, а стало быть, нечего и толковать.

— Я говорю серьезно, я твердо решил, Сэм,— сказал мистер Пиквик.

— Вы решили, сэр? — упрямо переспросил мистер Уэллер.— Очень хорошо, сэр. Я тоже решил.

С этими словами мистер Уэллер старательно надел шляпу и быстро вышел из комнаты.

— Сэм! — крикнул ему вслед мистер Пиквик.— Сэм! Вернитесь!

Но в длинной галерее уже не отдавалось эхо его шагов. Сэм Уэллер ушел.

ГЛАВА XLIII,

повествующая о том, как мистер Сэмюел Уэллер попал в затруднительное положение

В высокой комнате, плохо освещенной и еще хуже проветриваемой, расположенной на Португел-стрит, Линкольнс-Инн-Филдс, заседают почти круглый год один, два, три или — в зависимости от обстоятельств — четыре джентльмена в париках за маленькими конторками, сооруженными наподобие тех, какими пользуются во всех английских судах, но только не покрытыми французским лаком. Справа от них находятся скамьи адвокатов, слева — отгороженное место для несостоятельных должников.

а прямо перед ними, пониже,— чрезвычайно грязные физиономии. Названные джентльмены — уполномоченные Суда по делам о несостоятельности, а место, где они заседают, и есть Суд по делам о несостоятельности.

Замечательна судьба этого суда, который в настоящее время и с незапамятных времен считается и признан с общего согласия всех оборванцев Лондона, скрывающих свою нищету, их приютом и ежедневным пристанищем. Он всегда переполнен. Пивные и спиртные испарения постоянно поднимаются к потолку и, коснувшись его, стекают струями по стенам; старого платья увидишь здесь за один раз больше, чем выставляется на продажу на всем Хаундсдиче *в течение года, и больше немытых лиц и седеющих бород, чем могут привести в порядок все насосы и цирюльники между Тайбурном и Уайтчеплом от восхода до заката солнца.

Не следует предполагать, что здесь у кого-нибудь из этих людей есть хотя бы тень какого-то дела в том месте, которое он столь неутомимо посещает. Будь это так, нечему было бы удивляться, и в этом не было бы ничего странного. Одни из них спят почти все время, пока длится заседание, другие приносят крохотный портативный обед, завернутый в носовой платок или торчащий из потертого кармана, и жуют и слушают с одинаковым удовольствием, но никогда не бывало среди них ни одного, кто был лично заинтересован в каком-нибудь деле, которое когда-либо здесь разбиралось. Однако, чем бы они ни занимались, здесь они сидят с первой минуты и до последней. В дождливую погоду они приходят промокшие насквозь, и в такие дни в зале суда пахнет плесенью.

Случайный посетитель может предположить, что это место служит храмом, посвященным Духу Нищеты. Здесь нет ни одного служителя и ни одного курьера, который бы носил одежду, сшитую по мерке; ни одного более или менее свежего или здорового на вид человека во всем учреждении, если не считать маленького седовласого констебля с лицом, как яблоко, да и тот, подобно злополучной вишне, законсервированной в спирту, кажется высушенным благодаря искусственному процессу, который не

имеет никакого отношения к его природе. Даже парики адвокатов плохо напудрены и букли плохо завиты.

Но наиболее любопытный предмет для наблюдений — поверенные, которые сидят за большим, ничем не покрытым столом ниже места для уполномоченных. Профессиональное хозяйство самого богатого из этих джентльменов ограничивается синим мешком и мальчиком — обычно юношей иудейского вероисповедания.

У них нет постоянных контор, свои юридические сделки они совершают или в трактирах, или в тюремных дворах, куда отправляются толпой и отбивают друг у друга клиентов на манер омнибусных кондукторов. Вид у них засаленный и заплесневелый, а если можно заподозрить их в каких-нибудь пороках, то, пожалуй, пьянство и мошенничество занимают самое видное место. Обычно они проживают на окраине «тюремных границ» *, не дальше мили от обелиска на Сент-Джордж-Филдс. Их внешность непривлекательна, их манеры своеобразны.

Мистер Соломон Пелл, один из представителей этой ученой корпорации, был толстый, дряблый, бледный человек в сюртуке, который казался то зеленым, то коричневым, с бархатным воротником той же меняющейся окраски. Лоб у него был узкий, лицо широкое, голова большая, а нос своротен на сторону, словно Природа, возмущенная наклонностями, подмеченными ею в момент его рождения, дала ему сердитый щелчок, от которого нос так и не оправился. Однако наделенный короткой шеей и астмой, мистер Пелл пользовался для дыхания преимущественно этим органом, который, быть может, возмещал приносимой им пользой то, чего не хватало ему как украшению.

— Я уверен, что помогу ему выпутаться,— сказал мистер Пелл.

— В самом деле? — отозвался человек, которому было дано такое заверение.

— Совершенно уверен! — отвечал мистер Пелл.— Но заметьте, если бы он обратился к какому-нибудь сомнительному ходатаю по делам, я бы не поручился за последствия.

— Ну-у! — разинув рот, сказал собеседник.

— Да, ни за что не поручился бы! — сказал мистер

Пелл, сжал губы, нахмурился и таинственно покачал головой.

Беседа эта велась в трактире, как раз против Суда по делам о несостоятельности, а человек, с которым ее вели, был не кто иной, как старший Уэллер, явившийся сюда, чтобы утешить и поддержать друга, чье прошение о признании его несостоятельным должно было сегодня слушаться и с чьим поверенным он в данный момент совещался.

— А где Джордж? — осведомился старый джентльмен.

Мистер Пелл мотнул головой в сторону задней комнаты, где мистер Уэллер, немедленно отправившийся туда, был тотчас же встречен самыми горячими и лестными приветствиями полудюжины своих профессиональных собратьев, выражавших удовольствие по поводу его прибытия. Несостоятельный джентльмен, заразившийся спекулятивной, но неосторожной страстью поставлять лошадей на большие перегоны, каковая страсть и довела его до беды, имел цветущий вид и успокаивал свои чувства креветками и портером.

Обмен приветствиями между мистером Уэллером и его друзьями строго отвечал масонским правилам ремесла, предписывавшим выворачивать кисть правой руки и в то же время подергивать мизинцем. Мы знавали двух знаменитых кучеров (бедняги, их уже нет в живых), которые были близнецами и питали друг к другу искреннюю и преданную любовь. Ежедневно на протяжении двадцати четырех лет они встречались на Дуврской дороге, обмениваясь одним только этим приветствием; и вот когда один из них умер, другой начал чахнуть и вскоре последовал за первым.

— Ну, Джордж,— сказал мистер Уэллер-старший, снимая пальто и усаживаясь с присущей ему важностью,— как дела? Все в порядке на крыше и полно внутри?

— Все в порядке, старина,— отвечал джентльмен, попавший в затруднительное положение.

— Передана ли кому-нибудь серая кобыла? — заботливо осведомился мистер Уэллер.

Джордж кивнул утвердительно.

— Ну вот и прекрасно,— сказал мистер Уэллер.— О карете тоже позаботились?

— Препровождена в надежное место,— отвечал Джордж, свертывая головы полудюжине креветок и проглатывая их без дальнейших церемоний.

— Очень хорошо! —сказал мистер Уэллер.— Надо всегда смотреть за тормозом, когда едешь под гору. Список седоков выправлен по всем правилам?

— Опись, сэр? — спросил Пелл, угадывая мысль мистера Уэллера.— Опись такова, что лучше не сделаешь пером и чернилами.

Мистер Уэллер кивнул, выражая свое одобрение по поводу принятых мер, а затем, повернувшись к мистеру Пеллу, спросил, указывая на своего друга Джорджа:

— И скоро вы снимете с него хомут?

— Он стоит третьим в списке,— отвечал мистер Пелл,— и я бы сказал, что до него очередь дойдет через полчаса. Я распорядился, чтобы мой клерк пришел и предупредил нас вовремя.

Мистер Уэллер с нескрываемым восхищением осмотрел законоведа с головы до ног и выразительно сказал:

— А что вы будете пить, сэр?

— Право же, вы очень...— отозвался мистер Пелл.— Клянусь честью, я не имею обыкновения... Сейчас так рано, что в сущности я почти... Пожалуй, принесите мне на три пенса рому, моя милая.

Прислуживающая девица, которая угадала требование раньше, чем оно было высказано, поставила перед Пеллом стакан рому и удалилась.

— Джентльмены! — сказал мистер Пелл, окидывая взглядом присутствующих.— За успех вашего друга! Я не люблю хвастаться, джентльмены, у меня нет этой привычки, но я не могу не сказать, что если бы вашему другу не посчастливилось попасть в руки, которые... но я не скажу того, что собирался сказать. За ваше здоровье!

Мигом осушив стакан, мистер Пелл причмокнул и самодовольно обвел глазами собравшихся кучеров, которые, очевидно, относились к нему, как к некоему божеству.

— Позвольте-ка,— сказал юридический авторитет,— о чем я говорил, джентльмены?

— Кажется, вы заметили, что не стали бы возражать против второго стакана, сэр,— сказал мистер Уэллер с шутливой серьезностью.

— Ха-ха! — засмеялся мистер Пелл.— Недурно, недурно. Ведь вы тоже деловой человек! В такой ранний час это было бы, пожалуй, слишком... Право, не знаю, моя милая... ну, да уж повторите, будьте так добры. Кхе!

Этот последний звук был важным и внушительным покашливанием, каковое мистер Пелл счел должным себе позволить, заметив неподобающую склонность к смеху у некоторых своих слушателей.

— Покойный лорд-канцлер, джентльмены, очень меня любил,— сообщил мистер Пелл.

— И это делает ему честь,— вставил мистер Уэллер.

— Правильно! — воскликнул клиент мистера Пелла.— А почему бы ему вас не любить?

— В самом деле, почему? — повторил весьма краснолицый человек, который до сей поры не проронил ни слова и, казалось, вряд ли мог еще что-нибудь сказать.— Почему бы нет, хотел бы я знать?

Шепот, выражающий одобрение, пробежал по собранию.

— Помню, джентльмены,— начал мистер Пелл,— обедал я однажды вместе с ним — нас было только двое, но все так шикарно, как будто ждали двадцать человек к обеду: государственная печать на столике справа от него, и человек в парике с кошельком и в латах охраняет жезл, сабля наголо и шелковые чулки... Так всегда делается, джентльмены, и днем и ночью... как вдруг он мне говорит: «Пелл, говорит, без ложной скромности, Пелл. Вы человек талантливый. Вы любого можете протащить через Суд по делам о несостоятельности, Пелл, и наша страна должна гордиться вами». Таковы были его подлинные слова. «Милорд,—сказал я,— вы мне льстите».— «Пелл,— сказал он,— будь я проклят, если вам льщу».

— Он так и сказал? — осведомился мистер Уэллер.

— Так и сказал,— отвечал Пелл.

— Ну, коли так,— заявил мистер Уэллер,— то парламент должен был бы приструнить его за это, и, будь он бедняком, они бы его приструнили.

— Но, дорогой мой друг,— возразил мистер Пелл,— это было сказано конфиденциально.

— Как? — переспросил мистер Уэллер.

— Конфиденциально.

— Ну, тогда...— подумав, сказал мистер Уэллер,— если он выругал самого себя конфиденциально, то, конечно, это совсем другое дело.

— Конечно! — подтвердил мистер Пелл.— Разница, как вы замечаете, бросается в глаза.

— Меняет все дело,— согласился мистер Уэллер.— Продолжайте, сэр.

— Нет, я не буду продолжать, сэр,— сказал мистер Пелл тихо и серьезно.— Вы мне напомнили, сэр, что это был частный разговор — частный и конфиденциальный, джентльмены. Джентльмены, я юрист... Быть может, как юрист я пользуюсь большим уважением; быть может, не пользуюсь. Очень многим это известно. Я уже не скажу ни слова. Здесь, в этой комнате, уже были сделаны замечания, порочащие репутацию моего благородного друга. Вы должны простить меня, джентльмены,— я был неосторожен. Я чувствую, что никакого права не имею упоминать об этом случае без его согласия. Благодарю вас, сэр.

Произнося такую речь, мистер Пелл засунул руки в карманы, нахмурился, мрачно озираясь, и звякнул тремя пенсами.

Только-только стало известно столь благородное решение, как в комнату неистово ворвались мальчик и синий мешок — два неразлучных товарища — и доложили (собственно говоря, доложил мальчик, ибо синий мешок не принимал никакого участия в докладе), что дело сейчас будет разбираться. Услышав это, вся компания перебежала через улицу и стала пробивать себе дорогу в суд: подготовительная церемония, которая, по расчетам, должна была занять в обычных условиях от двадцати пяти до тридцати минут.

Мистер Уэллер, человек тучный, бросился сразу в толпу в отчаянной надежде пробиться в каком-нибудь удобном месте. Успех не вполне оправдал его ожидания, ибо шляпа, которую он забыл снять, была нахлобучена ему на глаза каким-то субъектом, на чью ногу он наступил довольно тяжело. По-видимому, этот индивид немедленно раскаялся в своей горячности, ибо, пробормотав какие-то невнятные слова, выражающие изумление, он

увлек старика в вестибюль и после энергической борьбы стащил с него нахлобученную шляпу.

— Сэмивел! — воскликнул мистер Уэллер, когда получил возможность лицезреть своего спасителя.

Сэм кивнул головой.

— Ты почтительный и любящий сынок, что и говорить,— заметил мистер Уэллер.— Нахлобучиваешь шапку старику отцу!

— Как я мог знать, что это вы? — возразил сын.— Или вы думаете, что я должен был угадать, кто вы такой, по тяжести вашей ноги?

— Пожалуй, это верно, Сэмми,— отвечал мистер Уэллер, тотчас же смягчившись.— Но что ты тут делаешь? Твой хозяин ничего тут не добьется, Сэмми. Они не вынесут такого вредика, ни за что не вынесут, Сэмми.

И мистер Уэллер с торжественной миной законоведа покачал головой.

— Ну и вздорный старик! — воскликнул Сэм.— Вечно толкует о вредиках и алиби и всякой всячине. Кто вам говорил о вредике?

Мистер Уэллер ни слова не ответил, но еще раз покачал головой с весьма ученым видом.

— Бросьте вы трясти башкой, если не хотите, чтобы пружины лопнули,— нетерпеливо сказал Сэм,— ведите себя благоразумно. Вчера вечером я таскался к «Маркизу Гренби», разыскивая вас.

— А маркизу Гренби видал, Сэмми? — со вздохом осведомился мистер Уэллер.

— Видал,— отвечал Сэм.

— Как поживает милое создание?

— Подозрительно,— сказал Сэм.— Мне кажется, она помаленьку себя разрушает, злоупотребляет этим-вот ананасным ромом и подобными сильно действующими лекарствами.

— Ты это всерьез говоришь, Сэмми? — глубокомысленно осведомился старший.

— О да, всерьез,— отвечал младший.

Мистер Уэллер схватил сына за руку, пожал ее и выпустил. При этом физиономия его выражала не уныние или опасение, а скорее сладкую и робкую надежду. Луч

примиренности и даже довольства осветил его лицо, когда он медленно проговорил:

— Я не совсем уверен, Сэмми, я не говорю, что окончательно убедился — ну, как придется разочароваться? — но мне кажется, мой мальчик, мне кажется, что у пастыря печень не в порядке.

— Разве у него скверный вид? — полюбопытствовал Сэм.

— Он на редкость бледен,— отвечал отец,— вот только нос стал краснее. Аппетит у него неважный, а ром сосет здорово.

Казалось, воспоминание о роме вторглось в голову мистера Уэллера, когда он произнес эти слова, ибо он стал мрачен и задумчив, но очень быстро оправился, о чем свидетельствовала целая азбука подмигиваний, которыми он имел обыкновение услаждать себя, когда бывал особенно доволен.

— Ну, а теперь поговорим о моем деле,— начал Сэм.— Навострите уши и молчите до тех пор, пока я не кончу.

После такого краткого предисловия Сэм передал, по возможности сжато, последний знаменательный разговор с мистером Пиквиком.

— Остался там один, бедняга! — воскликнул старший мистер Уэллер.— И никто за него не заступится, Сэмивел! Этак не годится.

— Конечно, не годится,— согласился Сэм.— Я это знал раньше, чем пришел сюда.

— Да ведь они его живьем съедят, Сэмми! — возопил мистер Уэллер.

Сэм кивнул в знак того, что разделяет эту точку зрения.

— Он вошел туда совсем сырой, Сэмми,— сказал мистер Уэллер, выражаясь метафорически,— а там его так поджарят, что самые близкие друзья не узнают. Жареный голубь — ничто по сравнению с этим, Сэмми!

Сэм Уэллер еще раз кивнул.

— Этого не должно быть, Сэмивел,— торжественно сказал мистер Уэллер.

— Этого не будет,— сказал Сэм.

— Разумеется,— подтвердил мистер Уэллер.

— Ну, ладно! — сказал Сэм.— Напророчествовали вы очень хорошо, совсем как красноносый Никсон * в шестипенсовых книжках с его портретом.

— А кто он такой, Сэмми? — полюбопытствовал мистер Уэллер.

— Не все ли вам равно? — отрезал Сэм.— Хватит с вас того, что он не был кучером.

— Я знал одного конюха с такой фамилией,— задумчиво сказал мистер Уэллер.

— Не тот,— возразил Сэм.— Мой джентльмен был пророк.

— Какой пророк? — осведомился мистер Уэллер, строго взглянув на сына.

— Человек, который предсказывает, что случится,— объяснил Сэм.

— Хотел бы я познакомиться с ним, Сэмми,— сказал мистер Уэллер.— Может быть, он бросил бы луч света на ту самую болезнь, о которой мы только что говорили. Ну, что поделать, а если он умер и никому не передал своей лавочки, стало быть и толковать не о чем. Продолжай, Сэмми,— со вздохом добавил мистер Уэллер.

— Так вот, вы тут пророчествовали, что случится с хозяином, если он там останется,— продолжал Сэм.— Не придумаете ли вы какого-нибудь этакого подходящего способа о нем позаботиться?

— Нет, не придумаю, Сэмми,— с глубокомысленным видом ответил мистер Уэллер.

— Так-таки ни единого способа? — осведомился Сэм.

— Ни единого,— отвечал мистер Уэллер,— вот разве...— И луч прозрения осветил его физиономию, когда он понизил голос до шепота и приложил губы к уху сына.— Вот разве вынести его в складной кровати потихоньку от тюремщиков, Сэмми, или нарядить старухой под зеленой вуалью.

Сэм Уэллер неожиданно принял с презрением оба предложения и повторил свой вопрос.

— Нет! —сказал старый джентльмен.— Если он не хочет, чтобы ты там остался, я никакого выхода не вижу. Нет проезда, Сэмми, нет проезда.

— Ну, так я вам скажу, как проехать,— объявил Сэм.— Я вас попрошу ссудить мне двадцать пять фунтов.

— А какой от этого будет прок? — полюбопытствовал мистер Уэллер.

— Что будет, то будет,— отозвался Сэм.— Может быть, вы их потребуете обратно через пять минут; может быть, я скажу, что не хочу отдавать, и выругаюсь. Не придет ли вам в голову арестовать родного сына из-за этих-вот денег и отправить его во Флит? Что скажете, бессердечный бродяга?

После ответа Сэма отец и сын обменялись полным телеграфическим кодом кивков и знаков, а затем старший мистер Уэллер сел на каменную ступеньку и принялся хохотать так, что побагровел.

— Что за старая образина! —воскликнул Сэм, возмущенный такой потерей времени.— Ну, ради чего вы сидите здесь и превращаете свою физиономию в дверной молоток, когда впереди столько дела? Где у вас деньги?

— Под козлами, Сэмми, под козлами,— отвечал мистер Уэллер, расправляя морщины.— Подержи мою шляпу, Сэмми.

Освободившись от этого бремени, мистер Уэллер резко вывернул туловище на одну сторону и, ловко изогнувшись, ухитрился запустить правую руку в чрезвычайно поместительный карман, откуда после долгих усилий и пыхтенья извлек бумажник in octavo *, перетянутый широким ремешком. Из этого хранилища он вытащил пару ремешков для кнута, три-четыре пряжки, мешочек с образчиками овса и, наконец, небольшую пачку очень грязных банковых билетов, из которой отсчитал требуемую сумму и вручил ее Сэму.

— А теперь, Сэмми,— сказал старый джентльмен, когда ремешки, пряжки и образчики снова были спрятаны и бумажник опущен в недра того же кармана,— а теперь, Сэмми, я тут знаю одного джентльмена, который обделает для нас это дело в одну секунду,— блюститель закона, Сэмми, а мозги у него, как у лягушки, разбросаны по всему телу до самых кончиков пальцев; друг лорд-канцлера, Сэмивел, так что стоит ему только сказать, чего он хочет, и тот посадит тебя под замок на всю жизнь.

— Ну нет, этого ничего не нужно,— сказал Сэм.

— Чего не нужно? — осведомился мистер Уэллер.

— Ничего такого против конституции,— отрезал Сэм.— После перпетум мобиле хабис корпус — самая расчудесная выдумка. Я частенько читал об этом в газетах.

— Да какое же она имеет отношение к делу? — спросил мистер Уэллер.

— А такое,— сказал Сэм,— что я буду стоять горой за это изобретение и соответственно поступать. Нечего там шептать лорд-канцлеру, мне это не нравится! А вдруг это повредит делу, когда нужно будет выйти из тюрьмы!

Уступив по этому пункту желаниям своего сына, мистер Уэллер тотчас же отыскал высокоученого Соломона Пелла и сообщил ему о своем намерении немедленно получить приказ о взыскании двадцати пяти фунтов и судебных издержек, с тем чтобы приказ был направлен против «личности» некоего Сэмюела Уэллера. Связанные с этим расходы выплачиваются Соломону Пеллу авансом.

Поверенный был в прекраснейшем расположении духа, ибо попавший в беду поставщик лошадей был освобожден от ответственности по приговору суда. Он весьма одобрил привязанность Сэма к своему хозяину, заявил, что она очень напоминает ему его собственное чувство преданности к его другу канцлеру, и немедленно повел старшего мистера Уэллера в Темпль скрепить присягой показание о долге, которое мальчик с помощью синего мешка написал тут же на месте.

Тем временем Сэм, будучи официально представлен обеленному джентльмену и его друзьям как отпрыск мистера Уэллера из «Прекрасной Дикарки», был встречен с подчеркнутым уважением и любезно приглашен участвовать в пирушке в ознаменование упомянутого события, каковое приглашение он не замедлил принять.

Увеселения джентльменов этой профессии обычно носят торжественный и мирный характер, но в данном случае празднество было из ряда вон выходящее, и они соответственно этому дали себе волю. После довольно бурных тостов в честь главного уполномоченного и мистера Соломона Пелла, который проявил в тот день такие несравненные способности, джентльмен с пятнистым лицом и в синем шарфе предложил кому-нибудь спеть. Сам собой напрашивался вывод, что пятнистый джентльмен,

жаждавший пения, должен сам спеть, но пятнистый джентльмен упрямо и слегка обиженно уклонился; за этим, как бывает нередко в подобных случаях, последовали довольно сердитые препирательства.

— Джентльмены,— сказал, наконец, поставщик лошадей,— чтобы не нарушать гармонии этого чудесного праздества, быть может, мистер Сэмюел Уэллер согласится усладить общество?

— Право же, джентльмены, у меня нет привычки петь без инструмента,— отвечал Сэм,— но всё за спокойную жизнь, как сказал человек, заняв место смотрителя на маяке.

После такой прелюдии мистер Сэмюел Уэллер сразу запел следующую неистовую и прекрасную песню, которую мы позволяем себе привести, предполагая, что она не всем известна. Мы попросили бы обратить особое внимание на междометия в конце вторых и четвертых строк, которые не только дают возможность певцу перевести дух в этом месте, но и чрезвычайно благоприятствуют размеру.

РОМАНС

I

Наш Терпин * вскачь по Хаунсло-Хит *
Погнал кобылу Бесс — эх!
Вдруг видит он — епископ мчит
Ему наперерез — эх!
Он догоняет лошадей,
В карету он глядит.
«Ведь это Терпин, ей-же-ей!» —
Епископ говорит.

Хор

«Ведь это Терпин, ей-же-ей!» —
Епископ говорит.

II

А Терпин: «Свой лихой привет
Ты с соусом глотай — ай!»
И прямо в глотку — пистолет,
И отправляет в рай — ай!

А кучер был не очень рад,
Погнал что было сил.
Но Дик, влепив в башку заряд,
Его остановил.

Хор

(саркастически)

Но Дик, влепив в башку заряд,
Его остановил.

— Я утверждаю, что эта песня задевает профессию,— перебил пятнистый джентльмен.— Я спрашиваю: как звали кучера?

— Никто не знает,— отвечал Сэм.— У него не было визитной карточки в кармане.

— Я возражаю против политики,— продолжал пятнистый джентльмен.— Я заявляю, что в нашем обществе эта песня — политическая и, что почти то же самое, лживая! Я заявляю, что тот кучер не удрал, он умер храбро — храбро, как герой, и я не потерплю никаких возражений!

Так как пятнистый джентльмен говорил с большой энергией и решимостью и так как мнения по этому вопросу, казалось, разделились, то грозили возникнуть новые препирательства, но тут весьма кстати появились мистер Уэллер и мистер Пелл.

— Все в порядке, Сэмми! — сказал мистер Уэллер.

— Исполнитель придет сюда в четыре часа,— добавил мистер Пелл.— Полагаю, вы за это время не убежите, а? Ха-ха!

— Может быть, мой жестокий папаша к тому времени смягчится,— улыбаясь во весь рот, сказал Сэм.

— Э, нет! — возразил мистер Уэллер-старший.

— Прошу вас! — настаивал Сэм.

— Ни за что на свете! — заявил неумолимый кредитор.

— Я дам расписки на эту сумму, по шести пенсов в месяц,— сказал Сэм.

— Я их не возьму,— ответил мистер Уэллер.

— Ха-ха-ха! Прекрасно, прекрасно! — одобрил мистер Соломон Пелл, выписывая свой счетец.— Очень забавный случай! Бенджемин, перепишите.

И мистер Пелл, улыбаясь, показал итог мистеру Уэллеру.

— Благодарю вас,— продолжал джентльмен юрист, принимая засаленные банковые билеты, извлеченные мистером Уэллером из бумажника.— Три фунта десять шиллингов и один фунт десять шиллингов — итого пять фунтов. Очень вам признателен, мистер Уэллер. Ваш сын — достойный молодой человек, весьма достойный, сэр. Это очень приятная черта в характере молодого человека, весьма приятная,— добавил мистер Пелл, озираясь с любезной улыбкой и пряча деньги.

— Вот так потеха! — усмехнувшись, сказал старший мистер Уэллер.— Регулярно, блудящий сын!

— Блудный, блудный сын, сэр,— мягко подсказал мистер Пелл.

— Не беспокойтесь, сэр,— с достоинством возразил мистер Уэллер.— Я знаю, который час, сэр. Когда не буду знать, спрошу вас, сэр.

К приходу исполнителя Сэм завоевал такую популярность, что присутствующие джентльмены решили проводить его всей компанией в тюрьму. Они тронулись в путь в таком порядке: истец и ответчик шли рука об руку; исполнитель впереди, а восемь дюжих кучеров замыкали шествие. У кофейни Сарджентс-Инна все остановились, чтобы освежиться, и когда было покончено с юридическими формальностями, процессия двинулась дальше.

Затея восьми джентльменов, продолжавших идти по четыре человека в ряд, вызвала на Флит-стрит легкое смятение; затем пришлось покинуть пятнистого джентльмена, вступившего в драку с носильщиком. Было условлено, что его друзья зайдут за ним на обратном пути. Кроме этих маленьких инцидентов, ничего не случилось в пути. Дойдя до ворот Флита, компания по знаку истца трижды прокричала оглушительно «ура» в честь ответчика и, обменявшись рукопожатиями, рассталась с ним.

Когда Сэм был официально доставлен в дежурную комнату,— к крайнему изумлению Рокера и явному недоумению самого флегматического Недди,— и тотчас же отведен в тюрьму, он направился прямо к камере своего хозяина и постучался к нему в дверь.

— Войдите,— отозвался мистер Пиквик.

Сэм вошел, снял шляпу и улыбнулся.

— А, это вы, милый Сэм! — воскликнул мистер Пиквик, явно обрадовавшись при виде своего скромного друга.— Вчера я отнюдь не хотел оскорбить ваши чувства, мой верный друг. Положите шляпу, Сэм, и я вам подробно растолкую, что я имел в виду.

— Нельзя ли немного позже, сэр?— спросил Сэм.

— Конечно,— сказал мистер Пиквик,— но почему не сейчас?

— Лучше бы потом, сэр,— отвечал Сэм.

— Почему? — осведомился мистер Пиквик.

— Потому что...— запинаясь, начал Сэм.

— Потому что...— повторил мистер Пиквик, встревоженный поведением своего слуги.

— Потому что,— продолжал Сэм,— есть у меня одно дельце, с которым я бы хотел покончить.

— Какое дело? — полюбопытствовал мистер Пиквик, удивленный смущенным видом Сэма.

— Так, ничего особенного, сэр,— отвечал Сэм.

— Ну, если ничего особенного, то сначала вы можете поговорить со мной,— улыбаясь, сказал мистер Пиквик.

— Пожалуй, следовало бы мне позаботиться об этом сейчас же,— отозвался Сэм, все еще колеблясь.

Мистер Пиквик был удивлен, но ничего не сказал.

— Дело в том...— начал Сэм и запнулся.

— Ну,— воскликнул мистер Пиквик,— говорите, Сэм!

— Дело в том,— сказал Сэм, выжимая из себя слова,— что, пожалуй, следовало бы мне прежде всего позаботиться о своей постели.

— О постели? — с изумлением воскликнул мистер Пиквик.

— Да, о моей постели, сэр,— отвечал Сэм.— Я арестант. Сегодня после полудня меня арестовали за долги.

— Вы арестованы за долги? — вскричал мистер Пиквик, откидываясь на спинку кресла.

— Да, за долги, сэр,— подтвердил Сэм.— А человек, который меня засадил, ни за что меня отсюда не выпустит, пока вы сами не выйдете.

— Боже мой! — воскликнул мистер Пиквик.— Что вы хотите этим сказать?

— То, что я говорю, сэр,— ответил Сэм.— Я буду сидеть хоть сорок лет, и очень этому рад, и будь это Нью-

гет, было бы то же самое. Ну, черт возьми, секрет раскрыт, и конец делу!

С этими словами, которые он повторил очень энергически и выразительно, Сэм Уэллер, находясь в необычайно возбужденном состоянии, швырнул шляпу на пол, а затем, скрестив руки, посмотрел решительно и твердо в лицо своему хозяину.

ГЛАВА XLIV

повествует о разных мелких событиях, происшедших во Флите, и о таинственном поведении мистера Уинкля и рассказывает о том, как бедный арестант Канцлерского суда был, наконец, освобожден

Мистер Пиквик был так глубоко растроган горячей привязанностью Сэма, что не проявил никаких признаков гнева или неудовольствия по поводу той стремительности, с какой Сэм добровольно попал в долговую тюрьму на неопределенный срок. Единственным пунктом, по которому он упорно требовал объяснения, была фамилия кредитора, но ее мистер Уэллер не менее упорно скрывал.

— От нее никакого толку не будет, сэр,— снова и снова повторял Сэм.— Это существо злобное, недоброжелательное, неуступчивое, коварное и мстительное, с жестоким сердцем, которого ничем не смягчить, как заметил добродетельный священник об одном старом джентльмене, страдавшем водянкой, когда тот сказал, что, поразмыслив, он предпочитает оставить деньги своей жене, а не на сооружение церкви.

— Но подумайте, Сэм,— убеждал мистер Пиквик,— сумма так невелика, что ее легко можно уплатить; а теперь, когда я решил оставить вас у себя, не забывайте, что вы гораздо больше принесете пользы, имея возможность выходить из тюрьмы.

— Очень вам признателен, сэр,— серьезно ответил мистер Уэллер,— но мне бы не хотелось.

— Чего не хотелось бы, Сэм?

— Не хотелось бы унижаться и просить милости у такого бессовестного врага.

— Но вы никакой милости не просите, отдавая ему его деньги, Сэм,— доказывал мистер Пиквик.

— Прошу прощенья, сэр,— возразил Сэм,— но это была бы очень большая милость — заплатить ему деньги, а он ее не заслуживает. Вот в чем тут дело, сэр.

Заметив, что мистер Пиквик с некоторым раздражением потирает нос, мистер Уэллер счел благоразумным переменить тему разговора.

— Я принимаю свое решение из принципа, сэр,— заметил Сэм,— так же, как вы принимаете свое, и тут мне приходит на ум человек, который покончил с собой из принципа. О нем вы, конечно, слыхали, сэр.

Мистер Уэллер умолк и искоса бросил лукавый взгляд на своего хозяина.

— Никакого «конечно» тут быть не может, Сэм,— сказал мистер Пиквик, начиная улыбаться, несмотря на тревогу, вызванную упрямством Сэма.— Молва о вышеупомянутом джентльмене не дошла до моих ушей.

— Неужели, сэр? — воскликнул мистер Уэллер.— Вы меня удивляете, сэр. Он был государственный чиновник.

— Вот как? — сказал мистер Пиквик.

— Да, сэр,— подтвердил мистер Уэллер,— и был очень приятный джентльмен — один из тех точных и аккуратных людей, которые засовывают ноги в маленькие пожарные ведра из резины, если погода дождливая, и прижимают к сердцу только одного друга — нагрудник из заячьих шкурок; он копил деньги из принципа, менял сорочку каждый день из принципа; никогда не разговаривал с родственниками из принципа, опасаясь, как бы они не попросили у него взаймы, и вообще был на редкость приятный тип. Он стригся из принципа раз в две недели и договорился покупать костюмы из экономического принципа — три костюма в год, с тем чтобы старые принимали назад. Как очень регулярный джентльмен, он обедал всегда в одном и том же месте, где брали шиллинг девять пенсов с человека, и, бывало, съедал на добрый шиллинг девять пенсов, как частенько замечал хозяин, заливаясь слезами, не говоря уже о том, что он раздувал зимой огонь в камине, а это обходилось ровно в четыре с половиной пенса

ежедневно, и досадно было смотреть на него при этом. А держал он себя на редкость важно! «Дайте *Пост,* когда прочтет этот джентльмен,— покрикивал он ежедневно, входя в комнату.— Позаботьтесь о *Таймсе,* Томас, дайте мне посмотреть *Морнинг Геральд,* когда он освободится, не забудьте занять очередь на *Кроникл* и принесите-ка *Адвертайзер».* А потом он сидел, не сводя глаз с часов, и выбегал ровно за четверть минуты, чтобы подкараулить мальчика, приносившего вечернюю газету, которую он читал с таким интересом и упорством, что все прочие посетители доходили до отчаяния и сумасшествия, в особенности один раздражительный старый джентльмен; в таких случаях лакею всегда приходилось за джентльменом присматривать, чтобы он не поддался искушению и не пустил в дело нож для разрезания жаркого. Ну-с, так вот, сэр, приходил он сюда и занимал лучшее место в течение трех часов, и после обеда никогда ничего не пил, а только спал, и потом шел в кофейню на одной из ближайших улиц и выпивал маленький кофейник кофе с четырьмя сдобными пышками, после этого он шел домой в Кенсингтон * и ложился спать. Как-то вечером он очень заболел; посылает за доктором. Доктор приезжает в зеленой карете с приставной лестницей на манер изделий Робинзона Крузо, которую он сам мог опускать, вылезая из кареты, убирать за собой, чтобы кучеру не нужно было слезать с козел; таким образом, кучер дурачил публику, показывал ей только свою ливрею, а штаны на нем были не под стать ей. «В чем дело?» — спрашивает доктор. «Очень болен»,— говорит пациент. «Что вы сегодня ели?» — спрашивает доктор. «Жареную телятину»,— отвечает пациент. «А самое последнее что вы съели?» —говорит доктор. «Сдобные пышки»,— говорит пациент. «А, вот оно что! — говорит доктор.— Я вам сейчас же пришлю коробку пилюль, и больше вы к ним никогда, говорит, не прикасайтесь».— «К чему не прикасаться? — спрашивает пациент.— К пилюлям?» — «Нет, к сдобным пышкам»,— говорит доктор. «Как! — говорит пациент, подпрыгнув в постели.— Каждый вечер в течение пятнадцати лет я съедал из принципа четыре сдобных пышки!» — «Ну, так вы откажитесь от них из принципа»,— говорит доктор. «Сдобные пышки очень полезны, сэр»,— говорит

пациент. «Сдобные пышки *очень* вредны, сэр»,— сердито говорит доктор. «Но они так дешевы,— говорит пациент, сбавляя тон,—и очень сытны, если принять во внимание цену».— «Вам они обойдутся во всяком случае слишком дорого, даже если вам будут платить за то, чтобы вы их ели,— говорит доктор.— Четыре пышки каждый вечер убьют, говорит, вас в полгода». Пациент смотрит ему прямо в лицо, долго думает и, наконец, говорит: «Вы уверены в этом, сэр?» — «Могу поставить на карту свою репутацию врача»,— говорит доктор. «Как вы думаете, сколько сдобных пышек прикончили бы меня сразу?» — спрашивает пациент. «Не знаю»,— говорит доктор. «Как вы думаете, если купить на полкроны, этого хватит?» — спрашивает пациент. «Пожалуй, хватит»,— говорит доктор. «А на три шиллинга наверняка хватит?» — говорит пациент. «Несомненно»,— говорит доктор. «Очень хорошо,— говорит пациент,— спокойной ночи». Утром он встает, растапливает камин, велит принести на три шиллинга пышек, поджаривает их, съедает все и пускает себе пулю в лоб.

— Зачем же он это сделал? — быстро спросил мистер Пиквик, ибо был весьма потрясен трагической развязкой этой истории.

— Зачем он это сделал? — повторил Сэм.— Да хотел подкрепить свой великий принцип, будто пышки полезны, и доказать, что он никому не позволит вмешиваться в его дела!

Такого рода уловками и увертками отвечал мистер Уэллер на вопросы своего хозяина в тот вечер, когда водворился во Флите. Убедившись, наконец, что все уговоры бесполезны, мистер Пиквик скрепя сердце разрешил ему снять угол у лысого сапожника, который арендовал маленькую камеру в одной из верхних галерей. В это скромное помещение мистер Уэллер перенес тюфяк и подушку, взятые напрокат у мистера Рокера, и, расположившись здесь на ночь, почувствовал себя, как дома, словно родился в тюрьме и вся его семья прозябала в ней на протяжении трех поколений.

— Вы всегда курите перед сном, старый петух? — осведомился мистер Уэллер у своего квартирохозяина, когда они оба расположились на ночь.

— Да, курю, молодой бентамский петушок *,— ответил сапожник.

— Разрешите полюбопытствовать, почему вы стелете себе постель под этим-вот еловым столом? — спросил Сэм.

— Потому что я привык к кровати с четырьмя столбиками для балдахина раньше, чем попал сюда, а потом убедился, что ножки стола ничуть не хуже,— ответил сапожник.

— У вас чудной характер, сэр,— сказал Сэм.

— Такого добра у меня нет,— возразил сапожник, покачав головой,— и если вам оно понадобилось, боюсь, что вы не так-то легко найдете себе что-нибудь в здешней канцелярии.

Вышеприведенный короткий диалог начался, когда мистер Уэллер лежал, растянувшись, на своем тюфяке в одном конце камеры, а сапожник — на своем в другом конце. Камера освещалась тростниковой свечой и трубкой сапожника, которая вспыхивала под столом, как раскаленный уголек.

Разговор, как ни был он краток, чрезвычайно расположил мистера Уэллера в пользу квартирохозяина, и, приподнявшись на локте, он начал внимательно его разглядывать, на что у него до сей поры не было ни времени, ни охоты.

Это был человек с землистым цветом лица, как у всех сапожников, и с жесткой взъерошенной бородой, тоже как у всех сапожников. Его лицо — странная, добродушная, уродливая маска — украшалось парой глаз, должно быть очень веселых в прежние времена, ибо они все еще блестели. Ему было шестьдесят лет, и одному богу известно, на сколько лет он состарился от пребывания в тюрьме, а потому странным казалось, что вид у него довольный и лицо почти веселое. Он был маленького роста, и теперь, скрючившись в постели, производил такое впечатление, будто у него нет ног. Во рту у него торчала большая красная трубка; он курил и смотрел на свечу с завидным благодушием.

— Давно вы здесь? — спросил Сэм, нарушая молчание, длившееся довольно долго.

— Двенадцать лет,— ответил сапожник, покусывая конец трубки.

— Неуважение к суду? — осведомился Сэм.

Сапожник кивнул головой.

— Ну, так зачем же вы продолжаете упрямиться,— сказал Сэм сурово,— и губите свою драгоценную жизнь в этом-вот загоне для скота? Почему не уступите и не попросите прощения у лорд-канцлера, что из-за вас его суд покрыл себя позором, не скажете ему, что вы теперь очень раскаиваетесь и больше не будете так делать?

Сапожник засунул трубку в угол рта, улыбнулся, опять передвинул ее на старое место, но ничего не сказал.

— Почему вы так не поступите? — настойчиво повторил Сэм.

— Что? — откликнулся сапожник.— Вы плохо понимаете эти дела. Ну что, по-вашему, меня погубило?

— По-моему,— сказал Сэм, снимая нагар со свечи,— началось с того, что вы залезли в долги, да?

— Никогда не был должен ни единого фартинга,— отозвался сапожник.— Придумайте еще что-нибудь.

— Ну, может быть,— сказал Сэм,— вы скупали дома, что, выражаясь деликатно, значит свихнуться, или вздумали их строить, что, выражаясь по-медицинскому, значит потерять надежду на выздоровление.

Сапожник покачал головой и сказал:

— Придумайте еще что-нибудь.

— Надеюсь, вы не затевали тяжбы? — подозрительно спросил Сэм.

— Никогда в жизни,— отвечал сапожник.— Дело в том, что меня погубили деньги, оставленные мне по завещанию.

— Бросьте! — сказал Сэм.— Кто этому поверит! Хотел бы я, чтобы какой-нибудь богатый враг вздумал погубить *меня* этим-вот способом. Я бы ему не помешал.

— О, я вижу, вы мне не верите,— сказал сапожник, мирно покуривая трубку.— На вашем месте я бы и сам не поверил. А все-таки это правда.

— Как это случилось? — спросил Сэм, склоняясь к тому, чтобы поверить,— такое сильное впечатление произвел на него сапожник.

— А вот как,— отвечал сапожник.— С одним старым джентльменом — я на него работал в провинции и был женат на его бедной родственнице (она умерла, да благо-

словит ее бог, и возблагодарим его за это) — случился удар, и он отошел.

— Куда? — осведомился Сэм, которого клонило ко сну после многочисленных событий этого дня.

— Как я могу знать куда? — возразил сапожник, который, наслаждаясь своей трубкой, говорил в нос.— Отошел к усопшим.

— А, понимаю! — сказал Сэм.— Что же дальше?

— Ну, так вот,— продолжал сапожник,— он оставил пять тысяч фунтов.

— Очень благородно с его стороны,— вставил Сэм.

— Одну из них,— сообщил сапожник,— он оставил мне, потому что я был, понимаете ли, женат на его родственнице.

— Очень хорошо,— пробормотал Сэм.

— А так как он был окружен множеством племянниц и племянников, которые вечно ссорились и дрались между собой из-за денег, то меня он назначил своим душеприказчиком и оставил мне остальные тысячи по доверию *, чтобы разделить между ними, как сказано в завещании.

— Что значит — по доверию? — осведомился Сэм, очнувшись от дремоты.— Если это не наличные, то какой от них прок?

— Это юридический термин, вот и все,— пояснил сапожник.

— Не думаю,— сказал Сэм, покачав головой.— Какое уж там доверие в этой лавочке? А впрочем, продолжайте.

— Так вот,— сказал сапожник,— когда я хотел утвердить завещание, племянницы и племянники, которые были ужасно огорчены, что не все деньги достались им, вошли с caveat *.

— Что такое? — переспросил Сэм.

— Юридическая штука — все равно что сказать: «Стоп!»,— ответил сапожник.

— Понимаю,— сказал Сэм,— зять хабис корпус. Ну?

— Но, убедившись, что они не могут между собой договориться,— продолжал сапожник,— и, стало быть, не могут оспорить завещание, они взяли назад свое caveat, и я распределил наследство. Едва я успел это сделать, как один племянник возбуждает дело об отмене завещания.

Спустя несколько месяцев дело разбирается у старого, глупого джентльмена в задней комнате где-то в переулке собора св. Павла; четыре адвоката взяли себе каждый по одному дню, чтобы надоедать ему по очереди, а потом он недели две размышляет и читает показания в шести томах и, наконец, выносит решение, что завещатель был не в своем уме и, стало быть, я должен вернуть все деньги и уплатить издержки. Я обжаловал решение; дело переходит к трем или четырем очень сонным джентльменам, которые уже слушали его в первом суде, при котором они состоят законниками, но определенной работы у них нет,— разница только в том, что там их называли докторами, а здесь — делегатами,— не знаю, понятно ли вам это; и они очень вежливо утвердили решение старого джентльмена. После этого мы перешли в Канцлерский суд, где дело находится и по сей день и где навсегда останется. Вся моя тысяча фунтов давным-давно перешла к моим адвокатам, а имущество, как они это называют, и издержки оцениваются в десять тысяч фунтов, и вот из-за них я здесь сижу и буду сидеть до самой смерти и чинить сапоги. Кое-кто из джентльменов поговаривал о том, чтобы поднять вопрос в парламенте, и, вероятно, так бы они и сделали, да только у них не было времени приходить ко мне, а я не мог идти к ним; мои длинные письма им надоели, и они бросили это дело. Вот вам святая истина, без всяких недомолвок или преувеличений, и ее прекрасно знают пятьдесят человек как в этой тюрьме, так и за ее стенами.

Сапожник приостановился, чтобы удостовериться, какое впечатление произвел его рассказ на Сэма, но убедившись, что тот погрузился в сон, вытряхнул пепел из трубки, вздохнул, положил трубку, натянул на голову одеяло и заснул.

На следующее утро мистер Пиквик в одиночестве сидел за завтраком (Сэм в комнате сапожника усердно занимался приведением в порядок башмаков и черных гетр своего хозяина), когда раздался стук в дверь, и не успел мистер Пиквик крикнуть: «Войдите!» — как появилась голова, украшенная шевелюрой и вельветовой шапочкой, каковые головные уборы мистер Пиквик без труда признал личной собственностью мистера Сменгля.

— Как поживаете? — осведомилась эта достойная личность, сопровождая вопрос несколькими десятками кивков.— Послушайте, вы никого не ждете сегодня утром? Трое каких-то дьявольски элегантных джентльменов спрашивали вас внизу и стучались во все двери нижнего этажа. За это им чертовски влетело от постояльцев, потрудившихся открыть дверь.

— Ах, боже мой! Как глупо! — вставая, воскликнул мистер Пиквик.— Да, не сомневаюсь, что это кое-кто из моих друзей, которых я ждал вчера.

— Ваши друзья! — вскричал Сменгль, схватив мистера Пиквика за руку.— Больше ни слова! Будь я проклят, но с этой минуты они — мои друзья, а также друзья Майвинса. Чертовски симпатичный джентльмен эта скотина Майвинс, не правда ли? — добавил Сменгль с большим чувством.

— Я так мало знаю этого джентльмена,— нерешительно начал мистер Пиквик,— что я...

— Понимаю, понимаю! — перебил Сменгль, схватив мистера Пиквика за плечо.— Вы познакомитесь с ним ближе. Вы будете в восторге от него. Этот человек, сэр,— с торжественной миной присовокупил Сменгль,— наделен комическим талантом, который сделал бы честь Друрилейнскому театру *.

— В самом деле? — сказал мистер Пиквик.

— Ей-богу правда! — воскликнул Сменгль.— Вы бы послушали, как он изображает четырех котов в тачке — четырех котов, сэр, клянусь честью! Вы понимаете, как это чертовски остроумно? Будь я проклят, если вы не полюбите этого человека, когда узнаете его качества! У него один только недостаток, — маленькая слабость, о которой я, знаете ли, уже упоминал.

Так как мистер Сменгль покачал при этом головой конфиденциально и сочувственно, мистер Пиквик понял, что должен что-то сказать, и посему сказал: «А!» — и с нетерпением взглянул на дверь.

— А! — подхватил мистер Сменгль, с важным видом вздохнув.— Это чудесный товарищ, вот кто он такой, сэр. Лучшего товарища не найти. Но есть у него один недостаток. Если бы явилась ему сию минуту тень его деда, сэр, он взял бы у нее деньги под вексель.

— Неужели? — воскликнул мистер Пиквик.

— Да,— подтвердил мистер Сменгль.— И будь в его власти вызвать ее еще раз, он бы это сделал через два месяца и три дня, чтобы переписать вексель.

— Это весьма замечательные черты,— сказал мистер Пиквик,— но боюсь, что, пока мы тут беседуем, мои друзья разыскивают меня и не знают, что делать.

— Я их провожу,— предложил Сменгль, направляясь к двери.— Всего хорошего. Я, знаете ли, не потревожу вас, пока они будут здесь. До свиданья...

Произнеся последние два слова, Сменгль вдруг остановился, снова закрыл дверь, которую успел открыть, и, потихоньку. приближаясь к мистеру Пиквику, на цыпочках подошел к нему вплотную и спросил чуть слышным шепотом:

— Не могли бы вы мне ссудить полкроны до конца будущей недели?

Мистер Пиквик, едва удерживаясь от улыбки, но тем не менее храня серьезный вид, достал монету и положил ее в руку мистеру Сменглю, после чего этот джентльмен с многочисленными кивками и подмигиваниями, намекающими на великую тайну, отправился на поиски трех посетителей, которых вскоре и привел. Кашлянув трижды и столько же раз кивнув, чтобы заверить мистера Пиквика в том, что не забудет заплатить, он очень любезно пожал всем руки и, наконец, удалился.

— Дорогие мои друзья! — сказал мистер Пиквик, пожимая по очереди руку мистеру Тапмену, мистеру Уинклю и мистеру Снодграссу, ибо это были именно они.— Как я рад вас видеть!

Триумвират был очень растроган. Мистер Тапмен скорбно покачал головой, мистер Снодграсс с нескрываемым волнением извлек носовой платок, а мистер Уинкль отошел к окну и громко засопел.

— С добрым утром, джентльмены! — провозгласил Сэм, появляясь в этот момент с башмаками и гетрами.— Долой меланхолию, как сказал малыш, когда его учительница умерла. Добро пожаловать в колледж, джентльмены!

— Этот безумный человек,— сообщил мистер Пиквик, похлопывая Сэма по голове, когда тот опустился на колени, чтобы застегнуть своему хозяину гетры,— этот

безумный человек, чтобы остаться со мной, заставил арестовать себя.

— Что такое? — воскликнули трое друзей.

— Да, джентльмены,— подтвердил Сэм,— я... пожалуйста, стойте смирно, сэр... я — арестант, джентльмены. Схватило, как сказала леди, собираясь рожать.

— Арестант! — с непонятным волнением воскликнул мистер Уинкль.

— Что такое, сэр! — отозвался Сэм, поднимая голову.— В чем дело, сэр?

— Я надеялся, Сэм, что... ничего, ничего,— стремительно сорвалось с языка у мистера Уинкля.

Было нечто столь резкое и беспокойное в манерах мистера Уинкля, что мистер Пиквик невольно взглянул на своих двух друзей, ожидая объяснения.

— Мы не знаем,— ответил вслух мистер Тапмен на этот немой вопрос.— Последние два дня он был очень возбужден и сам на себя не похож. Мы опасались, не случилось ли чего-нибудь, но он категорически это отрицает.

— Нет, нет,— вмешался мистер Уинкль, краснея под взглядом мистера Пиквика,— право же, ничего не случилось. Уверяю вас, ничего не случилось, дорогой сэр. Мне придется уехать ненадолго из города по личному делу, и я надеялся упросить вас, чтобы вы разрешили Сэму меня сопровождать.

Физиономия мистера Пиквика выразила еще большее удивление.

— Я... я... думаю,— запинаясь, продолжал мистер Уинкль,— что Сэм не стал бы возражать, но теперь, конечно, это невозможно, раз он арестован. Придется ехать мне одному.

Когда мистер Уинкль произнес эти слова, мистер Пиквик с некоторым изумлением почувствовал, что пальцы Сэма, застегивавшего гетры, задрожали, словно он был удивлен или испуган. Сэм посмотрел на мистера Уинкля, когда тот умолк, и хотя они обменялись только мимолетным взглядом, но, по-видимому, поняли друг друга.

— Сэм, вы что-нибудь об этом знаете? — быстро спросил мистер Пиквик.

— Нет, не знаю, сэр,— отозвался мистер Уэллер, начиная с большим усердием застегивать гетры.

— Вы уверены, Сэм? — настаивал мистер Пиквик.

— Видите ли, сэр,— отвечал мистер Уэллер,— я уверен в том, что раньше ни разу об этом не слышал. Если у меня есть какие-то догадки,— добавил Сэм, взглянув на мистера Уинкля,— я не имею никакого права о них говорить, потому что боюсь, знаете ли, ошибиться.

— А я не имею никакого права вмешиваться в личные дела друга, как бы он ни был мне близок,— помолчав, сказал мистер Пиквик.— Разрешите только сказать, что я ровно ничего во всем этом не понимаю. Довольно! Больше мы к этому возвращаться не будем.

Выразив таким образом свою мысль, мистер Пиквик перевел разговор на другие темы, а мистер Уинкль начал постепенно приходить в себя, хотя все еще был очень далек от полного спокойствия. Столько вопросов нужно было им обсудить, что утро пролетело быстро. В три часа, когда Сэм водрузил на маленький обеденный стол жареную баранью ногу и огромный паштет, а блюдо с овощами и кувшины с портером разместил на стульях, на диване и где придется, все почувствовали, что могут отдать должное обеду, хотя мясо было куплено и зажарено, а паштет приготовлен и испечен по соседству, в тюремной кухне.

После этого выпили одну-две бутылки очень хорошего вина, за которым мистер Пиквик послал в кофейню «Кубок» близ Докторс-Коммонс. Пожалуй, вместо «одну-две» правильнее было бы сказать «полдюжины», ибо к тому времени, когда вино было выпито, а чай убран, зазвонил колокол, возвещавший, что настало время расходиться по домам.

Если днем поведение мистера Уинкля казалось необъяснимым, то сейчас, когда под наплывом чувств и своей доли вина — одной из шести бутылок — он начал прощаться с другом, оно стало романтическим и торжественным. Он выждал, пока удалились мистер Тапмен и мистер Снодграсс, схватил руку мистера Пиквика и горячо пожал, выражая всей своей физиономией твердую и непреложную решимость, зловеще сочетавшуюся с глубоким унынием.

— Спокойной ночи, дорогой сэр,— сквозь стиснутые зубы проговорил мистер Уинкль.

— Да благословит вас бог, дорогой мой! — промолвил мягкосердечный мистер Пиквик, отвечая на рукопожатие молодого друга.

— Пора! — крикнул мистер Тапмен из галереи.

— Да, да, сию минуту,— отозвался мистер Уинкль.— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи,— сказал мистер Пиквик.

Затем последовала еще одна «спокойная ночь», и еще одна, и еще с полдюжины, а мистер Уинкль продолжал пожимать руку своему другу и с тем же странным выражением смотреть ему в лицо.

— Что случилось? —спросил, наконец, мистер Пиквик, когда рука у него заныла от рукопожатий.

— Ничего,— отвечал мистер Уинкль.

— Ну, спокойной ночи,— сказал мистер Пиквик, пытаясь выдернуть руку.

— Мой друг, мой благодетель, мой высокоуважаемый спутник! — пробормотал миетер Уинкль, уцепившись за его руку.— Не судите меня строго, не судите, когда узнаете, что я, доведенный до крайности непреодолимыми препятствиями...

— Ну, что же вы! — воскликнул мистер Тампен, появляясь в дверях.— Идите, а не то нас тут запрут!

— Да, да, иду! — ответил мистер Уинкль.

И, собравшись с силами, он выбежал из камеры.

В то время как мистер Пиквик с немым удивлением смотрел им вслед, пока они шли по коридору, на площадке лестницы появился Сэм и шепнул что-то на ухо мистеру Уинклю.

— О, разумеется, положитесь на меня! — громко ответил этот джентльмен.

— Благодарю вас! Вы не забудете, сэр? — осведомился Сэм.

— Конечно, не забуду,— отозвался мистер Уинкль.

— Желаю вам удачи, сэр,— сказал Сэм, притронувшись к шляпе.— Мне бы очень хотелось отправиться с вами, сэр, но, конечно, хозяин — прежде всего.

— Вы остаетесь, и этот поступок делает вам честь,— сказал мистер Уинкль.

С этими словами они расстались внизу лестницы.

— Чрезвычайно странно,— заметил мистер Пиквик,

возвращаясь в камеру и задумчиво присаживаясь к столу.— Что мог затеять этот молодой человек?

Он сидел, обдумывая этот вопрос, как вдруг раздался голос тюремщика Рокера, осведомлявшегося, можно ли войти.

— Войдите,— отвечал мистер Пиквик.

— Я вам принес подушку помягче, сэр,— сообщил Рокер,— вместо той временной, какая была у вас прошлой ночью.

— Благодарю вас,— сказал мистер Пиквик.— Не хотите ли стаканчик вина?

— Вы очень добры, сэр,— отвечал мистер Рокер, принимая предложенный стакан.— За ваше здоровье, сэр.

— Благодарю вас,— отозвался мистер Пиквик.

— С сожаленьем должен вам сообщить, сэр, что вашему квартирохозяину сделалось очень худо этой ночью,— сказал Рокер, поставил стакан и стал разглядывать подкладку своей шляпы, приготовляясь вновь ее надеть.

— Как? Арестант Канцлерского суда? — воскликнул мистер Пиквик.

— Ему недолго оставаться арестантом Канцлерского суда, сэр,— отвечал Рокер, поворачивая свою шляпу так, чтобы можно было прочесть имя мастера.

— Вы меня пугаете! — промолвил мистер Пиквик.— Что вы хотите сказать?

— У него уже давно чахотка,— пояснил мистер Рокер,— а с ночи он стал задыхаться. Доктор уже полгода назад сказал, что спасти его может только перемена климата.

— Ах, боже мой! — воскликнул мистер Пиквик.— Неужели закон в течение полугода медленно убивал этого человека?

— Насчет этого я ничего не знаю,— отвечал Рокер, обеими руками приподнимая шляпу за поля.— Вероятно, с ним случилось бы то же самое, где бы он ни был. Сегодня утром его перевели в больницу; доктор говорит, что нужно во что бы то ни стало поддерживать его силы, и начальник прислал ему со своего стола вина, бульону и всякой всячины. Начальник в этом не виноват, сэр.

— Да, конечно,— поспешил согласиться мистер Пиквик.

— А все-таки боюсь, что его песенка спета,— продолжал Рокер, покачивая головой.—Я только что предлагал Недди держать пари на два шестипенсовика против одного, но он не согласился и был прав. Покорнейше благодарю, сэр. Спокойной ночи, сэр.

— Постойте,— с волнением сказал мистер Пиквик.— Где больница?

— Как раз над вашей камерой, сэр,— отвечал Рокер.— Если хотите, я вас провожу.

Мистер Пиквик, не говоря ни слова, схватил шляпу и тотчас же вышел.

Тюремщик молча шел впереди; осторожно приподняв щеколду, он знаком предложил мистеру Пиквику войти. Эта была большая унылая палата с несколькими железными кроватями; на одной из них, вытянувшись, лежал человек, похожий на тень: иссохший, бледный, страшный. У изголовья его сидел старичок в сапожничьем переднике и, вооружившись роговыми очками, читал вслух библию. Это был счастливый наследник.

Больной опустил руку на плечо своему товарищу, прося прекратить чтение. Тот послушно закрыл книгу и положил ее на кровать.

— Откройте окно,— сказал больной.

Сапожник повиновался. Стук экипажей и повозок, дребезжание колес, крики взрослых и детей — все звуки большого города, возвещавшие о жизни и деятельности, сливаясь в глухой шум, ворвались в комнату. Из этого хриплого гула выделялся время от времени неудержимый смех или обрывок какой-то звонкой песни, распеваемой кем-то в беспокойной толпе, на секунду задевал слух, а потом тонул в реве голосов и топоте ног,— разбивались волны бурного житейского моря, тяжело катившего свои воды за окном. Печальны эти звуки для задумчивого слушателя в любое время. Какими же печальными кажутся они тому, кто бодрствует у смертного одра!

— Здесь нет воздуха,— прошептал больной.— Эти стены отравляют его. За ними, когда я бродил там много лет назад, воздух был свежий; проникая в тюрьму, он делается горячим и тяжелым. Я не могу им дышать.

— Мы оба дышали им долгие годы,— сказал старик.— Ободритесь!

Наступило короткое молчание, и оба посетителя приблизились к кровати. Больной притянул к себе руку старого товарища по тюрьме и, ласково сжав ее обеими руками, не выпускал.

— Надеюсь,— прошептал он немного спустя так тихо, что они должны были наклониться к кровати, чтобы расслышать невнятные звуки, срывавшиеся с его бледных губ,— надеюсь, милосердный судья вспомнит о моем тяжелом наказании на земле. Двадцать лет, мой друг, двадцать лет в этой отвратительной могиле! У меня разрывалось сердце, когда умер мой ребенок, а я не мог даже поцеловать его в гробике. С тех пор среди этого шума и разгула мое одиночество стало ужасным. Да простит меня бог! Он видел мою одинокую, томительную смерть.

Он сложил руки и, прошептав еще что-то, чего никто не расслышал, погрузился в сон — сперва это был только сон, потому что они видели, как он улыбался.

Они разговаривали шепотом, потом тюремщик, наклонившись к подушке, отшатнулся.

— Клянусь богом, он получил свободу! — воскликнул тюремщик.

Да, получил. Но при жизни он стал так похож на мертвеца, что они не заметили, когда он умер.

ГЛАВА XLV,

повествующая о свидании мистера Сэмюела Уэллера со своим семейством. Мистер Пиквик совершает осмотр маленького мира, в котором обитает, и принимает решение как можно меньше соприкасаться с ним в будущем

Как-то утром, спустя несколько дней после своего заточения, мистер Сэмюел Уэллер с величайшей заботливостью привел в порядок камеру хозяина и, убедившись, что он комфортабельно расположился со своими книгами и бумагами, удалился, чтобы провести час-другой с наибольшей приятностью. Утро было прекрасное, и Сэмюелу пришло в голову, что пинта портера на свежем воздухе поможет скоротать ему ближайшие четверть часа не

хуже, чем всякое другое развлечение, какое он мог себе позволить.

Придя к такому выводу, он отправился в буфетную. Купив пиво и получив вдобавок газету трехдневной давности, он пошел к кегельбану и, сев на скамью, начал развлекаться очень степенно и методически.

Прежде всего он освежился глотком пива, а потом поднял взор к окну и платонически подмигнул молодой леди, которая чистила там картофель. Затем он развернул газету, сложил ее так, чтобы судебная хроника была сверху, а поскольку это дело очень трудное и раздражающее, если дует хотя бы легкий ветерок, то Сэм, покончив с ним, снова хлебнул пива. Затем он прочел две строки и оторвался от газеты, чтобы взглянуть на двух субъектов, игравших тут же партию в мяч, по окончании которой он одобрительно крикнул: «Очень хорошо!» — и окинул взглядом зрителей, чтобы узнать, согласны ли они с ним. Это повлекло за собой необходимость взглянуть также и на окно; а так как молодая леди все еще была там, то простая вежливость требовала подмигнуть снова и, прибегнув к пантомиме, выпить за ее здоровье еще глоток пива, что Сэм и проделал. Состроив свирепую гримасу мальчугану, который, широко раскрыв глаза, следил за этой процедурой, он положил ногу на ногу и, держа обеими руками газету, начал читать всерьез.

Едва успел он сосредоточиться в надлежащей степени, как вдруг ему почудилось, что где-то в коридоре выкрикивают его имя. И он не ошибся, ибо оно быстро передавалось из уст в уста, и вскоре воздух огласился криками: «Уэллер!»

— Здесь! — громовым голосом гаркнул Сэм.— В чем дело? Кто его спрашивает? Или прислали нарочного сказать, что его дача горит?

— Кто-то спрашивает вас в прихожей,— объяснил стоявший поблизости человек.

— Пожалуйста, присмотрите, старина, за этой-вот газетой и кружкой,— попросил Сэм.— Я сейчас приду. Ей-богу, если бы меня вызывали в суд, так и то не могли бы поднять больше шума!

Сопровождая эти слова деликатным щелчком по голове вышеупомянутого молодого джентльмена, который,

не подозревая о своем близком соседстве с разыскиваемой особой, вопил во всю глотку: «Уэллер!» — Сэм поспешно прошел по двору и взбежал по ступеням в прихожую. Здесь первое, что он увидел, был его возлюбленный родитель, сидящий со шляпой в руке на нижней ступеньке внутренней лестницы и через каждые полминуты оравший во все горло: «Веллер!»

— Ну, чего вы орете? — быстро спросил Сэм, когда старый джентльмен испустил еще один вопль.— Раскраснелся так, что смахивает на сердитого стеклодува. В чем дело?

— Ага! А то я уже начал побаиваться, Сэмми,— отозвался старый джентльмен,— не отправился ли ты на прогулку в Ридженси-парк.

— Бросьте,— сказал Сэм,— нечего поддразнивать жертву скупости, слезайте-ка со ступеньки. Чего вы тут расселись? Я здесь не живу.

— Я тебе покажу такую потеху, Сэмми,— начал старший мистер Уэллер, вставая.

— Постойте минутку,— перебил Сэм,— вы весь белый сзади.

— Правильно, Сэмми, сотри это,— сказал мистер Уэллер, когда сын стал его чистить.— Здесь могут принять за личное оскорбление, если человек будет разгуливать *обеленным,* а, Сэмми?

Тут мистер Уэллер проявил столь недвусмысленные симптомы сдавленного смеха, что Сэм поспешил положить этому конец.

— Да успокойтесь! — сказал Сэм.— Отроду не видывал такого старого чудака. Ну, чего вы надрываетесь?

— Сэмми,— сказал мистер Уэллер, вытирая лоб,— боюсь, как бы мне не дохохотаться до апоплексического удара, мой мальчик.

— Ну, так для чего же вы это делаете? — полюбопытствовал Сэм.— Что вы можете на это ответить?

— Как ты думаешь, Сэмивел, кто приехал сюда вместе со мной? — спросил мистер Уэллер, отступая шага на два, сжимая губы и поднимая брови.

— Пелл? — предположил Сэм.

Мистер Уэллер покачал головой, и его румяные щеки раздулись от смеха, который пытался вырваться на волю.

— Может быть, человек с пятнистым лицом? — высказал догадку Сэм.

Снова мистер Уэллер покачал головой.

— Ну так кто же? — спросил Сэм.

— Твоя мачеха! — сказал мистер Уэллер, и хорошо, что он это сказал, иначе щеки неизбежно лопнули бы от неестественного растяжения.

— Твоя мачеха, Сэмми! — повторил мистер Уэллер.— И красноносый, сын мой, и красноносый! Хо-хо-хо!

Тут с мистером Уэллером начались конвульсии от смеха. Сэм созерцал его с широкой улыбкой, постепенно расплывшейся по всей физиономии.

— Они пришли серьезно потолковать с тобой, Сэмми,— сообщил мистер Уэллер, вытирая глаза.— Ни слова не говори им о бессердечном кредиторе, Сэмми.

— Как, разве они не знают, кто он такой? — осведомился Сэм.

— Понятия не имеют,— отвечал отец.

— Где они? — спросил Сэм, на чьей физиономии отражались все гримасы старого джентльмена.

— В уютном местечке,— сообщил мистер Уэллер.— Попробуй залучить красноносого в такое место, где нет спиртного! Не удастся, Сэмивел, не удастся! Мы сегодня очень приятно прокатились сюда от «Маркиза», Сэмми,— продолжал мистер Уэллер, когда почувствовал себя способным изъясняться членораздельно.— Я запряг старую пегую в эту повозку, что осталась от первого муженька твоей мачехи, поставили кресло для пастыря, и будь я проклят,— с глубоким презрением добавил мистер Уэллер,— и будь я проклят, если не вынесли на дорогу перед нашей дверью лесенку, чтобы по ней взобраться.

— Да вы шутите! — воскликнул Сэм.

— Я не шучу, Сэмми,— возразил отец,— жаль, что ты не видел, как он цеплялся за край экипажа, словно боялся рухнуть с высоты шести футов и разбиться на миллион частиц. Наконец, все-таки вскарабкался, и мы поехали, и мне сдается,— я повторяю: мне сдается, Сэмми,— что его малость потряхивало на поворотах.

— А не налетали вы случайно разок-другой на столбы? — предположил Сэм.

— Боюсь, Сэмми,— отвечал мистер Уэллер, подмигивая с наслаждением,— боюсь, что я разок-другой за них зацепил; он всю дорогу вылетал из кресла.

Тут старый джентльмен покачал головой и испустил хриплое, сдавленное бурчание, сопровождавшееся сильным распуханием физиономии и растяжением всех черт лица, каковые симптомы не на шутку встревожили его сына.

— Не пугайся, Сэмми, не пугайся,— сказал старый джентльмен, когда после многих усилий и судорожного топанья ногой вновь обрел голос.— Это я стараюсь смеяться потише.

— Ну, если так,— отвечал Сэм,— то лучше не старайтесь. Сами увидите, что это довольно опасная штука.

— Тебе не нравится, Сэмми? — полюбопытствовал старый джентльмен.

— Совсем не нравится,— отвечал Сэм.

— А все-таки эта штука,— сказал мистер Уэллер, а слезы все еще струились у него по щекам,— была бы очень большим подспорьем для меня, если бы я к ней привык, а иной раз сберегла бы немало слов для твоей мачехи и для меня, но боюсь, что ты прав, Сэмми: она слишком сильно клонит к апоплексии, слишком сильно, Сэмивел.

Этот разговор привел их к двери «уютного местечка», куда Сэм, приостановившись на секунду, чтобы бросить лукавый взгляд на почтенного родителя, который все еще хихикал за его спиной, вошел сразу.

— Мачеха,— сказал Сэм, вежливо приветствуя сию леди,— очень вам благодарен за это посещение. Пастырь, как поживаете?

— О Сэмюел! — возопила миссис Уэллер.— Это ужасно!

— Ничуть не бывало, мамаша,— отвечал Сэм.— Не правда ли, пастырь?

Мистер Стиггинс воздел руки и возвел очи горè, показывая одни белки — вернее, желтки,— но не дал никакого словесного ответа.

— Не страдает ли этот-вот джентльмен каким-нибудь мучительным недугом? — спросил Сэм, обращаясь за объяснением к мачехе.

— Добрый человек скорбит, видя вас здесь, Сэмюел,— пояснила миссис Уэллер.

— О, вот оно что! — отозвался Сэм.— А я боялся, на него глядя, не забыл ли он поперчить последний съеденный им огурец. Садитесь, сэр, посидите — мы этого ни в коем случае не поставим вам в упрек, как заметил король, когда разгонял своих министров.

— Молодой человек,— торжественно произнес мистер Стиггинс,— боюсь, что вас не смягчило заключение.

— Прошу прощенья, сэр,— откликнулся Сэм.— Что вы изволили заметить?

— Я опасаюсь, молодой человек, что ваша натура нисколько не смягчилась от этого наказания,— повысив голос, сказал Стиггинс.

— Сэр,— отвечал Сэм,— вы очень любезны. Надеюсь, моя натура не из мягких, сэр. Очень вам признателен за доброе мнение, сэр.

Тут какой-то звук, до неприличия напоминающий смех, донесся с того места, где восседал мистер Уэллер-старший, в ответ на что миссис Уэллер, быстро взвесив все обстоятельства дела, сочла своим непреложным долгом обнаружить склонность к истерике.

— Уэллер,— сказала миссис Уэллер (старый джентльмен сидел в углу),— Уэллер! А ну-ка поди сюда!

— Очень тебе благодарен, моя милая,— отвечал мистер Уэллер,— но мне и здесь хорошо.

Миссис Уэллер залилась слезами.

— Что случилось, мамаша? — осведомился Сэм.

— О Сэмюел,— отвечала миссис Уэллер,— ваш отец приводит меня в отчаяние. Неужели ничто не пойдет ему на пользу?

— Вы слышите? — спросил Сэм.— Леди желает знать, неужели ничто не пойдет вам на пользу?

— Очень признателен миссис Уэллер за ее заботливость, Сэмми,— отвечал старый джентльмен.— Я думаю, что трубка очень пошла бы мне на пользу. Нельзя ли это как-нибудь наладить, Сэмми?

Миссис Уэллер уронила еще несколько слезинок, а мистер Стиггинс застонал.

— Эх! Этот злополучный джентльмен опять расхворался,— оглянувшись, сказал Сэм.— Что у вас болит, сэр?

— Все то же, молодой человек,— отвечал мистер Стиггинс.— Все то же.

— Что бы оно могло быть, сэр? — с величайшим простодушием осведомился Сэм.

— Боль у меня в груди, молодой человек,— пояснил мистер Стиггинс, прижимая зонтик к жилету.

Услыхав такой чувствительный ответ, миссис Уэллер, будучи не в силах подавить волнение, громко разрыдалась и высказала уверенность, что красноносый — святой человек, в ответ на что мистер Уэллер-старший осмелился намекнуть вполголоса, что, должно быть, он представитель двух приходов, снаружи — святого Симона, а внутри — святого Враля *.

— Боюсь, мамаша,— сказал Сэм,— что у этого джентльмена потому такая кривая физиономия, что он чувствует жажду при виде печального зрелища. Верно, мамаша?

Достойная леди вопросительно посмотрела на мистера Стиггинса. Сей джентльмен закатил глаза, сжал себе горло правой рукой и силился что-то проглотить, давая понять, что его томит жажда.

— Боюсь, Сэмюел, что на него подействовало волнение,— горестно заметила миссис Уэллер.

— Какой напиток вы предпочитаете, сэр? — спросил Сэм.

— О мой милый молодой друг,— отвечал мистер Стиггинс,— все напитки — суета сует!

— Святая истина, святая истина,— изрекла миссис Уэллер, подавляя стон и одобрительно покачивая головой.

— Пожалуй, это верно, сэр,— отвечал Сэм,— но какую суету вы предпочитаете? Какая суета вам больше пришлась по вкусу, сэр?

— О мой молодой друг! — отозвался мистер Стиггинс.— Я презираю их все. Если есть среди них одна менее ненавистная, чем все остальные, то это напиток, именуемый ромом. Горячий ром, мой милый молодой друг, и три кусочка сахару на стакан.

— Очень печально, сэр,— сказал Сэм,— но как раз эту суету не разрешают продавать в этом учреждении.

— О, жестокосердие этих черствых людей! — возопил

мистер Стиггинс.— О, нечестивая жестокость бесчеловечных гонителей!

С этими словами мистер Стиггинс снова закатил глаза и ударил себя в грудь зонтом; и нужно отдать справедливость преподобному джентльмену — его негодование казалось очень искренним и непритворным.

Когда миссис Уэллер и красноносый джентльмен выразили самое резкое осуждение этому бесчеловечному правилу и осыпали множеством благочестивых проклятий того, кто его придумал, красноносый высказался в пользу бутылки портвейна, подогретого с небольшим количеством воды, пряностями и сахаром как средства, благотворного для желудка и менее суетного, чем многие другие смеси. Соответствующее распоряжение было дано. Пока шли приготовления, красноносый и миссис Уэллер смотрели на Уэллера-старшего и стонали.

— Ну, Сэмми,— сказал этот джентльмен,— надеюсь, ты приободришься после такого веселенького визита. Очень живой и назидательный разговор, правда, Сэмми?

— Вы закоснели в грехе,— отвечал Сэм,— и я бы хотел, чтобы вы больше не обращались ко мне с такими неподобающими замечаниями.

Отнюдь не умудренный этой уместной отповедью, мистер Уэллер тотчас же расплылся в широкую улыбку, а так как это возмутительное поведение заставило и леди и мистера Стиггинса смежить веки и в смятении раскачиваться, сидя на стульях, то он позволил себе еще несколько мимических жестов, выражающих желание поколотить упомянутого Стиггинса и дернуть его за нос, каковая пантомима, казалось, принесла ему великое облегчение. При этом старый джентльмен едва не попался, ибо мистер Стиггинс встрепенулся, когда принесли вино, и коснулся головой кулака, которым мистер Уэллер в течение нескольких минут изображал в воздухе фейерверк на расстоянии двух дюймов от его уха.

— Что это вы набрасываетесь на стаканы? — воскликнул Сэм, проявляя удивительную сообразительность.— Вы не видите, что ударили джентльмена?

— Я это сделал нечаянно, Сэмми,— сказал мистер Уэллер, слегка смущенный таким неожиданным инцидентом.

— Попробуйте принять лекарство внутрь, сэр,— посоветовал Сэм красноносому джентльмену, который мрачно потирал голову.— Как вы находите эту горячую суету, сэр?

Мистер Стиггинс не дал словесного ответа, но его поведение говорило само за себя. Он отведал содержимое стакана, который подал ему Сэм, положил зонт на пол, отведал еще раз, благодушно поглаживая рукой живот, затем выпил все залпом, причмокнул и протянул стакан за новой порцией.

Да и миссис Уэллер не замедлила воздать должное смеси. Сначала славная леди заявила, что не может проглотить ни капли, потом проглотила маленькую капельку, потом большую каплю, потом великое множество капель; а так как ее чувства отличались свойством тех веществ, на которые сильно действует спирт, то каждую каплю горячего вина она провожала слезой и таяла до тех пор, пока не прибыла, наконец, в юдоль печали и плача.

Мистер Уэллер-старший наблюдал эти признаки и симптомы с явным неудовольствием, а когда после второго кувшина того же напитка мистер Стиггинс начал печально вздыхать, мистер Уэллер дал знать о своем недоброжелательном отношении ко всему происходящему, сердито забормотав невнятные фразы, в которых можно было разобрать одно только слово «кривляние», повторявшееся несколько раз.

— Я тебе скажу, в чем тут дело, Сэмивел, мой мальчик,— прошептал на ухо своему сыну старый джентльмен после долгого и упорного созерцания своей супруги и мистера Стиггинса.— Мне кажется, у твоей мачехи во внутренностях что-то неладно, да и у красноносого также.

— Что вы хотите сказать? — спросил Сэм.

— А вот что, Сэмми,— отвечал старый джентльмен,— они пьют, а это не дает им питания, и все превращается в теплую воду и вытекает у них из глаз. Можешь поверить мне на слово, Сэмми, в нутре у них неладно.

Мистер Уэллер подкрепил эту научную теорию многочисленными кивками и хмурыми взглядами, которые заметила миссис Уэллер и, заключив, что они выражают порицание ей самой, или мистеру Стиггинсу, или им обоим, уже собралась почувствовать себя еще хуже, как

вдруг мистер Стиггинс, кое-как поднявшись со стула, начал произносить поучительную речь в назидание присутствующим и в особенности мистеру Сэмюелу, коего он в трогательных выражениях заклинал быть на страже в этом вертепе, куда он брошен, воздерживаться от лицемерия и гордыни сердца и строго следовать во всем его (Стиггинса) примеру. В таком случае он может рано или поздно прийти к утешительному заключению, что, подобно мистеру Стиггинсу, он будет самым почтенным и безупречным человеком, а все его знакомые и друзья останутся безнадежно заблудшими и распутными негодяями, каковая мысль, добавил мистер Стиггинс, не может не доставить ему живейшего удовлетворения.

Далее он заклинал его избегать прежде всего пьянства, и сей порок сравнил с мерзкими привычками свиньи и с пристрастьем к тем ядовитым снадобьям, о которых говорят, что они, будучи съедены, отбивают память. В этом месте своей речи преподобный и красноносый джентльмен начал выражаться на редкость бессвязно и, возбужденный собственным красноречием, пошатнулся и рад был ухватиться за спинку стула, чтобы сохранить вертикальное положение.

Мистер Стиггинс не предостерегал своих слушателей против тех лжепророков и жалких плутов от религии, которые, не обладая ни умом, чтобы излагать первоначальные доктрины, ни сердцем, чтобы их почувствовать, являются более опасными членами общества, чем заурядные преступники, ибо, конечно, они влияют на самых слабых и несведущих, вызывают гневное презрение к тому, что должно считаться самым священным, и до известной степени дискредитируют множество добродетельных и почтенных людей, возглавляющих многие превосходные секты. Но так как мистер Стиггинс долго стоял, перегнувшись через спинку стула, и, закрыв один глаз, упорно подмигивал другим, то следует предположить, что он обо всем этом думал, но хранил про себя.

Во время этой речи миссис Уэллер всхлипывала и проливала слезы после каждой фразы, а Сэм, усевшись верхом на стул и облокотившись о верхнюю перекладину спинки, очень учтиво и любезно взирал на оратора, изредка бросая многозначительный взгляд на старого джентль-

мена, который сначала был в восторге, а на середине речи заснул.

— Браво, очень мило! — воскликнул Сэм, когда красноносый, закончив речь, натянул рваные перчатки, причем так далеко просунул пальцы в дыры, что показались суставы.— Очень мило!

— Надеюсь, это принесет вам пользу, Сэмюел,— торжественно произнесла миссис Уэллер.

— Думаю, что принесет, мамаша,— отвечал Сэм.

— О, если бы я могла надеяться, что это принесет пользу вашему отцу! — промолвила миссис Уэллер.

— Благодарю тебя, моя дорогая,— отозвался мистер Уэллер-старший.— А как ты себя чувствуешь, моя милая?

— Зубоскал! — воскликнула миссис Уэллер.

— Во мраке пребывающий,— добавил преподобный мистер Стиггинс.

— Достойное создание! — сказал мистер Уэллер-старший.— Если я не увижу другого света, кроме ночного мрака этой-вот болтовни, то похоже, что я так и останусь ночной каретой, пока окончательно не уберусь с дороги. Ну-с, миссис Уэллер, если пегий долго будет стоять на извозчичьем дворе, он на обратном пути ни за что не остановится, и как бы это кресло с пастырем в придачу не перелетело через изгородь.

Услышав о такой возможности, преподобный мистер Стиггинс с нескрываемым ужасом подхватил свою шляпу и зонт и предложил отправиться в путь немедленно, на что миссис Уэллер дала согласие. Сэм проводил их до ворот и почтительно распрощался.

— Адью, Сэмивел,— сказал старый джентльмен.

— Что это за адью? — осведомился Сэмми.

— Ну, тогда до свиданья,— сказал старый джентльмен.

— А, так вот вы куда целитесь! — сообразил Сэм.— Ну, до свиданья.

— Сэмми! — прошептал мистер Уэллер, осторожно озираясь.— Поклон твоему хозяину, и скажи ему, чтобы он дал мне знать, если что-нибудь затеет насчет этого-вот дела. Мы с одним хорошим столяром придумали план, как его отсюда вытащить. Пьяно, Сэмивел, пьяно! — добавил мистер Уэллер, хлопнув сына в грудь и отступая шага на два.

— Что это значит? — спросил Сэм.

— Фортепьяно, Сэмивел! — отвечал мистер Уэллер с сугубой таинственностью.— Его можно взять напрокат, но играть на нем нельзя будет, Сэмми.

— А какой же тогда прок от него? — полюбопытствовал Сэм.

— Пусть он пошлет за моим приятелем столяром, чтобы тот взял его обратно, Сэмми,— отвечал мистер Уэллер.— Теперь смекаешь?

— Нет,— сказал Сэм.

— В нем нет никакой машины,— зашептал отец.— Он там свободно поместится и в шляпе и в башмаках, а дышать будет через ножки, они внутри выдолбленные. Нужно запастись билетами в Америку. Американское правительство ни за что не выдаст его, когда узнает, что он при деньгах, Сэмми. Пусть хозяин живет там, пока не помрет миссис Бардл или пока не повесят Додсона и Фогга (мне кажется, Сэмми, что это случится раньше), а тогда пусть возвращается и пишет книгу про американцев. Это окупит все расходы с излишком, если он им хорошенько всыплет!

Мистер Уэллер с большим возбуждением изложил шепотом суть заговора, затем, словно из боязни ослабить дальнейшими речами эффект потрясающего сообщения, по-кучерски отсалютовал и скрылся.

Сэм едва успел обрести свое обычное спокойствие, которое было в значительной мере нарушено секретным сообщением почтенного родителя, как к нему обратился мистер Пиквик.

— Сэм! — сказал сей джентльмен.

— Сэр? — откликнулся мистер Уэллер.

— Я собираюсь прогуляться по тюрьме и хочу, чтобы вы меня сопровождали. А вон идет сюда арестант, которого мы знаем, Сэм,— добавил мистер Пиквик.

— Который, сэр? — осведомился мистер Уэллер.— Джентльмен с копной волос на голове или чудной узник в чулках?

— Ни тот, ни другой,— отвечал мистер Пиквик.— Это один из ваших более старых друзей, Сэм.

— Моих, сэр? — воскликнул мистер Уэллер.

— Думаю, что вы прекрасно помните этого джентльмена, Сэм,— отозвался мистер Пиквик,— если память на старых знакомых у вас не хуже, чем я предполагал. Тише! Ни слова, Сэм, ни звука. Вот он.

Во время этого разговора подошел Джингль. В поношенном костюме, выкупленном с помощью мистера Пиквика у ростовщика, он казался не таким жалким, как раньше. Мистер Джингль надел чистое белье и подстриг волосы. Однако он был очень бледен и худ, а когда медленно плелся, опираясь на палку, легко было заметить, что он жестоко пострадал от болезни и нищеты и

до сих пор еще не набрался сил. Джингль снял шляпу, когда мистер Пиквик с ним поздоровался, и казался очень смущенным и взволнованным при виде Сэма Уэллера.

За ним по пятам шел мистер Джоб Троттер, в списке пороков которого во всяком случае не значилось отсутствие верности и дружеской привязанности. Он был попрежнему ободран и грязен, но лицо его слегка пополнело за несколько дней, прошедших после первой встречи с мистером Пиквиком. Кланяясь нашему мягкосердечному старому другу, он пролепетал какие-то отрывистые слова благодарности и что-то забормотал о том, что он спасен от голодной смерти.

— Хорошо, хорошо! — нетерпеливо перебил мистер Пиквик.— Ступайте с Сэмом. Я хочу поговорить с вами, мистер Джингль. Можете вы идти, не опираясь на его руку?

— Конечно, сэр,— — к вашим услугам — — не очень быстро — — ноги ненадежны — — в голове неладно — — все кружится — — похоже на землетрясение — — весьма.

— Возьмите-ка меня под руку,— сказал мистер Пиквик.

— Нет, нет,— возразил Джингль,— право же, не надо — — нет.

— Вздор! — сказал мистер Пиквик.— Обопритесь на мою руку, прошу вас, сэр.

Видя, что он смущен, взволнован и не знает, что делать, мистер Пиквик быстро разрешил вопрос, взяв больного актера под руку, и увел его с собою без дальнейших разговоров.

Все это время физиономия мистера Сэмюела Уэллера выражала самое безграничное и неописуемое изумление, какое только можно вообразить. В глубоком молчании переводя взгляд с Джоба на Джингля и с Джингля на Джоба, он мог выговорить только: «Ах, черт побери!» Эти слова он повторил по крайней мере раз двадцать, и после этого усилия, казалось, окончательно лишился дара речи, а затем снова стал смотреть сперва на одного, потом на другого в безмолвном замешательстве и недоумении.

— Где вы, Сэм? — оглянувшись, сказал мистер Пиквик.

— Иду, сэр,— отозвался мистер Уэллер, машинально следуя за своим хозяином.

Он все еще не сводил глаз с мистера Джоба Троттера, который молча шел рядом.

Джоб сначала не поднимал глаз. Сэм, будучи не в силах оторваться от физиономии Джоба, налетал на проходивших мимо людей, падал на маленьких детей, цеплялся за ступеньки и перила, казалось вовсе этого не замечая, пока Джоб, украдкой взглянув на него, не сказал:

— Как поживаете, мистер Уэллер?

— Это он! — воскликнул Сэм; он окончательно установил личность Джоба, хлопнул себя по ляжке и пронзительно свистнул, давая исход своим чувствам.

— Мои обстоятельства изменились, сэр,— заметил Джоб.

— Похоже на то, что изменились,— подхватил мистер Уэллер, с нескрываемым удивлением созерцая лохмотья своего спутника.— Изменение, пожалуй, к худшему, мистер Троттер, как сказал джентльмен, когда ему разменяли полкроны на два фальшивых шиллинга и шесть пенсов.

— Совершенно верно,— согласился Джоб, покачивая головой.— Теперь уже без обмана, мистер Уэллер. Слезы,— добавил Джоб с мимолетно блеснувшим лукавством,— слезы — не единственный показатель несчастья, да и не самый лучший.

— Что правда, то правда,— выразительно произнес Сэм.

— Они могут быть притворными, мистер Уэллер,— добавил Джоб.

— Знаю, что могут,— согласился Сэм.— Есть люди, у которых они всегда наготове, нужно только вытащить пробку.

— Вот именно! — подтвердил Джоб.— Но эти вещи не так легко подделать, мистер Уэллер, операция мучительная, пока их получишь.

Тут он указал на свои желтые, впалые щеки и, засучив рукав куртки, обнажил руку: кость могла перело-

миться от одного прикосновения — такой тонкой и хрупкой казалась она под тонким покровом мускулов.

— Что это вы с собой сделали? — отшатнувшись, воскликнул Сэм.

— Ничего,— отвечал Джоб.— Вот уже много недель я ничего не делаю,— пояснил он,— а ем и пью почти столько же.

Сэм выразительным взглядом окинул худое лицо и жалкую одежду мистера Троттера, потом схватил его за руку и потащил за собой.

— Куда вы, мистер Уэллер? — спросил Джоб, тщетно пытаясь вырваться из могучих рук своего бывшего врага.

— Идем! — сказал Сэм.— Идем!

Он не удостоил его дальнейших объяснений, пока они не добрались до буфетной, где он потребовал кружку портера.

— Ну, выпейте все до последней капли, а потом опрокиньте крышку вверх дном,— сказал Сэм,— я хочу посмотреть, как вы приняли лекарство.

— Но, право же, дорогой мистер Уэллер...— начал Джоб.

— До дна! — повелительно сказал Сэм.

После такого увещания мистер Троттер поднес кружку к губам и постепенно, почти незаметно, перевернул вверх дном. Один-единственный раз он приостановился, чтобы перевести дыхание, но не отрывал кружки от губ, а через несколько секунд уже держал ее перевернутою в вытянутой руке. Ничего не вылилось, только клочья пены отрывались от края и лениво падали на пол.

— Чистая работа! — одобрил Сэм.— Ну, как вы себя чувствуете теперь?

— Лучше, сэр. Как будто лучше,— ответил Джоб.

— Ну, конечно,— внушительно произнес Сэм.— Это все равно, что накачать газу в воздушный шар. Я простым глазом вижу, что вы потолстели после этой операции. Что скажете о второй кружке таких же размеров?

— Я бы отказался, очень вам признателен, сэр,— отвечал Джоб,— я бы предпочел отказаться.

— Ну, а что вы скажете о чем-нибудь более существенном? — осведомился Сэм.

— Благодаря вашему достойному хозяину, сэр,— сообщил мистер Троттер,— в три часа без четверти мы получили половину бараньей ноги, зажаренной вместе с картофелем.

— Как! Это *он* о вас позаботился? — с ударением спросил Сэм.

— Да, сэр,— ответил Джоб.— Больше того, мистер Уэллер: мой хозяин был очень болен, а он дал нам камеру — раньше мы жили в конуре — и заплатил за нее, сэр, и приходил ночью к нам, когда его никто не мог видеть. Мистер Уэллер,— сказал Джоб, на этот раз с непритворными слезами на глазах,— я готов служить этому джентльмену до тех пор, пока не свалюсь мертвый к его ногам.

— Вот как! — воскликнул Сэм.— Я вас должен огорчить, мой друг. Это не пройдет.

У Джоба Троттера был недоумевающий вид.

— Молодой человек, говорю вам: это не пройдет! — решительно повторил Сэм.— Никто не будет ему служить, кроме меня. И раз уж мы об этом заговорили, я вам открою еще один секрет,— добавил Сэм, расплачиваясь за портер.— Я никогда не слыхал, заметьте это, и в книжках не читал и на картинках не видал ни одного ангела в коротких штанах и гетрах — и, насколько я помню, ни одного в очках, хотя, может быть, такие и бывают,— но заметьте мои слова, Джоб Троттер: несмотря на все это, он — чистокровный ангел, и пусть кто-нибудь посмеет мне сказать, что знает другого такого ангела!

Бросив этот вызов, мистер Уэллер спрятал сдачу в боковой карман и, подкрепив свои слова многочисленными кивками и жестами, немедленно отправился разыскивать того, о ком говорил.

Они нашли мистера Пиквика в обществе Джингля, с которым тот очень серьезно беседовал, не обращая внимания на людей, собравшихся для игры в мяч во дворе. Это были весьма разношерстные люди, и на них стоило посмотреть хотя бы из праздного любопытства.

— Хорошо,— говорил мистер Пиквик, когда Сэм со своим спутником подошел ближе,— подождите, пока поправитесь, а теперь подумайте об этом. Скажите мне свое решение, когда окрепнете, и мы обсудим это дело. А сей-

час идите в свою комнату. Вы устали и слишком слабы, чтобы долго оставаться на воздухе.

Мистер Альфред Джингль, утративший последние проблески своего прежнего оживления и даже ту мрачную веселость, какую он на себя напустил, когда мистер Пиквик впервые увидел его в бедственном положении, молча отвесил низкий поклон и, знаком приказав Джобу не следовать за ним, медленно поплелся прочь.

— Любопытная сцена, не правда ли, Сэм? — сказал мистер Пиквик, добродушно оглядываясь.

— Очень даже любопытная, сэр,— отвечал Сэм.— Чудесам никогда конца не будет,— добавил он, разговаривая сам с собою,— я жестоко ошибаюсь, если этот-вот Джингль не прибег к помощи чего-нибудь вроде водокачки.

Пространство, обнесенное стеною в той части Флита, где стоял мистер Пиквик, было достаточно велико и служило хорошей площадкой для игры в мяч; с одной стороны возвышалась, конечно, стена, а с другой — та часть тюрьмы, окна которой смотрели на собор св. Павла или, вернее, должны были смотреть, не будь здесь стены. Во всевозможных позах, усталые и праздные, сидели или слонялись многочисленные должники; большинство ожидало в тюрьме вызова в Суд по делам о несостоятельности, тогда как другие отбывали свои сроки и по мере сил старались убить время. Одни были ободраны, другие хорошо одеты, многие грязны, очень немногие опрятны, но все они шатались, слонялись и бродили здесь так же вяло и бесцельно, как дикие звери в зверинце.

Из окон, выходивших во двор, высовывались люди, которые громко разговаривали со своими знакомыми внизу, или перебрасывались мячом с предприимчивыми игроками на дворе, или наблюдали за игрою в мяч, или следили за мальчишками, выкрикивавшими результаты игры. Грязные женщины в стоптанных башмаках сновали взад и вперед, направляясь в кухню, находившуюся в углу двора; дети кричали, дрались и играли в другом углу. Стук кеглей и возгласы игроков сливались с сотней других звуков, везде шум и суета — везде, за исключением маленького, жалкого сарая в нескольких ярдах от этого места, где в ожидании пародии на следствие лежало неподвижное и посиневшее тело канцлерского

арестанта, который умер прошлой ночью! Тело! Таков юридический термин для обозначения беспокойного, мятущегося клубка забот и тревог, привязанностей, надежд и огорчений, из которых создан живой человек. Закон получил его тело, и здесь лежало оно, облаченное в саван,— жуткий свидетель милосердия закона.

— Не желаете ли заглянуть в свистушку, сэр? — осведомился Джоб Троттер.

— Что вы имеете в виду? — в свою очередь спросил мистер Пиквик.

— Свистушка — там свищут, сэр,— вмешался мистер Уэллер.

— Что это такое, Сэм? Там продают птиц? — полюбопытствовал мистер Пиквик.

— Что вы, сэр, господь с вами! — сказал Джоб. В свистушке продают спиртные напитки, сэр.

Мистер Джоб Троттер кратко объяснил, что под угрозой большого штрафа запрещено проносить в долговую тюрьму спиртные напитки, а так как этот товар высоко ценится леди и джентльменами, здесь заключенными, то некоторые расчетливые тюремщики решили из корыстных побуждений смотреть сквозь пальцы на двух-трех арестантов, получающих прибыль от розничной торговли излюбленным напитком — джином.

— Такой порядок, сэр, постепенно ввели во всех долговых тюрьмах,— добавил мистер Троттер.

— И он имеет одно большое преимущество,— вставил Сэм,— тюремщики изо всех сил стараются поймать контрабандистов, кроме тех, кто им платит, а когда об этом печатается в газетах, их хвалят за бдительность. Отсюда две выгоды: прочим неповадно заниматься торговлей, а тюремщики пользуются хорошей репутацией.

— Совершенно верно, мистер Уэллер,— подтвердил Джоб.

— Но разве никогда не обыскивают этих камер, чтобы узнать, не спрятан ли там спирт? — спросил мистер Пиквик.

— Конечно, обыскивают, сэр,— отвечал Сэм,— но тюремщики узнают заранее и предупреждают свистунов, а потом можете свистеть сколько угодно — все равно ничего не найдете.

Тем временем Джоб постучался в дверь, которую открыл джентльмен с растрепанной шевелюрой; он запер ее, как только они вошли, и ухмыльнулся; в ответ ухмыльнулся Джоб, а также Сэм; мистер Пиквик, предполагая, что этого ждут и от него, не переставал улыбаться до конца свидания.

Джентльмен с растрепанной шевелюрой был, казалось, вполне удовлетворен такой молчаливой манерой вести дела и, достав из-под кровати плоскую глиняную флягу, вмещавшую около двух кварт, наполнил три стакана джином, с которым Джоб Троттер и Сэм расправились мастерски.

— Еще? — спросил джентльмен-свистун.

— Хватит! — ответил Джоб Троттер.

Мистер Пиквик расплатился, дверь открылась, и они вышли; растрепанный джентльмен дружески кивнул мистеру Рокеру, случайно проходившему мимо.

Затем мистер Пиквик отправился бродить по всем галереям и лестницам и еще раз обошел весь двор. Большинство обитателей тюрьмы, казалось, состояло из Майвинсов, Сменглей, священников, мясников и шулеров, встречавшихся снова, и снова, и снова. Во всех закоулках, и лучших и худших, была все та же грязь, та же суета и шум. Вся тюрьма как будто была охвачена беспокойством и тревогой, а люди толпились и шныряли, как тени в тревожном сне.

— Я видел достаточно,— сказал мистер Пиквик, бросаясь в кресло в своей маленькой камере.— У меня голова болит от этих сцен и сердце тоже болит. Отныне я буду пленником в своей собственной камере.

И мистер Пиквик твердо держался этого решения. В течение трех долгих месяцев он целыми днями сидел взаперти, выходя подышать воздухом только ночью, когда большинство его товарищей по тюрьме спали или пьянствовали в своих камерах. Его здоровье начало страдать от такого сурового заключения. Но, несмотря на непрерывные мольбы Перкера и друзей и еще более неотступные предостережения и увещания мистера Сэмюела Уэллера, он ни на йоту не изменил своего непоколебимого решения.

ГЛАВА XLVI

сообщает о трогательном и деликатном поступке, не лишенном остроумия, задуманном и совершенном фирмою «Додсон и Фогг»

За неделю до конца июля на Госуэлл-стрит показался быстро катившийся наемный кабриолет, номер которого остался нам неизвестен. В него были втиснуты трое, кроме кэбмена, сидевшего на собственном отдельном сиденье сбоку. Поверх фартука экипажа свисали две шали, принадлежавшие, по всей вероятности, двум маленьким сварливым на вид леди, прикрытым фартуком; между ними, сжатый как только возможно, вдвинут был джентльмен, неповоротливый и смиренный, которого резко обрывали то одна, то другая из упомянутых сварливых леди при любой его попытке сделать какое-либо замечание. Две сварливые леди и неповоротливый джентльмен давали кэбмену противоречивые указания, преследующие одну общую цель, а именно: он должен был остановиться у подъезда миссис Бардл, причем неповоротливый джентльмен, явно бросая вызов сварливым леди, утверждал, что дверь зеленая, а не желтая.

— Кучер, остановитесь у дома с зеленой дверью,— сказал неповоротливый джентльмен.

— Вот несносное создание! — воскликнула одна из сварливых леди.— Кучер, остановитесь вон там, у дома с желтой дверью.

Кэбмен, собиравшийся остановиться у дома с зеленой дверью, так резко дернул лошадь, что она едва не въехала задом в кабриолет, после чего он позволил ей снова опустить передние ноги на землю и затормозил.

— Ну, где же мне остановиться? — спросил кэбмен.— Решайте. Я только хочу знать — где?

Спор возобновился с новым пылом, а так как лошади досаждала муха, садившаяся ей на нос, то кэбмен, воспользовавшись досугом, хлестал ее по голове, руководствуясь принципом противоположных раздражений.

— Решает большинство голосов,— сказала, наконец, одна из сварливых леди.— Кучер, дом с желтой дверью!

Но когда кабриолет с шиком подъехал к дому с желтой дверью, «произведя больше шуму, чем собственный

экипаж», как заметила с торжеством одна из сварливых леди, и когда кэбмен соскочил, чтобы помочь дамам выйти из экипажа, маленькая круглая голова юного Томаса Бардла высунулась из окна дома с красной дверью, расположенного дальше.

— Возмутительно! — воскликнула только что упомянутая сварливая леди, бросив уничтожающий взгляд на неповоротливого джентльмена.

— Моя милая, я не виноват,— сказал неповоротливый джентльмен.

— Молчи, болван! — отрезала леди.— Кучер, к дому с красной дверью! О, если случалось когда-нибудь женщине иметь дело с грубияном, которому приятно оскорблять свою жену при каждом удобном случае в присутствии посторонних, то эта женщина — я!

— Вы бы постыдились, Редль,— сказала вторая маленькая женщина — не кто иная, как миссис Клаппинс.

— Что же я сделал? — осведомился мистер Редль.

— Молчи, болван, молчи, или я забуду, что я женщина, и поколочу тебя! — воскликнула миссис Редль.

Пока длился этот диалог, кэбмен весьма позорно вел лошадь под уздцы к дому с красной дверью, которую уже открыл юный Бардл. Поистине это был недостойный и унизительный способ подъезжать к дому друзей! Рысак не подкатил бешено к подъезду, кэбмен не соскочил с козел и не забарабанил в дверь, не откинул фартука в самый последний момент, дабы леди не сидели на ветру, и не передал им шалей, как это делает кучер «собственного экипажа»! Никакого шика; это было вульгарнее, чем прийти пешком.

— Ну, Томми,— сказала миссис Клаппинс,— как здоровье твоей бедной мамочки?

— Она совсем здорова,— отвечал юный Бардл.— Она готова и ждет в гостиной. И я тоже готов.

Тут юный Бардл засунул руки в карманы и начал прыгать с нижней ступеньки подъезда на тротуар и обратно.

— А еще кто-нибудь едет с нами, Томми? — спросила миссис Клаппинс, поправляя пелерину.

— Миссис Сендерс едет,— отвечал Томми.— И я тоже еду.

— Дрянной мальчишка,— пробормотала миссис Клаппинс.— Он только о себе и думает. Послушай, милый Томми...

— Что? — отозвался юный Бардл.

— Еще кто-нибудь едет, миленький? — вкрадчиво осведомилась миссис Клаппинс.

— Миссис Роджерс едет,— отвечал юный Бардл, тараща глаза.

— Как! Леди, которая сняла комнату? — воскликнула миссис Клаппинс.

Юный Бардл глубже засунул руки в карманы и кивнул ровно тридцать пять раз, давая понять, что речь идет о леди-жилице и ни о ком другом.

— Ах, боже мой,— сказала миссис Клаппинс,— да это настоящий пикник.

— А если бы вы знали, что припрятано в буфете! — подхватил юный Бардл.

— А что там, Томми? — ласково спросила миссис Клаппинс.— Я уверена, что *мне* ты скажешь, Томми.

— Нет, не скажу,— возразил юный Бардл, покачав головой и снова взбираясь на нижнюю ступеньку.

— Противный ребенок! — пробормотала миссис Клаппинс.— Какой упрямый, скверный мальчишка! Ну, Томми, скажи же своей дорогой Клаппи.

— Мама запретила говорить! — ответил юный Бардл.— И мне тоже дадут, и мне тоже!

Вдохновленный такой перспективой, скороспелый ребенок с удвоенным рвением занялся своей утомительной игрой.

Вышеприведенный допрос невинного младенца происходил, пока мистер и миссис Редль и кэбмен препирались из-за денег. Когда спор окончился в пользу кэбмена, миссис Редль подошла нетвердыми шагами к миссис Клаппинс.

— Ах, Мэри-Энн! Что случилось? — спросила миссис Клаппинс.

— Я вся дрожу, Бетси,— отвечала миссис Редль.— Редль — не мужчина, он все взваливает на меня.

Вряд ли это было справедливо по отношению к злосчастному мистеру Редлю, ибо добрая супруга отстранила его в самом начале спора и властно приказала дер-

жать язык за зубами. Впрочем, он не имел возможности оправдаться, так как у миссис Редль обнаружились недвусмысленные симптомы приближающегося обморока. Заметив это из окна гостиной, миссис Бардл, миссис Сендерс, жилица и служанка жилицы поспешно вышли и проводили ее в дом, болтая без умолку и всемерно выражая жалость и сострадание, словно она была несчастнейшей из смертных. В гостиной ее уложили на диван, и жилица со второго этажа, сбегав к себе, вернулась с флаконом нашатырного спирта, каковой она, крепко обняв миссис Редль за шею, прижимала со всей женственной заботливостью и жалостью к ее носу до тех пор, пока эта леди, долго отбивавшаяся, не вынуждена была заявить, что чувствует себя гораздо лучше.

— Ах, бедняжка! — воскликнула миссис Роджерс.— Я слишком хорошо понимаю ее чувства.

— Ах, бедняжка! Я тоже! — подхватила миссис Сендерс.

И тогда все леди застонали хором и объявили, что они-то понимают, в чем тут дело, и жалеют ее от всего сердца. Даже маленькая служанка жилицы, тринадцати лет и трех футов росту, выразила шепотом сочувствие.

— Но что же случилось? — спросила миссис Бардл.

— Вот именно! Что расстроило вас, сударыня? — осведомилась миссис Роджерс.

— Меня сильно взволновали,— укоризненным тоном произнесла миссис Редль.

В ответ на это леди устремили негодующий взгляд на мистера Редля.

— Дело вот в чем,— сказал злополучный джентльмен, выступая вперед.— Когда мы сошли у подъезда, начался спор с кучером кабриоле...

Громкий вопль его жены, вызванный этим последним словом, заглушил дальнейшие объяснения.

— Вы бы лучше нас оставили, Редль, пока мы не приведем ее в чувство,— сказала миссис Клаппинс.— В вашем присутствии она никогда не оправится.

Все леди были того же мнения. Поэтому мистера Редля вытолкали из комнаты и предложили ему прогуляться по двору.

Он прогуливался около четверти часа, после чего

миссис Бардл с торжественным видом объявила ему, что теперь он может войти, но должен быть очень осторожен в обращении с женой. Миссис Бардл знает, что у него не было дурных намерений, но Мэри-Энн очень слаба, и если он не остережется, то может потерять ее, когда меньше всего этого ждет, что впоследствии явится для него весьма мучительным воспоминанием, и так далее. Мистер Редль выслушивал все это с большим смирением и вскоре вернулся в гостиную сущей овечкой.

— Ах, миссис Роджерс, сударыня! — воскликнула миссис Бардл.— Да ведь я вас еще не познакомила! Мистер Редль, сударыня, миссис Клаппинс, сударыня, миссис Редль, сударыня.

— Сестра миссис Клаппинс,— добавила миссис Сендерс.

— О, в самом деле! — благосклонно сказала миссис Роджерс, ибо она была жилицей и прислуживала всем ее служанка, и потому, по своему положению, она держала себя скорее благосклонно, чем непринужденно.— В самом деле?

Миссис Редль сладко улыбнулась, мистер Редль поклонился, а миссис Клаппинс заявила, что «она радуется случаю познакомиться с такой леди, как миссис Роджерс, о которой она слышала столько хорошего». Этот комплимент был принят вышеупомянутой леди с изысканным благоволением.

— Знаете, мистер Редль,— сказала миссис Бардл,— вам должно быть очень лестно: вы и Томми — единственные джентльмены, которые будут сопровождать леди к «Испанцу» в Хэмстед. Не правда ли, миссис Роджерс, не правда ли, сударыня?

— О, конечно, сударыня! — отозвалась миссис Роджерс, после чего все остальные леди ответили:

— О, конечно!

— Разумеется, я это чувствую,— сказал мистер Редль, потирая руки и обнаруживая поползновение развеселиться.— Сказать вам правду, я говорил, когда мы ехали сюда в кабриоле...

При этих словах, пробуждавших столько мучительных воспоминаний, миссис Редль снова приложила носовой платок к глазам и испустила приглушенный вопль, после

чего миссис Бардл грозно посмотрела на мистера Редля, давая понять, что лучше бы он помолчал, и с достоинством попросила служанку миссис Роджерс «подать вино».

Это послужило сигналом для извлечения сокровищ, скрытых в буфете, откуда появилось несколько тарелок с апельсинами и бисквитами, бутылка доброго старого портвейна за шиллинг десять пенсов и бутылка прославленного хереса из Ост-Индии за четырнадцать пенсов. Все это было подано в честь жилицы и доставило беспредельное удовольствие всем присутствовавшим. К великому ужасу миссис Клаппинс, Томми сделал попытку рассказать, как его допрашивали по поводу буфета (к счастью, попытка была пресечена в корне рюмочкой старого портвейна, который попал ему «не в то горло» и на секунду подверг опасности его жизнь), после чего компания отправилась на поиски хэмстедской кареты. Она была вскоре найдена, и часа через два они благополучно прибыли в «Испанские сады», где первый же поступок злосчастного мистера Редля едва не вызвал нового обморока у его дражайшей супруги, ибо он ни больше ни меньше как заказал чай на семерых, тогда как (это мнение высказывали все леди) проще всего было, чтобы Томми пил из чьей-нибудь чашки или из всех чашек, когда официант отвернется, что сэкономило бы порцию чаю, и от этого чай был бы ничуть не хуже!

Однако делать было нечего, и поднос появился с семью чашками и блюдцами, а также с хлебом и маслом на семерых. Миссис Бардл единогласно была избрана председательницей, миссис Роджерс поместилась по правую руку от нее, а миссис Редль — по левую, и пиршество началось очень весело.

— Как очаровательна деревня! — вздохнула миссис Роджерс.— Мне бы хотелось всегда там жить.

— О, вам бы не понравилось, сударыня! — с некоторой поспешностью отозвалась миссис Бардл, ибо, принимая во внимание сдаваемую ею квартиру, отнюдь не следовало поощрять подобное расположение духа.— Вам бы не понравилось, сударыня.

— Мне кажется, вы не удовольствовались бы деревней, сударыня; вы такая веселая, все ищут знакомства с вами,— подхватила маленькая миссис Клаппинс.

— Быть может, сударыня, быть может,— прошептала жилица бельэтажа.

— Для одиноких людей, у которых нет никого, кто бы их любил и о них заботился, или для тех, кто изведал горе или что-нибудь в этом роде,— для них хороша деревня,— заметил мистер Редль, слегка приободряясь и поглядывая вокруг.— Деревня, как говорится, приют для раненой души...

Из всех замечаний, какие мог сделать злополучный человек, это было наименее удачным. Конечно, миссис Бардл залилась слезами и попросила позволения тотчас же встать из-за стола; вслед за нею не преминул жалобно зареветь и ее чувствительный отпрыск.

— Кто бы поверил, сударыня,— гневно воскликнула миссис Редль, обращаясь к жилице бельэтажа,— что женщина может выйти замуж за такое бесчеловечное существо, которое ежеминутно оскорбляет женские чувства, сударыня!

— Милая моя! — запротестовал мистер Редль.— Милая моя, у меня и в мыслях этого не было!

— У тебя в мыслях не было,— сердито и презрительно повторила миссис Редль.— Уйди! Видеть тебя не могу, чудовище!

— Тебе не следует волноваться, Мэри-Энн,— вмешалась миссис Клаппинс.— Право же, ты должна беречь себя, моя дорогая, а этого ты никогда не делаешь. Да уйдите же, Редль, будьте так добры, ведь вы ее только раздражаете!

— В самом деле, сэр, вы бы лучше взяли свой чай и удалились,— сказала миссис Роджерс, снова прибегая к своему флакону.

Миссис Сендерс, которая, по обыкновению, налегала на хлеб с маслом, высказала то же мнение, и мистер Редль потихоньку удалился.

Затем юный Бардл, хотя он был уже несколько велик для таких объятий, торжественно был водружен на колени матери, во время каковой процедуры его башмаки очутились на чайном подносе, произведя некоторый беспорядок среди чашек и блюдец. Так как истерические припадки, заразительные в дамском обществе, редко затягиваются, то, расцеловав юного Бардла и немножко

всплакнув над ним, миссис Бардл оправилась, спустила его с колен, подивилась, как это она могла быть такой глупышкой, и налила себе еще чаю.

В этот самый момент раздался стук подъезжающего экипажа, и леди, подняв глаза, увидели наемную карету, остановившуюся у ворот сада.

— Еще кто-то приехал,— заметила миссис Сендерс.

— Это джентльмен,— сказала миссис Редль.

— Как! Да ведь это мистер Джексон, молодой человек из конторы Додсона и Фогга! — воскликнула миссис Бардл.— Ах, боже мой! Неужели мистер Пиквик уплатил убытки?

— Или согласился на брак! — подхватила миссис Клаппинс.

— Ах, какой медлительный джентльмен! — воскликнула миссис Роджерс.— Почему он не поторопится?

Когда леди произнесла эти слова, мистер Джексон отошел от кареты, сделав предварительно какое-то замечание обтрепанному человеку в черных гамашах и с толстой ясеневой палкой, только что вышедшему из экипажа, и, закручивая при этом волосы под полями шляпы, направился к тому месту, где сидели леди.

— В чем дело? Что-нибудь случилось, мистер Джексон? — взволнованно осведомилась миссис Бардл.

— Решительно ничего, сударыня,— ответил мистер Джексон.— Как поживаете, леди? Я должен просить прощения за то, что вторгаюсь в вашу компанию, но закон, леди... закон.

Принеся извинения, мистер Джексон улыбнулся, отвесил общий поклон и снова закрутил волосы. Миссис Роджерс шепнула миссис Редль, что он очень элегантный молодой человек.

— Я зашел на Госуэлл-стрит,— продолжал Джексон,— и, узнав от служанки, что вы здесь, нанял карету и приехал. Нам нужно видеть вас в городе, миссис Бардл.

— Ах! — воскликнула эта леди, встрепенувшись от неожиданного сообщения.

— Да,— подтвердил Джексон, покусывая губы.— Это очень важное и срочное дело, не терпящее отлагательства. Именно так выразился Додсон, а также и Фогг. Я задержал карету, чтобы отвезти вас назад.

— Как странно! — удивилась миссис Бардл.

По мнению всех леди, это было действительно очень странно, но они единогласно пришли к тому заключению, что дело, должно быть, очень важное, иначе Додсон и Фогг не прислали бы за нею, и что дело это срочное, а посему следует немедленно ехать к Додсону и Фоггу.

Есть основания гордиться и важничать, когда тебя с такой чудовищной поспешностью вызывают твои адвокаты, и миссис Бардл испытывала некоторое удовольствие, главным образом потому, что это должно было повысить ей цену в глазах жилицы бельэтажа. Она как-то глупо улыбнулась, притворилась очень недовольной и колеблющейся и, наконец, пришла к тому заключению, что, кажется, нужно ехать.

— Не хотите ли освежиться после поездки, мистер Джексон? — предложила миссис Бардл.

— Право же, нельзя терять время,— ответил Джексон.— И я здесь с приятелем,— добавил он, посмотрев на человека с ясеневой палкой.

— Попросите своего приятеля пожаловать сюда, сэр,— сказала миссис Бардл.— Пожалуйста, пригласите своего приятеля.

— Благодарю вас, не стоит,— возразил мистер Джексон, слегка замявшись.— Он не привык к обществу леди и будет стесняться. Если вы прикажете лакею подать ему стаканчик чего-нибудь покрепче, вряд ли он откажется выпить — можете его испытать!

Мистер Джексон игриво покрутил пальцами вокруг носа, давая понять слушателям, что он говорит иронически.

Лакей был немедленно отправлен к застенчивому джентльмену, и застенчивый джентльмен выпил, мистер Джексон тоже выпил, и леди выпили — за компанию. Затем мистер Джексон объявил, что пора ехать, после чего миссис Сендерс, миссис Клаппинс и Томми (которые должны были сопровождать миссис Бардл, тогда как прочие остались на попечении мистера Редля) разместились в карете.

— Айзек,— сказал Джексон, когда миссис Бардл собиралась последовать за ними, и посмотрел на человека с ясеневой палкой, сидевшего на козлах и курившего сигару.

— Что?

— Это миссис Бардл.

— Я давным-давно догадался,— ответил тот.

Миссис Бардл влезла в карету, мистер Джексон влез вслед за ней, и они уехали. Миссис Бардл невольно призадумалась над тем, что сказал приятель мистера Джексона. Ну, и проницательный народ эти джентльмены законники! Господи помилуй, как они знают людей!

— Печальная история с издержками нашей фирмы, не правда ли? — сказал мистер Джексон, когда миссис Сендерс и миссис Клаппинс заснули.— Я имею в виду ваш счет.

— Очень жаль, что они не получили по счету,— отозвалась миссис Бардл.— Но если вы, господа юристы, ведете такие дела на свой риск, приходится, знаете ли, терпеть иногда убытки.

— Мне говорили, что после процесса вы выдали им обязательство на сумму издержек по вашему делу? — осведомился Джексон.

— Да. Пустая формальность,— ответила миссис Бардл.

— Разумеется,— сухо подтвердил Джексон.— Только пустая формальность.

Они продолжали путь, и миссис Бардл заснула. Спустя немного она проснулась, когда остановилась карета.

— Ах, боже мой! — воскликнула эта леди.— Мы уже приехали в Фрименс-Корт?

— Нам не нужно было ехать так далеко,— возразил Джексон.— Будьте добры, выходите.

Миссис Бардл, еще не успев хорошенько проснуться, повиновалась. Это было странное место: высокая стена, посередине ворота, за которыми был виден свет газового фонаря.

— Ну-с, леди! — крикнул человек с ясеневой палкой, заглядывая в карету и встряхивая миссис Сендерс, чтобы ее разбудить.— Пожалуйте!

Растормошив свою приятельницу, миссис Сендерс вышла из экипажа. Миссис Бардл, опираясь на руку Джексона и ведя Томми, уже вошла в ворота. Приятельницы последовали за ней.

Комната, в которой они очутились, показалась еще более странной. Сколько здесь толпилось мужчин! И как они таращили глаза!

Phiz del.

— Где мы? — останавливаясь, спросила миссис Бардл.

— В одном из наших общественных учреждений,— ответил Джексон, поспешно увлекая ее к двери и оглядываясь, чтобы узнать, следуют ли за ним остальные.— Смотрите в оба, Айзек.

— Будьте благонадежны,— отозвался человек с ясеневой палкой.

Дверь тяжело захлопнулась за ними, и они спустились с нескольких ступенек.

— Ну, вот мы и прибыли. Всё в порядке и все на месте, миссис Бардл! — воскликнул Джексон, с торжеством озираясь вокруг.

— Что это значит? — осведомилась миссис Бардл, у которой замерло сердце.

— Узнаете! — отвечал Джексон, отводя ее в сторону.— Не пугайтесь, миссис Бардл. Не бывало еще на свете человека более деликатного, чем Додсон, сударыня, и более гуманного, чем Фогг. С деловой точки зрения они обязаны были задержать вас в обеспечение своих издержек, но они хотели щадить по мере сил ваши чувства. Сколь утешительно будет для вас подумать о том, как это было сделано! Это Флит, сударыня. Желаю вам спокойной ночи, миссис Бардл. Спокойной ночи, Томми!

Когда Джексон убежал в сопровождении человека с ясеневой палкой, другой человек с ключом в руке, наблюдавший эту сцену, повел ошеломленную женщину ко второй короткой лестнице, ведущей к двери. Миссис Бардл пронзительно взвизгнула, Томми заревел, миссис Клаппинс съежилась, а миссис Сендерс молча обратилась в бегство, ибо перед ними стоял оклеветанный мистер Пиквик, совершавший вечернюю прогулку, и за ним — Сэмюел Уэллер, который при виде миссис Бардл насмешливо снял шляпу, в то время как его хозяин с негодованием повернулся на каблуках.

— Не надоедайте этой женщине,— сказал тюремщик Уэллеру,— она только что доставлена.

— Арестована! — воскликнул Сэм, быстро надевая шляпу.— Кто истец? По какому делу? Да говорите же, старина!

— Додсон и Фогг,— ответил тот.— Арестована на основании обязательства уплатить все их издержки.

— Джоб, сюда, Джоб! — кричал Сэм, бросаясь в коридор.— Бегите к мистеру Перкеру, Джоб! Он нужен *мне* немедленно. От этого нам будет прок. Вот так потеха! Ура! Где командир?

Но никакого ответа не последовало, ибо Джоб, получив поручение, мгновенно бросился бежать сломя голову, а миссис Бардл упала в обморок, на этот раз по-настоящему.

ГЛАВА XLVII

посвящена преимущественно деловым вопросам и временной победе Додсона и Фогга. Мистер Уинкль появляется вновь при необычайных обстоятельствах. Доброта мистера Пиквика одерживает верх над его упрямством

Джоб Троттер, не замедляя шага, мчался по Холборну то посреди мостовой, то по тротуару, то по водосточной канаве — в зависимости от того, где легче было проскользнуть среди мужчин, женщин, детей и экипажей, двигавшихся по этой улице; преодолевая все препятствия, он ни на секунду не останавливался, пока не добежал до ворот Грейз-Инна. Но, несмотря на развитую им скорость, он опоздал: ворота были заперты за полчаса до его прихода; а когда он отыскал прачку мистера Перкера, которая проживала с замужней дочерью, удостоившей своей руки приходящего лакея, обитавшего в каком-то доме на какой-то улице по соседству с каким-то пивоваренным заводом где-то за Грейз-Инн-лейном, осталось не больше четверти часа до закрытия тюрьмы на ночь. Затем пришлось извлекать мистера Лаутена из задней комнаты «Сороки и Пня». Едва Джоб успел справиться с этой задачей и передать поручение Сэма Уэллера, как пробило десять часов.

— Ну вот,— сказал Лаутен,— теперь уже слишком поздно. Вы не попадете сегодня в тюрьму. Придется вам ночевать на улице, приятель.

— Обо мне не беспокойтесь,— сказал Джоб.— Я могу спать где угодно. Но не лучше ли повидать мистера

Перкера сегодня, чтобы завтра утром отправиться первым делом в тюрьму?

— Ну, что ж,— подумав, отвечал Лаутен,— если бы речь шла о ком-нибудь другом, мистер Перкер был бы не в восторге, явись я к нему на дом, но раз это касается мистера Пиквика, я, пожалуй, могу нанять кэб за счет конторы.

Избрав такую линию поведения, мистер Лаутен надел шляпу и, попросив собравшуюся компанию выбрать заместителя председателя на время его отсутствия, отправился к ближайшей стоянке экипажей. Наняв наилучший кэб, он приказал ехать к Рассел-скверу, Монтегю-плейс.

У мистера Перкера был в этот день званый обед, о чем свидетельствовали освещенные окна гостиной, доносившиеся оттуда звуки настроенного большого рояля и не поддающегося настройке маленького голоса, а также одуряющий запах жаркого на лестнице и в вестибюле. Дело в том, что два превосходных провинциальных агентства приехали в город одновременно, и по этому случаю собралось приятное маленькое общество, в состав которого входили мистер Сникс, глава общества страхования жизни, мистер Прози, известный адвокат, три поверенных, один уполномоченный конкурсного управления по имуществу каких-то банкротов, юрист из Темпля, его ученик — самоуверенный молодой джентльмен с маленькими глазками, написавший увлекательную книжку о праве передачи имущества с великим множеством примечаний и сносок, и еще несколько именитых и важных особ. От этой-то высокопросвещенной компании и оторвался маленький Перкер, когда ему шепотом доложили о приходе его клерка.

В столовой он застал мистера Лаутена и Джоба Троттера, казавшихся очень тусклыми и призрачными при свете кухонной свечи, которую поставил на стол джентльмен, снизошедший до того, чтобы появляться в коротких плюшевых штанах и бумажных чулках, за жалованье, выплачиваемое по третям, и соответственно своему положению презиравший клерка и все, что имело отношение к «конторам».

— Ну, Лаутен, что случилось? — сказал маленький мистер Перкер, закрывая дверь.— Получено какое-нибудь важное письмо?

— Нет, сэр,— ответил Лаутен.— Вот посланный от мистера Пиквика, сэр.

— От мистера Пиквика? — переспросил маленький человек, быстро поворачиваясь к Джобу.— В чем дело?

— Додсон и Фогг засадили миссис Бардл за неуплату судебных издержек,— сообщил Джоб.

— Не может быть! — воскликнул Перкер, засовывая руки в карманы и прислоняясь к буфету.

— Верно,— подтвердил Джоб.— Кажется, они выудили у нее сейчас же после суда обязательство уплатить все их издержки.

— Здорово! — заявил Перкер, вынимая руки из карманов и выразительно постукивая суставами правой руки по ладони левой.— Самые хитрые мерзавцы, с какими я когда-либо имел дело.

— Умнейшие дельцы, каких я только знаю, сэр,— заметил Лаутен.

— Умнейшие! — подтвердил Перкер.— Не знаешь, куда нырнут.

— Совершенно верно, сэр, не знаешь,— согласился Лаутен.

Засим оба — и патрон и клерк — погрузились на несколько секунд в размышления, и лица у них были такие оживленные, словно дело касалось какого-нибудь прекрасного и гениального открытия в умозрительной сфере. Когда они несколько оправились от восторженного транса, Джоб Троттер изложил вторую половину данного ему поручения. Перкер задумчиво кивнул головой и достал часы.

— Ровно в десять я буду там,— сказал маленький человек.— Сэм совершенно прав. Так и передайте ему. Не хотите ли стакан вина, Лаутен?

— Нет, благодарю, сэр.

— Кажется, вы хотели сказать «да»,— возразил маленький человек, доставая из буфета графин и стаканы.

Так как Лаутен действительно хотел сказать «да», то больше он ничего по этому поводу не говорил и, обратившись к Джобу, спросил театральным шепотом, не отличается ли портрет Перкера, висевший против камина, поразительным сходством с оригиналом, на что Джоб, конечно, ответил утвердительно. Стаканы были наполнены,

Лаутен выпил за здоровье миссис Перкер и деток, а Джоб — за здоровье Перкера. Джентльмен в коротких плюшевых штанах и бумажных чулках, считая, что в его обязанности отнюдь не входит провожать людей, приходящих из конторы, упорно не являлся на звонок, и они обошлись без провожатого. Поверенный направился к своим гостям, клерк — в «Сороку и Пень», а Джоб — на Ковент-Гарденский рынок, несомненно с целью переночевать в какой-нибудь корзине из-под овощей.

На следующее утро, ровно в назначенный час, добродушный маленький поверенный постучался в дверь к мистеру Пиквику, которую Сэм Уэллер тотчас поспешно распахнул перед ним.

— Мистер Перкер, сэр,— сказал Сэм, докладывая о посетителе мистеру Пиквику, сидевшему в задумчивой позе у окна.— Очень рад, что вы случайно заглянули к нам, сэр. Кажется, хозяин хочет кое о чем с вами поговорить, сэр.

Перкер бросил многозначительный взгляд на Сэма, давая понять, что не заикнется о вызове, и, поманив его к себе, шепнул ему что-то на ухо.

— Может ли это быть, сэр? — воскликнул Сэм, попятившись от изумления.

Перкер кивнул и улыбнулся.

Мистер Сэмюел Уэллер посмотрел на маленького адвоката, потом снова на мистера Пиквика, потом на потолок, потом снова на Перкера, ухмыльнулся, расхохотался и, наконец, схватив свою шляпу, лежавшую на ковре, исчез без лишних слов.

— Что это значит? — осведомился мистер Пиквик, глядя с удивлением на Перкера.— Почему Сэм пришел в такое необычайное состояние?

— Ничего, ничего! — отозвался Перкер.— Итак, уважаемый сэр, придвиньте кресло к столу. Я должен сообщить вам кое-что.

— Что это за бумаги? — полюбопытствовал мистер Пиквик, когда маленький поверенный положил пачку документов, перевязанных красной тесьмой.

— Бумаги по делу Бардл — Пиквик,— ответил Перкер, развязывая узелок зубами.

Мистер Пиквик с шумом отодвинул кресло и, откинувшись на спинку, скрестил на груди руки и посмотрел сурово — насколько мистер Пиквик мог смотреть сурово — на своего приятеля юриста.

— Вам неприятно слышать об этом деле? — спросил Перкер, все еще распутывая узелок.

— Да, неприятно,— заявил мистер Пиквик.

— Очень печально,— продолжал Перкер,— ибо оно послужит предметом нашего разговора.

— Я бы хотел, Перкер, чтобы об этом предмете никогда не было между нами речи,— с живостью перебил мистер Пиквик.

— Ну, что вы, что вы, уважаемый сэр! — сказал маленький поверенный, развязывая сверток и искоса бросая зоркий взгляд на мистера Пиквика.— О нем-то и пойдет речь. С этой целью я пришел сюда. Ну-с, готовы вы слушать то, что я имею сказать, уважаемый сэр? Дело не к спеху, если не готовы — я могу подождать. Я захватил с собой утреннюю газету. Можете располагать моим временем. Я к вашим услугам.

С этими словами маленький поверенный положил ногу на ногу и сделал вид, будто принялся за чтение с великим спокойствием и вниманием.

— Ну хорошо,— сказал мистер Пиквик, вздыхая, но в то же время расплываясь в улыбку.— Говорите то, что хотели сказать. Должно быть, старая история?

— С некоторыми изменениями, уважаемый сэр, с некоторыми изменениями,— возразил Перкер, спокойно сложив газету и снова спрятав ее в карман.— Миссис Бардл, истица по нашему делу, находится в этих стенах, сэр.

— Я это знаю,— произнес мистер Пиквик.

— Отлично,— сказал Перкер.— И, вероятно, вам известно, как она сюда попала, то есть на каком основании?

— Да. Во всяком случае, я слышал доклад Сэма,— отозвался мистер Пиквик с напускным равнодушием.

— Смею сказать, что доклад Сэма был совершенно правильный,— заметил Перкер.— Теперь, уважаемый сэр, я вам задам первый вопрос: останется эта женщина здесь?

— Останется ли здесь? — повторил мистер Пиквик.

— Останется ли здесь, уважаемый сэр? — подтвердил

Перкер, откидываясь на спинку стула и пристально глядя на своего клиента.

— Почему вы мне задаете такой вопрос? — сказал сей джентльмен.— Все зависит от Додсона и Фогга, вы это прекрасно знаете.

— Этого я отнюдь не знаю,— решительно возразил Перкер.— Это не зависит от Додсона и Фогга: вы знаете их обоих не хуже, чем я, уважаемый сэр. Это зависит полностью, всецело и исключительно от вас.

— От меня? — воскликнул мистер Пиквик, нервически привстав с кресла и тотчас же усевшись снова.

Маленький поверенный дважды щелкнул по крышке своей табакерки, открыл ее, взял солидную понюшку, закрыл табакерку и повторил:

— От вас. Я говорю, уважаемый сэр,— сказал маленький поверенный, которому понюшка как будто придала решимости,— я говорю, что скорое ее освобождение или пожизненное заключение зависит от вас, и только от вас. Выслушайте меня, пожалуйста, уважаемый сэр, и не расходуйте столько энергии, потому что пользы от этого никакой нет и вы только вспотеете. Я говорю,— продолжал Перкер, отсчитывая свои доводы по пальцам,— я говорю, что никто, кроме вас, не может освободить ее из этого гнусного притона, и только вы можете это сделать, уплатив судебные издержки — и за истца и за ответчика — этим акулам из Фрименс-Корта. Будьте добры, не волнуйтесь, уважаемый сэр!

Во время этой речи мистер Пиквик самым изумительным образом менялся в лице и, казалось, готов был взорваться от негодования, но по мере сил обуздывал свой гнев. Перкер, подкрепив свои ораторские способности новой понюшкой табаку, продолжал:

— Я видел эту женщину сегодня утром. Уплатив судебные издержки, вы можете полностью освободить себя от уплаты вознаграждения за убытки, и далее — знаю, уважаемый сэр, для вас это имеет гораздо большее значение — вы получаете добровольное, за ее подписью, показание в форме письма ко мне, что с самого начала это дело было затеяно, раздуто и проведено этими субъектами Додсоном и Фоггом, что она глубоко сожалеет о причиненном вам беспокойстве и взведенной на

вас клевете и просит меня ходатайствовать перед вами и вымолить у вас прощение.

— Если я заплачу за нее издержки! — с негодованием воскликнул мистер Пиквик.— Нечего сказать, ценный документ!

— В данном случае нет никаких «если», уважаемый сэр,— с торжеством заявил Перкер.— Вот то самое письмо, о котором я говорю. Какая-то женщина принесла его мне в контору сегодня в девять часов — клянусь честью, раньше, чем я пришел сюда или имел возможность переговорить с миссис Бардл.

Отыскав письмо в пачке бумаг, маленький законовед положил его перед мистером Пиквиком и в продолжение двух минут угощался табаком, даже глазом не моргнув.

— Это все, что вы имеете мне сказать? — спокойно осведомился мистер Пиквик.

— Не совсем,— возразил Перкер.— В данный момент я не берусь утверждать, что текст признания издержек, природа подразумеваемого основания сделки и доказательства, какие нам удастся собрать об обстоятельствах этого дела, покажут наличие сговора. Боюсь, что нет, уважаемый сэр, мне кажется, они слишком хитры для этого. Однако я утверждаю, что всех этих фактов, вместе взятых, будет вполне достаточно, чтобы оправдать вас в глазах здравомыслящих людей. А теперь, уважаемый сэр, рассудите сами. Эти сто пятьдесят фунтов или сколько бы там ни было — возьмем круглую цифру — для вас ничто. Присяжные решили не в вашу пользу. Их приговор несправедлив — не спорю, но, вынося его, они считали, что судят по совести, и обвинили вас. Сейчас вам представляется случай без труда занять весьма выгодную позицию, какой вы никогда не займете, оставаясь здесь, ибо, останься вы здесь, люди, вас знающие, припишут это тупому, злостному, жестокому упрямству — поверьте мне, уважаемый сэр. Как можете вы колебаться, когда речь идет о том, чтобы вернуться к вашим друзьям, вашим прежним занятиям и развлечениям, позаботиться о здоровье, а также освободить верного и преданного слугу, которого вы в противном случае обрекаете на пожизненное заключение, и — что важнее всего — вы получаете возможность отомстить

великодушно,— знаю, уважаемый сэр, такая месть вам по душе,— отомстить, избавив женщину от зрелища нищеты и разврата, на которое, будь моя воля, не обрекали бы и мужчин, а такая кара является для женщины еще более страшной и варварской. Теперь я вас спрашиваю, уважаемый сэр, не только как ваш поверенный, но как преданный друг: неужели вы упустите случай достигнуть всех этих целей и сделать столько добра? Неужели вас остановит мысль, что эти жалкие несколько десятков фунтов перейдут в карманы двух негодяев, для которых эта сумма может сыграть одну только роль: чем больше они заработают, тем большего будут домогаться и, стало быть, тем скорее совершат какую-нибудь мошенническую проделку, которая неизбежно приведет к катастрофе. Я представил вам эти доводы, уважаемый сэр, очень туманно и неискусно, но тем не менее я вас прошу обсудить их. Подумайте и, пожалуйста, не спешите. Я буду терпеливо ждать вашего ответа.

Не успел мистер Пиквик ответить, не успел Перкер угоститься одной двадцатой той понюшки, какую настоятельно требовала столь пространная речь, как в коридоре послышались тихие голоса, а затем нерешительный стук в дверь.

— Ах, боже мой! — воскликнул мистер Пиквик, который был явно возбужден речью своего друга.— Как раздражают эти стуки! Кто там?

— Я, сэр! — откликнулся Сэм Уэллер, заглядывая в дверь.

— Сейчас мне некогда разговаривать с вами, Сэм,— сказал мистер Пиквик.— Я занят, Сэм.

— Прошу прощенья, сэр,— возразил мистер Уэллер,— но тут одна леди, сэр, говорит, что должна сообщить что-то очень важное.

— Я не могу принять никакой леди,— заявил мистер Пиквик, перед которым встал образ миссис Бардл.

— Не очень-то я в этом уверен, сэр,— настаивал мистер Уэллер, покачивая головой.— Знай вы, кто тут находится поблизости, сэр, я думаю, вы запели бы другую песенку, как сказал, посмеиваясь, ястреб, услышав, как малиновка распевает за углом.

— Кто же это? — осведомился мистер Пиквик.

— Угодно вам принять ее, сэр? — спросил мистер Уэллер, придерживая дверь рукой, словно за этой дверью скрывалось какое-то диковинное животное.

— Пожалуй, придется принять,— сказал мистер Пиквик, посматривая на Перкера.

— Ну, значит, все — на сцену, начинается! — крикнул Сэм.— Гонг! Занавес поднимается, входят два заговорщика.

С этими словами Сэм Уэллер распахнул дверь, и в комнату стремительно ворвался мистер Натэниел Уинкль, ведя за руку ту самую молодую леди, которая в бытность свою в Дингли Делле носила сапожки, опушенные мехом,

а сейчас, очаровательно раскрасневшаяся и смущенная, в лиловом шелке, изящной шляпе и нарядном кружевном вуале была прелестнее, чем когда бы то ни было.

— Мисс Арабелла Эллен! — воскликнул мистер Пиквик, вставая с кресла.

— Нет! — отвечал мистер Уинкль, падая на колени.— Это миссис Уинкль! Простите, дорогой друг, простите!

Мистер Пиквик глазам своим не верил и, быть может, так и не поверил бы, если бы их свидетельство не подтверждалось улыбающейся физиономией Перкера и присутствием на заднем плане Сэма с хорошенькой горничной, которые, казалось, созерцали эту сцену с живейшим удовольствием.

— О мистер Пиквик! — тихим голосом сказала Арабелла, как будто встревоженная его молчанием.— Можете ли вы простить мой опрометчивый поступок?

Мистер Пиквик не дал никакого словесного ответа на эту мольбу, но с большой поспешностью снял очки и, взяв молодую леди за обе руки, поцеловал ее много раз — больше, пожалуй, чем было необходимо, а затем, все еще удерживая одну ее руку в своей, назвал мистера Уинкля дерзким сорванцом и предложил ему встать. Мистер Уинкль, который вот уже несколько секунд сокрушенно тер себе нос полями своей шляпы, повиновался, после чего мистер Пиквик похлопал его по спине и горячо пожал руку Перкеру. Тот, дабы не запоздать с поздравлениями, приветствовал от всего сердца и новобрачную и хорошенькую горничную, дружески пожал руку мистеру Уинклю и закончил изъявления своей радости понюшкой, от которой расчихались бы на всю жизнь полдюжины человек с заурядными носами.

— Дорогая моя,— начал мистер Пиквик,— как же это произошло? Присаживайтесь и расскажите мне все. Какая она хорошенькая, не правда ли, Перкер? — добавил мистер Пиквик, с такой гордостью и восхищением всматриваясь в лицо Арабеллы, словно она была его дочерью.

— Очаровательна, уважаемый сэр! — отвечал маленький поверенный.— Не будь я женат, я бы мог позавидовать вам, счастливчик.

Сделав такое заявление, маленький законовед ткнул мистера Уинкля пальцем в грудь, сей джентльмен ответил тем же, и оба расхохотались очень громко, хотя и не так громко, как мистер Сэмюел Уэллер, который только что успокоил свои чувства, поцеловал миловидную горничную под прикрытием дверцы шкафа.

— Не знаю, как благодарить вас, Сэм,— сказала Арабелла с обворожительнейшей улыбкой.— Я никогда не забуду услуг, которые вы нам оказали в саду в Клифтоне.

— Не стоит говорить об этом, сударыня,— отвечал Сэм.— Я только помогал природе, сударыня, как сказал доктор матери одного мальчика, которого уморил кровопусканием.

— Мэри, милая, присядьте,— сказал мистер Пиквик, прерывая обмен любезностями.— Ну, теперь рассказывайте, давно вы сочетались браком?

Арабелла застенчиво посмотрела на своего господина и повелителя, а тот ответил:

— Всего три дня.

— Всего три дня? — повторил мистер Пиквик.— Да что же вы делали целых три месяца?

— Совершенно верно! — подхватил Перкер.— Ну-ка, чем вы объясните такую проволочку? Видите, Пиквик удивляется только тому, что это не случилось давным-давно.

— Дело вот в чем,— начал мистер Уинкль, посматривая на свою зардевшуюся молодую жену,— я долго не мог уговорить Беллу бежать со мной. А когда я ее уговорил, пришлось долго ждать удобного случая. Мэри должна была предупредить за месяц о своем уходе семейство, где она служила по соседству, а без ее помощи мы никак не могли обойтись.

— Честное слово, вы действовали как будто по плану! — воскликнул мистер Пиквик, который к тому времени надел очки и переводил взгляд с Арабеллы на Уинкля, а с Уинкля на Арабеллу, причем на его физиономии отражалась такая радость, какую может почувствовать только добрый и сердечный человек.— А ваш брат знает о свершившемся факте, моя дорогая?

— О нет! — отвечала Арабелла, меняясь в лице.— Милый мистер Пиквик, он должен узнать об этом только от вас, только из ваших уст. Он так вспыльчив, так предубежден и... и так хлопотал за своего друга, мистера Сойера,— потупившись, добавила Арабелла,— что я ужасно боюсь последствий.

— Да, это верно,— серьезно заметил Перкер.— Ради них вы должны уладить это дело, уважаемый сэр. К вам молодые люди отнесутся с почтением, тогда как никого другого не станут слушать. Вы должны предотвратить несчастье, уважаемый сэр. Горячая кровь, горячая кровь.

И маленький законовед подкрепил свое предостережение новой понюшкой и опасливо покачал головой.

— Вы забываете, моя милочка, что я под арестом,— мягко сказал мистер Пиквик.

— Нет, об этом я всегда помню, дорогой сэр,— возразила Арабелла.— Я этого никогда не забывала. Я постоянно думала о том, как вы должны страдать в таком ужасном месте. Но я надеялась, что забота о нашем счастье побудит вас сделать то, чего бы вы никогда не сделали ради самого себя. Если мой брат узнает об этом от вас, я не сомневаюсь, что мы с ним помиримся. Он единственный в мире близкий мне родственник, мистер Пиквик, и если вы за меня не заступитесь, я могу его потерять. Я поступила нехорошо, очень, очень нехорошо, я это знаю!

Бедная Арабелла закрыла лицо носовым платком и горько расплакалась.

На мистера Пиквика сильно подействовали эти слезы, а когда миссис Уинкль вытерла глаза и принялась умолять его и улещивать самым нежным тоном, он пришел в сильнейшее волнение и, явно не зная, как поступить, начал нервически потирать очки, нос, штаны, голову и гетры.

Воспользовавшись этими симптомами нерешительности, мистер Перкер (к которому, как выяснилось, молодая чета заезжала утром) начал доказывать с юридической точностью и проницательностью, что мистер Уинкль-старший до сих пор не знает о том важном шаге, какой сделал его сын на жизненной стезе; что будущность вы-

шеупомянутого сына зависит всецело от того, чтобы вышеупомянутый Уинкль-старший продолжал относиться к нему с прежней любовью и симпатией, а это весьма сомнительно, если от него будут скрывать великое событие; что мистер Пиквик, отправляясь в Бристоль на свидание с мистером Элленом, мог бы с таким же основанием отправиться в Бирмингем к мистеру Уинклю-старшему и, наконец, что мистер Уинкль-старший имеет все права и основания считать мистера Пиквика как бы опекуном и наставником своего сына, и, стало быть, долг и обязанность мистера Пиквика — познакомить вышеупомянутого Уинкля-старшего при личном свидании со всеми обстоятельствами дела и с тою ролью, какую он сам сыграл.

Мистер Тапмен и мистер Снодграсс явились весьма кстати на этой стадии увещаний, и так как необходимо было объяснить им все происходящее вместе с различными доводами за и против, то все рассуждения были повторены с начала до конца, после чего каждый из присутствующих начал развивать каждый довод по-своему и на свой лад. Наконец, мистер Пиквик, который от доводов и увещаний растерял все свои решения и подвергался неминуемой опасности потерять рассудок, заключил Арабеллу в объятия и заявил, что она — очаровательное создание, что он полюбил ее с первого взгляда, что у него не хватит духу препятствовать счастью молодых людей и они могут делать с ним все, что им угодно.

Услыхав об этой уступке, мистер Уэллер первым делом направил Джоба Троттера к блистательному мистеру Пеллу с просьбой выдать посланному заверенную расписку об уплате долга, которую его осторожный родитель предусмотрительно оставил у этого ученого джентльмена на случай, если она вдруг понадобится. Вслед за сим он незамедлительно вложил весь свой наличный капитал в приобретение двадцати пяти галлонов легкого портера, который он самолично распределил во дворе между всеми желающими. Покончив с этим, он стал кричать «ура» во всех отделениях тюрьмы и кричал, пока не охрип, но затем постепенно обрел свое привычное спокойствие и философическое расположение духа.

В три часа дня мистер Пиквик в последний раз окинул взглядом свою маленькую камеру и начал пробираться сквозь толпу должников, которые теснились вокруг, стараясь пожать ему руку, и провожали его до привратницкой. Здесь он остановился, чтобы обозреть окруживших его, и лицо его просияло: в этой толпе бледных, изнуренных людей не было ни одного человека, чьей участи не облегчил бы он своим сочувствием и помощью.

— Перкер, вот это мистер Джингль, о котором я вам говорил,— сказал мистер Пиквик, поманив из толпы молодого человека.

— Прекрасно, уважаемый сэр,— отозвался Перкер, пристально всматриваясь в Джингля.— Завтра мы с вами увидимся, молодой человек. Надеюсь, вы запомните и оцените то, что я имею вам сообщить, сэр.

Джингль почтительно поклонился, задрожал, пожимая протянутую руку мистера Пиквика, и удалился.

— Джоба вы, кажется, знаете? — осведомился мистер Пиквик, представляя этого джентльмена Перкеру.

— Знаю мошенника! — добродушно отозвался Перкер.— Позаботьтесь о своем друге и будьте готовы завтра в час, слышите? Ну-с, остались еще какие-нибудь дела?

— Никаких,— сказал мистер Пиквик.— Сэм, вы передали вашему старому сожителю маленький сверток, который я вам оставил?

— Передал, сэр,— отвечал Сэм.— Он расплакался, сэр, говорит о том, какой вы добрый и щедрый, и жалеет только, что вы не могли привить ему скоротечную чахотку, потому что его старый друг, который так долго здесь жил, теперь помер и ему негде искать другого.

— Бедняга! — вздохнул мистер Пиквик.— Да благословит вас бог, друзья мои!

Когда мистер Пиквик произнес эти прощальные слова, толпа разразилась громкими криками. Многие проталкивались вперед, чтобы еще раз пожать ему руку. Потом он взял под руку Перкера и поспешно вышел из тюрьмы; в этот момент он был гораздо пасмурнее и меланхоличнее, чем в тот день, когда впервые вступил в нее. Увы, сколько страждущих и несчастных оставалось в ее стенах!

Счастливый выдался вечер, по крайней мере для одной компании в «Джордже и Ястребе», и веселы и беззаботны были два человека, вышедшие на следующее утро из гостеприимной гостиницы. Эти двое были мистер Пиквик и Сэм Уэллер. Первого быстро усадили в удобную дорожную карету с маленьким сиденьем сзади, на которое проворно взобрался второй.

— Сэр! — окликнул мистер Уэллер своего хозяина.

— Что, Сэм? — отозвался мистер Пиквик, высовываясь из окна.

— Хотел бы я, сэр, чтобы эти лошади три с лишним месяца просидели во Флите.

— Зачем же, Сэм? — полюбопытствовал мистер Пиквик.

— А как же, сэр! — воскликнул мистер Уэллер, потирая руки.— Ну уж и помчались бы они теперь!

ГЛАВА XLVIII,

повествующая о том, как мистер Пиквик с помощью Сэмюела Уэллера пытался смягчить сердце мистера Бенджемина Эллена и укротить гнев мистера Роберта Сойера

Мистер Бен Эллен и мистер Боб Сойер сидели в маленьком кабинете за аптекой, занимаясь рубленой телятиной и видами на будущее, и, наконец, их разговор коснулся практики вышеупомянутого Боба и имеющихся у него шансов добиться независимого положения с помощью почтенной профессии, которой он себя посвятил.

— И мне кажется,— заметил мистер Боб Сойер, обсуждая предмет беседы,— мне кажется, Бен, что они довольно-таки сомнительны!

— Что сомнительно? — осведомился мистер Бен Эллен, прочищая свои мозги солидным глотком пива.— Что сомнительно?

— Да мои шансы,— ответил мистер Боб Сойер.

— А я и забыл о них,— сказал мистер Бен Эллен.— Пиво мне напомнило об этом, Боб. Да, что и говорить, они сомнительны.

— Удивительно, как обо мне пекутся бедняки,— задумчиво продолжал мистер Боб Сойер.— Они стучатся ко мне во все часы ночи; лекарства принимают в невероятном количестве; мушки и пиявки они ставят с упорством, достойным лучшего применения; прибавления семейства поистине устрашающие. Шесть вызовов в один и тот же день, Бен, и все обращаются ко мне!

— Это чрезвычайно приятно,— изрек мистер Бен Эллен, пододвигая тарелку к рубленой телятине.

— О, чрезвычайно! — отозвался Боб.— Но было бы еще приятнее, если бы мне доверяли пациенты, которые могут уделить один-два шиллинга. Эта лавочка была превосходно изображена в объявлении, Бен: практика, обширная практика — и больше ничего.

— Боб! — сказал мистер Бен Эллен, опуская нож и вилку и устремляя взор на своего друга.— Боб, я вам скажу, что надо делать.

— А что? — полюбопытствовал мистер Боб Сойер.

— Вы должны как можно скорее сделаться обладателем тысячи фунтов Арабеллы.

— Трехпроцентные консоли, занесенные на ее имя в книгах Управляющего и Компании Английского банка,— добавил Боб Сойер, обращаясь к юридической терминологии.

— Вот именно,— подтвердил Бен.— Она получит этот капитал, как только достигнет совершеннолетия или выйдет замуж. До совершеннолетия ей остается год, а если вы смело возьметесь за дело — не пройдет и месяца, как она будет замужем.

— Она — очаровательное, прелестное созданье,— отчеканил мистер Роберт Сойер.— Насколько мне известно, у нее есть один только недостаток. К сожалению, этим единственным недостатком является отсутствие вкуса. Я ей не нравлюсь, Бен.

— По-моему, она сама не знает, что ей нравится,— презрительно заметил мистер Бен Эллен.

— Возможно,— согласился мистер Боб Сойер.— Но, по-моему, она знает, что ей не нравится, а это куда важнее.

— Хотел бы я знать,— начал мистер Бен Эллен, сжимая зубы и напоминая скорее дикаря, пожирающего сы-

рое волчье мясо, которое он разрывает руками, чем миролюбивого молодого джентльмена, приступающего с ножом и вилкой к рубленой телятине,— хотел бы я знать, не замешался ли тут какой-нибудь негодяй и не добивается ли он ее расположения. Мне кажется, я бы его убил, Боб!

— Я бы всадил в него пулю, попадись он мне только! — добавил мистер Сойер, прихлебывая пиво и злобно выглядывая из-за кружки.— А если бы это на него не подействовало, я бы ее извлек так, чтобы он умер при операции.

Мистер Бенджемин Эллен молча и задумчиво созерцал своего друга в течение нескольких минут и затем спросил:

— Боб, вы никогда не делали ей предложения?

— Нет. Видел, что все равно никакого толку не будет,— ответил мистер Роберт Сойер.

— Вы его сделаете не позже, чем через двадцать четыре часа,— объявил Бен с убийственным хладнокровием.— Она его примет, или я узнаю причину отказа. Я воспользуюсь своим правом.

— Ладно,— сказал мистер Боб Сойер,— посмотрим.

— Да, посмотрим, мой друг! — грозно ответил мистер Бен Эллен. Он помолчал, потом снова заговорил голосом, прерывающимся от волнения: — Мой друг, вы с детства ее любили. Любили, когда мы вместе ходили в школу, и уже тогда она капризничала и оскорбляла ваше юное чувство. Помните, как вы в порыве детской любви просили ее принять два маленьких бисквита с тмином и сладкое яблоко — круглый пакетик, аккуратно завернутый в листок из тетради?

— Помню,— отозвался Боб Сойер.

— Кажется, она это отвергла? — спросил Бен Эллен.

— Отвергла! — подтвердил Боб.— Она сказала, что я очень долго таскал сверток в кармане штанов и яблоко согрелось, а это неприятно.

— Припоминаю,— мрачно сказал мистер Эллен.— После этого мы сами его съели, откусывая по очереди.

Боб Сойер меланхолически нахмурился, давая понять, что не забыл этого последнего обстоятельства, и оба друга на время погрузились в размышления.

Пока происходила эта беседа между мистером Бобом Сойером и мистером Бенджемином Элленом и пока мальчик в серой ливрее, удивляясь, почему так затянулся обед, тревожно посматривал на стеклянную дверь, томимый мрачными предчувствиями относительно того количества телятины, которое в конце концов уцелеет для удовлетворения его аппетита,— по улицам Бристоля степенно катил собственный одноконный экипаж темно-зеленого цвета, влекомый откормленной бурой лошадью и управляемый хмурым человеком, который ниже пояса напоминал своим костюмом грума, а выше — кучера. Такого вида экипажи обычно принадлежат старым леди, склонным к экономии; и в этом экипаже действительно сидела старая леди, его хозяйка и владелица.

— Мартин! — крикнула из переднего окошка старая леди, обращаясь к хмурому человеку.

— Что прикажете? — отозвался хмурый человек, притронувшись к шляпе.

— К мистеру Сойеру,— сказала старая леди.

— Туда я и еду,— ответил хмурый человек.

Старая леди кивнула, очень довольная такой сообразительностью хмурого человека, а хмурый человек хлестнул бичом раскормленную лошадь, и они направились к мистеру Бобу Сойеру.

— Мартин! — сказала старая леди, когда экипаж остановился у двери мистера Роберта Сойера, пресмника Нокморфа.

— Что прикажете? — отозвался Мартин.

— Попросите мальчика выйти и присмотреть за лошадью.

— Я и сам за ней присмотрю,— сказал Мартин, положив свой бич на крышу экипажа.

— Я этого никак не могу разрешить,— возразила старая леди.— Ваши показания совершенно необходимы, и вы должны войти в дом вместе со мной. Вы ни на шаг не должны отходить от меня, пока я буду разговаривать. Слышите?

— Слышу,— отозвался Мартин.

— Ну, так о чем же вы думаете?

— Ни о чем,— ответил Мартин.

С этими словами хмурый человек спустился с колеса, на котором стоял на пальцах правой ноги, окликнул мальчика в серой ливрее, распахнул дверцу экипажа, откинул подножку и, просунув руку в темной замшевой перчатке, вытащил старую леди с такой бесцеремонностью, словно это была картонка для шляпы.

— Ах, боже мой, Мартин! — воскликнула старая леди.— Теперь, когда мы здесь, я так волнуюсь, что вся дрожу.

Мистер Мартин кашлянул, прикрывшись темной замшевой перчаткой, но не выразил никакого сочувствия. Старая леди, успокоившись, засеменила к двери мистера Боба Сойера, а мистер Мартин последовал за ней.

Как только старая леди вошла в аптеку, мистер Бенджемин Эллен и мистер Боб Сойер, которые поспешили спрятать виски и воду и разлить вонючее лекарство, чтобы заглушить запах табачного дыма, бросились к ней навстречу с изъявлениями радости и любви.

— Дорогая тетушка! — воскликнул мистер Бен Эллен.— Как мило с вашей стороны, что вы заглянули к нам! Мистер Сойер, тетушка; мой друг мистер Боб Сойер, о котором я вам говорил по поводу... вы знаете, тетушка, по какому поводу.

Тут мистер Бен Эллен, бывший в данный момент не слишком трезвым, добавил одно слово: «Арабелла», воображая, будто говорит шепотом, но этот шепот был таким громким и таким внятным, что при всем желании невозможно было его не расслышать.

— Милый Бенджемин...— сказала старая леди, стараясь отдышаться и дрожа с головы до пят.— Не пугайтесь, мой милый, но я хотела бы поговорить минуту наедине с мистером Сойером. Только одну минуту.

— Боб,— сказал мистер Бен Эллен,— не проводите ли вы мою тетушку в кабинет?

— Разумеется,— отвечал Боб профессиональным тоном.— Пожалуйте сюда, сударыня. Не волнуйтесь, сударыня. В самый короткий срок мы все приведем в порядок, нимало в этом не сомневаюсь. Ну-с, сударыня, я вас слушаю.

С этими словами мистер Боб Сойер, усадив старую леди в кресло, закрыл дверь, придвинул свой стул к

креслу и приготовился слушать о симптомах недуга, из которого надеялся извлечь великие выгоды и доходы.

Первым делом старая леди начала качать головой и плакать.

— Нервы! — снисходительно заметил Боб Сойер.— Камфара три раза в день и успокоительное на ночь.

— Не знаю, как начать, мистер Сойер,— сказала старая леди.— Это так мучительно, так ужасно.

— Незачем начинать, сударыня,— возразил мистер Боб Сойер.— Я заранее знаю все, что вы скажете. С головой делается что-то неладное.

— Мне очень грустно было бы думать, что с сердцем неладно,— слабо простонав, проговорила старая леди.

— О, с этой стороны опасность вам не грозит, сударыня,— отвечал Боб Сойер.— Желудок — вот первопричина.

— Мистер Сойер! — вздрогнув, воскликнула старая леди.

— Никаких сомнений быть не может, сударыня,— продолжал Боб с глубокомысленной миной.— Своевременно принятое лекарство могло бы все это предотвратить.

— Мистер Сойер,— сказала старая леди, волнуясь еще сильнее, чем раньше,— либо ваше поведение — величайшая дерзость по отношению к человеку, очутившемуся в таком положении, как я, либо оно вызвано непониманием цели моего визита. Если бы какие-нибудь лекарства или предусмотрительность могли предотвратить то, что произошло, я не преминула бы ими воспользоваться. Поговорю-ка я лучше с племянником,— добавила старая леди, с негодованием теребя свой ридикюль и приподнимаясь с кресла.

— Подождите минутку, сударыня! — сказал Боб Сойер.— Боюсь, что вас не понял. Что случилось, сударыня?

— Моя племянница, мистер Сойер,— ответила старая леди,— сестра вашего друга...

— Ну, а дальше, сударыня? — нетерпеливо понукал Боб, ибо хотя старая леди и была очень взволнована, но говорила с мучительной медлительностью, подобно многим старым леди.— Ну, а дальше что?

— Три дня назад она покинула мой дом, мистер Сойер, под предлогом навестить мою сестру, другую свою тетку, которая держит большой пансион как раз за третьим придорожным столбом, там, где большая ракита и дубовые ворота,— сказала старая леди, делая паузу, чтобы вытереть слезы.

— К черту ракиту, сударыня! — воскликнул Боб, забыв от волнения о своем профессиональном достоинстве.— Говорите скорее! Подбавьте пару, сударыня, прошу вас!

— Сегодня утром,— медленно произнесла старая леди,— сегодня утром она...

— Должно быть, вернулась домой, сударыня,— с живостью подсказал Боб.— Она вернулась?

— Нет, не вернулась. Она прислала письмо,— возразила старая леди.

— Что же она пишет? — нетерпеливо спросил Боб.

— Она пишет, мистер Сойер,— отвечала старая леди,— и я как раз хочу, чтобы вы подготовили к этому Бенджемина осторожно и постепенно... она пишет, что... письмо у меня в кармане, мистер Сойер, но очки остались в экипаже, а без них мы только время потеряем, если я буду отыскивать для вас это место... короче говоря, мистер Сойер, она пишет, что вышла замуж...

— Что?! — сказал, или, вернее, завопил мистер Боб Сойер.

— Вышла замуж,— повторила старая леди.

Мистер Боб Сойер не слушал дальше. Выбежав из кабинета в лавку, он заорал зычным голосом:

— Бен, дружище, она сбежала!

Едва мистер Бен Эллен, дремавший за прилавком, свесив голову примерно на полфута ниже колен, услыхал эту потрясающую новость, как набросился на мистера Мартина и, вцепившись рукой в горло этому молчаливому слуге, выразил намерение тут же его задушить. С быстротой, продиктованной отчаянием, он начал приводить это намерение в исполнение, проявляя большую энергию и хирургическую сноровку.

Мистер Мартин, человек немногословный и обладающий весьма незначительным даром красноречия, в течение нескольких секунд переносил эту операцию с очень

спокойным и любезным выражением лица; убедившись, однако, что она в недалеком будущем грозит лишить его на вечные времена возможности притязать на какое бы то ни было жалование, харчи и прочее, он нечленораздельным бормотанием выразил свой протест и повалил мистера Бена Эллена на пол. Так как этот джентльмен уцепился руками за его шарф, то мистеру Мартину ничего не оставалось, как последовать за ним. Оба барахтались на полу, как вдруг дверь распахнулась настежь и появились еще двое нежданных-негаданных гостей, а именно мистер Пиквик и мистер Сэмюел Уэллер.

При виде разыгравшейся сцены мистер Уэллер тотчас вообразил, будто мистер Мартин нанят заведением Сойера, преемника Нокморфа, и должен принимать сильно действующие лекарства, устраивать припадки и быть объектом экспериментов или глотать время от времени яд, дабы испытать силу новых противоядий,— словом, проделывать нечто такое, что способствует прогрессу великой науки — медицины — и удовлетворяет неукротимый дух любознательности, пылающий в груди двух молодых ее служителей. Посему, не делая попытки вмешаться, Сэм преспокойно стоял и смотрел, словно был чрезвычайно заинтересован результатами происходящего эксперимента. Иначе вел себя мистер Пиквик. С присущей ему энергией он мгновенно бросился к борцам и громко воззвал к зрителям, требуя их вмешательства.

Это привело в себя мистера Боба Сойера, который до сей поры был совершенно парализован буйным припадком своего приятеля. С помощью этого джентльмена мистер Пиквик поставил на ноги Бена Эллена. Мистер Мартин, оставшись на полу один, встал сам и начал озираться.

— Мистер Эллен! — сказал мистер Пиквик.— Что с вами, сэр?

— Ничего, сэр,— отвечал с высокомерным презрением мистер Эллен.

— Что с ним такое? — осведомился мистер Пиквик, обращаясь к Бобу Сойеру.— Он нездоров?

Не успел Боб ответить, как мистер Бен Эллен схватил мистера Пиквика за руку и горестно прошептал:

— Моя сестра, дорогой сэр, моя сестра...

— Ах, вот что! — воскликнул мистер Пиквик.— Надеюсь, мы это дело легко уладим. Ваша сестра прекрасно себя чувствует, и я явился сюда с целью...

— Очень жаль, что приходится прерывать такие приятные разговоры, как сказал король, распуская парламент,— вмешался мистер Уэллер, поглядев в стеклянную дверь,— но тут случился еще один эксперимент, сэр. Какая-то почтенная старая леди лежит на ковре и ждет вскрытия, или гальванизации, или еще какой-нибудь живительной и научной операции.

— Я совсем забыл! — воскликнул мистер Бен Эллен.— Это моя тетушка.

— Ах, боже мой! — воскликнул мистер Пиквик.— Бедная леди! Осторожнее, Сэм, осторожнее!

— Странное положение для члена семьи,— заметил Сэм Уэллер, водворяя тетушку в кресло.— Эй, помощник костоправов, тащи нюхательное!

Это последнее замечание относилось к мальчику в сером, который, поручив экипаж заботам сторожа, пришел узнать о причине суматохи. С помощью мальчика в сером, мистера Боба Сойера и мистера Бенджемина Эллена (который, напугав свою тетушку до обморока, трогательно хлопотал о приведении ее в чувство) старая леди, наконец, очнулась. Тогда мистер Бен Эллен с недоумевающим видом спросил мистера Пиквика, о чем он начал говорить, когда его столь трагически прервали.

— Надеюсь, здесь все свои? — осведомился мистер Пиквик, откашливаясь и посматривая на молчаливого человека с хмурой физиономией, который незадолго до этого правил раскормленной лошадью.

Это напомнило мистеру Бобу Сойеру, что мальчишка в сером стоит тут же, вытаращив глаза и навострив уши. Начинающий фармацевт был поднят за шиворот и выброшен за дверь, после чего Боб Сойер уведомил мистера Пиквика, что можно говорить не стесняясь.

— Ваша сестра, дорогой мой сэр, находится в Лондоне,— сообщил мистер Пиквик, обращаясь к Бенджемину Эллену.— Она здорова и счастлива.

— Мне нет дела до ее счастья,— сказал мистер Бенджемин Эллен, махнув рукой.

— А *мне* есть дело до ее мужа, сэр! — вмешался Боб Сойер.— Он будет иметь дело со мной, сэр, на расстоянии двадцати шагов, и я разделаюсь с ним так, сэр, с этим гнусным негодяем, что на него будет страшно смотреть!

Это был прекрасный вызов и вдобавок великодушный, но мистер Боб Сойер несколько ослабил эффект, присовокупив замечание общего порядка по поводу проломленных голов и подбитых глаз, каковые дополнения казались вульгарными по сравнению с началом речи.

— Позвольте, сэр,— сказал мистер Пиквик,— раньше, чем применять эти эпитеты к упомянутому джентльмену, рассудите хладнокровно, велика ли его вина, а главное вспомните, что он принадлежит к числу моих друзей.

— Как! — удивился Боб Сойер.

— Его имя? — крикнул Бен Эллен.— Его имя!

— Мистер Натэниел Уинкль,— ответил мистер Пиквик.

Мистер Бенджемин Эллен неторопливо раздавил каблуком свои очки, подобрал осколки и, рассовав их по трем карманам, скрестил руки, закусил губы и устремил грозный взгляд на кроткую физиономию мистера Пиквика.

— Так это вы, сэр, покровительствовали и способствовали этому браку? — осведомился, наконец, мистер Бенджемин Эллен.

— А слуга этого джентльмена,— перебила старая леди,— шнырял вокруг моего дома и старался втянуть моих слуг в заговор против их хозяйки. Мартин!

— Что прикажете? — откликнулся хмурый человек, шагнув вперед.

— Это тот самый человек, которого вы видели в переулке? О нем вы говорили мне сегодня утром?

Мистер Мартин, человек, как известно, немногословный, посмотрел на Сэма Уэллера, кивнул головой и пробурчал:

— Он самый.

Мистер Уэллер, не страдающий гордыней, дружески улыбнулся, встретив взгляд хмурого грума, и вежливо сообщил, что «встречался с ним раньше».

— И этого преданного человека я чуть было не задушил! — воскликнул мистер Бен Эллен.— Мистер Пиквик, как вы смели разрешить вашему парню принимать участие в похищении моей сестры? Я требую у вас объяснения, сэр.

— Объяснитесь, сэр! — гневно возопил Боб Сойер.

— Это заговор,— сказал Бен Эллен.

— Форменное мошенничество,— добавил мистер Боб Сойер.

— Низкий обман,— вставила старая леди.

— Надувательство,— заметил Мартин.

— Прошу вас, выслушайте меня,— заговорил мистер Пиквик, когда мистер Бен Эллен упал в кресло, в котором пускали кровь пациентам, и оросил слезами свой носовой платок.— В этом деле я никакой помощи не оказывал и только однажды присутствовал при свидании молодых людей, которого не мог предотвратить: Я считал, что мое присутствие пресечет все подозрения, какие могли бы возникнуть. Этим ограничивается мое участие, и я понятия не имел о том, что они задумали немедленно вступить в брак. Впрочем, заметьте,— поспешил поправиться мистер Пиквик,— заметьте, я не говорю, что помешал бы этому браку, знай я о нем заблаговременно.

— Вы слышите, слышите? — обратился мистер Бенджемин Эллен к присутствующим.

— Надеюсь, они слышат,— кротко сказал мистер Пиквик, озираясь вокруг.— И надеюсь,— добавил сей джентльмен, причем его лицо раскраснелось,— они будут слушать и дальше. На основании того, что было доведено до моего сведения, сэр, я утверждаю, что вы никакого права не имели насиловать чувства своей сестры, как пытались это сделать. Скорее вам следовало бы прибегнуть к нежности и терпению, чтобы заступить место более близких родных, которых она утратила в детстве. Что же касается моего молодого друга, то о нем я могу сказать следующее: с точки зрения материальных благ он занимает такое же — если не лучшее — положение, как и вы, и если вы не желаете обсуждать этот вопрос с подобающей сдержанностью, я уклоняюсь от дальнейших разговоров на эту тему.

— Я бы хотел сделать несколько коротеньких замечаний в добавление к тому, что было сказано почтенным джентльменом, который только что замолчал,— произнес мистер Уэллер, выступив вперед,— а именно: один из присутствующих назвал меня парнем.

— Это не имеет ни малейшего отношения к делу, Сэм,— перебил мистер Пиквик.— Пожалуйста, замолчите.

— По этому пункту я и не собираюсь говорить, сэр,— возразил Сэм,— а речь идет вот о чем: может быть, этот джентльмен думает, что тут была какая-то старая привязанность, но ничего такого на самом деле не было. Молодая леди в самом начале знакомства сказала, что терпеть его не может. Никто ему дороги не перебивал, и дело кончилось бы для него точь-в-точь так же, даже если бы молодая леди никогда в глаза не видела мистера Уинкля. Вот что я хотел сказать, сэр, и надеюсь, что теперь я успокоил этого джентльмена.

После утешительных замечаний мистера Уэллера наступила короткая пауза. Затем мистер Бен Эллен, встав со стула, объявил, что никогда больше не увидит Арабеллы, а мистер Боб Сойер, презирая лестные заверения Сэма, поклялся жестоко отомстить счастливому супругу.

Но как раз в тот момент, когда страсти разгорелись и грозили остаться в таком состоянии, мистер Пиквик обрел могущественную союзницу в лице старой леди, которая,— по-видимому, весьма потрясенная той речью, какую он произнес в защиту ее племянницы,— рискнула высказать мистеру Бенджемину Эллену несколько утешительных мыслей в таком духе: пожалуй, в конце концов хорошо, что не случилось чего-нибудь похуже; чем меньше об этом говорить, тем скорее все уладится, и, честное слово, она не уверена, так ли уж это плохо; что сделано, того не переделаешь, и если горю ничем не поможешь, значит надо терпеть — и добавила еще немало таких же оригинальных и ободряющих доводов. На все это мистер Бенджемин Эллен отвечал, что он отнюдь не намерен оказать неуважение тетушке или кому бы то ни было из присутствующих, но если им все равно и они позволят ему поступать по-своему, то он предпочитает безумно ненавидеть свою сестру до самой смерти и даже после оной.

Наконец, когда об этом решении было заявлено раз пятьдесят, старая леди, внезапно выпрямившись и приняв величественную осанку, пожелала узнать, за какие такие провинности ей не оказывают уважения, подобающего ее возрасту и достоинству; и почему она должна просить и умолять своего собственного племянника, которого она помнит лет за двадцать пять до его рождения и знала лично, когда у него во рту не было ни единого зуба, не говоря уже о том, что она присутствовала при первой его стрижке и принимала участие во многих других чрезвычайно важных церемониях, и одно это дает ей право требовать от него любви, послушания и сочувствия до конца жизни.

Пока добрая леди распекала мистера Бена Эллена, Боб Сойер и мистер Пиквик удалились для конфиденциального разговора в соседнюю комнату, и там мистер Сойер, как было замечено мистером Пиквиком, прикладывался несколько раз к горлышку черной бутылки, под влиянием которой на его физиономии появилось беззаботное и даже веселое выражение. Наконец, он с бутылкой в руке вышел из комнаты и, выразив сожаление по поводу того, что свалял дурака, предложил тост за здоровье и благополучие мистера и миссис Уинкль, коих он, чуждый всякой зависти, готов поздравить.

Услышав эти слова, мистер Бен Эллен вдруг вскочил со стула и, схватив бутылку, откликнулся с такой готовностью на тост, что лицо у него почернело, как сама бутылка, ибо напиток отличался крепостью. Затем черная бутылка стала переходить из рук в руки, пока не опустела, вызвав столько рукопожатий и поздравлений, что даже металлическая физиономия мистера Мартина расплылась в улыбку.

— А теперь,— сказал Боб Сойер, потирая руки,— мы чудесно проведем вечер.

— Как ни досадно, но я должен вернуться в гостиницу,— возразил мистер Пиквик.— За последнее время я отвык от путешествий, и поездка чрезвычайно утомила меня.

— Не выпьете ли вы чаю, мистер Пиквик? — с покоряющей любезностью предложила старая леди.

— Благодарю вас, никак не могу,— отвечал сей джентльмен.

Дело в том, что возрастающее расположение старой леди и послужило главной причиной, побудившей мистера Пиквика удалиться. Он вспомнил миссис Бардл, и от каждого взгляда старой леди его бросало в холодный пот.

Так как мистер Пиквик решительно отказался остаться, то условились, по его инициативе, что мистер Бенджемин Эллен поедет вместе с ним к мистеру Уинклю-старшему и карета будет подана завтра к девяти часам утра. Затем мистер Пиквик распрощался и в сопровождении Сэмюела Уэллера отправился в гостиницу «Кустарник». Следует отметить, что физиономия мистера Мартина судорожно исказилась, когда он прощался с Сэмом и пожимал ему руку, и что он выжал из себя улыбку и ругательство одновременно. На основании таких симптомов те, кто был близко знаком со странностями этого джентльмена, заключили, что он чрезвычайно доволен обществом мистера Уэллера и добивается чести более близкого с ним знакомства.

— Прикажете занять для вас отдельный кабинет, сэр? — осведомился Сэм, когда они прибыли в «Кустарник».

— Нет, не стоит, Сэм,— отвечал мистер Пиквик.— Я уже пообедал в ресторане и скоро лягу спать. Посмотрите, Сэм, есть ли кто-нибудь в комнате для торговых агентов.

Мистер Уэллер отправился исполнять поручение и вскоре доложил, что там никого нет, кроме одноглазого джентльмена, который распивает подслащенный портвейн с лимоном вместе с хозяином гостиницы.

— Я присоединюсь к ним,— сказал мистер Пиквик.

— Чудной парень этот одноглазый, сэр,— сообщил мистер Уэллер, шагая впереди.— Такой чепухи наболтал хозяину, что тот хорошенько не знает, на ногах он стоит или на голове.

Когда мистер Пиквик вошел, человек, к которому относилось это замечание, сидел в дальнем углу комнаты и курил большую голландскую трубку, не спуская един-

ственного глаза с круглолицего хозяина, жизнерадостного на вид старика. Ему он только что рассказал какую-то поразительную историю, о чем свидетельствовали отрывистые восклицания вроде: «Ну, ни за что бы не поверил! Да слыханное ли это дело! В голову бы не пришло, что такие вещи случаются!», и другие возгласы изумления, невольно вырывавшиеся у хозяина, когда он встречал пристальный взгляд одноглазого.

— Здравствуйте, сэр,— сказал одноглазый мистеру Пиквику.— Прекрасный вечер, сэр.

— О да! — отозвался мистер Пиквик, когда слуга поставил перед ним графинчик бренди и горячую воду.

Пока мистер Пиквик разбавлял бренди водой, одноглазый зорко посматривал на него и, наконец, сказал:

— Как будто я с вами уже встречался.

— Что-то не припоминаю,— отвечал мистер Пиквик.

— Ну, конечно! — сказал одноглазый.— Вы меня не знаете, а я знал двух ваших друзей, которые останавливались в итенсуиллском «Павлине» во время выборов.

— Ах, вот как! — воскликнул мистер Пиквик.

— Вот-вот,— подтвердил одноглазый.— Я рассказал им одну историю о своем приятеле Томе Смарте. Быть может, они вам говорили об этом.

— Частенько,— улыбаясь, ответил мистер Пиквик.— Кажется, это был ваш дядя?

— Нет, только друг моего дяди,— возразил одноглазый.

— А все-таки удивительный человек был этот ваш дядя,— заметил хозяин гостиницы, покачивая головой.

— Да, пожалуй, что так,— согласился одноглазый.— Об этом самом дяде, джентльмены, я могу вам рассказать историю, которая вас удивит.

— Неужели? — воскликнул мистер Пиквик.— Непременно расскажите.

Одноглазый торговый агент зачерпнул стакан портвейна из чаши, выпил, затянулся голландской трубкой, крикнул Сэму Уэллеру, топтавшемуся у двери, чтобы он не уходил, если ему хочется послушать, ибо эта история отнюдь не секрет, и, уставившись единственным глазом в лицо хозяина, поведал историю, которую мы изложим в следующей главе.

ГЛАВА XLIX,

содержащая историю дяди торгового агента

«Мой дядя, джентльмены,— начал торговый агент,— был один из самых жизнерадостных, приятных и остроумных людей. Жаль, что вы его не знали, джентльмены. А впрочем, нет, джентльмены, не жаль! Если бы вы его знали, то по законам природы были бы вы все теперь или в могиле, или во всяком случае так близко от нее, что сидели бы по домам и не показывались в обществе, а, значит, я бы лишился бесценного удовольствия беседовать сейчас с вами. Джентльмены, жаль, что ваши отцы и матери не знали моего дяди! Они были бы в восторге от него — в особенности ваши почтенные маменьки, это я наверняка знаю. Если бы из многочисленных добродетелей, его украшавших, надлежало выбрать две, превосходящие все остальные, то я бы сказал, что это было искусство приготовлять пунш и петь после ужина. Простите, что я останавливаюсь на этих печальных воспоминаниях о почтенном покойнике,— не каждый день встретишь такого человека, как мой дядя.

Джентльмены, я всегда считал весьма существенным для характеристики дяди то обстоятельство, что он был близким другом и приятелем Тома Смарта, агента большой торговой фирмы Билсон и Слам, Кейтетон-стрит, Сити. Дядя работал у Тиггина и Уэлпса, но долгое время разъезжал по тем же дорогам, что и Том. И в первый же вечер, когда они встретились, дяде по душе пришелся Том, а Тому по душе пришелся дядя. Не прошло и получаса, как они уже побились об заклад на новую шляпу, кто из них лучше приготовит кварту пунша и кто скорее ее выпьет. Дяде досталось первенство по части приготовления, но Том Смарт на половину чайной ложечки обставил дядю. Они выпили еще по кварте на брата за здоровье друг друга и с тех пор стали закадычными друзьями. Судьба делает свое дело, джентльмены, от нее не уйдешь.

На вид мой дядя был чуточку ниже среднего роста, малость потолще обыкновенной породы людей, с румян-

цем немножко ярче. Симпатичнейшее лицо было у него, джентльмены, похож на Панча, но подбородок и нос благообразнее. Глаза у него всегда добродушно подмигивали и поблескивали, а улыбка — не какая-нибудь бессмысленная деревянная усмешка, а настоящая веселая, открытая, благодушная улыбка — никогда не сходила с его лица. Однажды он вылетел из своей двуколки и ударился головой о придорожный столб. Он свалился, оглушенный ударом, и лицо у него было так исцарапано гравием, насыпанным возле столба, что, по собственному выражению дяди, родная мать не узнала бы его, вернись она снова на землю. И в самом деле, джентльмены, поразмыслив об этом, я тоже считаю, что она бы его не узнала: дяде было два года семь месяцев, когда она умерла, и очень возможно, что, не будь даже гравия, его сапоги с отворотами не на шутку озадачили бы добрую леди, не говоря уже о его веселой красной физиономии. Как бы там ни было, а он свалился у столба, и я не раз слыхал от дяди, что, по словам человека, который его подобрал, он и тут улыбался так весело, словно упал для собственного удовольствия, а когда ему пустили кровь и у него обнаружились слабые проблески сознания, он первым делом уселся в постели, захохотал во все горло, поцеловал молодую женщину, державшую таз, и потребовал баранью котлету с маринованными грецкими орехами. Джентльмены, он был большим любителем маринованных грецких орехов. Всегда говорил, что они придают вкус пиву, если поданы без уксуса.

В пору листопада мой дядя совершал большое путешествие, собирая долги и принимая заказы на севере: из Лондона он ездил в Эдинбург, из Эдинбурга в Глазго, из Глазго опять в Эдинбург, а оттуда на рыболовном судне в Лондон. Да будет вам известно, что вторую поездку в Эдинбург он совершал для собственного удовольствия. Бывало, отправлялся туда на неделю повидать старых друзей; позавтракает с одним, закусит с другим, пообедает с третьим, а поужинает с четвертым, и, стало быть, всю неделю занят. Не знаю, случалось ли кому из вас, джентльмены, отведать настоящий сытный шотландский завтрак, а потом среди дня закусить бушелем устриц и выпить этак дюжину бутылок эля и один-два стакан-

чика виски. Если случалось, то вы согласитесь со мной, что нужна очень крепкая голова, чтобы после этого еще пообедать и поужинать.

Но, да помилует бог ваши души, дяде моему все это было нипочем! Он себя так приучил, что для него это была детская забава. Я слыхал от него, что в любой день он мог перепить уроженцев Данди и вернуться после того домой, даже не шатаясь; однако же, джентльмены, у дандийцев такие крепкие головы и такой крепкий пунш, что крепче вряд ли вы найдете между двумя полюсами. Я слыхал, как житель Глазго и житель Данди старались перепить друг друга и пили пятнадцать часов, не вставая с места. Оба задохлись в один и тот же момент, насколько это удалось установить, и все-таки, джентльмены, если не считать этого, они были в полном порядке.

Как-то вечером, ровно за двадцать четыре часа до отплытия в Лондон, мой дядя ужинал у своего старого друга, члена городского совета Мак — имярек и еще четыре слога,— который проживал в старом Эдинбурге. Тут была жена члена городского совета, и три дочки члена городского совета, и взрослый сын члена городского совета, и трое-четверо дюжих хитрых старых шотландцев с косматыми бровями — член городского совета позвал их, чтобы почтить моего дядю и повеселиться. Ужин был превосходный. Подали копченую лососину, копченую треску, баранью голову, фаршированный бараний желудок — знаменитое шотландское блюдо, джентльмены,— о нем мой дядя говаривал, что, поданное на стол, оно всегда напоминает ему живот купидона,— и еще много разных вещей, очень вкусных, хотя я и позабыл, как они называются. Девицы были хорошенькие и симпатичные, жена члена городского совета — чудеснейшее создание в мире, а мой дядя был в прекраснейшем расположении духа. И вот весь вечер молодые леди хихикали и визжали, старая леди громко смеялась, а член городского совета и другие старики непрерывно хохотали так, что даже побагровели. Что-то не припоминаю, сколько стаканов тодди * выпил каждый после ужина, но мне известно, что около часу ночи взрослый сын члена городского совета затянул было первый куплет «Вот

Уилли пива наварил», но впал в беспамятство, а так как за последние полчаса только он да дядя были видны над столом красного дерева, то дяде моему пришло в голову, что пора подумать и об уходе — ведь пить-то начали с семи часов вечера, чтобы дядя мог вовремя попасть домой. Но, рассудив, что невежливо будет уйти внезапно, дядя сам себя выбрал в председатели, приготовил еще стаканчик тодди, встал, чтобы произнести тост за свое собственное здоровье, обратился к самому себе с блестящей хвалебной речью и выпил с большим энтузиазмом. Однако никто не проснулся. Тогда мой дядя пропустил еще стаканчик, на этот раз не разбавляя водой, чтоб тодди ему не повредило, и, схватив шляпу, вышел на улицу.

Ночь была ненастная. Захлопнув за собой дверь, дядя покрепче нахлобучил шляпу, чтобы не сорвало ветром, засунул руки в карманы и воззрился на небо, желая определить, какова погода. Облака неслись с головокружительной быстротой, то застилая луну, то позволяя ей красоваться во всем великолепии и заливать светом окрестности, то с возрастающей быстротой заволакивая ее снова и окутывая мраком все вокруг. «Этак не годится,— сказал мой дядя, обращаясь к непогоде, словно она нанесла ему личное оскорбление.— Такая погода не годится для моего путешествия. Никак не годится»,— внушительно сказал дядя. Повторив это несколько раз, он не без труда восстановил равновесие — так долго он глазел на небо, что у него голова закружилась,— и весело тронулся в путь.

Дом члена городского совета был в Кенонгете, а дядя направился в дальний конец Лит-уока, за милю с лишним. По обеим сторонам дороги были разбросаны поднимавшиеся к темному небу высокие хмурые дома, с потемневшими фасадами и окнами, которые как будто разделяли участь человеческих глаз и, казалось, потускнели и запали от старости. Дома были в шесть, семь, восемь этажей; этаж громоздился на этаж,— так дети строят карточные домики,— отбрасывая темные тени на неровную мостовую и сгущая мрак черной ночи. Несколько фонарей горело на большом расстоянии друг от друга, но они служили только для того, чтобы освещать

грязный проход в какой-нибудь узкий тупик или общую лестницу с крытыми и извилистыми поворотами, ведущую в верхние этажи. Равнодушно посматривая вокруг, как человек, который не раз все это видел и не считает достойным особого внимания, дядя шагал посреди улицы, засунув большие пальцы в карманы жилета, и, услаждая себя обрывками разных песен, распевал с таким жаром и воодушевлением, что мирные честные обыватели пробуждались от первого сна и дрожали в своих постелях, пока звуки не замирали вдали. Затем, решив, что это какой-нибудь пьяный бездельник возвращается домой, они укутывались потеплее и снова погружались в сон.

Джентльмены, я описываю с такими подробностями, как мой дядя шествовал посреди улицы, засунув пальцы в жилетные карманы, ибо, как он сам частенько говаривал (и не без оснований), в этой истории нет ничего поразительного, если вы сразу не усвоите, что дядя отнюдь не был в мечтательном или романтическом расположении духа.

Итак, засунув пальцы в жилетные карманы, шествовал дядя посреди улицы, распевая то любовную, то застольную песню, а когда это ему надоедало, он мелодически насвистывал, пока не дошел до Северного моста, который соединяет старый Эдинбург с новым. Тут он на минуту остановился, чтобы полюбоваться странными, беспорядочными скоплениями огоньков, нагроможденных друг на друга и мерцавших высоко в воздухе, словно звезды, со стен замка с одной стороны и с высот Колтон-хилла — с другой, как будто они освещали подлинные воздушные замки. Внизу, в глубоком мраке, спал тяжелым сном старый живописный город, Холирудский дворец и часовня, охраняемые днем и ночью, как говаривал один приятель дяди, Троном старого Артура, мрачным и темным, вздымающимся, как хмурый гений, над древним городом, который он так долго сторожит. Повторяю, джентльмены, дядя остановился здесь на минуту, чтобы осмотреться, а затем, отпустив комплимент погоде, которая начала проясняться, хотя луна уже заходила, продолжал путь все так же величественно: держался с большим достоинством середины дороги и, казалось, весьма

не прочь был встретить кого-нибудь, кто бы вздумал оспаривать его права на эту дорогу. Однако случилось так, что никто не расположен был затевать спор, и дядя, засунув пальцы в жилетные карманы, шел мирно, как ягненок.

Дойдя до конца Лит-уока, он должен был миновать большой пустырь, отделявший его от переулка, куда ему предстояло свернуть, чтобы добраться до дому. В ту пору этот пустырь был огорожен и принадлежал какому-то колесному мастеру, который заключил контракт с почтовым ведомством на покупку старых, поломанных почтовых карет. Дяде моему — большому любителю карет старых, молодых и среднего возраста — вдруг взбрело в голову свернуть с дороги только для того, чтобы поглазеть на эти кареты сквозь щель в заборе. Он помнил, что их там было штук десять — двенадцать, ветхих и разваливающихся. Джентльмены, мой дядя был человек восторженный и впечатлительный; убедившись, что в щель плохо видно, он перелез через забор и, преспокойно усевшись на старую ось, начал задумчиво разглядывать почтовые кареты.

Их было не меньше дюжины,— дядя хорошенько не помнил и никогда не называл точной цифры, ибо был он на редкость аккуратен по части цифр. Как бы там ни было, но они стояли тут, сбитые в кучу, и находились в самом жалком состоянии. Дверцы были сняты с петель и унесены; обивка содрана, лишь кое-где сохранились обрывки, державшиеся на ржавых гвоздях; фонарей не было, дышла давным-давно исчезли, железо заржавело, краска облезла; ветер свистел сквозь щели в деревянных остовах, а вода, скопившаяся на крышах, стекал внутрь, и капли падали с глухим меланхолическим стуком. Это были гниющие скелеты умерших карет, и в безлюдном месте, в ночное время, они производили тяжелое, гнетущее впечатление.

Дядя опустил голову на руки и задумался о тех энергических торопившихся куда-то людях, которые в былые времена разъезжали в этих старых каретах, а теперь изменились так же, как они. Думал о тех, кому эти дряхлые, разрушающиеся экипажи привозили в течение многих лет изо дня в день, во всякую погоду ожидае-

мую весточку, желанный денежный перевод, сведения о здоровье и благополучии, нежданное сообщение о болезни и смерти. Купец, влюбленный, жена, вдова, мать, школьник, даже маленький ребенок, бежавший к двери на стук почтальона,— с каким нетерпением ждали они прибытия старой кареты! А где они теперь?

По уверению дяди, джентльмены, он обо всем этом успел тогда подумать, но я подозреваю, что он это вычитал позднее из какой-нибудь книжки. Он сам говорил, что задремал, сидя на старой колесной оси и глядя на развалившиеся почтовые кареты, а проснулся, когда церковный колокол глухо ударил два раза. А ведь дядя всегда был тугодумом, и если б он успел обо всем поразмыслить, я не сомневаюсь, он думал бы по меньшей мере до половины третьего. Вот почему, джентльмены, я решительно придерживаюсь того мнения, что дядя задремал, ровно ни о чем не думая.

Как бы там ни было, а на церковной колокольне пробило два часа. Дядя проснулся, протер глаза и в изумлении вскочил.

Как только пробили часы, на этом безлюдном, тихом пустыре закипела жизнь и поднялась суматоха. Дверцы старых карет снова висели на петлях, появилась обивка, железные части блестели, как новые, краска вернулась на свое место, фонари были зажжены, подушки и плащи лежали на козлах, носильщики совали пакеты в ящики, кондуктора прятали почтовые сумки, конюхи поливали водой починенные колеса, какие-то люди суетились, прилаживая дышла к каретам; появились пассажиры, привязывали чемоданы, впрягали лошадей,— короче, было совершенно ясно, что все эти почтовые кареты вот-вот тронутся в путь. Джентльмены, дядя так широко раскрыл глаза, что до последней минуты своей жизни не переставал удивляться, как ему удалось снова их закрыть.

— Ну, что же вы стоите? — раздался голос, и дядя почувствовал, как чья-то рука опустилась ему на плечо.— Для вас оставлено одно место внутри. Полезайте.

— Для меня? — оглядываясь, воскликнул дядя.

— Да, конечно.

Джентльмены, дядя не нашелся что ответить — так

он был изумлен. А самым диковинным было то, что хотя здесь собралась целая толпа и каждую секунду появлялись новые лица, но немыслимо было сказать, откуда они взялись. Казалось, они каким-то чудесным образом выскакивали из-под земли или возникали из воздуха и так же точно исчезали. Носильщик, положив вещи в карету и получив плату, поворачивался и скрывался из виду, и не успевал дядя поразмыслить о том, куда он делся, как уже появлялось с полдюжины носильщиков, сгибавшихся под тяжестью тюков, которые, казалось, вот-вот их раздавят. А как чудно были одеты пассажиры! В длинных широкополых кафтанах с широкими манжетами и без воротничков, и в париках, джентльмены, в настоящих больших париках с бантом на косичках. Дядя ровно ничего не понимал.

— Ну, что же, вы намерены садиться? — спросил человек, который уже обращался к дяде. Он был в костюме кондуктора почтовой кареты, в парике и в кафтане с большущими манжетами. В одной руке он держал фонарь, а в другой — огромный мушкет, который собирался спрятать в ящик.— Намерены вы садиться, Джек Мартин? — повторил кондуктор, поднося фонарь к лицу дяди.

— Что?! — попятившись, воскликнул дядя.— Это еще что за фамильярность?

— Так значится в списке пассажиров,— отвечал кондуктор.

— А не значится ли там еще «мистер»? — осведомился дядя.

Джентльмены, он считал, что называть его Джеком Мартином было со стороны незнакомого кондуктора дерзостью, которой не допустила бы почтовая контора, если бы она была об этом осведомлена.

— Нет там мистера,— холодно отвечал кондуктор.

— А за билет заплачено? — полюбопытствовал дядя.

— Конечно,— ответил кондуктор.

— Ах, вот оно что! — сказал дядя.— Ну, значит, в путь. Которая карета?

— Вот она,— отозвался кондуктор, указывая на старомодную карету Эдинбург — Лондон со спущенной под-

ножкой и открытой дверцей.— Постойте! Еще пассажиры! Пропустите их.

Едва кондуктор выговорил эти слова, как перед самым носом дяди появился молодой джентльмен в напудренном парике и небесно-голубом кафтане с серебряными галунами и очень широкими фалдами на холщовой подкладке. Тиггин и Уэлпс, джентльмены, торговали набивными тканями и жилетами, и, стало быть, мой дядя сразу разобрался во всех этих материях. На нем были короткие штаны, какие-то странные гамаши, подвернутые над шелковыми чулками, туфли с пряжками, кружевные манжеты, на голове треуголка, а сбоку длинная шпага, суживающаяся к концу. Жилет спускался ему на бедра, а концы галстука доходили до пояса. Он торжественно приблизился к дверце кареты, снял шляпу и держал ее над головой в вытянутой руке, оттопырив мизинец, как это делают иные жеманные люди, поднося к губам чашку чаю; затем он щелкнул каблуками, важно отвесил низкий поклон и протянул левую руку. Дядя хотел было шагнуть вперед и крепко пожать ее, как вдруг заметил, что эти знаки внимания относились не к нему, а к молодой леди в старомодном зеленом бархатном платье с длинной талией и корсажем, внезапно появившейся у подножки кареты. Вместо шляпы, джентльмены, ее голову покрывал черный шелковый капюшон. Собираясь сесть в карету, она на секунду оглянулась, и такого красивого личика, как у нее, дядя никогда не видывал даже на картинках. Она села в карету, придерживая одной рукой платье; и,— как говаривал мой дядя, подкрепляя свои слова ругательством, когда рассказывал эту историю,— он ни за что бы не поверил, что могут быть на свете такие прелестные ножки, если бы не видел их собственными глазами.

Но когда мелькнуло перед ним это прекрасное лицо, дядя заметил, что молодая леди бросила на него умоляющий взгляд и казалась испуганной и огорченной. Увидел он также, что молодой человек в напудренном парике, несмотря на всю свою показную галантность, весьма утонченную и благородную, крепко схватил молодую леди за руку, когда она садилась в карету, и влез тотчас же вслед за ней. С ними отправлялся на редкость безобраз-

ный человек в прилизанном коричневом парике, в лиловом костюме, в сапогах, доходивших до бедер, и с очень большим палашом. А когда он уселся рядом с молодой леди, которая забилась в угол, подальше от него, дядя утвердился в первоначальной своей догадке, что тут происходит нечто мрачное и таинственное, или, как он сам говаривал: тут что-то развинтилось. Остается только удивляться, с какой быстротой он принял решение в случае опасности помочь молодой леди, если она будет нуждаться в помощи.

— Смерть и молния! — воскликнул молодой джентльмен, хватаясь за шпагу, когда дядя влез в карету.

— Кровь и гром! — заревел другой джентльмен.

С этими словами он выхватил свой палаш и без лишних церемоний сделал выпад против дяди. У дяди не было при себе оружия, но он очень ловко сорвал с головы безобразного джентльмена треуголку и, насадив ее на кончик его палаша, крепко зажал руками и не выпускал.

— Проколите его сзади! — крикнул безобразный джентльмен своему спутнику, пытаясь высвободить палаш.

— Не советую! — отозвался дядя, грозно поднимая ногу.— Я мозги у него вышибу или голову ему проломлю, если мозгов у него нет.

Понатужившись, мой дядя вырвал палаш из рук безобразного джентльмена и вышвырнул его в окно кареты, после чего джентльмен помоложе снова провозгласил: «Смерть и молния!» — и очень грозно опустил руку на эфес шпаги, однако не вытащил ее из ножен. Быть может,— как говорил с улыбкой дядя,— быть может, он боялся испугать леди.

— Ну-с, джентльмены,— сказал дядя, преспокойно усаживаясь,— в присутствии леди я не хочу никакой смерти, ни с молнией, ни без нее, а крови и грома хватит с нас на одно путешествие. Поэтому, если вам угодно, будем сидеть на своих местах, как мирные путешественники. Эй, кондуктор, подайте этому джентльмену его нож!

Как только дядя выговорил эти слова, кондуктор появился у окна кареты, держа в руке палаш. Он поднял фонарь, протягивая палаш, внимательно посмотрел в лицо моему дяде, а дядя при свете фонаря увидел, к большому своему удивлению, великое множество кондукторов, столпившихся у окна,— и все до единого смотрели на него очень внимательно. Он отроду не видывал такого количества бледных лиц, красных кафтанов и зорких глаз.

«Такой диковинной штуки никогда еще со мной не бывало»,— подумал дядя.— Разрешите вернуть вам вашу шляпу, сэр.

Безобразный джентльмен молча взял свою треуголку, вопросительно посмотрел на продырявленную тулью и, наконец, водрузил ее на макушку своего парика с большой торжественностью, хотя эффект был слегка испорчен тем, что в этот момент он оглушительно чихнул, и шляпа снова слетела.

— В дорогу! — крикнул кондуктор с фонарем, влезая на маленькое заднее сиденье.

И они тронулись в путь. Когда они выехали со двора, дядя посмотрел в окно и увидел, что остальные кареты с кучерами, кондукторами, лошадьми и пассажирами в полном составе разъезжают по кругу со скоростью примерно пяти миль в час. Дядя пришел в бешенство, джентльмены. Как человек, занимавшийся коммерцией, он знал, что мешки с почтой — не игрушка, и решил уведомить об этом почтамт, как только прибудет в Лондон.

Впрочем, в данный момент его мысли были заняты молодой леди, которая сидела в дальнем углу кареты, надвинув на лицо капюшон. Джентльмен в небесно-голубом кафтане сидел против нее, а человек в лиловом костюме — рядом с ней, и оба не спускали с нее глаз. Стоило зашелестеть складкам капюшона, и дядя слышал, как безобразный человек хватается за палаш, а по громкому дыханию другого джентльмена угадывал (в темноте он не видел его лица), как тот пыжится, словно хочет ее проглотить. Это раздражало дядю все больше и больше, и будь что будет, а он решил разузнать, в чем тут дело. Он был восторженным поклонником блестящих глаз, красивых лиц и хорошеньких ножек, короче говоря — питал слабость к прекрасному полу. Это у нас в роду, джентльмены,— я и сам таков.

Дядя прибегал к разным уловкам, чтобы привлечь внимание леди или хотя бы завязать разговор с таинственными джентльменами. Все было тщетно: джентльмены не желали разговаривать, а леди не осмеливалась. Он не раз высовывался из окна кареты и кричал во всю глотку, осведомляясь, почему они так медленно едут. Но он мог орать до хрипоты — никто не обращал на него ни малейшего внимания. Тогда он откинулся на спинку сиденья и задумался о красивом лице и хорошеньких ножках. Дело пошло на лад: он не замечал, как летит время,

и не задавал себе вопросов, куда он едет и каким образом очутился в таком странном положении. Впрочем, это и не могло особенно его беспокоить — он был широкой натурой, бродягой, бесшабашным малым. Да, таков он был, джентльмены.

Вдруг карета остановилась.

— Эй! — воскликнул дядя.— Это еще что за новости?

Вылезайте здесь,— сказал кондуктор, откидывая подножку.

— Здесь? — вскричал дядя.

— Здесь,— подтвердил кондуктор.

Я и не подумаю вылезать,— заявил дядя.

— Ладно, оставайтесь,— сказал кондуктор.

— Останусь,— объявил дядя.

— Дело ваше,— сказал кондуктор.

Остальные пассажиры внимательно прислушивались к этому диалогу. Убедившись, что дядя решил не выходить, молодой джентльмен протиснулся мимо него, намереваясь высадить леди. В это время безобразный человек созерцал дыру в тулье своей треуголки. Проходя мимо дяди, молодая леди уронила ему на руку перчатку и, наклонившись к нему так близко, что он почувствовал на своем носу ее горячее дыхание, шепнула одно только слово: «Помогите!» Джентльмены! Дядя тотчас же выскочил из кареты с таким азартом, что она подпрыгнула на рессорах.

— А, так, значит, вы передумали,— сказал кондуктор, увидев, что дядя стоит перед ним.

Дядя несколько секунд смотрел на кондуктора, подумывая о том, что, пожалуй, не худо было бы вырвать у него мушкет, выстрелить в лицо человеку с большим палашом, другого ударить прикладом по голове, схватить молодую леди и, воспользовавшись суматохой, удрать. Но, поразмыслив, он отверг этот план, показавшийся ему слишком мелодраматическим, и последовал за двумя таинственными джентльменами, входившими в старый дом, перед которым остановилась карета. Шагая по обе стороны молодой леди, они свернули в коридор, и дядя пошел за ними.

Такого ветхого унылого дома дядя никогда еще не видывал. Вероятно, здесь была когда-то большая

гостиница, но теперь крыша во многих местах провалилась, а лестницы были крутые, со стертыми и сбитыми ступенями. В комнате, куда они вошли, находился большой камин, почерневший от дыма, но не пылал в нем яркий огонь. Зола еще лежала белыми хлопьями в очаге, но камин был холодный, а все вокруг казалось унылым и мрачным.

— Недурно! — сказал дядя, озираясь по сторонам.— Почтовая карета подвигается со скоростью шести с половиной миль в час и останавливается неведомо на какой срок в такой дыре. Это не по правилам. Об этом будет сообщено. Я напишу в газеты.

Дядя говорил довольно громко и непринужденно, желая втянуть в разговор двух незнакомцев. Но те не обращали на него внимания и только перешептывались и хмуро косились в его сторону. Леди находилась в другом конце комнаты и один раз осмелилась сделать ему знак рукой, словно взывая о помощи.

Наконец, двое незнакомцев подошли к дяде, и разговор завязался всерьез.

— Должно быть, любезный, вам неизвестно, что этот кабинет заказан? — начал джентльмен в небесно-голубом.

— Да, любезный, неизвестно,— отвечал дядя.— Но если таков отдельный кабинет, специально заказанный, то могу себе представить, сколь комфортабелен общий зал.

С этими словами дядя уселся на стул с высокой спинкой и смерил глазами джентльмена так, что Тиггин и Уэлпс могли бы снабдить его по этой мерке набивной материей на костюм и не ошиблись бы ни на дюйм.

— Убирайтесь вон! — сказали в один голос незнакомцы, хватаясь за шпаги.

— Что такое? — откликнулся дядя, притворяясь, будто ровно ничего не понимает.

— Убирайтесь отсюда, пока живы! — крикнул безобразный человек, выхватывая свой огромный палаш из ножен и рассекая им воздух.

— Смерть ему! — провозгласил джентльмен в небесно-голубом, также выхватывая шпагу и отступая на два-три шага.— Смерть ему!

Леди громко вскрикнула.

Дядя мой всегда отличался большой храбростью и присутствием духа. Притворясь равнодушным к тому, что здесь происходит, он украдкой огляделся, отыскивая какой-нибудь метательный снаряд или оружие для защиты, и в тот самый момент, когда были обнажены шпаги, заметил в углу у камина старую рапиру в заржавленных ножнах. Одним прыжком дядя очутился возле нее, выхватил ее из ножен, молодецки взмахнул ею над головой, попросил молодую леди отойти в сторону, швырнул стул в небесно-голубого джентльмена, а ножны — в лилового и, воспользовавшись смятением, напал на обоих сразу.

Джентльмены! В одном старом анекдоте — совсем не плохом, хотя и правдоподобном, юный ирландский джентльмен на вопрос, умеет ли он играть на скрипке, ответил, что нимало в этом не сомневается, но утверждать не смеет, ибо ни разу не пробовал. Это можно применить к моему дяде и его фехтованию. До сей поры он держал шпагу в руках один только раз, когда играл Ричарда Третьего в любительском спектакле, но тогда он условился с Ричмондом, что тот, даже и не пытаясь драться, даст проколоть себя сзади. А сейчас он вступил в бой с двумя опытными фехтовальщиками: рубил, парировал, колол и проявлял замечательное мужество и ловкость, хотя до сего дня даже и не подозревал, что имеет какое-то представление об этой науке. Джентльмены, это только доказывает справедливость старого правила: человек никогда не знает, на что он способен, до тех пор, пока не проверит на деле.

Шум битвы был ужасный: все три бойца ругались, как кавалеристы, а шпаги скрещивались с таким звоном, словно все ножи и все стальные орудия Ньюпортского рынка ударялись друг о друга. В разгар боя леди (несомненно с целью воодушевить дядю) откинула капюшон и открыла такое ослепительно прекрасное лицо, что дядя готов был драться с пятьюдесятью противниками — только бы заслужить ее улыбку, а потом умереть. Он и до этого момента совершал чудеса храбрости, а теперь начал сражаться, как взбешенный великан.

В этот самый момент джентльмен в небесно-голубом оглянулся, увидел лицо молодой леди, не прикрытое

капюшоном, вскрикнул от злобы и ревности и, направив оружие в ее прекрасную грудь, сделал выпад, целясь ей в сердце. Тут мой дядя испустил такой отчаянный вопль, что дом задрожал. Леди проворно отскочила в сторону, и не успел молодой человек обрести потерянное равновесие, как она уже выхватила у него оружие, оттеснила его к стене и, вонзив шпагу по самую рукоятку, пригвоздила его крепко-накрепко к стене.

Это был подвиг доселе невиданный. С торжествующим криком дядя, обнаруживая непомерную силу, заставил своего противника отступить к той же стене и, вонзив старую рапиру в самый центр большого красного цветка на его жилете, пригвоздил его рядом с другом. Так они оба и стояли, джентльмены, болтая в агонии руками и ногами, словно игрушечные паяцы, которых дергают за веревочку. Впоследствии дядя говаривал, что это наивернейший способ избавиться от врага; против этого способа можно привести только одно возражение: он вводит в расходы, ибо на каждом выведенном из строя противнике теряешь по шпаге.

— Карету, карету! — закричала леди, подбегая к дяде и обвивая его шею прекрасными руками.— Мы можем еще ускользнуть.

— Можем? — повторил дядя.— Дорогая моя, но ведь и убивать-то больше некого!

Дядя был слегка разочарован, джентльмены: он находил, что тихая любовная сцена после ратоборства была бы весьма приятна, хотя бы для разнообразия.

— Мы не можем медлить ни секунды,— возразила молодая леди.— Он (она указала на молодого джентльмена в небесно-голубом) — единственный сын могущественного маркиза Филтувилля.

— В таком случае, дорогая моя, боюсь, что он никогда не наследует титула,— заявил мой дядя, хладнокровно посматривая на молодого джентльмена, который, как я уже сказал, стоял пришпиленный к стене, словно майский жук.— Вы пресекли этот род, моя милая.

— Эти негодяи насильно увезли меня от родных и друзей,— сказала молодая леди, раскрасневшись от негодования.— Через час этот злодей женился бы на мне против моей воли.

— Какая наглость! — воскликнул дядя, бросая презрительный взгляд на умирающего наследника Филтувилля.

— На основании того, что вы видели,— продолжала молодая леди,— вы могли догадаться, что они сговорились меня убить, если я обращусь к кому-нибудь за помощью. Если их сообщники найдут нас здесь, мы погибли! Быть может, еще две минуты — и будет поздно. Карету!

От волнения и чрезмерного усилия, которое потребовалось для пригвождения маркиза, она упала без чувств в объятия дяди. Он подхватил ее и понес к выходу. У подъезда стояла карета, запряженная четверкой вороных коней с длинными хвостами и развевающимися гривами, но не было ни кучера, ни кондуктора, ни конюха.

Джентльмены! Надеюсь, я не опорочу памяти дяди, если скажу, что, хотя он был холостяком, ему и раньше случалось держать в своих объятиях леди. Я уверен даже, что у него была привычка целовать трактирных служанок, а один-два раза свидетели, достойные доверия, видели, как он, на глазах у всех, обнимал хозяйку трактира. Я упоминаю об этом факте, дабы пояснить, каким удивительным созданием была эта прекрасная молодая леди, если она произвела такое впечатление на дядю. Он говорил, что почувствовал странное волнение и ноги у него задрожали, когда ее длинные черные волосы свесились через его руку, а прекрасные темные глаза остановились на его лице, как только она очнулась. Но кто может смотреть в кроткие, нежные темные глаза и не почувствовать волнения? Я лично не могу, джентльмены. Я знаю такие глаза, в которые боюсь смотреть, и это сущая правда.

— Вы меня никогда не покинете? — прошептала молодая леди.

— Никогда,— сказал дядя. И говорил он искренне.

— Мой милый защитник! — воскликнула молодая леди.— Мой милый, добрый, храбрый защитник!

— Не говорите так,— перебил дядя.

— Почему? — спросила молодая леди.

— Потому что у вас такие прелестные губки; когда

вы это говорите,— отвечал дядя.— Боюсь, что у меня хватит дерзости поцеловать их.

Молодая леди подняла руку, словно предостерегая дядю от такого поступка, и сказала... Нет, она ничего не сказала, она улыбнулась. Когда вы смотрите на очаровательнейшие губки в мире и видите, как они складываются в лукавую улыбку, видите их близко, и никого нет при этом, вы наилучшим образом можете доказать свое восхищение их безукоризненной формой и цветом, если тотчас же их поцелуете. Дядя так и сделал, и за это я его уважаю.

— Слушайте! — встрепенувшись, воскликнула молодая леди.— Стук колес и топот лошадей!

— Так и есть! — прислушиваясь, согласился мой дядя.

Он привык различать стук колес и копыт, но сейчас приближалось к ним издалека такое множество лошадей и экипажей, что немыслимо было угадать их количество. Судя по грохоту, катило пятьдесят карет, запряженных каждая шестеркой превосходных коней.

— Нас преследуют! — воскликнула молодая леди, заламывая руки.— Нас преследуют! Одна надежда на вас.

На ее прекрасном лице отразился такой испуг, что дядя немедленно принял решение. Он посадил ее в карету, попросил ничего не бояться, еще раз прижался губами к ее губкам, а затем, посоветовав ей поднять оконную раму, так как было холодно, взобрался на козлы.

— Милый, подождите! — крикнула молодая леди.

— Что случилось? — осведомился дядя с козел.

— Мне нужно сказать вам кое-что,— пояснила молодая леди.— Одно слово! Только одно слово, дорогой мой.

— Не слезть ли мне? — спросил дядя.

Молодая леди ничего не ответила, но снова улыбнулась. И как улыбнулась, джентльмены! По сравнению с этой улыбкой первая никуда не годилась. Мой дядя во мгновение ока спрыгнул со своего насеста.

— В чем дело, милочка? — спросил он, заглядывая в окно кареты.

Случилось так, что в то же самое время леди наклонилась к окну, и моему дяде она показалась еще красивее, чем раньше. Они находились очень близко друг от

друга, джентльмены, и, стало быть, он никак не мог ошибиться.

— В чем дело, милочка? — спросил мой дядя.

— Вы не будете любить никого, кроме меня, вы не женитесь на другой? — спросила молодая леди.

Дядя торжественно поклялся, что никогда ни на ком другом не женится. Тогда молодая леди откинулась назад и подняла окно. Дядя вскочил на козлы, расставил локти, подхватил вожжи, схватил с крыши кареты длинный бич, хлестнул переднюю лошадь, и вороные кони с длинными хвостами и развевающимися гривами помчались, покрывая пятнадцать добрых английских миль в час и увлекая за собой почтовую карету. Ого! Ну и летели же они!

Грохот позади усиливался. Чем быстрее катилась старая карета, тем быстрее мчались преследователи. Люди, лошади, собаки участвовали в погоне. Шум был оглушительный, но еще громче звенел голос молодой леди, понукавшей дядю и кричавшей: «Скорей, скорей!»

Они неслись мимо темных деревьев, словно перышки, подхваченные ураганом. Мимо домов, ворот, церквей, стогов сена они летели с быстротой и грохотом бурного потока, вырвавшегося на волю. Но шум погони нарастал, и дядя все еще слышал дикие вопли молодой леди: «Скорей, скорей!»

Мой дядя не жалел бича, лошади рвались вперед и побелели от пены, а погоня все приближалась, и молодая леди кричала: «Скорей, скорей!» В этот критический момент дядя изо всех сил ударил ногой по ящику под козлами и... увидел, что настало серое утро, а он сидит во дворе колесного мастера, на козлах старой эдинбургской почтовой кареты, дрожит от холода и сырости и топает ногами, чтобы согреться. Он слез с козел и нетерпеливо заглянул в карету, отыскивая прекрасную молодую леди. Увы! У кареты не было ни дверцы, ни сиденья. Остался один остов.

Конечно, дядя прекрасно понимал, что тут кроется какая-то тайна и все произошло именно так, как он рассказывал. Он остался верен великой клятве, которую дал прекрасной молодой леди,— отказался ради нее от нескольких трактирщиц, очень выгодных партий, и в конце

концов умер холостяком. Он всегда вспоминал, как чудно это вышло, когда он, совершенно случайно перемахнув через забор, узнал, что призраки старых почтовых карет, лошадей, кондукторов, кучеров и пассажиров имеют обыкновение путешествовать каждую ночь. К этому он присовокупил, что, по его мнению, он был единственным живым существом, которому довелось участвовать как пассажиру в одной из таких поездок. И мне кажется, он был прав, джентльмены,— по крайней мере я ни о ком другом никогда не слышал».

— Хотел бы я знать, что возят в почтовых сумках эти призраки карет? — промолвил хозяин гостиницы, который с большим вниманием слушал рассказ.

— Конечно, мертвые письма *,— ответил торговый агент.

— Ах, вот оно что! — воскликнул хозяин.— Мне это не приходило в голову.

ГЛАВА L

Как мистер Пиквик отправился исполнять поручение и как он с самого начала нашел поддержку у весьма неожиданного союзника

На следующее утро лошади были поданы ровно без четверти девять, мистер Пиквик и Сэм Уэллер заняли свои места — первый внутри кареты, а второй снаружи,— и форейтор получил приказание ехать к дому мистера Боба Сойера, чтобы захватить мистера Бенджемина Эллена.

Когда экипаж остановился у подъезда с красным фонарем и очень четкой надписью «Сойер, преемник Нокморфа», мистер Пиквик, высунувшись из окна кареты, немало удивился, заметив, что мальчик в серой ливрее старательно закрывает ставни. Столь необычайная и отнюдь не деловая процедура в этот ранний утренний час немедленно побудила его построить две догадки: либо какой-нибудь добрый друг и пациент мистера Боба Сойера скончался, либо сам мистер Боб Сойер обанкротился.

— Что случилось? — обратился мистер Пиквик к мальчику.

— Ничего не случилось, сэр,— отозвался мальчик, осклабившись до ушей.

— Все в порядке! — крикнул Боб Сойер, неожиданно появляясь в дверях с маленькой кожаной сумкой, грязной и тощей, в одной руке, и с теплым пальто и шалью, перекинутыми через другую.— Я тоже еду, старина.

— Вы? — воскликнул мистер Пиквик.

— Я,— подтвердил Боб Сойер.— Это будет настоящая экспедиция. Эй, Сэм, не зевайте!

Обратив на себя внимание мистера Уэллера, мистер Боб Сойер швырнул ему кожаную сумку, которая была немедленно спрятана под сиденье Сэмом, явно восторгавшимся всей этой сценой. Покончив с сумкой, мистер Боб Сойер с помощью мальчика кое-как натянул на себя теплое пальто, которое было на несколько номеров меньше, чем следовало, а затем, подойдя к карете, просунул голову в окно и оглушительно захохотал.

— Каков сюрприз! — воскликнул Боб, вытирая слезы обшлагом теплого пальто.

— Мой дорогой сэр,— с некоторым замешательством промолвил мистер Пиквик,— я не подозревал, что вы будете нас сопровождать.

— Ну, конечно, не подозревали,— отвечал Боб, схватив мистера Пиквика за отворот пальто.— В этом вся соль.

— В этом вся соль? — переспросил мистер Пиквик.

— Разумеется,— подтвердил Боб.— Это, знаете ли, и есть сюрприз, а моя практика пусть сама о себе позаботится, раз она решила не заботиться обо мне.

Объяснив таким образом, почему закрыты ставни, мистер Боб Сойер указал на аптеку и снова залился неудержимым смехом.

— Помилуй бог, ведь вы безумец! Как можно оставлять больных без всякой помощи? — серьезно заметил мистер Пиквик.

— Что же тут такого? — возразил Боб.— Я, знаете ли, на этом заработаю. Ни один из них не платит. И вдобавок,— продолжал Боб, понизив голос до конфиденциального шепота,— они тоже не останутся в убытке. Дело в том, что мои лекарства на исходе, а денег сейчас нет, значит мне пришлось бы давать всем поголовно кало-

мель, и кое-кому это несомненно принесло бы вред. Итак, все к лучшему.

Ответ был философический и весьма разумный, и к этому мистер Пиквик оказался неподготовленным. Он помолчал, а затем сказал уже не столь решительным тоном:

— Друг мой, ведь карета двухместная, а я сговорился с мистером Элленом.

— Обо мне не беспокойтесь,— отвечал Боб,— я все улажу. Мы с Сэмом поместимся вдвоем на запятках. Посмотрите-ка, эта записка будет приклеена к двери: «Сойер, преемник Нокморфа. Справиться напротив, у миссис Крипс». Миссис Крипс — мать моего слуги. «Мистер Сойер очень сожалеет,— скажет миссис Крипс,— но он ничего не мог поделать: рано утром его увезли на консилиум с известнейшими хирургами... Не могли обойтись без него... Настаивали, чтобы он во что бы то ни стало приехал... Труднейшая операция». Дело в том,— прибавил в заключение Боб,— что я рассчитываю извлечь из этой поездки пользу. Если о ней напечатают в одной из местных газет, моя карьера обеспечена. А вот и Бен! Ну, полезайте!

Торопливо бросив эти слова, мистер Боб Сойер отстранил форейтора, впихнул своего друга в карету, захлопнул дверцу, поднял подножку, приклеил записку к двери, запер дверь, ключ положил в карман, вскочил на запятки, отдал приказ трогаться в путь,— и все это проделал с такой необычайной стремительностью, что не успел мистер Пиквик хорошенько обсудить, следует ли мистеру Бобу Сойеру ехать с ними, как они уже отправились в дорогу, и мистер Боб Сойер окончательно и бесповоротно утвердился на своем месте.

Пока они ехали по улицам Бристоля, шутник Боб не снимал своих профессиональных зеленых очков и держал себя с подобающей важностью и солидностью, ограничиваясь остротами исключительно для увеселения мистера Сэмюела Уэллера. Но когда они выехали на дорогу, он спрятал зеленые очки, а вместе с ними солидность и начал выкидывать разные фокусы, рассчитанные на то, чтобы привлечь внимание прохожих и сделать экипаж и пассажиров объектами, достойными повышенного инте-

реса. Самыми невинными из этих шуточек были весьма звучное подражание корнет-а-пистону и демонстрирование малинового шелкового носового платка, привязанного к трости, которою Боб размахивал с вызывающим видом и с сознанием собственного превосходства.

— Хотел бы я знать,— сказал мистер Пиквик, прерывая спокойную беседу с Беном Элленом на тему о добродетелях его сестры и мистера Уинкля,— хотел бы я знать, почему все прохожие глазеют на нас?

— Выезд очень хорош,— не без гордости отозвался Бен Эллен.— Полагаю, им не каждый день приходится видеть такую карету.

— Возможно,— отвечал мистер Пиквик,— быть может, и так. Очень может быть.

По всей вероятности, мистер Пиквик убедил бы себя в справедливости такого предположения, не выгляни он случайно из окна и не обрати внимания на то, что взгляды прохожих меньше всего выражают почтительное изумление и что между прохожими и кем-то, находившимся на крыше экипажа, наладились телеграфические переговоры. Тогда у него мелькнула мысль, что это может иметь некоторое отношение к проказам мистера Роберта Сойера.

— Надеюсь, наш легкомысленный друг никакими глупостями не занимается там, на запятках? — осведомился мистер Пиквик.

— Что вы! Конечно, нет,— успокоил его Бен Эллен.— Боб — смирнейшее создание в мире, если он не навеселе.

Тут послышались протяжные звуки корнет-а-пистона, а затем восторженные крики и вопли, явно вырывавшиеся из глотки и легких смирнейшего создания в мире, или, выражаясь проще, самого мистера Боба Сойера.

Мистер Пиквик и мистер Бен Эллен многозначительно переглянулись, и первый джентльмен, сняв шапку и высунувшись из окна кареты так далеко, что чуть ли не весь его жилет очутился за окном, ухитрился, наконец, увидеть своего веселого друга.

Мистер Боб Сойер сидел не на запятках, а на крыше кареты, широко раздвинув ноги, надев набекрень шляпу Сэмюела Уэллера и держа в одной руке огромный сандвич, а в другой — солидных размеров фляжку, к которым

он прикладывался по очереди с величайшим наслаждением, и для разнообразия испускал вопли и обменивался веселыми шутками с каждым встречным. Трость с малиновым флагом была привязана вертикально к перилам заднего сиденья, на коем восседал мистер Сэмюел Уэллер, щеголявший в шляпе Боба Сойера и также уплетавший двойной сандвич, причем его оживленная физиономия явно выражала полное и безоговорочное одобрение всему происходящему.

Этого было достаточно, чтобы рассердить любого джентльмена, наделенного, подобно мистеру Пиквику, чувством приличия, но положение ухудшилось еще благодаря тому, что как раз в этот момент они повстречались с пассажирской каретой, битком набитой и внутри и снаружи, пассажиры которой явно выражали свое удивление. Вдобавок восторженные возгласы ирландской семьи, бежавшей за каретой мистера Пиквика и клянчившей милостыню, не отличались сдержанностью. Особенно изощрялся глава семьи, вообразивший, будто видит перед собой неотъемлемую часть политической или какой-нибудь иной торжественной процессии.

— Мистер Сойер! — крикнул мистер Пиквик в крайнем возбуждении.— Мистер Сойер! Сэр!

— Что? — откликнулся этот джентльмен, с величайшим хладнокровием свешиваясь с крыши кареты.

— Вы с ума сошли, сэр? — вопросил мистер Пиквик.

— Ничуть не бывало,— ответил Боб.— Я просто веселюсь.

— Веселитесь, сэр? — воскликнул мистер Пиквик.— Я прошу вас убрать этот скандальный красный платок. Я настаиваю, сэр. Сэм, уберите!

Не успел Сэм вмешаться в дело, как мистер Боб Сойер грациозно сорвал свое знамя, сунул его в карман, учтиво поклонился мистеру Пиквику, вытер горлышко бутылки и начал переливать ее содержимое себе в глотку; тем самым, не тратя лишних слов, он дал ему понять, что пьет за его счастье и благополучие. Покончив с этим делом, Боб заботливо заткнул бутылку пробкой и, бросив благосклонный взгляд на мистера Пиквика, откусил солидный кусок сандвича и улыбнулся.

— Послушайте,— сказал мистер Пиквик, чей мимолетный гнев не мог устоять перед непоколебимым самообладанием Боба,— прошу вас, бросьте эти глупости.

— Ладно! — согласился Боб, обменявшись шляпами с мистером Уэллером.— Мне бы это и в голову не пришло, но я так оживился от езды, что ничего не мог поделать.

— Подумайте, на что это похоже,— увещевал его мистер Пиквик.— Позаботьтесь о приличиях.

— Согласен! — отвечал Боб.— Это ни на что не похоже. Конец делу, командир!

Успокоенный такими уверениями, мистер Пиквик снова спрятал голову в карету и поднял раму; но едва он возобновил разговор, прерванный мистером Бобом Сойером, как с некоторым испугом заметил какой-то маленький продолговатый темный предмет, появившийся за окном и нетерпеливо в него постукивавший, словно он добивался, чтобы его впустили.

— Что это такое? — воскликнул мистер Пиквик.

— Похоже на фляжку,— заметил Бен Эллен, с любопытством разглядывая упомянутый предмет сквозь очки.— Кажется, это фляжка Боба.

Догадка была совершенно правильная. Мистер Боб Сойер, привязав фляжку к концу трости, барабанил ею в окно, выражая желание, чтобы его друзья в карете отведали ее содержимое в добром согласии.

— Что же нам делать? — осведомился мистер Пиквик, посматривая на фляжку.— Эта выходка еще глупее прежних.

— Пожалуй, лучше всего взять фляжку в карету,— ответил мистер Бен Эллен.— Поделом ему, если мы ее возьмем и оставим здесь, не правда ли?

— Пожалуй,— согласился мистер Пиквик.— Взять?

— Мне кажется, это наилучший выход,— сказал Бен.

Так как этот совет вполне совпадал с точкой зрения самого мистера Пиквика, он осторожно опустил раму и отвязал фляжку от трости, после чего трость исчезла и послышался громкий смех мистера Боба Сойера.

— Какой веселый малый! — сказал мистер Пиквик, с фляжкой в руке оглядываясь на своего спутника.

— О да! — согласился мистер Эллен.

— Совершенно немыслимо сердиться на него,— заметил мистер Пиквик.

— Об этом и речи быть не может,— отвечал Бенджемин Эллен.

Пока происходил этот краткий диалог, мистер Пиквик по рассеянности откупорил фляжку.

— Что это? — равнодушно осведомился Бен Эллен.

— Не знаю,— столь же равнодушно отозвался мистер Пиквик.— Пахнет как будто молочным пуншем.

— Вот как? — сказал Бен.

— Мне так кажется,— отвечал мистер Пиквик, остерегаясь уклониться от истины.— Конечно, не отведав напитка, я не берусь его определить.

— А вы бы отведали,— посоветовал Бен.— Не мешает знать, что это такое.

— Вы думаете? — отозвался мистер Пиквик.— Ну что ж, если вам любопытно это знать, конечно я не возражаю.

Мистер Пиквик, всегда готовый жертвовать своими интересами ради друзей, тотчас же отведал напитка.

— Что это? — полюбопытствовал Бен Эллен, нетерпеливо отвлекая его от такого занятия.

— Странно! — причмокивая, сказал мистер Пиквик.— Я еще не могу определить. О да! — присовокупил он после второй пробы.— Это пунш.

Мистер Бен Эллен посмотрел на мистера Пиквика, мистер Пиквик посмотрел на мистера Бена Эллена; мистер Бен Эллен улыбнулся, мистер Пиквик был серьезен.

— Поделом ему будет,— с некоторой суровостью начал сей джентльмен,— поделом ему будет, если мы выпьем все до последней капли.

— То же самое и я подумал! — подхватил Бен Эллен.

— Неужели? — сказал мистер Пиквик.— В таком случае за его здоровье.

С этими словами сей превосходный джентльмен энергически хлебнул из фляжки и передал ее Бену Эллену, который не замедлил последовать его примеру. Теперь оба улыбались, и с молочным пуншем постепенно было покончено.

— В конце концов,— заметил мистер Пиквик, допив последние капли,— его проделки очень забавны. О да, очень смешны!

— Ну, еще бы! — согласился мистер Бен Эллен.

В доказательство того, что Боб Сойер был одним из уморительнейших ребят, он начал развлекать мистера Пиквика длинным и обстоятельным рассказом о том, как этот джентльмен однажды допился до белой горячки и ему пришлось обрить голову. Это приятное и занимательное повествование было прервано, когда карета остановилась

перед гостиницей «Колокол» на Берклиевской пустоши для смены лошадей.

— Послушайте, мы здесь пообедаем? — осведомился Боб, заглядывая в окно.

— Пообедаем? — удивился мистер Пиквик.— Да ведь мы проехали только двенадцать миль, а нам остается еще восемьдесят семь с половиной.

— Вот потому-то мы и должны закусить перед утомительным путешествием,— доказывал мистер Боб Сойер.

— Мыслимое ли дело — обедать в половине двенадцатого? — возразил мистер Пиквик, взглянув на часы.

— Вы правы,— согласился Боб,— самое подходящее время для завтрака. Эй вы, сэр! Завтрак на троих, немедленно, а экипаж подождет четверть часа. Распорядитесь, чтобы подали все холодные закуски, какие тут есть, несколько бутылок эля и лучшей мадеры.

Поспешно, но с превеликой важностью отдав этот приказ, мистер Боб Сойер тотчас же устремился в дом, дабы надзирать за приготовлениями. Пяти минут не прошло, как он уже вернулся и объявил, что все идет прекрасно.

Завтрак вполне оправдал похвалу, высказанную Бобом, и не только этот последний, но и мистер Бен Эллен с мистером Пиквиком отдали ему должное. При благосклонном участии всех троих эль и мадера быстро исчезли; а когда лошади были поданы и путешественники заняли свои места, предварительно наполнив фляжку наилучшим суррогатом молочного пунша, какой только можно было получить за такое короткое время, корнет-а-пистон звучал, и красный флаг развевался, не вызывая ни малейшего протеста со стороны мистера Пиквика.

В гостинице «Хмелевая Жердь» в Тьюксбери они остановились пообедать. По этому случаю было выпито еще некоторое количество эля, еще некоторое количество мадеры и вдобавок некоторое количество портвейна, а фляжку наполнили в четвертый раз. От совместного действия этих возбудителей мистер Пиквик и мистер Бен Эллен спали крепким сном на протяжении тридцати миль, а Боб и мистер Уэллер распевали на запятках дуэты.

Было совсем темно, когда мистер Пиквик очнулся и выглянул из окна. Разбросанные вдоль дороги коттеджи, грязноватая окраска всех предметов, тяжелый воздух,

тропинки, усыпанные золой и кирпичной пылью, багровое зарево доменных печей вдали, густые клубы дыма, медленно выползавшие из высоких труб и заволакивавшие окрестность, отблеск далеких огней, громоздкие возы, тащившиеся по дороге и нагруженные звенящими железными прутьями или тяжелыми тюками,— все указывало на быстрое приближение к большому фабричному городу, Бирмингему.

Когда они с грохотом проезжали по узким улицам, ведущим к деловому центру, шум и суета, вызванные напряженной работой, становились все назойливее. Улицы были запружены рабочим людом. Гул, сопровождавший работу, вырывался из каждого дома, в верхних этажах все окна были освещены, а от шума колес и стука машин дрожали стены. Огни печей — их багровый отблеск был виден за много миль — ярко пылали в больших мастерских и на фабриках. Удары молота, свист пара, глухой, тяжелый грохот машин казались варварской музыкой, доносившейся из всех кварталов.

Форейтор гнал лошадей по широким улицам, мимо красивых, залитых светом магазинов, расположенных по дороге к «Старой королевской гостинице», а мистер Пиквик все еще не успел обдумать весьма трудное и щекотливое поручение, которое привело его сюда.

Щекотливость этого поручения и трудности, связанные с удовлетворительным его выполнением, отнюдь не уменьшались благодаря добровольной поддержке мистера Боба Сойера. По правде говоря, мистер Пиквик сознавал, что в данном случае не стал бы искать его общества, как бы ни было оно приятно. Мало того, он охотно отдал бы порядочную сумму за то, чтобы мистера Боба Сойера немедленно препроводили куда-нибудь подальше, этак миль за пятьдесят.

Мистер Пиквик не был лично знаком с мистером Уинклем-старшим, но раза два обменялся с ним письмами, посылая утешительные сведения в ответ на его запросы относительно нравственности и поведения его сына. Он волновался, понимая, что первый визит в сопровождении Боба Сойера и Бена Эллена, слегка подвыпивших, отнюдь не является надежнейшим и вернейшим средством снискать расположение мистера Уинкля-старшего.

«А впрочем,— размышлял мистер Пиквик, успокаивая самого себя,— я сделаю все, что в моих силах. Я должен повидаться с ним сегодня же вечером, как я твердо обещал. Если они во что бы то ни стало пожелают меня сопровождать, я по возможности сокращу свидание и буду надеяться, что они ради собственного блага постараются держать себя прилично».

Пока он утешал себя такими соображениями, карета остановилась у двери «Старой королевской гостиницы». Бена Эллена, погруженного в мертвый сон, кое-как растолкал и вытащил за шиворот мистер Сэмюел Уэллер, после чего мистер Пиквик получил возможность выйти из кареты. Их ввели в комфортабельную комнату, и мистер Пиквик поспешил осведомиться у лакея, где находится резиденция мистера Уинкля.

— Совсем близко, сэр,— ответил лакей,— ярдах в пятистах, не больше, сэр. Мистер Уинкль — владелец пристани на канале, сэр. А дом, где он проживает... Да что я говорю, сэр! И пятисот ярдов не будет, сэр!

Лакей задул свечу и сделал вид, будто хочет снова зажечь ее, чтобы предоставить мистеру Пиквику возможность задать еще какой-нибудь вопрос, буде он того пожелает.

— Не хотите ли закусить, сэр? — спросил лакей, зажигая свечу и приходя в уныние от молчания мистера Пиквика.— Чаю или кофе, сэр? Обед, сэр?

— Сейчас ничего не надо.

— Слушаю, сэр. Прикажете заказать ужин, сэр?

— Нет, не сейчас.

— Слушаю, сэр.

Неслышными шагами он направился к двери, но затем остановился, оглянулся и вкрадчиво спросил:

— Не прикажете ли прислать вам горничную, джентльмены?

— Пришлите, если вам угодно,— отвечал мистер Пиквик.

— Если *вам* угодно, сэр.

— И принесите содовой воды,— сказал Боб Сойер.

— Содовой воды, сэр? Слушаю, сэр.

Получив, наконец, какое-то приказание, по-видимому снявшее с него непосильное бремя, лакей незаметно

испарился. Лакеи никогда не ходят и не бегают. Они отличаются своеобразной и таинственной способностью, неведомой остальным смертным, улетучиваться из комнаты.

Содовая вода пробудила легкие признаки жизни в мистере Бене Эллене, после чего, уступив уговорам, он вымыл лицо и руки и позволил Сэму почистить платье. Мистер Пиквик и Боб Сойер тоже привели себя в порядок после путешествия, и все трое, взявшись под руки, отправились к мистеру Уинклю. Боб Сойер, шагая по улице, отравлял воздух табачным дымом.

На расстоянии четверти мили, в тихой, солидной на вид улице, стоял старый кирпичный дом с тремя ступеньками, ведущими к двери с медной табличкой, на которой жирным прямым шрифтом было начертано: «М-р Уинкль». Ступеньки были очень белые, кирпичи очень красные, а дом очень чистый. Мистер Пиквик, мистер Бенджемин Эллен и мистер Боб Сойер остановились перед ним, когда часы пробили десять.

На стук вышла опрятная служанка и выпучила глаза, увидев трех незнакомцев.

— Мистер Уинкль дома, моя милая? — осведомился мистер Пиквик.

— Он собирается ужинать, сэр,— ответила девушка.

— Пожалуйста, передайте ему эту карточку,— попросил мистер Пиквик.— Скажите, что мне совестно беспокоить его в такой поздний час, но я во что бы то ни стало должен повидаться с ним сегодня, а я только что приехал.

Девушка пугливо посмотрела на мистера Боба Сойера, который строил удивительные гримасы, выражая свое восхищение ее красотой, затем, покосившись на шляпы и пальто, висевшие в коридоре, вызвала другую девушку и попросила ее посторожить у входа, пока она сбегает наверх. Впрочем, часового быстро сменили: девушка тотчас же вернулась, попросила извинения у джентльменов, что заставила их ждать на улице, и ввела их в комнату, напоминавшую не то контору, не то гардеробную. Главными предметами обстановки, полезными и декоративными, служили конторка, умывальник, зеркало для бритья, стойка для сапог и приспособление для снимания их, высокий табурет, четыре стула, стол и старые часы

с недельным заводом. Над каминной доской виднелись дверцы несгораемого шкафа, а две висячие полки для книг, календарь и несколько пыльных регистраторов для бумаг красовались на стенах.

— Простите, сэр, что я заставила вас дожидаться на крыльце,— сказала девушка, зажигая лампу и приветливо улыбаясь мистеру Пиквику.— Но я вас совсем не знала, а здесь столько бродяг шляется, которые так и норовят что-нибудь стянуть...

— Никаких извинений не требуется, моя милая,— добродушно отозвался мистер Пиквик.

— Решительно никаких, мое сокровище! — подхватил Боб Сойер, шутливо протягивая руки и прыгая перед дверью, словно для того, чтобы воспрепятствовать молодой леди выйти из комнаты.

Молодую леди отнюдь не смягчило такое заигрывание, и она тут же высказала свое мнение, что мистер Боб Сойер — «несносный человек». А когда он начал приставать со своими любезностями, она оставила на его физиономии отпечаток хорошенькой ручки и выбежала из комнаты, красноречиво выражая свое презрение и отвращение к нему.

Лишившись общества молодой леди, мистер Боб Сойер придумал новые развлечения: заглядывал в конторку, выдвигал ящики стола, делал вид, будто взламывает несгораемый шкаф, повернул календарь лицом к стене, натягивал сапоги мистера Уинкля-старшего поверх собственных и проделывал различные забавные эксперименты с мебелью, что привело мистера Пиквика в невыразимый ужас и смятение, а мистеру Бобу Сойеру доставило наслаждение.

Наконец, дверь открылась, и маленький пожилой джентльмен в костюме табачного цвета, представлявший собой точную копию мистера Уинкля-младшего, с той только разницей, что пожилой джентльмен был лыс, проворно вошел в комнату, держа в одной руке визитную карточку мистера Пиквика, а в другой — серебряный подсвечник.

— Мистер Пиквик, как поживаете, сэр? — осведомился Уинкль-старший, поставив подсвечник и протягивая руку.— Надеюсь, в добром здоровье, сэр? Рад вас

видеть. Присаживайтесь, мистер Пиквик, прошу вас, сэр. А этот джентльмен...

— Мой друг мистер Сойер,— сказал мистер Пиквик.— Друг вашего сына.

— О! — сказал мистер Уинкль-старший, довольно хмуро посматривая на Боба.— Надеюсь, и вы здоровы, сэр?

— В полном порядке, сэр,— отвечал Боб Сойер.

— А другой джентльмен,— продолжал мистер Пиквик,— как вы узнаете из письма, которое мне поручено передать вам,— очень близкий родственник или, пожалуй, следовало бы сказать — очень близкий друг вашего сына. Его фамилия Эллен.

— Вон *тот* джентльмен? — спросил мистер Уинкль, указывая визитной карточкой на Бена Эллена, который заснул в такой позе, что видны были только его спина и воротник пальто.

Мистер Пиквик хотел было ответить на этот вопрос, назвать полностью имя и фамилию мистера Бенджемина Эллена и распространиться на тему о его похвальных качествах, но в этот момент резвый Боб Сойер, дабы вернуть своего приятеля к жизни, неожиданно ущипнул его за руку, после чего тот с воплем вскочил. Сообразив, что находится в присутствии незнакомого человека, мистер Бен Эллен приблизился к мистеру Уинклю и, минут пять горячо пожимая ему обе руки, бормотал какие-то невнятные фразы, выражая восторг по случаю знакомства с ним и гостеприимно осведомляясь, не желает ли он подкрепиться после прогулки или предпочитает подождать «до обеденного часа», после чего сел, глупо озираясь по сторонам, словно не имел понятия о том, где находится,— да так оно и было в действительности.

Все это весьма смущало мистера Пиквика, тем более что мистер Уинкль-старший был явно поражен эксцентрическим — чтобы не сказать чудовищным — поведением его спутника. Желая поскорее покончить с этим, он вынул письмо из кармана и, протягивая его мистеру Уинклю-старшему, сказал:

— Сэр, это письмо от вашего сына. Ознакомившись с его содержанием, вы узнаете, что на вашем благосклонном и отеческом отношении зиждется все его сча-

стье и благополучие. Сделайте одолжение, прочтите его спокойно и хладнокровно, а затем обсудите этот вопрос со мной в том духе и в тех выражениях, в каких надлежит его обсуждать. Сколь важно ваше решение для вашего сына и как он волнуется, дожидаясь его, вы можете судить по тому, что я явился к вам без предупреждения в такой поздний час и,— добавил мистер Пиквик, покосившись на своих спутников,— при таких неблагоприятных обстоятельствах.

После этой прелюдии мистер Пиквик вручил потрясенному мистеру Уинклю-старшему покаянное письмо на превосходнейшей веленевой бумаге — четыре страницы, исписанные мелким почерком. Затем, снова усевшись на стул, он стал следить за выражением лица мистера Уинкля,— по правде говоря, с некоторой тревогой, но в то же время с чистой совестью сознавая, что ему не в чем себя винить или упрекать.

Пожилой владелец пристани повертел письмо в руках, посмотрел на него спереди, сзади и сбоку, тщательно исследовал пухлого мальчугана на печати, бросил взгляд на мистера Пиквика, а затем, взобравшись на высокий табурет и придвинув к себе лампу, сломал печать, развернул послание и, приблизив его к лампе, приготовился читать.

Как раз в этот момент мистер Боб Сойер, чей острый ум был в течение нескольких минут погружен в спячку, состроил гримасу, подражая покойному мистеру Гримальди * в роли клоуна, как он изображен на портрете. Случилось так, что мистер Уинкль-старший, который, вопреки предположениям мистера Боба Сойера, еще не успел погрузиться в чтение, посмотрел поверх письма не на кого иного, как на самого мистера Боба Сойера. Справедливо заключив, что вышеупомянутая гримаса адресована ему с целью высмеять его собственную особу, он устремил строгий взгляд на Боба, а на лице покойного мистера Гримальди появилось весьма приятное выражение робости и замешательства.

— Вы что-то сказали, сэр? — осведомился мистер Уинкль-старший, нарушая зловещее молчание.

— Нет, сэр,— отвечал Боб, в котором ничего не осталось от клоуна, кроме чрезвычайно яркого румянца на щеках.

— Вы в этом уверены, сэр? — допытывался мистер Уинкль-старший.

— Ах, боже мой, конечно, сэр, совершенно уверен! — отвечал Боб.

— Мне послышалось, будто вы что-то сказали, сэр,— негодующим тоном продолжал старый джентльмен.— Быть может, вы *смотрели* на меня, сэр?

— О нет, сэр, и не думал смотреть,— весьма учтиво отвечал Боб.

— Очень рад это слышать, сэр,— сказал мистер Уинкль-старший.

Величественно бросив хмурый взгляд на посрамленного Боба, старый джентльмен снова поднес письмо к свету и на этот раз действительно начал читать.

Мистер Пиквик внимательно следил за ним, когда он переводил взгляд с последней строки первой страницы на верхнюю строку второй, с последней строки второй на верхнюю третьей и с последней строки третьей на верхнюю четвертой, но по его неподвижному лицу нельзя было угадать, как он принял сообщение о женитьбе сына, хотя мистеру Пиквику было известно, что оно заключалось в первых же нескольких строках.

Он прочел письмо до конца, сложил его со всей заботливостью и аккуратностью, свойственной деловому человеку, и как раз в тот момент, когда мистер Пиквик ждал сильного выражения чувств, обмакнул перо в чернила и сказал с таким спокойствием, словно обсуждал самый простой бухгалтерский вопрос:

— Вы знаете адрес Натэниела, мистер Пиквик?

— В настоящее время — гостиница «Джордж и Ястреб»,— ответил сей джентльмен.

— «Джордж и Ястреб». Где это?

— Джордж-ярд, Ломберд-стрит.

— В Сити?

— Да.

Старый джентльмен старательно записал адрес на обратной стороне письма, затем спрятал письмо в конторку, запер на ключ, встал с табурета и сказал, пряча в карман связку ключей:

— Полагаю, больше нам обсуждать нечего, сэр?

— Нечего, дорогой сэр? — с удивлением и негодова-

нием воскликнул сей мягкосердечный человек.— Нечего? Неужели вы не выскажете своего мнения о столь знаменательном событии в жизни нашего молодого друга? Неужели не поручите мне заверить его от вашего имени в вашей неизменной любви к нему и заботливом отношении? Неужели не скажете ничего, что могло бы воодушевить и успокоить и его и пребывающую в волнении молодую женщину, которая ищет у него утешения и поддержки? Подумайте, мой дорогой сэр!

— Я подумаю,— ответил старый джентльмен.— В данный момент я ничего сказать не могу. Мистер Пиквик, я — человек деловой. Ни за какие дела я не принимаюсь второпях, а что касается этого дела, то мне оно отнюдь не нравится. Тысяча фунтов — небольшая сумма, мистер Пиквик.

— Вы совершенно правы, сэр,— вмешался Бен Эллен, сквозь сон припоминая, что *свою* тысячу он спустил без малейших затруднений.— Вот умный человек! Боб, это очень смышленый малый.

— Очень рад, что именно вы отдаете мне должное, сэр,— сказал мистер Уинкль-старший, презрительно взглянув на мистера Бена Эллена, который глубокомысленно покачивал головой.— Мистер Пиквик, дело вот в чем: разрешив моему сыну год побродяжничать, повидать белый свет (что он и сделал под вашим руководством), чтобы в жизнь он вступил не беспомощным школьником, я отнюдь не ждал таких результатов. Ему это очень хорошо известно, и если я лишу его теперь своей поддержки, у него нет никаких оснований удивляться. Я его извещу, мистер Пиквик. Спокойной ночи, сэр. Маргарет, откройте дверь.

Тем временем Боб Сойер подталкивал мистера Бена Эллена, понукая его сказать что-нибудь в защиту, и Бен без всяких предупреждений разразился краткой, но сильной речью.

— Сэр! — сказал мистер Бен Эллен, глядя на старого джентльмена очень тусклыми и томными глазами и энергически размахивая правой рукой.— Вы... вы бы постыдились самого себя.

— Как брат молодой леди, вы несомненно являетесь судьей в этом деле,— отрезал мистер Уинкль-старший.—

Довольно! Пожалуйста, ни слова больше, мистер Пиквик. Спокойной ночи, джентльмены.

С этими словами старик взял свечу и, открыв дверь, вежливо указал по направлению к выходу.

— Вы пожалеете об этом, сэр,— произнес мистер Пиквик, стискивая зубы, чтобы сдержать раздражение, ибо понимал, насколько важными могут оказаться последствия этого раздражения для его молодого друга.

— В настоящий момент я придерживаюсь другого мнения,— спокойно отозвался мистер Уинкль-старший.— Джентльмены, позвольте еще раз пожелать вам спокойной ночи.

Мистер Пиквик в гневе вышел на улицу. Мистер Боб Сойер, совершенно обескураженный решительными мерами старого джентльмена, последовал его примеру. Немедленно вслед за этим шляпа мистера Бена Эллена скатилась по ступенькам лестницы, а ее примеру последовал и сам мистер Бен Эллен. По дороге все трое молчали и, не поужинав, улеглись в постель. Засыпая, мистер Пиквик размышлял о том, что, знай он, какой кремень мистер Уинкль-старший, вряд ли он рискнул бы отправиться к нему с таким поручением.

ГЛАВА LI,

в которой мистер Пиквик встречает старого знакомого, и этому счастливому обстоятельству читатель обязан интереснейшими фактами, здесь изложенными, о двух великих общественных деятелях, облеченных властью

Утро, приветствовавшее мистера Пиквика ровно в восемь часов, отнюдь не могло улучшить его расположение духа или развеять уныние, вызванное непредвиденными результатами его миссии. Небо было темное и хмурое, воздух сырой и холодный, улицы мокрые и грязные. Дым лениво стлался над трубами, словно у него не хватало мужества подняться, а дождь моросил медленно и вяло, точно ему лень было лить по-настоящему. Бойцовый пе-

тух во дворе, утратив последние проблески привычного оживления, мрачно балансировал на одной ноге; осел, понурив голову, хандрил под навесом и, судя по его задумчивому и жалкому виду, размышлял о самоубийстве. На улице ничего не видно было, кроме зонтов, и ничего не слышно, кроме стука патен и журчания дождя.

За завтраком разговаривали очень мало. Даже Боб Сойер ощущал влияние погоды и треволнений вчерашнего дня. Пользуясь его собственным образным выражением, он был «пришиблен». То же можно сказать и о мистере Бене Эллене. То же самое — и о мистере Пиквике.

Томительно выжидая, когда погода прояснится, они читали и перечитывали последний вечерний номер лондонской газеты с тем напряженным интересом, какой можно наблюдать только в часы беспредельной скуки; с такою же настойчивостью истоптали каждый дюйм ковра; так часто выглядывали на улицу, что давали основание к обложению окон добавочными налогами; перебрали и истощили все темы разговора; наконец, когда полдень не принес никакой перемены к лучшему, мистер Пиквик решительно позвонил в колокольчик и заказал карету.

Хотя дороги были грязные, а дождь моросил все упорнее и хотя комья грязи и брызги залетали в открытые окна кареты, причиняя внутренним пассажирам чуть ли не такое же беспокойство, как и пассажирам наружным,— все-таки ехать и ощущать какое-то движение было бесконечно приятнее, чем сидеть безвыходно в скучной комнате и смотреть, как скучный дождь поливает скучную улицу, а потому, едва тронувшись в путь, все в один голос признали, что произошла перемена к лучшему, и недоумевали, как могли они так долго откладывать свой отъезд.

Когда они остановились в Ковентри *, от лошадей валил такой густой пар, что конюх был совершенно невидим и слышался только его голос, когда он из тумана заявил о своих надеждах получить при следующей раздаче наград первую золотую медаль от Филантропического общества за то, что снял с форейтора шляпу. По словам невидимого джентльмена, он (форейтор) неизбежно утонул бы в воде, стекающей с полей шляпы, если

бы конюх, проявив удивительное присутствие духа, не сорвал ее с его головы и не вытер лицо захлебывающегося человека пучком сена.

— Приятно! — заметил Боб Сойер, поднимая воротник пальто и прикрывая рот, чтобы концентрировать пары только что выпитого стаканчика бренди.

— Очень,— безмятежно отозвался Сэм.

— А вам как будто все равно? — спросил Боб.

— А что толку, сэр, если бы мне и не было все равно? — изрек Сэм.

— Это неоспоримый довод,— согласился Боб.

— Вот именно, сэр,— подтвердил мистер Уэллер.— Все к лучшему, как заметил кротко один молодой аристократ, когда ему дали пенсию за то, что дед жены дяди его матери подал королю трут, чтобы раскурить трубку.

— Мысль недурна, Сэм,— одобрил мистер Боб Сойер.

— То же самое говорил до конца своей жизни молодой аристократ в дни выдачи пенсии,— сообщил мистер Уэллер.

— Случалось ли вам,— помолчав, продолжал Сэм, посматривая на форейтора и говоря таинственным шепотом,— случалось ли вам, когда вы учились у костоправов, навещать больного форейтора?

— Что-то не припоминаю,— ответил Боб Сойер.

— А когда вы появились (как говорится о привидениях) в больнице, вам никогда не случалось видеть там форейтора?

— Нет,— отвечал Боб,— не случалось.

— И никогда не бывали на таком кладбище, где бы стоял памятник форейтору, и мертвого форейтора никогда не видели? — допытывался Сэм.

— Никогда,— заявил Боб.

— Правильно! — с торжеством воскликнул Сэм.— И никогда не увидите. И еще кое-чего никто и никогда не увидит — мертвого осла. Ни один человек не видел мертвого осла *, кроме джентльмена в коротких черных шелковых штанах, знакомого молодой женщины, которая пасла козу; но то был французский осел и, стало быть, не регулярной породы.

— Какое же это имеет отношение к форейторам? — полюбопытствовал Боб Сойер.

— А вот послушайте,— отвечал Сэм.— Кое-кто из очень умных людей утверждает, что и форейторы и ослы бессмертны, но я так далеко не пойду, а скажу вот что: как только они почувствуют, что подходит старость и работа им не под силу, они все вместе куда-то отправляются, обычным порядком, по одному форейтору на пару ослов. Что с ними затем происходит — никто не ведает, но, по всей вероятности, они забавляются в каком-нибудь другом мире, потому что ни одному человеку не доводилось видеть, чтобы осел или форейтор забавлялись на этом свете!

Излагая эту изумительную научную теорию и подкрепляя ее любопытными статистическими и иными данными, Сэм Уэллер коротал время, пока не доехали до Данчерча, где получили сухого форейтора и свежих лошадей. Следующая остановка была в Девентри, а затем в Таустере, и в конце каждого перегона дождь лил сильнее, чем вначале.

— Послушайте,— взмолился Боб Сойер, заглядывая в окно кареты, когда они остановились у гостиницы «Голова Сарацина» в Таустере,— этак, знаете ли, продолжаться не может.

— Ах, .боже мой! — воскликнул мистер Пиквик, очнувшись от дремоты.— Боюсь, как бы вы не промокли.

— Как бы я не промок? — повторил Боб.— Пожалуй, это уже случилось. Кажется, я отсырел.

Боб действительно отсырел: вода струилась у него с шеи, локтей, обшлагов и колен, и весь его костюм так блестел от воды, что можно было принять его за клеенчатый.

— Я немножко промок,— продолжал Боб, отряхиваясь и разбрызгивая воду, словно ньюфаундлендская собака, только что выбравшаяся на сушу.

— Мне кажется, сегодня немыслимо ехать дальше,— вмешался Бен.

— Об этом и речи быть не может, сэр,— заявил Сэм Уэллер, решив принять участие в совещании.— Было бы жестоко принуждать к этому лошадей, сэр. Здесь есть постели, сэр,— продолжал Сэм, обращаясь к своему хозяину,— чистота и комфорт. В полчаса приготовят пре-

красный обед, сэр: куры и телячьи котлеты, сэр; французские бобы, картофель, торт и полный порядок. Разрешите вам посоветовать, сэр,— оставайтесь-ка вы здесь. Следуйте моим предписаниям, как сказал доктор.

В этот момент, весьма кстати, подоспел хозяин «Головы Сарацина», дабы подтвердить слова мистера Уэллера касательно удобств этой гостиницы и подкрепить его мольбы мрачными предположениями о состоянии дорог и об отсутствии свежих лошадей на следующей станции, а также непоколебимой уверенностью в том, что дождь будет лить всю ночь, а к утру погода прояснится, и другими заманчивыми доводами, известными содержателям гостиниц.

— Все это верно,— сказал мистер Пиквик,— но я должен как-нибудь отправить в Лондон письмо, чтобы оно было доставлено завтра рано утром, иначе придется во что бы то ни стало рискнуть и ехать дальше.

Хозяин просиял от восторга. Ничего не может быть легче, стоит только джентльмену завернуть письмо в оберточную бумагу и отправить его либо с почтовой, либо с пассажирской ночной каретой из Бирмингема. Если джентльмен желает, чтобы письмо было доставлено как можно скорее, ему стоит только написать на обертке: «доставить немедленно» — это верный способ,— или «уплатить подателю сего лишних полкроны за немедленную доставку» — этот способ еще вернее.

— Прекрасно,— сказал мистер Пиквик,— в таком случае мы остановимся здесь.

— Джон! — крикнул хозяин.— Зажгите свечи в «Солнце», разведите огонь в камине, джентльмены промокли! Пожалуйте сюда, джентльмены. Не беспокойтесь о форейторе, сэр, я его пришлю, когда вы позвоните. Джон, свечи!

Свечи были принесены, огонь разведен и дрова подброшены. Спустя десять минут лакей накрывал на стол, занавески были спущены, огонь ярко пылал, и все вокруг имело такой вид (как всегда бывает во всех приличных английских гостиницах), словно путешественников ждали и заблаговременно позаботились об их комфорте.

Мистер Пиквик уселся за отдельный столик и поспешно написал записку мистеру Уинклю, сообщая, что

задержался по случаю плохой погоды, но завтра несомненно прибудет в Лондон. Эта записка была быстро завернута в бумагу и вручена мистеру Сэмюелу Уэллеру для передачи в буфетную.

Сэм оставил ее у хозяйки гостиницы и, обсушившись возле кухонного очага, возвращался, чтобы снять башмаки со своего хозяина, как вдруг, заглянув в приоткрытую дверь, увидел рыжеватого джентльмена, сидевшего за столом над кипой газет и с такой саркастической улыбкой читавшего передовую статью в одной из них, что нос у него искривился, а лицо дышало величественным презрением.

— Эге! — сказал Сэм.— Это лицо мне как будто знакомо, а также очки и широкополая шляпа! Будь я проклят, если тут не пахнет Итенсуиллом.

Сэм отчаянно закашлялся, чтобы привлечь внимание джентльмена. Джентльмен вздрогнул, поднял голову и очки, и Сэм увидел глубокомысленную и вдумчивую физиономию мистера Потта, редактора «Итенсуиллской газеты».

— Прошу прощенья, сэр,— сказал Сэм, приближаясь к нему с поклоном,— мой хозяин здесь, мистер Потт.

— Тише! Тише! — крикнул Потт и, втащив Сэма в комнату, закрыл за ним дверь, всей своей физиономией неведомо почему выражая испуг.

— Что случилось, сэр? — осведомился Сэм, с недоумением озираясь вокруг.

— Даже шепотом не произносите моего имени! — отвечал Потт.— Это Желтый округ. Если раздраженное население узнает, что я здесь, меня разорвут в клочья!

— Да неужели, сэр? — удивился Сэм.

— Я паду жертвой их бешенства,— ответствовал Потт.— Ну-с, молодой человек, что скажете о вашем хозяине?

— Он с двумя приятелями остановился здесь на ночь по дороге в Лондон,— сообщил Сэм.

— И мистер Уинкль с ним? — насупившись, спросил Потт.

— Нет, сэр. Мистер Уинкль остался дома,— ответил Сэм.— Он женился.

— Женился! — с жаром воскликнул Потт. Он помол-

чал, мрачно улыбнулся и добавил глухим зловещим голосом: — Поделом ему!

Выразив таким образом свою смертельную ненависть и холодное торжество над поверженным врагом, мистер Потт осведомился, принадлежат ли друзья мистера Пиквика к сторонникам Синих. Получив весьма удовлетворительный ответ от Сэма, который знал об этом не больше, чем сам Потт, он согласился последовать за ним в комнату мистера Пиквика, где его ждал сердечный прием. Тотчас же было выдвинуто и принято предложение пообедать всем вместе.

— Как идут дела в Итенсуилле? — полюбопытствовал мистер Пиквик, когда Потт подсел к камину и все сняли мокрые сапоги и надели сухие туфли.— «Независимый» еще существует?

— «Независимый», сэр,— отвечал Потт,— все еще влачит свое жалкое, ничтожное существование. Ненавидимый и презираемый даже теми немногими, которые знают о его презренном и гнусном прозябании, захлебываясь потоками грязи, какие сам же изливает, оглушенный и ослепленный испарениями своей же собственной гнили, непристойный орган печати, не подозревая о своем падении, быстро погружается в предательскую трясину, которая как будто служит ему твердой опорой среди низких классов общества, но тем не менее смыкается над его головой и скоро поглотит его навеки.

Выразительно отчеканив этот приговор (заимствованный из его последней передовой статьи), редактор остановился, чтобы передохнуть, и устремил величественный взор на Боба Сойера.

— Вы еще молоды,— сказал Потт.

Мистер Боб Сойер кивнул головой.

— И вы также, сэр,— сказал Потт, обращаясь к Бену Эллену.

Бен признал справедливость этого обвинения.

— И, надеюсь, вы оба впитали те Синие принципы, какие я обязался перед народом Соединенного королевства защищать и проводить до конца жизни,— продолжал Потт.

— Видите ли, я, собственно говоря, в этом не разбираюсь,— отозвался Боб Сойер.— Я...

— Уж не Желтый ли он, мистер Пиквик? — перебил Потт, отодвигая стул.— Ваш друг не Желтый, сэр?

— Нисколько! — возразил Боб.— В настоящее время я похож на шотландскую материю: смесь всех цветов.

— Колеблющийся,— торжественно определил Потт,— колеблющийся! Сэр, я бы хотел показать вам восемь передовых статей, появившихся в «Итенсуиллской газете». Мне кажется, я вправе утверждать, что вы не замедлите после этого обосновать свои мнения на твердом и незыблемом Синем фундаменте, сэр.

— Пожалуй, я совсем посинею задолго до того, как дочитаю их до конца,— отвечал Боб.

Мистер Потт подозрительно посмотрел на Боба Сойера и, повернувшись к мистеру Пиквику, сказал:

— Вы читали литературные статьи, которые появлялись за последние три месяца в «Итенсуиллской газете» и вызвали всеобщее восхищение? Я бы осмелился сказать — всеобщее изумление и восхищение?

— Видите ли,— отозвался мистер Пиквик, слегка смущенный таким вопросом,— я был очень занят другими делами и буквально не имел возможности их прочесть.

— А следовало бы это сделать, сэр,— с сердитой гримасой сказал Потт.

— Я прочту,— обещал мистер Пиквик.

— Они написаны в форме пространного отзыва о книге, трактующей о китайской метафизике, сэр,— сообщил Потт.

— О! — отозвался мистер Пиквик.— Произведение вашего пера?

— Одного из моих сотрудников, сэр,— с достоинством ответил Потт.

— Трудный предмет, сказал бы я,— заметил мистер Пиквик.

— Чрезвычайно трудный, сэр! — с глубокомысленным видом изрек Потт.— Для этого он «натаскивался», пользуясь техническим, но выразительным термином. По моему совету он читал Британскую энциклопедию.

— В самом деле? — сказал мистер Пиквик.— Я и не подозревал, что этот ценный труд содержит какие-нибудь сведения о китайской метафизике.

— Сэр! — продолжал Потт, положив руку на колено мистера Пиквика и улыбаясь с сознанием собственного умственного превосходства.— Сэр, о метафизике он прочел под буквой М, а о Китае — под буквой К и затем совокупил полученные сведения.

Физиономия мистера Потта выражала такое необычайное величие при воспоминании о сокровищах науки, вошедших в упомянутые статьи, что мистер Пиквик не сразу осмелился возобновить разговор. Наконец, когда лицо редактора постепенно разгладилось и обрело свойственное ему высокомерное выражение морального превосходства, мистер Пиквик рискнул продолжить беседу и задал вопрос:

— Могу ли я осведомиться, какая великая цель увела вас так далеко от родного города?

— Та цель, которая побуждает и вдохновляет меня во всех моих гигантских трудах, сэр,— с кроткой улыбкой ответил Потт,— благо моей родины!

— Вероятно, какая-нибудь общественная миссия,— заметил мистер Пиквик.

— Да, сэр,— подтвердил Потт,— вы правы.— И, наклонившись к мистеру Пиквику, глухо прошептал: — Завтра вечером будет Желтый бал в Бирмингеме.

— Ах, боже мой! — воскликнул мистер Пиквик.

— Да, сэр, и ужин,— добавил Потт.

— Да что вы говорите! — удивился мистер Пиквик.

Потт торжественно кивнул головой.

Хотя мистер Пиквик и сделал вид, будто потрясен этим сообщением, но он был столь мало сведущ в местной политике, что не мог в полной мере уразуметь все значение упомянутого гнусного заговора. Заметив это, мистер Потт извлек последний номер «Итенсуиллской газеты» и прочел следующую заметку:

«ТАЙНЫЕ КОЗНИ ЖЕЛТЫХ

Наш подлый противник не так давно изрыгнул свой черный яд в тщетной и безнадежной попытке загрязнить славное имя нашего знаменитого и достойного представителя, почтенного мистера Сламки — того Сламки,

которому мы задолго до того, как он занял свой теперешний ответственный и высокий пост, предсказывали, что настанет день — и этот день настал,— когда страна будет чествовать его и гордиться им, ее доблестным защитником и украшением. Наш подлый противник,— говорим мы,— вздумал посмеяться над превосходным луженым ведром для угля, которое было преподнесено этому великому человеку его восторженными избирателями и по случаю покупки коего негодяй, скрывший свое имя, инсинуирует, будто сам почтенный мистер Сламки внес более трех четвертей подписной суммы через близкого друга своего дворецкого. Неужели эта рептилия не понимает, что, даже буде это правда, почтенный мистер Сламки предстает перед нами — если только сие возможно — в еще более ярком и ослепительном свете? Неужели этот тупица не постигает, что такое любезное и трогательное желание исполнить волю избирателей должно навеки покорить сердца и души тех, которые еще не стали хуже свиней или, иначе говоря, которые не так низко пали, как этот упомянутый наш собрат? Но таковы гнусные уловки злокозненных Желтых! Этим не ограничиваются их интриги. Здесь пахнет предательством. Заявляем смело — теперь, когда мы вынуждены сделать это разоблачение, а затем искать защиты у страны и ее констеблей, заявляем смело: в настоящее время идут тайные приготовления к Желтому балу, каковой будет дан в Желтом городе в самом сердце Желтого населения, под руководством Желтого церемониймейстера; на этом балу будут присутствовать четверо Ультражелтых членов парламента, и вход будет производиться только по Желтым билетам! Не содрогается ли наш дьявольский собрат? Пусть корчится в бессильной злобе, когда мы начертаем слова: *«Мы там будем»*.

— Вот, сэр! — добавил Потт, в изнеможении складывая газету.— Таково положение дел.

Так как в эту минуту хозяин гостиницы и лакей принесли обед, мистер Потт приложил палец к губам, давая понять, что его жизнь находится в руках мистера Пиквика и он рассчитывает на его осторожность. Мистеры Боб Сойер и Бенджемин Эллен, непочтительно заснувшие во время чтения заметки из «Итенсуиллской газеты»,

проснулись от одного магического слова «обед», произнесенного шепотом. Они сели за обед; к услугам их аппетита было хорошее пищеварение, здоровье — к услугам аппетита и пищеварения, и лакей — к услугам всех этих трех свойств.

За обедом и во время последовавшей беседы мистер Потт, снизойдя до житейских тем, сообщил мистеру Пиквику, что итенсуиллский климат оказался вреден для его супруги, и она решила побывать на различных модных курортах, чтобы восстановить здоровье и душевные силы. Этими словами он деликатно маскировал тот факт, что миссис Потт, приводя в исполнение часто повторяемую угрозу о разводе, уехала навсегда вместе с верным телохранителем и, благодаря договору, заключенному ее братом лейтенантом с мистером Поттом, обеспечила себе половину редакторского жалованья и годовой прибыли от «Итенсуиллской газеты».

Пока великий мистер Потт распространялся на эту и другие темы, время от времени освежая беседу цитатами из своих собственных произведений, какой-то угрюмый на вид незнакомец, выглянув из окна кареты, направлявшейся в Бирмингем и остановившейся перед гостиницей, чтобы сдать пакеты, пожелал узнать, может ли он рассчитывать на такие удобства, как кровать и постель, если вздумает здесь переночевать.

— Разумеется, сэр,— ответил хозяин гостиницы.

— Могу? В самом деле? — спросил незнакомец, которому, судя по тону и манере, была свойственна подозрительность.

— Несомненно, сэр,— ответил хозяин.

— Хорошо,— сказал незнакомец.— Кучер, я здесь выхожу. Кондуктор, мой саквояж!

Отрывисто пожелав остальным пассажирам спокойной ночи, незнакомец вылез из кареты. Это был невысокий джентльмен с очень жесткими черными волосами, остриженными под дикобраза или под сапожную щетку и стоявшими дыбом. Он держал себя сурово и величаво; манеры были повелительные, глаза зоркие, а вся осанка свидетельствовала о безграничной самоуверенности и сознании неизмеримого превосходства над остальными смертными.

Этого джентльмена ввели в комнату, первоначально предназначенную для патриотически настроенного мистера Потта, и лакей с немым изумлением отметил странное совпадение: едва он зажег свечи, как незнакомец, запустив руку в свою шляпу, вытащил оттуда газету и начал читать ее с тем же негодующим презрением, какое час назад, отражаясь на величавой физиономии Потта, парализовало энергию лакея. Он заметил также, что презрение мистера Потта было вызвано газетой, называвшейся «Итенсуиллский независимый», тогда как возмущение этого джентльмена пробудила «Итенсуиллская газета».

— Позовите хозяина! — приказал незнакомец.

— Слушаю, сэр,— ответил лакей.

Хозяина позвали, и он явился.

— Вы хозяин? — осведомился джентльмен.

— Я, сэр,— отвечал хозяин.

— Вы меня знаете? — спросил джентльмен.

— Не имею этого удовольствия, сэр,— ответил хозяин.

— Моя фамилия Слерк,— сообщил джентльмен.

Хозяин слегка поклонился.

— Слерк, сэр! — высокомерно повторил джентльмен.— Теперь, любезный, вы знаете, кто я такой?

Хозяин почесал в затылке, посмотрел на потолок, на незнакомца и слегка улыбнулся.

— Любезный, вы знаете, кто я такой? — сердито повторил незнакомец.

Хозяин тщетно напрягал память и, наконец, ответил:

— Не знаю, сэр.

— О небо! — воскликнул незнакомец, ударяя кулаком по столу.— Вот она, слава!

Хозяин попятился к двери. Незнакомец, не спуская с него глаз, продолжал:

— Вот она — благодарность за годы упорного труда на благо народа! Я не вижу ликующих толп, которые стекаются, чтобы приветствовать своего вождя. Не слышу колокольного звона. И даже имя мое не вызывает ни малейшего отклика в бесчувственных сердцах! От этого могут замерзнуть чернила,— говорил мистер Слерк, шагая взад и вперед,— и хочется навеки уйти от трудов.

— Вы заказали грог, сэр? — робко осведомился хозяин.

— Ром! — заявил мистер Слерк, грозно поворачиваясь к нему.— Топится у вас где-нибудь камин?

— Можно сейчас же растопить, сэр,— сказал хозяин.

— А комната, конечно, до ночи не согреется,— перебил мистер Слерк.— Есть кто-нибудь в кухне?

Там не было ни души. Огонь пылал. Все разошлись, и дверь была заперта на ночь.

— Я буду пить ром у кухонного очага,— объявил мистер Слерк.

Взяв шляпу и газету, он торжественно последовал за хозяином в это скромное помещение и, опустившись на скамью возле очага, состроил презрительную гримасу и молча, с достоинством начал читать и пить.

Случилось так, что в этот самый момент над «Головой Сарацина» пролетал некий демон раздора и, посмотрев из праздного любопытства вниз, узрел Слерка, комфортабельно расположившегося у кухонного очага, а в другой комнате — Потта, слегка возбужденного вином. Злобный демон, ворвавшись с непостижимой быстротой в упомянутую комнату, тотчас же проник в голову мистера Боба Сойера и, преследуя свои пагубные цели, побудил его сказать следующие слова:

— А ведь мы позабыли о камине, и огонь потух. Как холодно стало после дождя!

— Совершенно верно,— зябко сжась, отозвался мистер Пиквик.

— Нехудо было бы выкурить сигару возле кухонного очага,— предложил Боб Сойер, все еще подстрекаемый вышеупомянутым демоном.

— Мне кажется, это будет чрезвычайно приятно,— ответил мистер Пиквик.— А вы что скажете, мистер Потт?

Мистер Потт охотно согласился, и четверо путешественников, каждый со стаканом в руке, немедленно прошествовали в кухню под предводительством Сэма Уэллера, показывавшего им дорогу.

Незнакомец все еще читал. Он поднял голову и вздрогнул. Мистер Потт тоже вздрогнул.

— Что случилось? — шепотом спросил мистер Пиквик.

— Этот гад! — ответил Потт.

— Какой гад? — спросил мистер Пиквик, пугливо озираясь, как бы не наступить на какого-нибудь гигантского таракана или чудовищного паука.

— Этот гад...— прошептал Потт, хватая мистера Пиквика за рукав и указывая на незнакомца.— Этот гад... Слерк из «Независимого»!

— Не лучше ли нам уйти? — шепнул мистер Пиквик.

— Ни за что на свете, сэр! — возразил храбрый во хмелю Потт.— Ни за что на свете!

С этими словами мистер Потт расположился на противоположной скамье и, выбрав один номер из пачки газет, начал читать, повернувшись лицом к своему врагу.

Мистер Потт, конечно, читал «Независимого», а мистер Слерк, конечно, читал «Итенсуиллскую газету», и каждый джентльмен выражал свое презрение к творчеству другого горьким смехом и саркастическим фырканьем. Затем они начали высказывать свои мнения более открыто, пользуясь такими критическими замечаниями, как «нелепо», «гнусно», «возмутительно», «вздор», «мошенничество», «мерзость», «грязь», «гниль», «помои».

И мистер Боб Сойер и мистер Бен Эллен наблюдали эти симптомы, показательные для соперничества и ненависти, с большим восторгом, придававшим особый смак их сигарам, которыми они энергически затягивались. Когда противники начали выдыхаться, проказник Боб Сойер весьма учтиво обратился к Слерку:

— Разрешите посмотреть вашу газету, сэр, когда вы ее прочтете.

— Вы найдете очень мало стоящего в этом презренном *листке,* сэр,— отвечал Слерк, бросая сатанинский взгляд на Потта.

— Сейчас я вам передам вот эту,— сказал Потт, поднимая голову; он побледнел от бешенства, и голос у него дрожал по той же причине.— Ха-ха! Вас позабавит наглость этого *субъекта.*

Слова «листок» и «субъект» были произнесены с резким ударением, и лица обоих редакторов раскраснелись от гнева.

— Сквернословие этого презренного человека гнусно и отвратительно,— сказал Потт, якобы обращаясь к Бобу Сойеру, но устремляя грозный взгляд на Слерка.

Тут мистер Слерк громко захохотал и, складывая газету так, чтобы перейти к чтению следующего столбца, заявил, что этот болван, право же, его забавляет.

— Какой бесстыдный враль этот субъект! — продолжал Потт, из красного делаясь багровым.

— Случалось ли вам, сэр, читать дурацкую болтовню этого человека? — осведомился Слерк у Боба Сойера.

— Нет,— отвечал Боб.— А что, очень плохо?

— О, ужасно, ужасно! — воскликнул Слерк.

— Ах, боже мой, это просто чудовищно! — возопил в этот момент Потт, все еще делая вид, будто поглощен чтением.

— Если вам удастся одолеть эти фразы, пропитанные желчью, подлостью, фальшью, обманом, предательством и ханжеством,— сказал Слерк, протягивая газету Бобу,— вы, быть может, получите некоторое удовольствие, посмеявшись над стилем этого безграмотного болтуна.

— Что вы сказали, сэр? — осведомился Потт, поднимая голову и дрожа от ярости.

— А вам какое дело, сэр? — отозвался Слерк.

— Безграмотный болтун, не так ли, сэр? — продолжал Потт.

— Да, сэр, именно так,— отвечал Слерк,— и «синяя скука», сэр, если это вам больше по вкусу. Ха-ха!

Мистер Потт не ответил ни слова на эту оскорбительную остроту. Он медленно сложил номер «Независимого», бросил его на пол, придавил ногой, плюнул на него весьма торжественно и препроводил в огонь.

— Вот, сэр! — сказал Потт, отступая от очага.— И точно так же я проучил бы ехидну, породившую эту газету, если бы, к счастью для нее, меня не удерживали законы моей страны.

— Так проучите же ее, сэр! — вскочив, крикнул Слерк.— В такого рода делах она никогда не прибегнет к защите закона. Проучите ее, сэр!

— Правильно! Правильно! — провозгласил Боб Сойер.

— Вызов по всем правилам,— заметил мистер Бен Эллен.

— Проучите ее, сэр! — повысив голос, крикнул Слерк.

Мистер Потт бросил презрительный взгляд, который мог бы испепелить якорь.

— Проучите ее, сэр! — еще громче крикнул Слерк.

— Не желаю, сэр! — отвечал Потт.

— О, вот как, вы не желаете, сэр? — насмешливо переспросил Слерк.— Вы слышите, джентльмены? Он не желает? Он не боится,— о нет, он *не желает!* Ха-ха!

— Сэр! — сказал Потт, задетый этим саркастическим замечанием.— Сэр, я считаю вас ехидной. Я смотрю на вас, сэр, как на человека, который благодаря своему дерзкому, позорному и отвратительному поведению потерял свое место в обществе. Я считаю вас, сэр, как человека и политика, самой настоящей ехидной.

Возмущенный «независимый» не ждал конца этой обличительной речи. Схватив свой саквояж, туго набитый движимым имуществом, он замахнулся им в тот момент, когда Потт отвернулся, и, описав полукруг, опустил саквояж ему на голову как раз тем углом, где лежала большая щетка. Треск разнесся по всей кухне, и Потт был немедленно повержен на пол.

— Джентльмены! — закричал мистер Пиквик, когда Потт, вскочив, схватил совок.— Джентльмены! Опомнитесь, ради бога!.. Сэм!.. Прошу вас, джентльмены!.. Да разнимите же их!

Выкрикивая эти бессвязные слова, мистер Пиквик бросился между взбешенными бойцами как раз вовремя, чтобы получить с одной стороны удар саквояжем, а с другой — удар совком. То ли представители общественного мнения Итенсуилла были ослеплены ненавистью, то ли они учли, сколь выгодно им иметь между собой третье лицо, принимающее на себя все удары,— как бы то ни было, но они не обратили ни малейшего внимания на

мистера Пиквика и, с большим воодушевлением вызывая друг друга на бой, бесстрашно орудовали саквояжем и совком. Несомненно, мистер Пиквик жестоко поплатился бы за свое человеколюбивое вмешательство, если бы не мистер Уэллер, который, заслышав вопли хозяина, ворвался в кухню, схватил мешок из-под муки и положил конец драке, набросив мешок на голову могущественному Потту и крепко обхватив его за плечи.

— Отнимите саквояж у другого сумасшедшего! — крикнул Сэм Бену Эллену и Бобу Сойеру, которые ровно ничего не делали и только приплясывали вокруг, вооруженные ланцетами с черепаховой ручкой и готовые пустить кровь первому, кто будет оглушен ударом.— Отдайте саквояж, негодник вы этакий, или я вас самого туда запрячу!

Устрашенный этой угрозой и совсем запыхавшийся «независимый» дал себя обезоружить, а мистер Уэллер, сняв гасильник с Потта, освободил его с таким предостережением:

— Сейчас же отправляйтесь спать, или я вас обоих уложу в одну постель, завяжу вам рты, деритесь сколько угодно. Я справлюсь с дюжиной таких, как вы, если они полезут в драку. А вы сэр, будьте добры, пожалуйте сюда.

Обратившись с такими словами к мистеру Пиквику, Сэм взял его под руку и увел, а хозяин гостиницы под наблюдением мистера Боба Сойера и мистера Бенджемина Эллена препроводил обоих враждующих редакторов в их комнаты. Уходя, они выкрикивали свирепые угрозы и в туманных выражениях договаривались выйти завтра на смертный бой. Впрочем, поразмыслив, они пришли к тому заключению, что гораздо разумнее будет продолжать бой в печати. Поэтому они вскоре возобновили враждебные действия, и весь Итенсуилл был потрясен их храбростью — на бумаге.

На следующее утро они уехали спозаранку в разных каретах, пока остальные путешественники еще спали. А так как погода прояснилась, то мистер Пиквик со своими спутниками устремился в Лондон.

ГЛАВА LII,

повествующая о важном событии в семействе Уэллера и о безвременном падении красноносого мистера Стиггинса

Считая неделикатным представить молодой чете Боба Сойера или Бена Эллена, не предупредив ее об их прибытии, и желая щадить по мере сил чувства Арабеллы, мистер Пиквик сказал, что он с Сэмом поедет в гостиницу «Джордж и Ястреб», а молодые люди временно остановятся где-нибудь в другом месте. На это они охотно согласились, и план был приведен в исполнение: мистер Бен Эллен и мистер Боб Сойер отправились на окраину Боро в уединенный трактир, где в былые дни их имена частенько красовались за дверью буфетной, возглавляя написанные мелом длинные и запутанные вычисления.

— Ах, боже мой, мистер Уэллер! — воскликнула хорошенькая горничная, встретив Сэма у двери.

— Лучше бы вы сказали: «Ах, Сэмми мой», милочка,— отвечал Сэм, отставая от своего хозяина, чтобы тот не слышал их беседы.— Мэри, какая вы красотка!

— Ах, мистер Уэллер, какие глупости вы говорите! — сказала Мэри.— Ах, мистер Уэллер, не надо!

— Чего не надо, моя милая? — осведомился Сэм.

— Вот этого,— отвечала хорошенькая горничная.— Да отстаньте вы от меня!

После такого увещания хорошенькая горничная оттолкнула Сэма к стене, заявив, что он измял ей чепчик и растрепал локоны.

— И вдобавок помешали мне сказать то, что я хотела,— сказала Мэри.— Вас уже четыре дня ждет письмо. Получаса не прошло после вашего отъезда, как оно было получено, а на обертке написано: «Спешно».

— Где оно, моя милочка? — спросил Сэм.

— Я его припрятала для вас, а то бы оно давным-давно пропало,— отвечала Мэри.— Вот оно, берите, хотя вы этого не заслуживаете.

С этими словами, мило кокетничая и выражая сомнения и опасения, не потерялось ли письмо, Мэри извлекла его из-под изящнейшей муслиновой пелеринки и протя-

нула Сэму, который тотчас же поцеловал его с превеликой галантностью и нежностью.

— Ах, боже мой! — воскликнула Мэри, поправляя пелеринку и притворяясь ничего не понимающей.— Почему вы так его полюбили?

На это Сэм ответил одним только подмигиванием, глубочайший смысл коего не поддается никаким описаниям, и, усевшись рядом с Мэри на подоконник, распечатал письмо и заглянул в его содержимое.

— Вот те на! — воскликнул Сэм.— Что это значит?

— Надеюсь, ничего не случилось? — осведомилась Мэри, заглядывая ему через плечо.

— Да благословит бог ваши глазки! — сказал Сэм, поднимая голову.

— Забудьте о моих глазах, читайте-ка лучше письмо,— посоветовала хорошенькая горничная, и при этом глаза у нее смотрели так лукаво и чарующе, что перед ними никак нельзя было устоять.

Сэм освежился поцелуем и прочел следующее:

«Маркиз Грен» в Доркин середа

Мой дорогой Сэмль!

Мне очень жалко что имею удовольствие доставить тебе дурные новости твоя мачеха схватила простуду по случаю легкомысленово сидения слишком долго на мокрой траве поддождем слушая пастыря а тот не мог убратся до позней ночи потому как накачался грогом и не мог заткнуть глотку пока малость не очухался а наэто понадобилось много времени дохтор гаварит что ежлибы она глатнула тепловόго грогу не доэтого а после она былаб теперь здоровехонка тотже час ей подмазали колеса и все сделали чтоб она опять покатила ваш отец надеялся что она выкрутится но заворачивая заугол сынок она попала не на ту дорогу и покатила пот гору сломя голову и хоть медицына тотже час схватилась затормас все было без толку и проехала последнию заставу без двадцати шесть вчера вечером прикатиф на место гораздо раньше регулярнюво часу может потому как при ней было очень мало поклажы ваш отец говорит если вы при-

будете и навестите меня Сэмми он будет очен рат потому как я очен одинок Сэмивел примечание он говорит нужно писать это так а я говорю нетак и потому как нужно порешить всякие дела он уверен что хазяин вас одпустит конешно одпустит потому как я его хорошо знаю, и опять же он кланяеться и я тож и остаюс Сэмивел преданный тебе.

Тони Веллер».

— Что за бестолковое письмо! — воскликнул Сэм.— Как тут разобрать, что оно значит, со всеми этими «он» да «я»! И почерк не отцовский, вот только подпись печатными буквами — это его рука.

— Должно быть, он попросил кого-нибудь написать за него, а сам подписался,— предположила хорошенькая горничная.

— Подождите минутку,— сказал Сэм, снова пробегая письмо и останавливаясь, чтобы обдумать некоторые места.— Вы угадали. Джентльмен, который это писал, изложил все, как полагается, о случившейся беде, а потом мой отец заглянул ему через плечо, сунул свой нос и запутал все дело. Это очень на него похоже. Вы правы, Мэри, милочка.

Уяснив себе этот пункт, Сэм еще раз прочел послание от начала и до конца и, как будто только теперь уразумев его содержание, задумчиво сложил письмо и воскликнул:

— Стало быть, бедняжка умерла! Мне ее жаль. Она была бы неплохой женщиной, если бы эти пастыри оставили ее в покое. Мне ее очень жаль.

Мистер Уэллер с такой серьезностью произнес эти слова, что хорошенькая горничная опустила глазки и призадумалась.

— А впрочем,— продолжал Сэм, со вздохом пряча письмо в карман,— сделанного не переделаешь, как сказала старая леди, выйдя замуж за лакея. Теперь уж не исправишь дела,— не правда ли, Мэри?

Мэри покачала головой и тоже вздохнула.

— Придется попросить отпуск у командира,— сказал Сэм.

Мэри еще раз вздохнула. Письмо было такое трогательное.

— До свиданья,— сказал Сэм.

— До свиданья,— отозвалась хорошенькая служанка и отвернулась.

— Позвольте пожать вашу ручку,— сказал Сэм.

Мэри протянула руку — очень маленькую, хотя это и была рука горничной,— и встала, собираясь уйти.

— Я скоро вернусь,— проговорил Сэм.

— Вы всегда в разъездах,— сказала Мэри, чуть заметно качнув головой.— Не успеете приехать и опять уезжаете.

Мистер Уэллер привлек к себе красавицу и начал ей что-то нашептывать. Через минуту она повернулась к нему и соблаговолила на него взглянуть. Когда они расстались, оказалось, что ей необходимо зайти в свою комнату и поправить чепчик и локоны, раньше чем явиться к хозяйке. Поднимаясь по лестнице, чтобы совершить эту предварительную процедуру, она кивала Сэму через перила и расточала ему улыбки.

— Я вернусь не позже чем через два дня, сэр,— сказал Сэм, сообщив мистеру Пиквику о несчастье, постигшем его отца.

— Оставайтесь, сколько понадобится, Сэм,— отвечал мистер Пиквик,— я вам разрешаю.

Сэм поклонился.

— Скажите отцу, Сэм, что, если я могу быть чем-нибудь полезен, я с величайшей готовностью сделаю для него все, что в моих силах.

— Благодарю вас, сэр,— отвечал Сэм.— Я передам.

И, заверив друг друга во взаимном расположении, хозяин и слуга расстались.

Было ровно семь часов, когда Сэмюел Уэллер, спустившись с козел пассажирской кареты, проезжавшей через Доркинг, очутился на расстоянии нескольких сот ярдов от «Маркиза Гренби». Был холодный, пасмурный вечер, маленькая улица производила гнетущее впечатление, а красная физиономия благородного и доблестного Маркиза, качавшегося и скрипевшего на ветру, казалась еще более печальной и меланхолической, чем обычно.

Шторы были опущены и ставни прикрыты. Никого не виднелось у входа, где всегда собирались гуляки. Было тихо и безлюдно.

Не встретив никого, к кому бы он мог обратиться за сведениями, Сэм не спеша вошел в дом; оглянувшись, он тотчас заметил своего родителя.

Вдовец сидел за круглым столиком в комнате за буфетной и курил трубку, пристально глядя на огонь. Похороны состоялись, по-видимому, сегодня, ибо к его шляпе, которую он почему-то не снял, была прикреплена лента длиной ярда в полтора, небрежно переброшенная через спинку стула и спускавшаяся до полу. Мистер Уэллер был погружен в свои мысли и настроен созерцательно, ибо, несмотря на то, что Сэм окликнул его несколько раз; он продолжал курить все так же задумчиво и спокойно и очнулся только тогда, когда сын положил руку ему на плечо.

— Сэмми,— сказал мистер Уэллер,— добро пожаловать.

— Я несколько раз вас окликал, а вы не слыхали,— сообщил Сэм, вешая шляпу на гвоздь.

— Совершенно верно, Сэмми,— отозвался мистер Уэллер, снова устремив задумчивый взгляд на огонь,— я был в мечтательности, Сэмми.

— В чем? — осведомился Сэм, подсаживаясь к камину.

— В мечтательности, Сэмми,— повторил мистер Уэллер-старший.— Я думал о ней, Сэмивел.

Тут мистер Уэллер мотнул головой в сторону Доркингского кладбища, поясняя, что его слова относятся к усопшей миссис Уэллер.

— Я вот о чем думал, Сэмми,— продолжал мистер Уэллер, с большой серьезностью взирая на сына поверх своей трубки, словно заверяя его, что, каким бы удивительным и невероятным ни показалось такое признание, оно тем не менее высказано спокойно и обдуманно.— Я вот о чем думал, Сэмми: в общем, мне очень жаль, что она померла.

— Ну что ж, так оно и должно быть,— отозвался Сэм.

Мистер Уэллер кивнул в знак согласия и, снова уставившись на огонь, скрылся в облаке табачного дыма и глубоко задумался.

— Очень разумные слова она мне сказала, Сэмми,— произнес мистер Уэллер после долгого молчания, отгоняя дым рукой.

— Какие слова? — полюбопытствовал Сэм.

— Которые она говорила, когда расхворалась,— отвечал старый джентльмен.

— Что же она говорила?

— А вот что: «Веллер, говорит, боюсь, что я с тобою обходилась не так, как бы оно полагалось. Ты человек очень добрый, и я могла бы позаботиться о том, чтобы тебе было хорошо у себя дома. Теперь, говорит, когда уже поздно, я начинаю понимать, что, если замужняя женщина хочет быть религиозной, она прежде всего должна подумать о своих домашних обязанностях и позаботиться, чтобы вокруг нее все были довольны и счастливы. А если она ходит в церковь, в часовню или еще куда-нибудь, то пусть остерегается, чтобы не прикрывать этим лень и не потакать своим слабостям. А я, говорит, это делала и тратила время и деньги на людей, которые жили еще хуже моего. Но, надеюсь, Веллер, когда я умру, ты меня будешь поминать такой, какой я была, пока не сошлась с этими людьми, и какая я есть на самом деле».— «Сьюзен,— говорю я: она меня врасплох застала, Сэмивел, сказать по правде, мой мальчик,— Сьюзен, говорю, ты мне была хорошей женой, нечего толковать об этом. Держись, моя милая, и ты еще увидишь, как я расправлюсь с этим-вот Стиггинсом». Тут она улыбнулась, Сэмивел,— добавил старый джентльмен, затягиваясь трубкой, чтобы подавить вздох,— а потом все-таки померла.

— Да, папаша...— начал Сэм, решив высказать простое и утешительное соображение, после того как старый джентльмен минуты три-четыре покачивал головой и задумчиво курил.— Да, папаша, рано или поздно все мы туда отправимся.

— Отправимся, Сэмми,— подтвердил мистер Уэллер-старший.

— Так угодно провидению,— продолжал Сэм.

— Разумеется,— согласился отец, одобрительно кивнув головой.— Не будь этого, что оставалось бы делать гробовщикам, Сэмми?

Растерявшись среди бесконечных выводов, вытекающих из такого соображения, мистер Уэллер-старший положил трубку на стол и с задумчивой физиономией начал размешивать угли в камине.

Пока старый джентльмен занимался этими делами, смазливая кухарка, одетая в траур и суетившаяся у буфета, прошмыгнула в комнату, несколько раз ухмыльнулась Сэму в знак того, что узнает его, и, молча поместившись за стулом его отца, возвестила о своем присутствии тихим покашливанием. Так как оно осталось без внимания, она кашлянула громче.

— В чем дело? — воскликнул мистер Уэллер-старший, роняя кочергу, и, оглянувшись, быстро отодвинул стул.— Что случилось?

— Миленький, выпейте чашку чаю,— медовым голосом предложила смазливая особа.

— Не хочу! — грубо отрезал мистер Уэллер.— Проваливайте к...— Он спохватился и добавил вполголоса: — Подальше отсюда.

— Ах, боже мой, как человек меняется в несчастье! — воскликнула леди, закатывая глаза.

— Кроме доктора и смерти, только это и может изменить мое положение,— буркнул мистер Уэллер.

— Никогда еще не видывала такого сердитого человека,— сказала смазливая особа.

— Не беспокойтесь. Все это мне на пользу, как утешал себя один раскаявшийся школьник, когда его высекли,— отвечал старый джентльмен.

Смазливая особа сочувственно и соболезнующе покачала головой и обратилась к Сэму за поддержкой: не правда ли, отец должен взять себя в руки и не предаваться унынию?

— Видите ли, мистер Сэмюел,— говорила смазливая особа,— я его еще вчера предупреждала, что он почувствует себя одиноким, и тут уж ничего не поделаешь, но он должен приободриться. Ах, боже мой, ведь мы все сочувствуем его горю и готовы все для него сделать, и нет такого печального положения, мистер Сэмюел, которого

нельзя было бы изменить. Это самое говорил мне один очень достойный джентльмен, когда умер мой муж.

Тут красноречивая особа, прикрыв рот рукой, кашлянула снова и бросила нежный взгляд на мистера Уэллера-старшего.

— Так как я сейчас не нуждаюсь в вашем разговоре, сударыня, то, будьте добры, уйдите,— произнес мистер Уэллер серьезным и внушительным тоном.

— Послушайте, мистер Уэллер,— возразила смазливая особа,— ведь я только по доброте сердечной разговариваю с вами.

— Очень возможно, сударыня,— отвечал мистер Уэллер.— Сэмивел, проводи эту леди и запри за ней дверь.

Намек достиг цели: смазливая особа немедленно вышла из комнаты и захлопнула за собой дверь, после чего мистер Уэллер-старший весь в поту откинулся на спинку стула и сказал:

— Сэмми, если я пробуду здесь неделю — одну только неделю, мой мальчик,— я оглянуться не успею, как эта женщина насильно женит меня на себе.

— Вот как! Неужели она так влюблена? — осведомился Сэм.

— Влюблена! — воскликнул отец.— Я не могу от нее отделаться. Если бы меня посадили в несгораемый шкаф с брамовским замком *, она все равно добралась бы до меня, Сэмми.

— Вот здорово, когда человека так добиваются! — улыбаясь, сказал Сэм.

— Я этим не горжусь, Сэмми,— возразил мистер Уэллер, энергически размешивая угли.— Это ужасная ситивация. Меня положительно выгоняют из дому. Не успела твоя бедная мачеха испустить дух, как уж одна старуха присылает мне банку варенья, другая — банку желе, а третья заваривает ромашку и собственноручно приносит мне огромную кружку.

Мистер Уэллер умолк, всем своим видом выражая крайнее отвращение, потом добавил вполголоса:

— И все они — вдовы, Сэмми, все, кроме той, что с ромашкой, а она — незамужняя леди пятидесяти трех

Сэм ответил на это забавным подмигиванием, а старый джентльмен, разбив упрямую головешку с таким рвением и злобой, словно это была голова одной из упомянутых вдов, продолжал:

— Короче говоря, Сэмми, я чувствую себя в безопасности только на козлах.

— Почему же там лучше, чем в другом месте? — перебил Сэм.

— А потому, что кучер — особа с привилегией,— пояснил мистер Уэллер, пристально глядя на сына.— Потому, что кучер может делать то, чего другие не могут, и никто его не заподозрит. Потому, что кучер может быть в очень дружеских отношениях хоть с восемью — десятью тысячами женщин, но никому и в голову не придет, что он подумывает жениться на одной из них. А кто другой, кроме кучера, может сказать то же самое, Сэмми?

— Пожалуй, это похоже на правду,— согласился Сэм.

— Будь твой хозяин кучером,— рассуждал мистер Уэллер,— неужели ты думаешь, что присяжные осудили бы его? Никогда бы они этого не сделали, даже если бы дело дошло до суда.

— А почему? — недоверчиво спросил Сэм.

— А потому,— ответил мистер Уэллер,— что они не пошли бы против своей совести. Регулярный кучер — все равно, что дорожка между холостяцкой жизнью и супружеством, и всякий порядочный человек это знает.

— Вот как! Вы, кажется, хотите сказать, что кучера — общие любимцы и никто их не обидит? — осведомился Сэм.

Его отец кивнул головой.

— Почему так случилось,— продолжал родитель,— я и сам не знаю. Понятия не имею, почему кучера карет дальнего следования так умеют всем угодить и почему за ними бегает, можно сказать — обожает их, прекрасный пол в каждом городе, через который они проезжают. Знаю, что так оно и есть на самом деле. Это от природы так — диспансер, как говаривала ваша бедная мачеха.

— Диспансация *,— поправил Сэм старого джентльмена.

— Хорошо, Сэмивел, пусть будет диспансация, если тебе это больше по вкусу,— отвечал мистер Уэллер.— Я это называю диспансер, и так всегда пишется в тех местах, где тебе отпускают даром лекарства, если только ты приносишь свою посуду, вот и все.

С этими словами мистер Уэллер снова набил и раскурил трубку и, опять придав чертам своего лица задумчивое выражение, продолжал:

— Так вот, мой мальчик, незачем мне оставаться здесь только для того, чтобы меня женили, хочу я этого или не хочу, а так как нет у меня желания совсем отгородиться от интересных членов общества, то я порешил отправиться туда, где безопаснее, и снова повернуть оглобли к «Прекрасной Дикарке». Там все мне родное, Сэмми.

— А как быть с трактиром? — осведомился Сэм.

— Трактир, Сэмивел,— отвечал старый джентльмен,— со всем добром, запасами и обстановкой будет перепродан. И твоя мачеха незадолго до смерти пожелала, чтобы двести фунтов из этих денег были помещены на твое имя в эти штуки... как они называются?

— Какие штуки? — спросил Сэм.

— Да те штучки, что в Сити постоянно идут то выше, то ниже.

— Омнибусы? — подсказал Сэм.

— Ну и сморозил! — возразил мистер Уэллер.— Они всегда качаются и почему-то путаются с государственным долгом и банковыми чеками и всякой всячиной.

— Облигации! — догадался Сэм.

— Совершенно верно, оболгации,— согласился мистер Уэллер.— Так вот, двести фунтов из этих денег будут помещены на твое имя, Сэмивел, в оболгации по четыре с половиной процента, Сэмми.

— Очень мило, что старая леди обо мне подумала,— сказал Сэм,— и я ей весьма признателен.

— Остальные деньги будут положены на мое имя,— продолжал мистер Уэллер-старший,— а когда я проеду последнюю заставу, они перейдут к тебе. Смотри, мой мальчик, не промотай их и берегись, чтобы какая-ни-

будь вдова не пронюхала о твоем богатстве, а не то твоя песенка спета.

Высказав такое предостережение, мистер Уэллер с прояснившейся физиономией взялся за трубку; по-видимому, этот деловой разговор принес ему значительное облегчение.

— Кто-то стучится,— сказал Сэм.

— Пускай стучится,— с достоинством отозвался его отец.

Поэтому Сэм не двинулся с места. Стук повторился снова и снова, затем раздались энергические удары, после чего Сэм осведомился, почему бы не впустить стучавшего.

— Тише! — опасливо прошептал мистер Уэллер.— Не обращай никакого внимания. Может быть, это одна из вдов.

Так как стуки были оставлены без внимания, невидимый посетитель после краткой паузы рискнул открыть дверь и заглянуть в комнату. В полуоткрытую дверь просунулась не женская голова, а длинные черные космы и красная физиономия мистера Стиггинса. Трубка выпала из рук мистера Уэллера.

Преподобный джентльмен потихоньку открывал дверь все шире и шире, а когда, наконец, образовалась такая щель, в которую могло проскользнуть его тощее тело, он шмыгнул в комнату и очень старательно и бесшумно прикрыл за собой дверь. Повернувшись к Сэму, он воздел руки и закатил глаза в знак безграничной скорби, вызванной несчастьем, какое постигло семью, после чего перенес кресло с высокой спинкой в свой старый уголок у камина и, присев на самый краешек, вытащил из кармана коричневый носовой платок и прижал его к своим органам зрения.

Пока разыгрывалась эта сцена, мистер Уэллер-старший сидел, откинувшись на спинку кресла, выпучив глаза и положив руки на колени, всем своим видом выражая безграничное изумление. Сэм, храня глубокое молчание, сидел против него и с живейшим любопытством ждал развязки.

Мистер Стиггинс несколько минут прижимал к глазам коричневый носовой платок и благопристойно стонал,

а затем, овладев собой, спрятал его в карман и застегнулся. После этого он помешал угли, а потом потер руки и посмотрел на Сэма.

— О мой юный друг,— тихим голосом сказал мистер Стиггинс, нарушая молчание,— какое великое горе!

Сэм слегка кивнул.

— И для сосуда гнева это тоже великое горе,— добавил мистер Стиггинс.— Сердце у сосуда благодати обливается кровью.

Сын услыхал, как мистер Уэллер пробормотал что-то о том, как бы и нос сосуда благодати не облился кровью, но мистер Стиггинс этого не слышал.

— Не знаете ли вы, молодой человек,— прошептал мистер Стиггинс, придвигая свой стул ближе к Сэму,— не оставила ли она что-нибудь Эммануилу?

— Кто он такой? — спросил Сэм.

— Наша часовня,— пояснил мистер Стиггинс,— наша паства, мистер Сэмюел.

— Она ничего не оставила ни пастве, ни пастырю, ни стаду,— отрезал Сэм,— даже собакам ничего!

Мистер Стиггинс хитро посмотрел на Сэма, бросил взгляд на старого джентльмена, который сидел с закрытыми глазами и казался спящим, потом придвинул стул еще ближе и спросил:

— И мне ничего, мистер Сэмюел?

Сэм покачал головой.

— Я думаю, что она что-нибудь да оставила,— сказал мистер Стиггинс, бледнея, насколько мог он побледнеть.— Вспомните, мистер Сэмюел! Может быть, какой-нибудь маленький сувенир?

— На то, что она вам оставила, не купишь даже такого старого зонта, как ваш,— отвечал Сэм.

— Может быть,— нерешительно начал мистер Стиггинс после глубокого раздумья,— может быть, она поручила меня заботам этого сосуда гнева, мистер Сэмюел?

— Вот это похоже на правду, судя по тому, что он мне сказал,— ответил Сэм.— Он только что говорил о вас.

— Да что вы! — просияв, воскликнул мистер Стиггинс.— А! Нужно думать, что он изменился. Мы с ним

чудесно заживем теперь, мистер Сэмюел. Когда вы уедете, я возьму на себя заботу об его имуществе... я позабочусь, вот увидите.

Глубоко вздохнув, мистер Стиггинс умолк в ожидании ответа. Сэм кивнул головой, а мистер Уэллер-старший издал какой-то необычайный звук,— это было нечто среднее между стоном, хрюканьем, вздохом и ворчаньем.

Мистер Стиггинс, ободренный этим звуком, который, по его мнению, выражал угрызения совести или раскаяние, огляделся, потер руки, всплакнул, улыбнулся, опять всплакнул, а затем, тихонько приблизившись к хорошо знакомой полке в углу, взял стакан и, не торопясь, положил в него четыре куска сахару. Затем он снова огляделся и горестно вздохнул, затем прокрался в буфетную, налил в стакан ананасного рому и, вернувшись, подошел к камину, где весело пел чайник, долил стакан водой, размешал грог, отведал его, уселся и, сделав большой глоток, остановился, чтобы перевести дух.

Мистер Уэллер-старший, все еще делая странные и неумелые попытки казаться спящим, не промолвил ни слова в продолжение этой сцены, но когда Стиггинс оторвался от стакана, чтобы перевести дух, он бросился к нему, вырвал из рук стакан, выплеснул ему в лицо остатки грога, а стакан швырнул в камин. Потом, крепко схватив преподобного джентльмена за шиворот, он начал энергически колотить его ногами, сопровождая каждый удар сапогом по особе мистера Стиггинса замысловатыми и бессвязными проклятиями, направленными против его рук, ног, глаз и туловища.

— Сэмми! — крикнул мистер Уэллер.— Напяль на меня шляпу.

Сэм послушно укрепил на голове отца шляпу с длинной лентой, и старый джентльмен, брыкаясь еще ловчее, поволок мистера Стиггинса через буфетную в коридор и на улицу. Пинки не прекращались всю дорогу, а сила ударов скорее увеличивалась, чем уменьшалась.

Это было великолепное и веселящее душу зрелище: преподобный джентльмен корчился в руках мистера Уэллера и дрожал всем телом под градом пинков. Еще инте-

реснее было наблюдать, как мистер Уэллер, победив отчаянное сопротивление, погрузил голову мистера Стиггинса в колоду с водой для лошадей и держал ее там, пока тот чуть было не захлебнулся.

— Ну вот! — сказал мистер Уэллер, позволив, наконец, мистеру Стиггинсу извлечь голову из колоды и вкладывая всю свою энергию в последний замысловатый пинок. — Присылайте сюда любого из этих лентяев-пастырей, сначала я из него студень сделаю, а потом утоплю! Сэмми, помоги мне войти в дом, дай мне руку и налей стаканчик бренди. Я запыхался, сынок.

ГЛАВА LIII,

которая повествует об уходе со сцены мистера Джингля и Джоба Троттера, о знаменательном деловом утре в Грейз-Инн-сквер и которая заканчивается стуком в дверь к мистеру Перкеру

Когда мистер Пиквик, осторожно подготовив Арабеллу и многократно заверив ее, что нет оснований впадать в уныние, сообщил ей, наконец, о своем неудачном визите в Бирмингем, Арабелла залилась слезами и, громко всхлипывая, стала жалобно сетовать на то, что она послужила причиной размолвки между отцом и сыном.

— Дорогая моя, вы совсем не виноваты,— ласково сказал ей мистер Пиквик.— Разве можно было предвидеть, что старому джентльмену покажется столь нежелательным брак его сына? Я уверен,— добавил мистер Пиквик, взглянув на ее хорошенькое личико,— что он понятия не имеет о том, какого удовольствия лишает себя.

— Ах, милый мистер Пиквик! — воскликнула Арабелла.— Что нам делать, если он не перестанет на нас сердиться?

— Ждать терпеливо, моя дорогая, пока он одумается,— весело отвечал мистер Пиквик.

— Но, милый мистер Пиквик, что будет делать Натэниел, если он лишится поддержки отца? — спросила Арабелла.

— В таком случае, милочка,— отозвался мистер Пиквик,— я смело предсказываю, что он найдет друга, который охотно окажет ему поддержку на жизненном пути.

Намек мистера Пиквика был настолько прозрачен, что Арабелла не могла не понять его. Обняв его за шею и нежно поцеловав, она зарыдала еще громче.

— Полно, полно,— сказал мистер Пиквик, беря ее за руку.— Подождем еще несколько дней, может быть он напишет или как-нибудь откликнется на сообщение вашего мужа. Если же он ничего не ответит, я уже придумал с полдюжины планов, и любой из них вас утешит. Не плачьте, моя дорогая!

С этими словами мистер Пиквик нежно пожал руку Арабелле и попросил ее осушить слезы и не огорчать

мужа. Арабелла — самое кроткое создание в мире — спрятала носовой платок в ридикюль, и к приходу мистера Уинкля она уже улыбалась и сверкала глазками, как в тот день, когда впервые его пленила.

«Печальное положение создается для этих молодых людей,— размышлял мистер Пиквик, одеваясь на следующее утро.— Пойду-ка я к Перкеру и попрошу его совета».

Мистер Пиквик стремился в Грейз-Инн-сквер еще и потому, что хотел покончить денежные расчеты с добродушным маленьким поверенным. Позавтракав на скорую руку, он так быстро привел свое намерение в исполнение, что не было еще десяти часов, когда он очутился у Грейз-Инна.

Когда он поднялся на площадку лестницы перед конторой Перкера, оставалось еще десять минут до прихода клерков, и мистер Пиквик коротал время, глядя в окно.

В это ясное октябрьское утро даже грязные старые дома как будто повеселели: пыльные окна, казалось, сверкали, когда на них падали солнечные лучи. Клерки один за другим стекались к подъездам и, взглянув на большие часы, ускоряли или замедляли шаг в зависимости от того, в котором часу открывались конторы. Те, чья контора открывалась в половине десятого, пускались вдруг чуть ли не рысью, а джентльмены, которым надлежало прийти к десяти, начинали шагать с аристократической медлительностью. Пробило десять, клерки развили небывалую скорость, и каждый из них, обливаясь потом, мчался быстрее, чем его предшественник. Со всех сторон доносился стук открывавшихся и захлопывавшихся дверей; словно по волшебству, во всех окнах появились головы; привратники заняли свои посты; прачки в стоптанных туфлях выбегали из контор; почтальон шнырял из дома в дом, и весь юридический улей загудел.

— Раненько к нам пожаловали, мистер Пиквик,— раздался голос за его спиной.

— А, мистер Лаутен! — отозвался сей джентльмен, оглянувшись и узнав старого знакомого.

— Довольно-таки жарко,— сказал Лаутен, вынимая из кармана брамовский ключ с затычкой, чтобы в него не забивалась пыль.

— Вы как будто разгорячились,— заметил мистер Пиквик, улыбаясь клерку, который был красен как рак.

— Я шел довольно быстро,— сообщил Лаутен.— Была половина десятого, когда я проходил по Полигону. Да это неважно, раз я пришел раньше его.

Утешившись таким соображением, мистер Лаутен извлек затычку из ключа, отпер дверь, снова вставил затычку и, спрятав брамовский ключ в карман, вынул из ящика письма, оставленные почтальоном. Затем он пригласил мистера Пиквика в контору. Здесь он в одно мгновение снял сюртук, надел поношенную куртку, которую достал из конторки, повесил шляпу, вытащил несколько листков толстой шероховатой бумаги, переложенных листами пропускной, и, заложив за ухо перо, с довольным видом потер руки.

— Ну-с, мистер Пиквик,— сказал он,— теперь у меня все в порядке. Рабочий костюм надет, бумага на столе... он может явиться хоть сейчас. Нет ли у вас понюшки табачку?

— Нет,— отвечал мистер Пиквик.

— Очень жаль,— заявил Лаутен,— а впрочем, не беда. Я мигом сбегаю и добуду бутылку содовой воды. Мистер Пиквик, вы ничего странного не замечаете в моих глазах?

Джентльмен, к коему был обращен этот вопрос, посмотрел в глаза мистеру Лаутену и сообщил, что не замечает в них ничего странного.

— Очень рад,— сказал Лаутен.— Вчера вечером мы здорово выпили в «Пне», и сегодня мне не по себе. Кстати, Перкер уже занялся вашим делом.

— Каким делом? — осведомился мистер Пиквик.— Судебными издержками миссис Бардл?

— Нет, не то,— отвечал Лаутен,— я говорю о том клиенте, чьи обязательства, по вашему поручению, мы выкупили по десяти шиллингов за фунт, чтобы освободить его из Флита и отправить в Демерару *.

— А! Вы говорите о мистере Джингле! — воскликнул мистер Пиквик.— Ну, так как же?

— Все улажено,— сказал Лаутен, начиная чинить перо.— Ливерпульский агент сообщил, что вы оказали

ему много услуг, пока не удалились от дел, и теперь он охотно берет его по вашей рекомендации.

— Отлично,— сказал мистер Пиквик.— Очень рад это слышать.

— А знаете ли,— продолжал Лаутен, поскабливая перо и готовясь сделать новый разрез,— тот, другой — совсем придурковатый парень!

— Какой другой?

— Да его слуга, приятель или как он там ему приходится. Да вы его знаете — Троттер.

— Вот как! — с улыбкой сказал мистер Пиквик.— А я всегда был как раз противоположного мнения о нем.

— Признаться, и я так же судил по первому впечатлению,— отозвался Лаутен.— Это доказывает, как легко обмануться. Как вам понравится — ведь он тоже едет в Демерару!

— Как! Он отказывается от того, что ему было здесь предложено? — удивился мистер Пиквик.

— Когда Перкер предложил ему восемнадцать шиллингов в неделю и посулил прибавку, если он будет хорошо себя вести, он и слушать не стал,— сообщил Лаутен.— Заявил, что хочет отправиться с тем, другим. Вдвоем они убедили Перкера написать второе письмо, и теперь ему подыскали место там же, где будет его приятель. Перкер говорит, что даже каторжник в Новом Южном Уэльсе может рассчитывать на лучшее место, если предстанет перед судом в новом платье.

— Безумный человек! — сказал мистер Пиквик, и глаза его сияли.— Безумный человек!

— О, это хуже безумия, это, знаете ли, какое-то раболепство,— отозвался Лаутен, с презрительной миной занимаясь своим пером.— Он говорит, что это его единственный друг и он к нему привязан и так далее, в том же духе. Ну что ж, дружба — дело хорошее; вот, например, в «Пне» все мы — друзья-приятели за нашим грогом, когда каждый сам за себя платит, но жертвовать своими интересами для другого — как бы не так! У человека должны быть только две привязанности: первая — к своей собственной особе, вторая — к женскому полу. Вот как я на это смотрю, ха-ха-ха!

Мистер Лаутен закончил свою речь веселым саркасти-

ческим смехом, но смех этот преждевременно оборвался, когда на лестнице раздались шаги Перкера. Едва услышав их, Лаутен с поразительным проворством взлетел на свой табурет и начал усердно писать.

Приветствия, которыми обменялись мистер Пиквик и его поверенный, были дружескими и сердечными, но не успел клиент опуститься в кресло, как послышался стук в дверь и чей-то голос осведомился, здесь ли мистер Перкер.

— Эге! — воскликнул Перкер.— Это один из наших приятелей бродяг — Джингль, собственной персоной, уважаемый сэр. Желаете его повидать?

— А как вы думаете? — нерешительно спросил мистер Пиквик.

— Я бы советовал вам повидаться с ним. Эй, сэр, как вас там зовут, пожалуйте!

Повинуясь этому бесцеремонному приглашению, Джингль и Джоб вошли в комнату, но увидев мистера Пиквика, остановились в некотором смущении.

— Ну, разве вы не знаете этого джентльмена? — сказал Перкер.

— Еще бы не знать,— ответил мистер Джингль, шагнув вперед.— Мистер Пиквик — — глубоко вам благодарен — — спасли жизнь — — человеком меня сделали — — никогда не раскаетесь, сэр.

— Очень рад это слышать,— отозвался мистер Пиквик.— Вид у вас теперь гораздо лучше.

— Благодаря вам, сэр,— — большая перемена — — Флит его величества — — нездоровое место — — весьма,— сказал Джингль, покачивая головой.

Он был одет прилично и опрятно, так же как и Джоб, который стоял за его спиной, прямой, как палка, смотрел на мистера Пиквика, и лицо у него было каменное.

— Когда они едут в Ливерпуль? — обратился мистер Пиквик к Перкеру.

— Сегодня вечером, сэр, в семь часов,— сказал Джоб, выступив вперед,— с городской каретой, сэр.

— Места заказаны?

— Заказаны, сэр.

— Вы твердо решили ехать?

— Да, сэр,— ответил Джоб.

— Что касается экипировки, необходимой для Джингля,— сказал Перкер, обращаясь к мистеру Пиквику,— я договорился, чтобы каждую четверть года вычитали небольшую сумму из его жалованья, и при аккуратных вычетах расходы будут покрыты в течение года. Я решительно возражаю, мой дорогой сэр, против того, чтобы вы что-либо для него делали, если он не постарается заплатить долг, а это зависит от желания работать и хорошего поведения.

— Правильно,— с твердой решимостью заявил Джингль.— Ясная — — голова — — человек — — видавший виды — — совершенно справедливо — — вполне.

— Договорившись с его кредитором, выкупив его одежду у ростовщика, содержа его в тюрьме и уплатив за проезд,— продолжал Перкер, игнорируя замечание Джингля,— вы уже выбросили свыше пятидесяти фунтов.

— Не выбросили,— быстро перебил Джингль.— Все будет — — выплачено — — усердная — — работа — — накоплю — — до последнего фартинга. Быть может, желтая лихорадка — — ничего не поделаешь — — если не...

Тут мистер Джингль запнулся, ударил кулаком по тулье своей шляпы, провел рукой по глазам и сел.

— Он хочет сказать,— вмешался Джоб, подойдя ближе,— он хочет сказать, что, если желтая лихорадка не отправит его на тот свет, он вернет эти деньги. Если уцелеет, он их вернет, мистер Пиквик. Я позабочусь об этом. Я знаю, что вернет, сэр,— твердил Джоб.— Я даже поклясться могу... Вот увидите, могу поклясться.

— Хорошо, хорошо! — перебил мистер Пиквик, который, желая оборвать перечень благодеяний, давно уже бросал грозные взгляды на Перкера, но тот не обращал на них никакого внимания.— Будьте осторожны, мистер Джингль, не участвуйте в отчаянных крикетных матчах, не возобновляйте знакомства с сэром Томасом Блезо, и я не сомневаюсь, что ваше здоровье окрепнет.

В ответ на эту шутку мистер Джингль улыбнулся, но вид у него был сконфуженный, и мистер Пиквик заговорил на другую тему:

— Не знаете ли вы случайно, что сталось с одним из ваших приятелей — довольно скромным человеком, с которым я познакомился в Рочестере?

— Мрачный Джимми? — спросил Джингль.

— Да.

Джингль покачал головой.

— Ловкий парень — — чудак, талантливый шарлатан — — брат Джоба.

— Брат Джоба? — воскликнул мистер Пиквик.— А ведь и в самом деле, если присмотреться, замечаешь сходство.

— Все находили, что мы похожи, сэр,— сказал Джоб, а в уголках его глаз как будто притаилось лукавство,— но я был всегда серьезнее его. Он эмигрировал в Америку, сэр, потому что здесь ему было не по себе — слишком много внимания на него обращали,— и с тех пор мы ничего о нем не слышали.

— Должно быть, этим объясняется, почему я так и не получил «Страничку повести из жизни», которую он мне обещал прислать в то утро на Рочестерском мосту, когда как будто подумывал о самоубийстве,— с улыбкой сказал мистер Пиквик.— Кажется, можно не спрашивать о том, был ли его мрачный вид естественным или напускным.

— Он мог притвориться кем угодно, сэр,— сообщил Джоб.— Вы должны почитать себя счастливым, что так легко от него ускользнули. При близком знакомстве он мог бы оказаться еще опаснее, чем...— Джоб посмотрел на Джингля, запнулся и, наконец, закончил:— чем даже я сам.

— Многообещающая у вас семейка, мистер Троттер,— сказал Перкер, запечатывая письмо, которое только что написал.

— Да, сэр,— согласился Джоб.— Совершенно верно.

— Надеюсь,— со смехом продолжал маленький законовед,— что вы не оправдаете ее надежд. Когда прибудете в Ливерпуль, передайте это письмо агенту и разрешите мне, джентльмены, дать вам совет: ведите себя скромно в Вест-Индии. Если вы упустите этот случай, вы оба заслуживаете виселицы, и она вас не минует — в этом я не сомневаюсь. Теперь оставьте нас. Нам с мистером Пиквиком надо поговорить о других делах, а время дорого.

С этими словами мистер Перкер взглянул на дверь, явно желая сократить процедуру прощания.

И мистер Джингль ее сократил. В нескольких словах он поблагодарил маленького поверенного за доброту и столь быстро оказанную помощь, потом, повернувшись к своему благодетелю, несколько секунд молчал, словно не знал, что сказать и как поступить. Джоб Троттер помог ему выйти из затруднительного положения: отвесив смиренный и благодарственный поклон мистеру Пиквику, он ласково взял своего приятеля под руку и вывел его из комнаты.

— Достойная парочка! — сказал Перкер, когда дверь за ними закрылась.

— Надеюсь, они действительно будут достойными людьми,— отозвался мистер Пиквик.— Как вы думаете, есть шансы на их исправление?

Перкер скептически пожал плечами, но, заметив встревоженное и расстроенное лицо мистера Пиквика, сказал:

— Конечно, шансы есть. Надеюсь, что так оно и будет. Сейчас они несомненно раскаиваются, но ведь у них еще свежо воспоминание о недавно пережитых страданиях. Что будет дальше, когда оно поблекнет,— этой проблемы не разрешить ни вам, ни мне. А впрочем, сэр,— добавил Перкер, положив руку на плечо мистеру Пиквику,— ваш поступок достоин уважения, каковы бы ни были результаты. Я предоставлю людям поумнее меня решать, можно ли назвать милосердием или же светским лицемерием ту осторожную и дальновидную благотворительность, которую человек проявляет редко, так как боится, что его обманут или оскорбят его самолюбие. Если эта пара завтра же совершит кражу со взломом, моя оценка вашего поступка нисколько не изменится.

Высказав такие соображения более взволнованно и серьезно, чем это свойственно юристам, Перкер придвинул свой стул к конторке и выслушал рассказ мистера Пиквика о непреклонности старого мистера Уинкля.

— Дайте ему неделю сроку,— сказал Перкер, с пророческим видом покачивая головой.

— Вы думаете, он изменит свое решение? — осведомился мистер Пиквик.

— Думаю, что изменит,— отвечал Перкер.— Если же этого не случится, мы должны воздействовать на него с

помощью молодой леди. С этого надо было и начать на вашем месте.

Перкер взял понюшку табаку и удивительными гримасами начал выражать свой восторг перед силой убеждения, присущей молодой леди, но в это время в первой комнате послышались голоса. Лаутен постучал в дверь.

— Войдите! — крикнул маленький поверенный.

Клерк вошел и с таинственным видом закрыл за собой дверь.

— В чем дело? — спросил Перкер.

— Вас спрашивают, сэр.

— Кто меня спрашивает?

Лаутен покосился на мистера Пиквика и кашлянул.

— Кто спрашивает? Что же вы не отвечаете, мистер Лаутен?

— Видите ли, сэр,— проговорил Лаутен,— это Додсон, а с ним Фогг.

— Ах, боже мой! — воскликнул маленький поверенный, взглянув на часы.— Я им назначил здесь свидание в половине двенадцатого, чтобы покончить с вашим делом. Пиквик. Я поручился за вас, и на этом основании вы были освобождены. Очень затруднительное положение, уважаемый сэр. Что же нам делать? Не хотите ли пройти в соседнюю комнату?

Но как раз в соседней комнате находились мистеры Додсон и Фогг, и мистер Пиквик выразил желание не трогаться с места, тем более что не ему, а мистерам Додсону и Фоггу должно быть стыдно смотреть ему в лицо. На это последнее обстоятельство мистер Пиквик, краснея и явно выражая свое возмущение, попросил мистера Перкера обратить особое внимание.

— Отлично, уважаемый сэр,— отвечал Перкер.— Но если вы воображаете, будто Додсон и Фогг почувствуют стыд и смущение при встрече с вами или с кем бы то ни было, то могу вам сказать, что такого оптимиста, как вы, я еще не видывал. Попросите их войти, мистер Лаутен.

Мистер Лаутен, ухмыляясь, вышел и тотчас же ввел, соблюдая очередь, представителей фирмы: сперва Додсона, а потом Фогга.

— Вы, кажется, встречались с мистером Пиквиком,—

сказал Перкер Додсону, указывая пером в ту сторону, где сидел сей джентльмен.

— Как поживаете, мистер Пиквик? — громко приветствовал его Додсон.

— А, мистер Пиквик! — воскликнул Фогг.— Как поживаете? Надеюсь, вы в добром здоровье, сэр? Ваше лицо сразу показалось мне знакомым,— добавил Фогг, с улыбкой придвигая стул и озираясь вокруг.

Мистер Пиквик чуть заметно наклонил голову в ответ на эти приветствия и, увидев, что Фогг вытащил из кармана связку бумаг, встал и отошел к окну.

— Мистеру Пиквику незачем уходить, мистер Перкер,— сказал Фогг, развязывая красную тесьму, стягивавшую маленький сверток, и улыбаясь еще любезнее.— Мистеру Пиквику хорошо известны эти дела. Мне кажется, у нас нет секретов, хи-хи-хи!

— Да, конечно,— подхватил Додсон.— Ха-ха-ха!

Оба компаньона дружно засмеялись веселым и беззаботным смехом, как смеются люди, когда получают деньги.

— Мы заставим мистера Пиквика заплатить за любопытство,— со свойственным ему юмором заметил Фогг, разбирая бумаги.— Счет судебных издержек сто тридцать три фунта шесть шиллингов четыре пенса, мистер Перкер.

После этого заявления о прибылях и убытках Фогг и Перкер занялись сличением и перелистыванием бумаг, а Додсон, ухмыляясь, обратился к мистеру Пиквику:

— Вы как будто похудели, мистер Пиквик, с тех пор как я имел удовольствие видеть вас в последний раз.

— Очень возможно, сэр,— отвечал мистер Пиквик, давно уже метавший негодующие взгляды, которые не производили ни малейшего впечатления на ловких дельцов.— Думаю, что я похудел, сэр. Последнее время, сэр, некии мошенники изводили и преследовали меня.

Перкер громко закашлялся и спросил мистера Пиквика, не хочет ли он посмотреть утреннюю газету. На это предложение мистер Пиквик ответил решительным отказом.

— Совершенно верно,— сказал Додсон.— Я не сомневаюсь, что вас изводили во Флите. Там попадаются

странные людишки. Какие апартаменты вы занимали, мистер Пиквик?

— У меня была одна камера в том этаже, где находится общая столовая,— отвечал глубоко оскорбленный джентльмен.

— Вот как! — сказал Додсон.— Кажется, это очень удобное отделение тюрьмы.

— Очень удобное,— сухо отозвался мистер Пиквик.

При данных обстоятельствах хладнокровие Додсона могло взбесить любого джентльмена с пылким темпераментом. Мистер Пиквик делал гигантские усилия, чтобы обуздать свой гнев, но когда мистер Перкер выписал чек на всю сумму, а на прыщеватом лице Фогга, спрятавшего чек в бумажник, засияла торжествующая улыбка, которая отразилась и на суровой физиономии Додсона, мистер Пиквик почувствовал, что щеки у него запылали от негодования.

— Ну-с, мистер Додсон, я к вашим услугам,— сказал Фогг, пряча бумажник и натягивая перчатки.

— Отлично,— сказал Додсон, вставая,— я готов.

— Я счастлив,— начал Фогг, растаяв по получении чека,— что имел удовольствие познакомиться с мистером Пиквиком. Надеюсь, мистер Пиквик, теперь вы не такого плохого мнения о нас, как в тот день, когда мы впервые имели удовольствие вас видеть.

— Надеюсь,— произнес Додсон тоном оскорбленной добродетели.— Смею думать, мистер Пиквик теперь знает нас лучше. Каково бы ни было ваше мнение о джентльменах нашей профессии, я могу заверить вас, сэр, что не питаю к вам недоброжелательства или злобы за те чувства, какие вы пожелали выразить в нашей конторе во Фрименс-Корт, Корнхилл, в тот день, о котором упомянул мой компаньон.

— О, разумеется, я также! — подхватил Фогг тоном всепрощения.

— Наше поведение, сэр,— продолжал Додсон,— говорит само за себя и неизменно себя оправдывает. Этой профессией мы занимаемся много лет, мистер Пиквик, и многие превосходные клиенты почтили нас своим доверием. Желаю вам всего хорошего, сэр.

— Всего хорошего, мистер Пиквик,— сказал Фогг,

С этими словами он сунул зонт под мышку, снял правую перчатку и в знак примирения протянул руку крайне возмущенному джентльмену, но тот заложил руки за фалды фрака и с презрительным изумлением воззрился на законоведа.

— Лаутен! — крикнул Перкер.— Откройте дверь!

— Подождите один момент! — произнес мистер Пиквик.— Перкер, я скажу несколько слов.

— Уважаемый сэр, не стоит поднимать снова этот вопрос,— сказал маленький поверенный, которого терзали мрачные предчувствия, пока длилось свидание.— Мистер Пиквик, прошу вас!

— Не мешайте мне говорить, сэр! — с живостью перебил мистер Пиквик.— Мистер Додсон, вы обратились ко мне с некоторыми замечаниями.

Додсон повернулся к нему, покорно опустил голову и улыбнулся.

— Вы обратились ко мне с некоторыми замечаниями,— повторил мистер Пиквик, начиная задыхаться,— а ваш компаньон протянул мне руку, и вы оба усвоили себе тон снисходительный, высокомерный и столь бесстыдный, что я его не ждал даже от вас.

— Что такое, сэр? — воскликнул Додсон.

— Что такое, сэр? — вторил ему Фогг.

— Вам известно, что я стал жертвой ваших интриг и козней? — продолжал мистер Пиквик.— Вам известно, что я — тот самый человек, которого вы засадили в тюрьму и ограбили? Вам известно, что вы были поверенными истицы в деле Бардл — Пиквик?

— Да, сэр, нам это известно,— отвечал Додсон.

— Конечно, известно, сэр,— подхватил Фогг, хлопнув себя по карману, быть может случайно.

— Вижу, что вы вспоминаете об этом с удовольствием,— сказал мистер Пиквик, впервые в жизни попытавшись насмешливо улыбнуться и явно потерпев неудачу.— Хотя мне давно уже хотелось высказать вам напрямик мое мнение о вас, но из уважения к моему другу Перкеру я бы не воспользовался представившимся мне случаем, если бы не ваш недопустимый тон в разговоре со мной и не эта наглая фамильярность, сэр,— провозгласил мистер Пиквик, с таким возмущением по-

ворачиваясь к Фоггу, что тот без дальнейших размышлений с удивительным проворством попятился к двери.

— Берегитесь, сэр! — крикнул Додсон, который хотя и был самым рослым в этой компании, но предусмотрительно спрятался за спину Фогга и, сильно побледнев, объяснялся через его голову.— Пусть он осмелится оскорбить вас действием, мистер Фогг! Не отвечайте тем же.

— Нет, нет, не отвечу! — сказал Фогг, снова попятившись, к явному облегчению своего компаньона, который воспользовался этим маневром, чтобы постепенно отступить в соседнюю комнату.

— Вы... вы,— продолжал мистер Пиквик прерванную речь,— вы — достойная пара подлых гнусных кляузников и грабителей!

— Ну, как? — вмешался Перкер.— Теперь все сказано?

— В эти слова вложено все! — отвечал мистер Пиквик.— Они подлые и гнусные кляузники и грабители!

— Ну, вот! — примирительным тоном произнес Перкер.— Уважаемые сэры, он сказал все, что хотел сказать. Прошу вас, уйдите. Лаутен, дверь открыта?

Мистер Лаутен, хихикавший поодаль, дал утвердительный ответ.

— Отлично... всего хорошего... прошу вас, уважаемые сэры... Мистер Лаутен, дверь! — крикнул маленький поверенный, поспешно выпроваживая Додсона и Фогга из конторы.— Пожалуйте сюда, уважаемые сэры... прошу вас, не задерживайтесь... Ах, боже мой!.. Мистер Лаутен... дверь, сэр... что же вы зеваете?

— Сэр, если есть в Англии правосудие,— сказал Додсон, надевая шляпу и поворачиваясь к мистеру Пиквику,— вы за это поплатитесь!

— Вы — пара подлых...

— Помните, сэр, вы за это дорого заплатите,— сказал Фогг.

— ...гнусных кляузников и грабителей! — продолжал мистер Пиквик, не обращая ни малейшего внимания на угрозы.

— Грабители! — крикнул мистер Пиквик, выбегая на площадку, когда законоведы уже спускались с лестницы.

— Грабители! — вопил мистер Пиквик, вырываясь из рук Лаутена и Перкера и высовываясь из окна на площадке лестницы.

Когда мистер Пиквик отвернулся от окна, лицо у него было улыбающееся и безмятежное. Спокойно вернувшись в контору, он объявил, что избавился от тяжкого бремени, угнетавшего его душу, и теперь чувствует себя довольным и счастливым.

Перкер не сказал ни слова, пока не опустошил своей табакерки и не послал Лаутена наполнить ее, а вслед за этим у него начался приступ смеха, длившийся пять минут, после чего он объявил, что, пожалуй, ему следовало бы рассердиться, но сейчас он еще не может отнестись к делу серьезно — позднее он непременно рассердится.

— А теперь,— сказал мистер Пиквик,— я хочу свести счеты с вами.

— Так же, как вы их только что сводили? — осведомился Перкер, снова расхохотавшись.

— Не совсем,— возразил мистер Пиквик, извлекая бумажник и дружески пожимая руку маленькому законоведу.— Я имею в виду только денежные счеты. За ваше доброе ко мне отношение я не могу вам заплатить, да и желания не имею, потому что предпочитаю оставаться вашим должником.

После такого предисловия двое друзей погрузились в весьма сложные расчеты, которые были тщательно просмотрены Перкером; и мистер Пиквик расплатился немедленно, заверяя его в своем уважении и дружбе.

Не успели они кончить свои расчеты, как раздался отчаянный стук в дверь. Это был не обычный двойной удар, а непрерывная серия оглушительных ударов, словно дверной молоток приобрел способность perpetuum mobile или человек, стучавший в дверь, забыл прервать это занятие.

— Черт возьми! Что это такое? — вздрогнув, воскликнул Перкер.

— Кажется, стучат в дверь,— отозвался мистер Пиквик, словно можно было сомневаться в этом.

Молоток дал более энергический ответ, чем любые слова, ибо забарабанил с удивительной силой и грохотом, ни на секунду не останавливаясь.

— Боже мой! — воскликнул Перкер, позвонив в колокольчик.— Мы переполошим весь Инн. Лаутен, да разве вы не слышите?

— Сию минуту я открою дверь, сэр,— откликнулся клерк.

Молоток как будто услышал этот ответ и заявил, что решительно отказывается ждать так долго. Он поднял невообразимый грохот.

— Это ужасно! — сказал мистер Пиквик, затыкая уши.

— Поторопитесь, мистер Лаутен! — крикнул Перкер.— Он прошибет филенку!

Мистер Лаутен, мывший руки в темном чулане, бросился к двери, повернул ручку и узрел существо, которое будет описано в следующей главе.

ГЛАВА LIV,

содержащая некоторые подробности о стуке в дверь и другие события; среди них интересное разоблачение, касающееся мистера Снодграсса и молодой леди, отнюдь нельзя назвать неуместным в этом повествовании

Существо, представшее взорам пораженного клерка, был парень — очень жирный парень в ливрее, который с закрытыми глазами стоял на циновке и как будто спал. Такого жирного парня клерк никогда не видывал даже в странствующих балаганах. Это обстоятельство, а также полное спокойствие и безмятежность парня, столь не вязавшиеся с представлением о человеке, поднявшем такой шум, произвели ошеломляющее впечатление на клерка.

— Что случилось? — осведомился он.

Удивительный парень не ответил ни слова, только клюнул носом, и клерку почудилось, будто он похрапывает.

— Откуда вы взялись? — полюбопытствовал клерк.

Парень безмолвствовал. Он тяжело дышал, но не подавал других признаков жизни.

Клерк трижды повторил вопрос и, не получив ответа, хотел было захлопнуть дверь, как вдруг парень открыл

глаза, несколько раз моргнул, один раз чихнул и поднял руку, словно собираясь снова взяться за молоток. Заметив, что дверь открыта, он с изумлением огляделся и, наконец, уставился на мистера Лаутена.

— Какого черта вы так стучите? — сердито спросил клерк.

— Как? — медленно, сонным голосом промолвил парень.

— Как сорок извозчиков! — пояснил клерк.

— Хозяин приказал мне стучать, пока не откроют дверь. Он боялся, что я засну,— сообщил парень.

— А зачем вас сюда прислали? — полюбопытствовал клерк.

— Он внизу,— сказал парень.

— Кто?

— Хозяин. Он хочет знать, дома ли вы.

Тут мистер Лаутен сообразил, что можно посмотреть в окно. Увидев открытую коляску, а в ней — дородного пожилого джентльмена, нетерпеливо поглядывавшего вверх, он решил поманить его, после чего пожилой джентльмен тотчас же вышел из коляски.

— Это ваш хозяин там, в коляске? — спросил Лаутен.

Парень кивнул головой.

Дальнейшие расспросы были прерваны появлением старого Уордля, который, взбежав по лестнице и поздоровавшись с Лаутеном, прошел прямо к мистеру Перкеру.

— Пиквик! — воскликнул старый джентльмен.— Вашу руку, приятель! Ведь я только третьего дня узнал, что вы позволили засадить себя в тюрьму! Как вы это допустили, Перкер?

— Я ничего не мог поделать, сэр,— отвечал Перкер, улыбаясь и беря понюшку табаку.— Вы знаете, как он упрям.

— Еще бы не знать! — подхватил пожилой джентльмен.— А все-таки я очень рад его видеть. Ну теперь-то уж я не спущу с него глаз.

С этими словами Уордль еще раз пожал руку мистеру Пиквику и, проделав то же самое с рукой Перкера, бросился в кресло: его веселая красная физиономия сияла улыбками и здоровьем.

— Ну-с,— сказал Уордль,— веселенькие разыгры-

ваются истории... угостите табачком, приятель Перкер... Ну, и времена!

— О чем вы говорите? — осведомился мистер Пиквик.

— О чем говорю? — повторил Уордль.— Да о том, что все девицы с ума сошли. Вы скажете — это не новость? Пожалуй, но тем не менее это правда.

— Уважаемый сэр, неужели вы приехали в Лондон для того только, чтобы сообщить нам об этом? — полюбопытствовал Перкер.

— Не совсем,— отвечал Уордль,— хотя это и явилось причиной моего приезда. Как поживает Арабелла?

— Прекрасно,— ответил мистер Пиквик.— Не сомневаюсь, что она будет очень рада вас видеть.

— Черноглазая кокетка! — воскликнул мистер Уордль.— Я сам подумывал на ней жениться как можно скорей. Но все-таки я рад, очень рад.

— Как дошла до вас эта весть? — спросил мистер Пиквик.

— Разумеется, она дошла до моих девиц,— отвечал Уордль.— Арабелла написала им третьего дня, что она вышла замуж без ведома отца своего мужа, а вы поехали добиваться его согласия, когда отказ уже не мог воспрепятствовать браку, ну и так далее. Я решил, что в такой благоприятный момент не мешает поговорить серьезно с *моими* девицами; поэтому я им объяснил, как это ужасно, когда дети вступают в брак, не получив согласия родителей, и дальше в том же духе. Но — да помилует нас бог! — на них это не произвело ни малейшего впечатления. По их мнению, куда хуже, что свадьба была без подружек, и, стало быть, я с таким же успехом мог бы поучать Джо.

Тут старый джентльмен умолк, чтобы посмеяться, и, нахохотавшись вдоволь, продолжал:

— Но, по-видимому, дело этим не кончится. Это только половина всех любовных интриг и заговоров, которые сейчас затеваются. Оказывается, мы вот уже полгода расхаживаем по минам, и, наконец, они взорвались.

— Что вы говорите! — бледнея, воскликнул мистер Пиквик.— Неужели еще один тайный брак!

— Нет,— отвечал старик Уордль.— Дела еще не так плохи.

— Так что же? — спросил мистер Пиквик.— Это касается меня?

— Отвечать ли мне на этот вопрос, Перкер? — осведомился Уордль.

— Отвечайте, мой дорогой сэр, если вас это не компрометирует.

— В таком случае — да, касается,— объявил Уордль.

— Как? — встревожился мистер Пиквик.— Каким образом?

— Право же, вы такой вспыльчивый юноша, что я побаиваюсь вам говорить,— отвечал Уордль.— Но если Перкер ради безопасности сядет между нами, я, так и быть, рискну.

Закрыв дверь и подкрепившись второй понюшкой из табакерки Перкера, старый джентльмен приступил к важному разоблачению.

— Дело в том, что моя дочь Белла... знаете Беллу, ту, что замужем за молодым Трандлем?..

— Знаю, знаю! — нетерпеливо перебил мистер Пиквик.

— Не запугивайте меня с самого начала. Так вот, моя дочь Белла... (Эмили ушла спать с головной болью, прочитав мне письмо Арабеллы...) Белла подсела ко мне вечерком и начала толковать об этой свадьбе. «Что вы об этом думаете, папа?» — спрашивает она меня. «Что ж, моя милая,— говорю я,— пожалуй, это неплохо. Надеюсь, все к лучшему». Я сидел у камина, мечтательно попивал грог и знал, что достаточно мне изредка вставлять какое-нибудь неопределенное замечание, а уж она будет щебетать, вот почему я ей так и ответил. Обе мои девочки — вылитый портрет своей матери, и теперь, когда старость подошла, я люблю видеть их возле себя. Их голоса и лица напоминают мне счастливейшую пору моей жизни, и на секунду я чувствую себя таким же молодым, как в те времена, хотя и не таким беззаботным. «Это настоящий брак по любви, папа»,— помолчав, говорит Белла. «Да, моя милая,— отвечаю я,— но такие браки не всегда бывают самыми счастливыми».

— Заметьте, я с этим не согласен! — с жаром воскликнул мистер Пиквик.

— Прекрасно,— сказал Уордль.— Можете не согла-

шаться с чем угодно, когда придет ваш черед говорить, а сейчас не перебивайте меня.

— Прошу прощения,— сказал мистер Пиквик.

— Прощаю,— отвечал Уордль.— «Мне жаль,— покраснев, говорит Белла,— что вы, папа, настроены против браков по любви».— «Я был неправ, мне не следовало так говорить, моя милая,— отвечаю я и поглаживаю ее по щеке так нежно, как только может погладить такой грубый старик.— Твоя мать вышла замуж по любви, да и ты тоже».— «Я не об этом думала, папа,— говорит Белла.— Дело в том, что я хотела поговорить с вами об Эмили».

Мистер Пиквик вздрогнул.

— Что случилось? — осведомился Уордль, прерывая свой рассказ.

— Ничего,— отвечал мистер Пиквик.— Пожалуйста, продолжайте.

— Я никогда не умел рассказывать длинные истории,— объявил Уордль.— Но рано или поздно все откроется, так уж лучше не терять времени и сразу выложить суть дела. Короче говоря, Белла, наконец, собралась с духом и сообщила мне, что Эмили очень несчастна: она и ваш молодой друг Снодграсс состояли в переписке еще с прошлого рождества, и Эмили — делать нечего — решила бежать с ним, следуя похвальному примеру своей старой школьной подруги, но так как я всегда был расположен к ним обеим, она почувствовала некоторые угрызения совести, и вот они решили сначала оказать мне честь и спросить, имею ли я какие-нибудь возражения против того, чтобы они сочетались самым обыкновенным прозаическим браком. А теперь, мистер Пиквик, если вы постараетесь не таращить глаза и сообщите мне, что мы, по вашему мнению, должны делать, я буду вам весьма признателен.

Для недовольного тона, коим веселый старый джентльмен произнес эту последнюю фразу, были некоторые основания, ибо физиономия мистера Пиквика выражала тупое изумление и замешательство, не лишенные комизма.

— Снодграсс! С прошлого рождества! — были первые отрывистые слова, сорвавшиеся с уст потрясенного джентльмена.

— С прошлого рождества,— подтвердил Уордль,— это совершенно ясно; должно быть, у нас были очень плохие очки, если мы до сих пор ничего не заметили.

— Не понимаю,— задумчиво промолвил мистер Пиквик.— Решительно ничего не понимаю.

— Понять нетрудно,— возразил вспыльчивый старый джентльмен.— Будь вы помоложе, вы бы давным-давно открыли этот секрет. А кроме того,— нерешительно добавил Уордль,— уж коли говорить правду, я последние четыре-пять месяцев уговаривал Эмили (если она не прочь, потому что я ни за что не стал бы насиловать девичьи чувства) принять ухаживанье одного молодого джентльмена, живущего по соседству. Я нимало не сомневаюсь, что она, как и полагается любой девице, раздула эту историю, чтобы повысить себе цену и распалить страсть мистера Снодграсса. Конечно, оба пришли к тому заключению, что они несчастнейшие и гонимые существа и нет у них другого выхода, кроме тайного брака или жаровни с углем. Спрашивается, что нам делать?

— А что вы сделали? — осведомился мистер Пиквик.

— Я?

— Да, я хочу сказать, что вы сделали, когда узнали об этом от замужней дочери?

— Ну, конечно, я повел себя как последний дурак,— отвечал Уордль.

— Вот именно,— вмешался Перкер, который на протяжении этого диалога теребил цепочку от часов, сердито потирал нос и проявлял другие признаки нетерпения.— Это вполне естественно. Что же вы сделали?

— Я страшно вспылил и напугал мать так, что с ней случился припадок,— сказал Уордль.

— Очень благоразумно,— заметил Перкер,— а еще что?

— Я бесновался весь следующий день и всех переполошил,— отвечал старый джентльмен.— Наконец, мне надоело отравлять существование себе и другим. Я нанял экипаж в Магльтоне, приказал запрячь моих лошадей и поехал в Лондон под предлогом, что Эмили должна навестить Арабеллу.

— Значит, мисс Уордль с вами? — осведомился мистер Пиквик.

— Ну, конечно,— отвечал Уордль.— В настоящее время она находится в гостинице Осборна в Эдельфи, если только ваш предприимчивый друг не удрал с нею, пока я здесь сижу.

— Значит, вы помирились? — спросил Перкер.

— Ничуть не бывало,— возразил Уордль.— Она все время плакала и хныкала и сделала передышку только вчера вечером между чаем и ужином; тогда она очень важно уселась писать письмо, а я сделал вид, будто ничего не замечаю.

— Полагаю, вы нуждаетесь в моем совете? — спросил Перкер, переводя взгляд с глубокомысленного лица мистера Пиквика на взволнованную физиономию Уордля; при этом он угостился несколькими щедрыми понюшками своего любимого возбуждающего средства.

— Полагаю, что так,— сказал Уордль, взглянув на мистера Пиквика.

— Разумеется,— подтвердил сей джентльмен.

— Ну, так слушайте,— сказал Перкер, вставая и отодвигая стул.— Вот вам мой совет: отправляйтесь вы оба пешком, в экипаже или как хотите, потому что вы меня утомили, и обсудите этот вопрос между собой. Если вы его не решите к тому времени, когда мы снова встретимся, я вам скажу, что надо делать.

— Вот это здорово! — заметил Уордль, не зная, смеяться ему или обижаться.

— Вздор, мой дорогой сэр! — заявил Перкер.— Я вас обоих знаю гораздо лучше, чем вы сами себя знаете. Этот вопрос вами уже решен.

Высказав свое мнение, маленький джентльмен ткнул табакеркой сперва в грудь мистеру Пиквику, а потом в жилет мистеру Уордлю, после чего все трое расхохотались, в особенности два последних джентльмена, которые без всякой видимой причины или повода обменялись рукопожатием.

— Сегодня вы обедаете у меня,— сказал Уордль провожавшему их Перкеру.

— Не обещаю, мой дорогой сэр, не обещаю,— отвечал Перкер.— Во всяком случае, я загляну вечерком.

— Жду вас к пяти,— сказал Уордль.— Эй, Джо!

Когда удалось, наконец, разбудить Джо, двое друзей уехали в коляске мистера Уордля, к которой, из человеколюбивых соображений, было приделано сзади сиденье для жирного парня, ибо, помещайся Джо просто на запятках, он неминуемо свалился бы и разбился насмерть при первом же погружении в сон.

Приехав в гостиницу «Джордж и Ястреб», они узнали, что Арабелла, получив от Эмили записку, извещавшую об ее прибытии, немедленно послала за наемной каретой и вместе со своей горничной отправилась в Эдельфи. Так как у Уордля были дела в Сити, то он отослал коляску с жирным парнем в свою гостиницу, дабы предупредить, что он с мистером Пиквиком приедет к пяти часам обедать.

Получив такое приказание, жирный парень отправился в путь, и пока коляска катилась по камням, он мирно спал на заднем сиденье, словно покоился на пуховике и пружинном матраце. Когда экипаж остановился, он чудесным образом проснулся без посторонней помощи и, хорошенько встряхнувшись, чтобы расшевелить все силы ума, пошел наверх исполнять поручение.

Повредила ли встряска умственным способностям жирного парня, вместо того чтобы привести их в порядок, или пробудила в нем столько новых идей, что он забыл самые обыкновенные правила вежливости, или, наконец (не исключена и эта возможность), не помешала ему заснуть, пока он поднимался по лестнице,— как бы там ни было, но факт не подлежит сомнению: он вошел в гостиную, не постучав предварительно в дверь, и увидел джентльмена, сидевшего на диване рядом с его молодой хозяйкой и очень нежно обнимавшего ее за талию, в то время как Арабелла со своей хорошенькой горничной находилась в другом конце комнаты, делая вид, будто пристально смотрит в окно. При виде такой сцены жирный парень издал какое-то восклицание, леди испустила вопль, джентльмен — проклятье,— все произошло почти одновременно.

— Бездельник, что вам здесь нужно? — вопросил джентльмен.

Вряд ли сто́ит говорить, что это был мистер Снодграсс.

На это жирный парень, весьма устрашенный, ответил коротко:

— Хозяйку.

— Зачем я вам нужна? — отворачиваясь, спросила Эмили.— Вот глупый!

— Хозяин с мистером Пиквиком приедут обедать к пяти часам,— отвечал жирный парень.

— Убирайтесь вон! — крикнул мистер Снодграсс, грозно взирая на ошеломленного юношу.

— Нет, нет, нет! — стремительно прервала Эмили.— Белла, дорогая, мне нужно посоветоваться с тобой!

Вслед за этим Эмили, мистер Снодграсс, Арабелла и Мэри удалились в угол и в течение нескольких минут взволнованно перешептывались; жирный парень успел за это время преспокойно вздремнуть.

— Джо! — сказала, наконец, Арабелла, оглядываясь и обворожительно улыбаясь.— Как поживаете, Джо?

— Джо! — сказала Эмили.— Вы добрый юноша. Я вас не забуду, Джо!

— Джо! — сказал мистер Снодграсс, подходя к изумленному юноше и хватая его за руку.— Я вас не узнал. Вот вам пять шиллингов, Джо.

— А за мной еще пять, Джо! — сказала Арабелла.— В память старого знакомства.

И она подарила толстяка, явившегося столь некстати, еще одной прелестной улыбкой.

Жирный парень соображал туго. Сначала он был сбит с толку такими неожиданными милостями и с тревогой озирался вокруг. Затем его широкая физиономия начала расплываться в не менее широкую улыбку, и, наконец, засунув в карманы по полукроне и обе руки, он разразился хриплым хохотом — в первый и единственный раз в своей жизни.

— Кажется, он нас понимает,— сказала Арабелла.

— Нужно поскорее дать ему что-нибудь поесть,— заметила Эмили.

Услыхав эти слова, жирный парень чуть было не захохотал снова. Мэри, еще немного пошептавшись, отделилась от группы и сказала:

— Я пообедаю с вами, сэр, если вы ничего не имеете против.

— Идемте! — засуетился жирный парень.— Там такой чудесный мясной паштет!

С этими словами жирный парень стал спускаться по лестнице, а его хорошенькая спутница, следуя за ним в столовую, приковывала взгляды всех лакеев и вызывала досаду у всех горничных.

В столовой оказался не только паштет, о котором с таким чувством говорил юноша, но вдобавок еще кусок мяса, блюдо картофеля и кувшин портера.

— Садитесь,— сказал жирный парень.— Вот здорово! Как я проголодался!

Восторженно повторив эти слова раз пять или шесть подряд, юноша уселся за небольшой стол, а Мэри заняла место против него.

— Хотите этого? — спросил жирный парень, вонзив в паштет нож и вилку по самую рукоятку.

— Маленький кусочек, пожалуй,— отвечала Мэри.

Жирный парень положил Мэри маленький кусочек, а себе — большой, и только что собрался приступить к еде, как вдруг наклонился вперед и, положив руки на колени, не выпуская ножа и вилки, очень медленно проговорил:

— Послушайте, какая вы аппетитная!

Это было сказано восторженным тоном и могло показаться лестным, но глаза молодого джентльмена смотрели по-каннибальски, и комплимент звучал двусмысленно.

— Ах, боже мой, Джозеф! — воскликнула Мэри, притворяясь смущенной.— Что это вы говорите!

Жирный парень постепенно выпрямился и ответил тяжелым вздохом, затем несколько секунд пребывал в задумчивости и, наконец, отхлебнул портеру. Совершив этот подвиг, он снова вздохнул и усердно приналег на паштет.

— Какая милая молодая леди мисс Эмили! — сказала Мэри после долгого молчания.

Жирный парень успел за это время прикончить паштет. Он посмотрел на Мэри и ответил:

— Я знаю кое-кого получше.

— Вот как! — сказала Мэри.

— Да!— подтвердил жирный парень с необычайным для него оживлением.

— Как ее зовут? — полюбопытствовала Мэри.

— А вас как?

— Мэри.

— И ее точно так же,— объявил жирный парень.— Она — это вы.

Парень ухмыльнулся, чтобы подчеркнуть свой комплимент, и не то скосил глаза, не то прищурился; есть основания предполагать, что он хотел сделать глазки.

— Не говорите так,— сказала Мэри,— ведь вы этого не думаете.

— Не думаю? — возразил жирный парень.— Думаю. Послушайте!

— Что?

— Вы всегда будете сюда приходить?

— Нет,— отвечала Мэри, покачав головой.— Я здесь только сегодня до вечера. А почему вы спрашиваете?

— Ах, как бы мы чудесно обедали вместе, если бы вы здесь остались! — с чувством сказал жирный парень.

— Пожалуй, я бы изредка забегала сюда — повидаться с вами,— сказала Мэри, с притворным смущением теребя скатерть,— если вы мне окажете одну услугу.

Жирный парень перевел взгляд с пустого блюда из-под паштета на жаркое, словно считал, что всякая услуга должна иметь какое-то отношение к еде, затем вытащил из кармана полукрону и с беспокойством взглянул на нее.

— Вы меня понимаете? — спросила Мэри, лукаво посматривая на его одутловатое лицо.

Он снова взглянул на полукрону и чуть слышно ответил:

— Нет.

— Леди не хотят, чтобы вы говорили старому джентльмену о молодом джентльмене в гостиной, и я вас тоже очень прошу.

— И это все? — с явным облегчением осведомился жирный парень, пряча в карман полукрону.— Ни слова не скажу.

— Видите ли,— пояснила Мэри,— мистер Снодграсс очень любит мисс Эмили, а мисс Эмили очень любит мистера Снодграсса, и если вы расскажете об этом старому джентльмену, он вас всех увезет далеко отсюда, в деревню, и там вы никого не будете видеть.

— Нет, я ни за что не скажу! — решительно заявил жирный парень.

— Пожалуйста, не говорите,— просила Мэри.— А теперь пора мне идти наверх — переодеть мою хозяйку к обеду.

— Не уходите,— взмолился жирный парень.

— Нужно идти,— возразила Мэри.— Ну, а пока до скорого свидания!

Жирный парень с игривостью слоненка растопырил руки, надеясь сорвать поцелуй, но так как не требовалось большой ловкости, чтобы от него ускользнуть, то покорительница его сердца скрылась раньше, чем он успел ее обнять. После этого апатичный юноша уплел с сентиментальным видом около фунта мяса и крепко заснул.

Столько нужно было обсудить вопросов и столько обдумать планов, касавшихся побега и бракосочетания в том случае, если старик Уордль не смягчится, что до обеда оставалось не больше получаса, когда мистер Снодграсс окончательно распрощался. Леди побежали в спальню Эмили переодеваться, а влюбленный, взяв шляпу, вышел из комнаты. Не успел он закрыть за собой дверь, как раздался громкий голос Уордля, и, перегнувшись через перила, мистер Снодграсс увидел его самого,— он поднимался по лестнице с какими-то джентльменами. Понятия не имея о расположении комнат, мистер Снодграсс в смятении поспешил вернуться туда, откуда только что вышел, а затем, перейдя в соседнюю комнату (спальню мистера Уордля), тихо притворил за собой дверь как раз в тот момент, когда джентльмены, увиденные им мельком, входили в гостиную. Это были мистер Уордль, мистер Пиквик, мистер Натэниел Уинкль и мистер Бенджемин Эллен, которых он без труда узнал по голосам.

«Какое счастье, что у меня хватило присутствия духа избежать встречи с ним! — с улыбкой подумал мистер Снодграсс, направляясь на цыпочках к другой двери, по соседству с кроватью.— Эта дверь выходит в тот же коридор, и я могу удалиться тихо и мирно».

Обнаружилось только одно препятствие, которое помешало ему удалиться тихо и мирно: оно состояло в том, что дверь была заперта на ключ, а ключа не было.

— Подайте нам сегодня, любезный, самое лучшее вино, какое у вас есть,— сказал старик Уордль, потирая руки.

— Вы получите самое лучшее, сэр,— отвечал лакей.

— Доложите леди, что мы пришли.

— Слушаю, сэр.

Мистер Снодграсс страстно и пламенно мечтал о том, чтобы леди было доложено о *его* прибытии. Он даже рискнул прошептать в замочную скважину: «Лакей!» — но у него мелькнула мысль, что на выручку может явиться какой-нибудь другой лакей, и вдобавок он обнаружил удивительное сходство между своим положением и тем, в каком недавно очутился один джентльмен в соседней гостинице (отчет о злоключениях последнего появился в утреннем номере сегодняшней газеты, в рубрике «Происшествия»). Мистер Снодграсс уселся на чемодан и задрожал всем телом.

— Перкера не будем ждать,— сказал Уордль.— Он всегда аккуратен. Он будет вовремя, если рассчитывает приехать. А если нет, ждать бесполезно. Вот и Арабелла!

— Сестра! — вскричал мистер Бенджемин Эллен, романтически сжимая ее в своих объятиях.

— Ах, милый Бен, как от тебя пахнет табаком! — сказала Арабелла, слегка ошеломленная таким проявлением любви.

— Разве? — удивился мистер Бенджемин Эллен.— Разве, Белла? Ну, что ж, может быть.

Да, это действительно могло быть, ибо он только что покинул приятную компанию, которая состояла из двенадцати студентов-медиков, куривших в маленькой комнате с большим камином.

— Но я очень рад тебя видеть,— продолжал мистер Бен Эллен.— Да благословит тебя бог, Белла!

— Милый Бен,— сказала Арабелла, целуя брата,— больше не обнимай меня, ты мне все платье изомнешь.

Когда примирение достигло этой стадии, мистер Бен Эллен от избытка чувств, сигар и портера прослезился и сквозь помутневшие стекла очков окинул взглядом присутствующих.

— А мне вы ничего не скажете? — воскликнул Уордль, раскрывая объятия.

— Очень много скажу,— прошептала Арабелла, отвечая на ласки и поздравления старика.— Вы — бессердечное, бесчувственное, жестокое чудовище!

— А вы — маленькая мятежница,— так же вполголоса ответил Уордль,— боюсь, что придется отказать вам от дома. Таких особ, как вы, которые выходят замуж, ни с кем не считаясь, опасно принимать в обществе. Но позвольте-ка,— громко добавил старый джентльмен,— вот и обед. Вы сядете рядом со мной. Джо! Черт возьми, он не спит!

К великому огорчению своего хозяина, жирный парень пребывал в состоянии бодрствования; глаза его были широко раскрыты и как будто не собирались закрыться. И в манерах его обнаружилось какое-то проворство, равным образом необъяснимое; встречаясь глазами с Эмили или Арабеллой, он ухмылялся и скалил зубы; один раз Уордль готов был поклясться, что он им подмигнул.

Эта перемена в поведении жирного парня проистекала из сознания собственной важности и чувства собственного достоинства, какое он обрел, заслужив доверие молодых леди, а своими гримасами и подмигиванием он снисходительно давал понять, что они могут положиться на его преданность. Так как эта мимика скорее могла пробудить подозрения, чем успокоить их, то Арабелла время от времени отвечала ему, сердито хмуря брови или покачивая головой, а жирный парень, рассматривая это как приказание быть начеку, начинал гримасничать, ухмыляться и подмигивать с особым усердием в доказательство того, что все понял.

— Джо! — сказал Уордль, после безуспешных поисков в карманах.— Нет ли там на диване моей табакерки?

— Нет, сэр,— ответил жирный парень.

— Вспомнил! Сегодня утром я ее оставил на туалетном столике,— сказал Уордль.— Принеси из соседней комнаты.

Жирный парень пошел в соседнюю комнату и спустя минуту вернулся с табакеркой и с таким бледным лицом, какого еще не видывали у жирного парня.

— Что случилось с мальчишкой? — воскликнул Уордль.

— Ничего со мной не случилось,— испуганно ответил Джо.

— Уж не встретился ли ты там с каким-нибудь духом? — осведомился старый джентльмен.

— Или в тебе самом сидит дух? — добавил Бен Эллен.

— Пожалуй, вы правы,— шепнул через стол Уордль.— Я уверен, что он пьян.

Бен Эллен высказал то же предположение, а так как этот джентльмен был знатоком упомянутого недуга, то Уордль укрепился в своей догадке, которая тревожила его уже с полчаса, и окончательно решил, что жирный парень пьян.

— Не спускайте с него глаз,— прошептал Уордль.— Скоро мы узнаем, пьян он или нет.

Злополучный юноша едва успел обменяться несколькими словами с мистером Снодграссом: этот джентльмен умолял Джо попросить кого-нибудь из друзей освободить его из заключения, а затем вытолкал из комнаты вместе с табакеркой, опасаясь, как бы его долгое отсутствие не показалось подозрительным. Сначала Джо размышлял, и физиономия у него была очень встревоженная, а затем отправился на поиски Мэри.

Но Мэри, переодев свою хозяйку, ушла домой, и жирный парень вернулся в полном смятении.

Уордль и мистер Бен Эллен переглянулись.

— Джо! — сказал Уордль.

— Слушаю, сэр!

— Зачем ты выходил?

Жирный парень беспомощно окинул взглядом сидевших за столом и пробормотал, что он этого не знает.

— А, так ты не знаешь? — сказал Уордль.— Передай сыр мистеру Пиквику.

Тем временем мистер Пиквик, находившийся в самом бодром и превосходном расположении духа, развлекал всех за обедом и в данный момент вел оживленный разговор с Эмили и мистером Уинклем; в пылу беседы он учтиво наклонил голову, грациозно размахивал левой рукой, чтобы подчеркнуть свои реплики, и излучал безмятежные улыбки. Взяв ломтик сыра с блюда, он хотел было повернуться к своим слушателям и возобновить разговор, как вдруг жирный парень, нагнувшись к самой его голове, ткнул большим пальцем через плечо и состроил

такую страшную и омерзительную гримасу, какую можно увидеть только в рождественской пантомиме.

— Ах, боже мой! — вздрогнув, воскликнул мистер Пиквик.— Что же это такое?

Он запнулся, ибо жирный парень уже успел выпрямиться и заснуть или притвориться крепко спящим.

— Что случилось? — спросил Уордль.

— Это удивительный мальчик! — отвечал мистер Пиквик, боязливо посматривая на парня.— Как ни странно, но, честное слово, я боюсь — у него в голове не все в порядке.

— Ох, мистер Пиквик, что вы говорите! — в один голос воскликнули Эмили и Арабелла.

— Конечно, я в этом не уверен,— продолжал мистер Пиквик, когда воцарилось глубокое молчание и все с испугом переглядывались,— но его поведение поистине устрашающее. Ой! — взвизгнул мистер Пиквик, подпрыгнув на стуле.— Прошу прощения, леди, но он вонзил мне в ногу какой-то острый инструмент. Право же, он опасен.

— Он пьян! — в бешенстве заревел старик Уордль.— Позвоните в колокольчик! Позовите лакеев! Он пьян!

— Я не пьян! — завопил жирный парень, падая на колени, когда хозяин схватил его за шиворот.

— Значит, ты сумасшедший, это еще хуже. Позовите лакеев! — повторил старый джентльмен.

— Я не сумасшедший, я в своем уме,— захныкал жирный парень.

— Тогда зачем же ты, черт бы тебя побрал, втыкаешь мистеру Пиквику в ногу какие-то острые инструменты? — сердито спросил Уордль.

— Он не смотрит на меня,— отвечал парень,— а мне нужно ему что-то сказать.

— Что ты хотел сказать? — раздались голоса.

Жирный парень разинул было рот, посмотрел на дверь спальни, снова разинул рот и согнутыми указательными пальцами вытер две слезинки.

— Что ты хотел сказать? — встряхнув его, спросил Уордль.

— Постойте! — вмешался мистер Пиквик.— Позвольте,

я с ним поговорю. Что вы хотели мне сообщить, бедный мальчик?

— Я хотел шепнуть вам на ухо,— отвечал жирный парень.

— Чего доброго, ты хотел откусить ему ухо,— сказал Уордль.— Не подходите к нему. Он с норовом. Позвоните, чтоб его отвели вниз.

Мистер Уинкль уже схватился было за сонетку, но тут его остановили изумленные возгласы: влюбленный пленник, раскрасневшись от смущения, внезапно вышел из спальни и отвесил общий поклон присутствующим.

— Ох! — попятившись, воскликнул Уордль, отпуская на свободу жирного парня.— Это еще что такое?

— Я прятался в соседней комнате, сэр, с тех пор как вы пришли,— пояснил мистер Снодграсс.

— Эмили, моя девочка,— укоризненно сказал Уордль,— я ненавижу обман и ложь. Это в высшей степени неделикатно и нечестно. Право же, я этого не заслужил, Эмили!

— Дорогой папа! — воскликнула Эмили.— Арабелла знает... все знают... и Джо знает, что я понятия не имела, где он прячется. Огастес, да объясните же все, ради бога!

Мистер Снодграсс, который только и ждал случая заговорить, тотчас же начал рассказывать, как он очутился в таком отчаянном положении; страх вызвать раздор в семье побудил его уклониться от встречи с мистером Уордлем; он хотел выйти в другую дверь, но так как она оказалась запертой, он поневоле вынужден был остаться. Положение было тягостное, но теперь он меньше об этом жалеет, ибо получил возможность заявить, в присутствии общих друзей, как глубоко и искренне любит дочь мистера Уордля, и с гордостью говорит, что это чувство взаимно, и если бы между ними пролегли тысячи миль или разлились воды океана,— все равно он ни на секунду не забудет тех счастливых дней, когда впервые... и так далее.

После такого торжественного заявления мистер Снодграсс снова отвесил поклон, заглянул в свою шляпу и направился к двери.

— Постойте! — заревел Уордль.— Почему... чтоб вас побрали...

— ...небесные силы,— кротко подсказал мистер Пиквик, опасавшийся худшего.

— Ладно — небесные силы,— повторил Уордль, не возражая против такой замены,— почему вы мне сразу этого не сказали?

— Или не доверились мне? — прибавил мистер Пиквик.

— Ах, боже мой! — воскликнула Арабелла, спеша на выручку.— Какой смысл задавать сейчас все эти вопросы, когда вы из корысти хотели иметь зятя побогаче, и сами это знаете, а вдобавок вы такой вспыльчивый и жестокий, что вас боятся все, кроме меня! Пожмите ему руку и ради господа бога прикажите, чтобы ему принесли пообедать: у него такой вид, как будто он умирает с голоду. И пускай вам сейчас же подадут вина, потому что с вами сладу, нет, пока вы не выпьете по крайней мере двух бутылок.

Достойный старый джентльмен ущипнул Арабеллу за ухо, расцеловал ее без всяких стеснений, очень нежно поцеловал свою дочь и горячо пожал руку мистеру Снодграссу.

— Она права по крайней мере в одном пункте,— весело сказал старый джентльмен.— Позвоните, чтобы нам дали вина.

Явилось вино, и в ту же секунду появился и Перкер. Мистеру Снодграссу накрыли за отдельным столиком, и, пообедав, он придвинул свой стул к Эмили, не вызывая ни малейшего протеста со стороны пожилого джентльмена.

Вечер прошел чудесно. Маленький мистер Перкер удивительно разошелся, рассказал несколько смешных историй и спел печальный романс, который оказался таким же забавным, как и его анекдоты. Арабелла была очень мила, мистер Уордль — очень весел, мистер Пиквик — очень приветлив, мистер Бен Эллен — очень буен, влюбленные — очень молчаливы, мистер Уинкль — очень разговорчив, а все — очень счастливы.

ГЛАВА LV

Мистер Соломон Пелл с помощью выборного комитета кучеров улаживает дела мистера Уэллера-старшего

— Сэмивел,— сказал мистер Уэллер, обращаясь к своему сыну утром после похорон,— я нашел его, Сэмми. Я так и думал, что оно там.

— Что вы нашли и где? — осведомился Сэм.

— Завещание твоей мачехи, Сэмми,— отвечал мистер Уэллер.— В нем сделаны распоряжения насчет оболгаций, о которых я тебе говорил вчера.

— А разве она вам не сказала, где оно лежит? — спросил Сэм.

— Ни словечком не обмолвилась, Сэмми,— отвечал мистер Уэллер.— Мы улаживали наши маленькие свары, а я старался ее подбодрить и совсем забыл спросить о завещании. И, пожалуй, я бы и спрашивать не стал, даже если бы вспомнил,— добавил мистер Уэллер.— Нехорошее это дело, Сэмми, надоедать больному вопросами об его деньгах, когда ухаживаешь за ним. Это все равно, что усаживать в карету наружного пассажира, слетевшего с крыши, вздыхать и спрашивать, как он себя чувствует, и в то же время запустить ему руку в карман.

Иллюстрировав свою мысль таким примером, мистер Уэллер достал из бумажника грязный лист почтовой бумаги, исписанный каракулями, беспорядочно лепившимися друг к другу.

— Вот он — документ, Сэмми,— сказал мистер Уэллер.— Я нашел его в маленьком чайнике на верхней полке буфета. Бывало, еще до замужества, она хранила там свои банковые билеты, Сэмивел. Я много раз видел, как она снимала крышку с чайника, когда нужно было платить по счетам. Бедняжка! Она могла бы наполнить своими завещаниями все чайники в доме и не почувствовала бы никакого неудобства, потому что последнее время почти не интересовалась этим напитком, вот только в вечера трезвости они закладывали фундамент чаем, чтобы залить его спиртным.

— Что же тут сказано? — спросил Сэм

— Точь-в-точь то самое, что я тебе говорил, сын мой,— отвечал родитель.— «Двести фунтов оболгациями моему пасынку Сэмивелу, а все остальное мое имущество, какое бы оно ни было, моему мужу Тони Вэллеру, которого я назначаю моим единственным душеприказчиком».

— И это все? — осведомился Сэм.

— Все,— сказал мистер Уэллер.— А так как только мы с тобой заинтересованы и для нас все ясно и понятно, то мы преспокойно можем бросить эту бумажку в огонь.

— Что вы делаете, сумасшедший! — закричал Сэм, выхватывая бумагу, когда его родитель в простоте душевной начал разгребать угли, чтобы перейти от слов к делу.— Нечего сказать, хорош душеприказчик!

— А чем плох? — осведомился мистер Уэллер, сердито оглядываясь, с кочергой в руке.

— Чем плох! — воскликнул Сэм.— Да тем, что ее нужно сперва заверить, утвердить и присягу принести и всякие формальности проделать.

— Ты это не шутя говоришь? — спросил мистер Уэллер, опуская кочергу.

Сэм старательно спрятал завещание в боковой карман и взглядом дал понять, что не только не шутит, но говорит очень серьезно.

— Тогда я вот что скажу,— объявил мистер Уэллер после недолгих размышлений,— с этим делом надо идти к закадычному другу лорд-канцлера. Пелл должен обмозговать его, Сэмми. Он мастер разбираться в трудных юридических вопросах. Эту самую штуку мы сейчас же предъявим в Суд состоятельных, Сэмивел.

— Никогда еще я не видывал такого безмозглого старика! — вспылил Сэм.— Олд-Бейли, Суд состоятельных, алиби и всякая чепуха забили ему башку! Надели бы вы лучше парадный костюм да отправились бы по этому делу в город, вместо того чтобы проповедовать о том, чего не понимаете.

— Очень хорошо, Сэмми,— отвечал мистер Уэллер,— я на все готов, чтобы покончить с этим делом. Но заметь, мой мальчик, никто, кроме Пелла, не годится в юридические советчики.

— Я никого другого и не хочу,— отозвался Сэм.— Ну что, готовы?

— Подожди минутку, Сэмми,— сказал мистер Уэллер, который повязывал шарф перед маленьким зеркалом у окна, а затем с превеликим трудом начал напяливать верхнюю одежду.— Подожди минутку, Сэмми. Когда доживешь до моих лет, сын мой, тебе не так просто будет влезть в жилет.

— Если мне такого труда будет стоить в него влезать, будь я проклят, коли стану носить жилет,— отвечал сын.

— Это тебе теперь так кажется,— возразил отец с важностью, соответствующей его возрасту,— а вот подожди: начнешь толстеть — начнешь умнеть. Толщина и мудрость, Сэмми, всегда произрастают вместе.

Произнеся эту непогрешимую сентенцию — результат многолетнего опыта и наблюдений,— мистер Уэллер, ловко изогнувшись, заставил нижнюю пуговицу сюртука исполнять свои обязанности. Отдышавшись, он почистил локтем шляпу и объявил, что готов.

— Два ума хорошо, а четыре еще лучше, Сэмми,— сказал мистер Уэллер, когда они в охотничьей двуколке катили по лондонской дороге,— это-вот имущество — лакомый кусок для юридического джентльмена, а потому мы прихватим с собой двух моих приятелей, которые на него напустятся, если он позволит себе что-нибудь... не тово... Возьмем тех двоих, которые провожали нас тогда во Флит. Они — первейшие знатоки,— вполголоса добавил мистер Уэллер,— первейшие знатоки в лошадях.

— И в юристах? — полюбопытствовал Сэм.

— Кто знает толк в животных, тот знает толк во всем,— отвечал отец таким авторитетным тоном, что Сэм не посмел опровергать его замечание.

Во исполнение этого важного решения они обратились за помощью к джентльмену с пятнистым лицом и еще к двум очень толстым кучерам, которых мистер Уэллер выбрал, должно быть, за их толщину и соответствующую ей мудрость. Заручившись их согласием, они отправились в трактир на Портюгел-стрит, откуда и направили посланца в Суд по делам о несостоятельности, находившийся через дорогу, с приказанием немедленно вызвать мистера Соломона Пелла.

К счастью, посланец нашел мистера Соломона Пелла в суде; по случаю затишья в делах он подкреплялся

холодной закуской: эбернетиевским бисквитом* и колбасой. Лишь только приглашение было ему передано, он сунул остатки колбасы в карман, где лежали различные юридические документы, и перебежал улицу с таким проворством, что явился в трактир раньше, чем посланный успел выбраться из суда.

— Джентльмены,— сказал Пелл, приподняв шляпу,— я весь к вашим услугам. Я отнюдь не намерен вам льстить, джентльмены, но нет на свете ни единого человека, кроме вас пятерых, для которого я бы ушел сегодня из суда.

— Так много дел? — осведомился Сэм.

— Пропасть! — отвечал Пелл.— Дела у меня по горло, как не раз говаривал мне, джентльмены, мой друг, покойный лорд-канцлер, выходя из палаты лордов после рассмотрения апелляций. Бедняга! Он быстро уставал, ему очень тяжело приходилось от этих апелляций. Уверяю вас, я частенько думал, что они его доконают.

Тут мистер Пелл покачал головой и умолк, после чего старший мистер Уэллер, подтолкнув локтем соседа, словно предлагая ему обратить внимание на связи законоведа с высокими особами, спросил, не отразились ли вышеупомянутые обязанности пагубно на здоровье его благородного друга.

— Мне кажется, он так и не мог оправиться,— ответил Пелл,— да, я в этом уверен. «Пелл,— говорил он мне не раз,— для меня остается тайной, как, черт побери, вы справляетесь с таким умственным трудом».— «Да,— бывало, отвечал я,— честное слово, я и сам не знаю, как я это делаю».— «Пелл,— со вздохом прибавлял он и посматривал на меня с завистью — с дружелюбной завистью, джентльмены, с самой дружелюбной,— Пелл, вы изумительны, изумительны!» Ах, как бы он вам понравился, джентльмены, если бы вы его знали! Принесите мне на три пенса рому, моя милая.

Горестным тоном обратившись с этой просьбой к служанке, мистер Пелл вздохнул, посмотрел на свои башмаки, а затем на потолок; тем временем ром был подан и выпит.

— А впрочем,— сказал Пелл, придвигая стул к столу,— человек моей профессии не имеет права раз-

мышлять о своих друзьях, когда к нему обращаются за юридической помощью. Кстати, джентльмены, с тех пор как мы с вами в последний раз виделись, произошло одно прискорбное событие, заставившее нас проливать слезы.

Произнося слова «проливать слезы», мистер Пелл достал носовой платок, но воспользовался им только для того, чтобы вытереть каплю рома, повисшую на верхней губе.

— Я прочел объявление в «Адвертайзере», мистер Уэллер,— продолжал Пелл.— Подумать только, что ей было всего пятьдесят два года! Ах, боже мой!

Эти вдумчивые замечания были обращены к человеку с пятнистым лицом, с которым мистер Пелл случайно встретился глазами, после чего пятнистый джентльмен, не отличавшийся живым умом, беспокойно заерзал на стуле и высказался в том смысле, что оно, конечно, не разберешь, почему такие дела на свете делаются,— такую сентенцию, выражавшую весьма тонкую мысль, трудно было оспаривать, и никто против нее не возражал.

— Я слыхал, что она была очень красивой женщиной, мистер Уэллер,— соболезнующим тоном сказал Пелл.

— Да, сэр,— отозвался мистер Уэллер-старший, которому был не особенно приятен этот разговор; однако он полагал, что законовед, состоявший в близких отношениях с покойным лорд-канцлером, должен прекрасно знать правила хорошего тона.— Она была очень красивой женщиной, сэр, когда я с ней познакомился; в ту пору, сэр, она была вдовой.

— Как странно! — сказал Пелл, с горестной улыбкой осматриваясь вокруг.— И миссис Пелл была вдовой.

— Поразительно! — вставил пятнистый джентльмен.

— Да, любопытное совпадение,— заметил Пелл.

— Ничуть,— проворчал старший мистер Уэллер.— Вдовы выходят замуж чаще, чем девицы.

— Совершенно верно,— согласился Пелл,— вы правы, мистер Уэллер. Миссис Пелл была очень элегантной и образованной женщиной, ее манеры вызывали всеобщее восхищение в нашем кругу. Я с гордостью смотрел, как эта женщина танцевала; в ее движениях было что-то смелое, величественное и в то же время непринужденное. Она держала себя, джентльмены, удивительно просто. Да!

Простите, что задаю вам такой вопрос, мистер Сэмюел,— понизив голос, добавил законовед,— ваша мачеха была высокого роста?

— Не очень,— отвечал Сэм.

— А миссис Пелл была рослая,— сказал Пелл.— Великолепная женщина с благородной осанкой, джентльмены, с гордым носом, которая как будто создана была для того, чтобы повелевать. Она была привязана ко мне, очень привязана, и происходила из прекрасной семьи. Брат ее матери, джентльмены, обанкротился на восемьсот фунтов, когда держал магазин судебных канцелярских принадлежностей.

— А не заняться ли нам делом? — промолвил мистер Уэллер, который проявлял признаки нетерпения во время этого разговора.

Для Пелла его слова прозвучали как музыка. Он долго старался угадать, будет ли ему поручено какое-нибудь дело, или его пригласили только для того, чтобы предложить стакан грога, бокал пунша или какое-нибудь другое профессиональное угощение, и вот теперь все сомнения рассеялись без малейших усилий с его стороны. Глаза у него заблестели, он положил на стол свою шляпу и спросил:

— Какое же дело предстоит решить? Быть может, один из джентльменов желает предстать перед судом? Мы настаиваем на аресте; понимаете — дружеский арест. Полагаю, мы здесь все друзья?

— Дай мне бумагу, Сэмми,— сказал мистер Уэллер, беря завещание у сына, который явно наслаждался всем происходящим.— Нам требуется, сэр, затвердить это-вот.

— Утвердить, дорогой сэр,— поправил Пелл.

— Ладно, сэр,— резко отвечал мистер Уэллер,— затвердить и утвердить — это одно и то же, а если вы не понимаете, что я имею в виду, сэр, так авось я найду более понятливого человека.

— Прошу вас, не обижайтесь, мистер Уэллер,— смиренно отвечал Пелл.— Вы, я вижу, душеприказчик,— добавил он, просмотрев бумагу.

— Да, сэр,— сказал мистер Уэллер.

— А эти джентльмены, полагаю, наследники? — осведомился Пелл с праздничной улыбкой.

— Сэмми — наследник,— возразил мистер Уэллер,— а эти джентльмены — мои друзья, пришли посмотреть, чтобы дело было чисто сделано: вроде как бы третейские судьи.

— О! — сказал Пелл.— Прекрасно. Разумеется, я не возражаю. Но, раньше чем приступить к делу, мне понадобится от вас пять фунтов, ха-ха-ха!

Комитет постановил уплатить вперед пять фунтов, и мистер Уэллер выдал эту сумму, после чего началось длительное совещание неведомо о чем, в течение которого мистер Пелл, к полному удовольствию джентльменов, следивших, чтобы все было чисто сделано, доказал, что будь это дело поручено кому-нибудь другому, оно не привело бы к добру по причинам, изложенным туманно, но, несомненно, убедительным. Выяснив этот важный пункт, мистер Пелл подкрепился тремя отбивными котлетами и напитками, как содовыми, так и спиртными, за счет наследника, а затем вся компания отправилась в Докторс-Коммонс.

На следующий день снова пришлось нанести визит в Докторс-Коммонс; на этот раз дело осложнилось по вине конюха-свидетеля, который был пьян и отказывался говорить что бы то ни было, а только кощунственно ругался, к великому возмущению проктора и представителя церкви.

На следующей неделе было сделано еще несколько визитов в Докторс-Коммонс и один визит в Контору по оплате наследственных пошлин, кроме того писались договоры по передаче арендных прав и торгового предприятия, утверждались договоры, составлялись описи имущества, устраивались завтраки и обеды, обделывалось так много выгодных дел, и накопилось так много бумаг, что мистер Соломон Пелл, его мальчик и синий мешок в придачу чрезвычайно растолстели, и вряд ли кто признал бы в них того самого человека, мальчика и мешок, которые слонялись по Портюгел-стрит несколько дней назад.

Наконец, со всеми этими важными делами было покончено, и назначен день продажи, передачи имущества и посещения маклера Уилкинса Флешера, эсквайра, проживавшего где-то недалеко от банка и рекомендованного для этой цели мистером Соломоном Пеллом.

Событие было знаменательное, и вся компания нарядилась по-праздничному. Сапоги мистера Уэллера были вычищены, туалет совершен с особой тщательностью; у пятнистого джентльмена торчала в петлице большая далия с листьями, а сюртуки двух его друзей были украшены бутоньерками из лавра и других вечнозеленых растений. Все трое щеголяли в праздничных костюмах — иными словами, были закутаны по самый подбородок и напялили на себя всю имеющуюся верхнюю одежду, что соответствует и всегда соответствовало представлению кучеров о полном параде — с той поры, как были изобретены пассажирские кареты.

В назначенный час мистер Пелл поджидал их в обычном месте их сборищ. Даже мистер Пелл надел перчатки и чистую рубашку, которая от частой стирки была весьма потерта у ворота и манжет.

— Без четверти два,— сказал Пелл, взглянув на стенные часы.— Если мы явимся к мистеру Флешеру в четверть третьего, это будет как раз вовремя.

— Что скажете, джентльмены, не подкрепиться ли нам пивом? — предложил человек с пятнистым лицом.

— И холодным ростбифом,— сказал второй кучер.

— Или устрицами,— добавил третий — джентльмен с хриплым голосом и очень толстыми ногами.

— Правильно! — подхватил Пелл.— Надо поздравить мистера Уэллера с введением в права наследства, ха-ха-ха!

— Я согласен, джентльмены,— отвечал мистер Уэллер.— Сэмми, позвони.

Сэм повиновался. Портер, холодный ростбиф и устрицы появились немедленно, и все отдали должное завтраку. Каждый принимал в нем такое горячее участие, что кажется почти непристойным отдать кому-либо предпочтение, но если кто и проявил бо́льшие способности, чем все остальные, то это был кучер с хриплым голосом, проглотивший как ни в чем не бывало пинту уксуса со своей порцией устриц.

— Мистер Пелл! — начал мистер Уэллер, размешивая свой грог, когда были убраны устричные раковины и всем джентльменам подали по стакану грога.— Мистер Пелл, сэр! У меня было намерение провозгласить по

этому случаю тост за оболгации, но Сэмивел шепнул мне...

Тут мистер Сэмюел Уэллер, который до этого молчал, безмятежно улыбаясь и глотая устрицы, громко крикнул:

— Правильно!

— ...шепнул мне,— продолжал его отец,— что лучше посвятить этот напиток вам, выпить за ваш успех и благополучие и поблагодарить вас за окончание этого самого дела. За ваше здоровье, сэр!

— Эй, затормозите! — вмешался пятнистый джентльмен, неожиданно проявив энергию.— Смотрите на меня, джентльмены!

С этими словами пятнистый джентльмен встал, а за ним и все остальные. Пятнистый джентльмен обозрел присутствующих и медленно поднял руку, после чего все (не исключая и пятнистого) перевели дух и поднесли бокалы к губам. Спустя секунду пятнистый джентльмен опустил руку, и все поставили на стол осушенные до дна бокалы. Поразительный эффект этой замечательной церемонии не поддается описанию. Благородная, торжественная и внушительная, она потрясала своим величием.

— Джентльмены! — начал мистер Пелл.— Я одно могу сказать: такие знаки доверия весьма лестны для джентльмена моей профессии. Я бы не хотел, чтобы вы меня заподозрили в эгоизме, джентльмены, но я очень рад, имея в виду ваши интересы, что вы обратились именно ко мне, вот и все. Пригласи вы какого-нибудь недостойного представителя нашей профессии, я глубоко убежден и могу вас в этом уверить, вы давным-давно попали бы в беду. Хотел бы я, чтобы мой благородный друг был среди нас и видел, как я справился с этим делом. Говорю так не из тщеславия, но считаю... а впрочем, джентльмены, не буду вас утруждать такими рассуждениями. Джентльмены, меня всегда можно застать здесь, но если случайно меня не найдут ни здесь, ни напротив, то вот мой адрес. Как вы сами убедились, мои требования очень скромны и разумны, никто не уделяет своим клиентам больше внимания, чем я, и льщу себя надеждой, что и в профессии своей я кое-что смыслю. Джентльмены, если вам представится случай рекомендовать меня кому-нибудь из ваших друзей, я буду вам весьма признателен, да и они также, когда узнают меня ближе. За ваше здоровье, джентльмены!

Излив таким образом свои чувства, мистер Соломон Пелл положил перед друзьями мистера Уэллера три маленьких визитных карточки, написанных от руки, и, снова взглянув на часы, заявил, что пора трогаться в путь. После такого замечания мистер Уэллер расплатился по счету, и душеприказчик, наследник, законовед и третейские судьи направили свои стопы в Сити.

Контора биржевого маклера Уилкинса Флешера, эсквайра, находилась на втором этаже, во дворе за государственным банком; дом Уилкинса Флешера, эсквайра,

находился в Брикстоне, по ту сторону Темзы; лошадь и фаэтон Уилкинса Флешера, эсквайра, находились на соседнем извозчичьем дворе; грум Уилкинса Флешера, эсквайра, находился на пути в Вест-Энд по какому-то делу; клерк Уилкинса Флешера, эсквайра, ушел обедать, а потому сам Уилкинс Флешер, эсквайр, крикнул, «Войдите!» — когда мистер Пелл и его спутники постучались в дверь конторы.

— Здравствуйте, сэр,— сказал Пелл с подобострастным поклоном.— С вашего разрешения, мистер Флешер, мы пришли по одному дельцу.

— О, входите! Присядьте на минутку. Сейчас я вами займусь!

— Благодарю вас, сэр,— ответил Пелл.— Нам не к спеху. Садитесь, мистер Уэллер.

Мистер Уэллер сел на стул, Сэм сел на ящик, остальные сели где попало и принялись созерцать с таким благоговением календарь и две-три бумаги, приклеенные к стене, словно это были лучшие картины старых мастеров.

— Ну-с, я готов держать с вами пари на полдюжины кларета! — объявил Уилкинс Флешер, эсквайр, возобновляя разговор, прерванный на секунду появлением мистера Пелла.

Эти слова относились к франтоватому молодому джентльмену, который сдвинул шляпу на правый бакенбард и вертелся у конторки, убивая мух линейкой. Уилкинс Флешер, эсквайр, балансировал на двух ножках конторского табурета, целясь перочинным ножом в коробку для облаток и с большой ловкостью попадая в самый центр маленькой красной облатки, наклеенной сверху. У обоих джентльменов были очень открытые жилеты и очень отложные воротнички, очень миниатюрные ботинки и очень большие кольца, очень маленькие часы и очень толстые цепочки, хорошо сшитые невыразимые и надушенные носовые платки.

— Я никогда не держал пари на полдюжины,— возразил молодой джентльмен.— Согласны на дюжину?

— Идет, Симери! — воскликнул Уилкинс Флешер, эсквайр.

— Первого сорта,— заметил тот.

— Разумеется,— отвечал Уилкинс Флешер, эсквайр.

Уилкинс Флешер, эсквайр, занес пари в записную книжечку золотым карандашиком, а другой джентльмен записал его в другую книжечку другим золотым карандашиком.

— Сегодня утром была заметка о Бофере,— сообщил мистер Симери.— Бедняга, его выгоняют из дому!

— Держу пари на десять гиней против пяти, что он перережет себе горло,— сказал Уилкинс Флешер, эсквайр.

— Идет,— отвечал мистер Симери.

— Постойте. Я вношу оговорку,— задумчиво произнес Уилкинс Флешер, эсквайр.— Пожалуй, он может повеситься.

— Отлично,— отозвался мистер Симери, снова вынимая золотой карандаш.— Я не возражаю. Скажем — покончит с собой.

— Лишит себя жизни,— сказал Уилкинс Флешер, эсквайр.

— Вот именно,— подтвердил мистер Симери, записывая пари.

— «Флешер, десять гиней против пяти, что Бофер лишит себя жизни». Какой мы назначим срок?

— Две недели,— предложил Уилкинс Флешер, эсквайр.

— К черту! Не согласен,— возразил мистер Симери, отрываясь на секунду, чтобы убить муху.— Назначим неделю.

— Возьмем среднее,— сказал Уилкинс Флешер, эсквайр.— Пусть будет десять дней.

— Ладно, десять дней,— согласился мистер Симери.

И в книжечках было записано, что Бофер должен лишить себя жизни в течение десяти дней, в противном случае Уилкинс Флешер, эсквайр, должен уплатить Френку Симери, эсквайру, десять гиней, а если Бофер покончит с собой в указанный срок, Френк Симери, эсквайр, должен уплатить Уилкинсу Флешеру, эсквайру, пять гиней.

— Мне очень жаль, что он обанкротился,— сказал Уилкинс Флешер, эсквайр.— Чудесные он давал обеды!

— И портвейн у него был превосходный,— заметил мистер Симери.— Мы посылаем завтра дворецкого на аукцион, пусть купит несколько бутылок шестьдесят четвертого.

— Черт возьми, как бы не так! — воскликнул Уилкинс Флешер, эсквайр.—Я тоже посылаю человека. Держу пари на пять гиней, что мой перебьет цену вашему.

— Идет.

Новая запись была занесена золотыми карандашами в книжечки, и мистер Симери, истребив к тому времени всех мух и заключив все мыслимые пари, отправился на биржу посмотреть, что там делается.

Уилкинс Флешер, эсквайр, соблаговолил, наконец, выслушать инструкции мистера Соломона Пелла и, заполнив несколько бланков, предложил всей компании отправиться вместе с ним в банк, что̀ и было исполнено. Мистер Уэллер и его трое друзей взирали с безграничным изумлением на все, что попадалось им на пути, тогда как Сэм относился ко всему происходившему с невозмутимым хладнокровием.

Пройдя через двор, где было шумно и людно, и миновав двух привратников, одетых, казалось, под стать красному пожарному насосу в конце двора, они вошли в контору, где предстояло закончить дело, и здесь Пелл и мистер Флешер покинули их на несколько секунд, а сами поднялись наверх в отдел завещаний.

— Это что за место? — прошептал пятнистый джентльмен, обращаясь к мистеру Уэллеру-старшему.

— Контора юрисконсолей,— шепотом ответил душеприказчик.

— А что это за джентльмены, которые сидят за прилавками? — спросил кучер хриплым голосом.

— Должно быть, консоли, которые пониже,— отвечал мистер Уэллер.— Сэмивел, это консоли чином пониже?

— Неужели вы думаете, что пониженные консоли — живые люди? — с презрением осведомился Сэм.

— А я почем знаю! — возразил мистер Уэллер.— Я думал, что они такими и должны быть. Ну, а кто же эти люди?

— Клерки,— отвечал Сэм.

— Почему они все едят сандвичи с ветчиной? — спросил его отец.

— Должно быть, это входит в их обязанности,— ответил Сэм.— Такая, знаете ли, у них здесь система. Они только это и делают весь день.

Мистер Уэллер и его друзья едва успели обдумать это своеобразное правило, связанное с финансовой системой страны, как к ним уже присоединились Пелл и Уилкинс Флешер, эсквайр, и повели их к той части прилавка, над которой висела круглая черная доска с большой буквой У.

— А это что значит, сэр? — осведомился мистер Уэллер, привлекая внимание Пелла к вышеупомянутой мишени.

— Первая буква фамилии покойной,— пояснил Пелл.

— Послушайте,— сказал мистер Уэллер, обращаясь к третейским судьям,— тут что-то неладно. Ведь наша буква — В! Э, нет! Это не пройдет!

Третейские судьи тотчас же и решительно высказались в том смысле, что дело не может быть законно проведено под буквой У, и, по всей вероятности, произошла бы заминка еще на один день, если бы не стремительное, хотя на первый взгляд и непочтительное вмешательство Сэма, который, схватив отца за фалду сюртука, подтащил его к прилавку и удерживал здесь до тех пор, пока тот не скрепил своей подписью двух-трех документов, а так как мистер Уэллер имел обыкновение писать печатными буквами, то на это потребовалось столько усилий и времени, что дежурный клерк успел очистить и съесть три рибстонских ранета.

Так как мистер Уэллер-старший настаивал на том, чтобы немедленно продать свою часть, то из банка они отправились к воротам биржи, и Уилкинс Флешер, эсквайр, ненадолго удалившись, вернулся с чеком на пятьсот тридцать фунтов на Смита, Пейна и Смита; эта сумма причиталась мистеру Уэллеру по курсу дня за помещенные в акции сбережения миссис Уэллер-второй. Двести фунтов Сэма были положены на его имя, а Уилкинс Флешер, эсквайр, получив комиссионные, небрежно положил деньги в карман и вернулся в свою контору.

Сначала мистер Уэллер упрямо не хотел брать по чеку ничего, кроме соверенов, но когда третейские судьи доказали ему, что придется раскошелиться на покупку мешка, чтобы донести деньги до дому, он согласился получить пятифунтовыми билетами.

— У моего сына,— начал мистер Уэллер, когда они вышли из банка,— у моего сына и у меня остается на

сегодня одно важное дело, и я бы хотел поскорее покончить с ним, а потому пойдемте прямехонько в такое место, где можно свести все счеты.

Вскоре они отыскали тихую комнату, и счета были предъявлены и проверены. Счет мистера Пелла был взят под подозрение Сэмом, и некоторые издержки не получили утверждения третейских судей; но, несмотря на заявление мистера Пелла, скрепленное торжественными клятвами, будто с ним обошлись слишком сурово, эта операция оказалась самой выгодной из всех его юридических операций и на полгода обеспечила ему стол, квартиру и стирку белья.

Третейские судьи, пропустив по рюмочке, пожали всем руку и удалились, так как им в тот же вечер предстояло уехать из города. Мистер Соломон Пелл, убедившись, что больше ничего не предвидится по части закуски или выпивки, дружески распрощался и ушел, оставив сына наедине с отцом.

— Ну вот! — сказал мистер Уэллер, пряча бумажник в боковой карман.— Тут у меня тысяча сто восемьдесят фунтов вместе с деньгами, полученными за продажу арендных прав. А теперь, Сэмми, мой мальчик, правь к «Джорджу и Ястребу».

ГЛАВА LVI

Мистер Пиквик и Сэмюел Уэллер ведут серьезную беседу, в которой участвует родитель последнего. Неожиданно является старый джентльмен в костюме табачного цвета

Мистер Пиквик сидел в одиночестве, размышляя о разнообразных предметах и, между прочим, о том, как ему обеспечить молодую чету, чье неопределенное положение внушало ему жалость и вызывало беспокойство, как вдруг в комнату вошла легкой походкой Мэри и, приблизившись к столу, быстро проговорила:

— Простите, сэр, Сэмюел ждет внизу и спрашивает, может ли его отец повидаться с вами.

— Разумеется,— отвечал мистер Пиквик.

— Благодарю вас, сэр,— сказала Мэри, скользнув к двери.

— Сэм давно ждет? — осведомился мистер Пиквик.

— О нет, сэр! — с живостью отвечала Мэри.— Он только что вернулся. Он говорит, что больше не будет проситься у вас в отпуск.

Быть может, Мэри поняла, что эту последнюю новость она сообщила более выразительно, чем было необходимо, или, может быть, она заметила добродушную улыбку, с какой взглянул на нее мистер Пиквик, когда она умолкла. Как бы то ни было, она опустила голову и начала рассматривать уголок своего нарядного передника с таким вниманием, какое, казалось, ничем не было вызвано.

— Передайте им, чтобы они сейчас же шли сюда,— распорядился мистер Пиквик.

Мэри с явным облегчением побежала исполнять приказание.

Мистер Пиквик два раза прошелся по комнате, потирая подбородок левой рукой и, по-видимому, о чем-то размышляя.

— Ну, что ж,— сказал, наконец, мистер Пиквик кротким, но меланхолическим тоном,— это наилучший способ вознаградить его за преданность и любовь... Бог с ним, пусть так и будет. Такова участь одинокого старика: люди, его окружающие, находят новых людей, милых их сердцу, и покидают его. Я не имею права надеяться, что моя судьба будет иной. Да, да,— добавил мистер Пиквик, повеселев,— это было бы эгоистически и неблагородно. Я должен почитать себя счастливым, что имею возможность позаботиться о нем. И я счастлив. Конечно, счастлив.

Мистер Пиквик был так поглощен этими мыслями, что стук в дверь повторился раза три-четыре, прежде чем он его услышал. Поспешно усевшись и вновь обретя свой обычный благодушный вид, он дал разрешение войти, и в комнату вошел Сэм Уэллер в сопровождении отца.

— Рад вас видеть, Сэм,— сказал мистер Пиквик.— Как поживаете, мистер Уэллер?

— Здоровехонек, благодарю вас, сэр,— ответил вдовец.— Надеюсь, и вы в добром здоровье, сэр?

— Да, благодарю вас,— отозвался мистер Пиквик.

— Я хотел маленько потолковать с вами, сэр, если вы можете мне уделить минут пять, сэр,— сказал мистер Уэллер.

— Конечно,— ответил мистер Пиквик.— Сэм, подайте стул отцу.

— Спасибо, Сэмивел, я уже раздобыл себе,— сказал мистер Уэллер, придвигая стул.— На редкость прекрасная погода, сэр,— добавил старый джентльмен, усаживаясь и кладя шляпу на пол.

— Действительно, превосходная,— подтвердил мистер Пиквик.— Как раз по сезону.

— Самая сезонистая погода, сэр,— подхватил мистер Уэллер.

Тут у старого джентльмена начался жестокий приступ кашля, по окончании коего он кивнул головой, подмигнул и стал проделывать целый ряд умоляющих и угрожающих жестов, которые Сэм Уэллер упорно старался не замечать.

Мистер Пиквик, заметив некоторое замешательство, обнаруженное старым джентльменом, разрезал лист лежавшей перед ним книги и терпеливо ждал, когда мистер Уэллер заговорит о цели своего посещения.

— Я никогда не видывал такого противного сына, как ты, Сэмивел,— сказал мистер Уэллер, с негодованием взирая на Сэма.— Отроду не видывал.

— Что он сделал, мистер Уэллер? — полюбопытствовал мистер Пиквик.

— Не хочет начать, сэр,— отвечал мистер Уэллер.— Он знает, что я не мастер объясняться по таким особенным делам, и, однако, стоит и глазеет на меня, как я тут сижу, отнимаю ваше драгоценное время и из себя делаю регулярное зрелище. Нет чтобы помочь мне хоть одним словечком! Это не сыновнее поведение, Сэмивел,— добавил мистер Уэллер, вытирая лоб,— совсем даже не сыновнее.

— Вы сказали, что говорить будете вы,— возразил Сэм.— Откуда же мне знать, что вы сплоховали в самом начале?

— Ты должен был видеть, что я не могу сняться с места,— перебил отец.— Я сбился с дороги и наткнулся на забор, и всякие неприятности со мной происходят, а ты даже не хочешь протянуть мне руку помощи. Мне стыдно за тебя, Сэмивел.

— Дело в том, сэр,— начал Сэм, слегка поклонившись,— что родитель получил деньги...

— Очень хорошо, Сэмивел, очень хорошо! — одобрил мистер Уэллер, кивая с довольным видом.— Я не хотел тебя бранить, Сэмми. Очень хорошо. С этого и нужно начинать. Прямо к делу. Прекрасно, Сэмивел!

В знак полного своего удовлетворения мистер Уэллер кивнул несчетное число раз и в позе внимательного слушателя ждал, чтобы Сэм продолжал речь.

— Присядьте-ка, Сэм,— сказал мистер Пиквик, убедившись, что визит протянется дольше, чем он предполагал.

Сэм снова поклонился и сел. Поймав на себе взгляд отца, он продолжал:

— Родитель, сэр, получил пятьсот тридцать фунтов.

— В пониженных консолях,— вполголоса присовокупил мистер Уэллер-старший.

— Не все ли равно — в пониженных консолях или как-нибудь иначе? — возразил Сэм.— Получено пятьсот тридцать фунтов, да?

— Правильно, Сэмивел, —подтвердил мистер Уэллер.

— К этой сумме он прибавил то, что получил за дом и торговое дело...

— Арендные права, фирма, инвентарь, обстановка,— вставил мистер Уэллер.

— И всего получилось тысяча сто восемьдесят фунтов,— продолжал Сэм.

— Вот как! — сказал мистер Пиквик.— Я очень рад. Поздравляю вас, мистер Уэллер, с такой удачей.

— Подождите минутку, сэр,— возразил мистер Уэллер, умоляюще поднимая руку.— Продолжай, Сэмивел.

— Эти-вот самые деньги,— нерешительно заговорил Сэм,— он хочет положить в какое-нибудь надежное место, и я тоже этого хочу, потому что, останься они у него, он

их будет раздавать взаймы, или поместит капитал в лошадей, или потеряет бумажник,— словом, что-нибудь выкинет.

— Очень хорошо, Сэмивел,— одобрительно заметил мистер Уэллер, словно Сэм воспевал его осторожность и предусмотрительность.— Очень хорошо.

— И по этим самым причинам,— продолжал Сэм, нервически теребя поля своей шляпы,— по этим самым причинам он и взял сегодня все деньги и пришел сюда вместе со мной, чтобы сказать, или нет, предложить, или, иначе говоря...

— Сказать, что деньги эти мне ни к чему! — нетерпеливо перебил мистер Уэллер.— Я регулярно езжу с каретой, и мне негде их прятать, и, стало быть, придется платить кондуктору, чтобы он о них позаботился, или положить в одну из сумок на стенке кареты, а это будет соблазн для внутренних пассажиров. Если вы их припрячете для меня, сэр, я вам буду премного благодарен. Может быть,— добавил мистер Уэллер, наклонясь к мистеру Пиквику и шепча ему на ухо,— может быть, они вам понадобятся на расходы по этому-вот присуждению. А я вам одно скажу: держите их у себя, пока я за ними не приду!

С этими словами мистер Уэллер сунул бумажник в руки мистеру Пиквику, схватил шляпу и выбежал из комнаты с проворством, удивительным для такого тучного субъекта.

— Остановите его, Сэм! — с беспокойством воскликнул мистер Пиквик.— Догоните его, сейчас же приведите назад! Мистер Уэллер, постойте, вернитесь!

Сэм понял, что приказание хозяина должно быть исполнено. Схватив за рукав отца, спускавшегося по лестнице, он потащил его назад.

— Мой добрый друг,— сказал мистер Пиквик, беря за руку старика,— ваше доверие трогает меня, но я очень смущен.

— Не о чем беспокоиться, сэр,— упрямо отвечал мистер Уэллер.

— Уверяю вас, мой добрый друг, денег у меня больше, чем мне нужно, гораздо больше, чем успеет истратить человек моих лет.

— Никто не знает, сколько он может истратить, если сначала не попробует,— заметил мистер Уэллер.

— Быть может, вы правы,— отвечал мистер Пиквик,— но так как у меня нет желания проделывать такие опыты, то вряд ли мне грозит нищета. Очень прошу вас, мистер Уэллер, возьмите эти деньги.

— Очень хорошо!— мрачно сказал мистер Уэллер.— Сэмми, запомни мои слова: я выкину какую-нибудь отчаянную штуку с этими-вот деньгами — отчаянную!

— Лучше не надо,— отозвался Сэм.

Мистер Уэллер призадумался, а затем, решительно застегнув сюртук, объявил:

— Я буду держать заставу.

— Что такое? — вскричал Сэм.

— Заставу! — повторил мистер Уэллер сквозь стиснутые зубы.— Буду держать заставу. Можешь попрощаться с отцом, Сэмивел. Остаток своих дней я посвящу заставе.

Эта угроза была столь ужасна, а мистер Уэллер, повидимому твердо решивший привести ее в исполнение, был так глубоко задет отказом мистера Пиквика, что сей джентльмен после недолгих размышлений сказал ему:

— Хорошо, мистер Уэллер, я оставлю у себя деньги. Надеюсь, мне удастся пристроить их значительно лучше, чем это сделали бы вы.

— Совершенно верно, сущая правда! —просияв, воскликнул мистер Уэллер.— Конечно, вы их пристроите, сэр.

— Не будем больше говорить об этом,— сказал мистер Пиквик, запирая бумажник в письменный стол.— Я вам глубоко признателен, мой добрый друг. Присаживайтесь. Я хочу с вами посоветоваться.

Тихий смех, вызванный блестящим успехом визита и не только исказивший физиономию мистера Уэллера, но и сотрясавший его туловище, руки и ноги, пока мистер Пиквик прятал бумажник, мгновенно уступил место величавой серьезности, когда он услышал эти слова.

— Сэм, пожалуйста, выйдите на несколько минут,— сказал мистер Пиквик.

Сэм немедленно удалился.

Мистер Уэллер принял необычайно глубокомысленный вид и был весьма изумлен, когда мистер Пиквик начал речь такими словами:

— Вы, кажется, не сторонник брака, мистер Уэллер?

Мистер Уэллер покачал головой. Он не мог выговорить ни слова: смутная догадка, что какой-то коварной вдове удалось завладеть мистером Пиквиком, сковала ему язык.

— Может быть, вы случайно заметили молодую девушку там, внизу, когда пришли сюда вместе с вашим сыном? — осведомился мистер Пиквик.

— Да. Я заметил молодую девушку,— лаконически ответил мистер Уэллер.

— Какого вы о ней мнения? Скажите откровенно, мистер Уэллер, какого вы о ней мнения?

— Мне она показалась пухленькой, и фигура аккуратная,— критическим тоном сообщил мистер Уэллер.

— Совершенно верно,— сказал мистер Пиквик.— Совершенно верно. А что вы скажете о ее манерах?

— Очень приятные,— отвечал мистер Уэллер.— Очень приятные и соответственные.

Точный смысл, вложенный мистером Уэллером в это последнее прилагательное, остался невыясненным, но, судя по тону, оно выражало благоприятный отзыв, и мистер Пиквик был вполне удовлетворен, словно получил исчерпывающий ответ.

— Я принимаю в ней большое участие, мистер Уэллер,— сказал мистер Пиквик.

Мистер Уэллер кашлянул.

— Я хочу сказать, что принимаю участие в ее судьбе,— продолжал мистер Пиквик.— Мне хочется, чтобы она была счастлива и обеспечена, понимаете?

— Прекрасно понимаю,— отвечал мистер Уэллер, решительно ничего не понимавший.

— Эта молодая особа,— сказал мистер Пиквик,— привязана к вашему сыну.

— К Сэмивелу Веллеру! — вскрикнул родитель.

— Да,— подтвердил Пиквик.

— Это натурально,— подумав, промолвил мистер Уэллер,— натурально, но небезопасно. Пусть Сэм остерегается.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил мистер Пиквик.

— Пусть остерегается, как бы чего-нибудь ей не сболтнуть,— пояснил мистер Уэллер.— Как-нибудь в простоте душевной скажет словечко, а потом, чего доброго, пожалуйте в суд за то, что нарушил брачное обещание. От них не убережешься, мистер Пиквик, если уж они имеют на вас виды. И не угадаешь, что у них на уме, а пока сидишь да раздумываешь — они тебя и сцапают. Я и сам женился в первый раз, сэр, и от этой самой уловки произошел Сэм.

— Вы не очень-то поощряете меня закончить то, что я начал говорить,— заметил мистер Пиквик,— но лучше уж сказать все сразу. Не только этой молодой особе нравится ваш сын, но и вашему сыну она нравится, мистер Уэллер.

— Однако! — воскликнул мистер Уэллер.— Вот это приятная новость для родительских ушей!

— Мне приходилось наблюдать за ними,— продолжал мистер Пиквик, не отвечая на последнее замечание мистера Уэллера,— и я в этом совершенно уверен. Допустим, что я помог бы им устроиться, если они поженятся, помог бы заняться каким-нибудь делом, которое дало бы им возможность жить безбедно,— что бы вы на это сказали, мистер Уэллер?

Сначала мистер Уэллер принял с кислой миной такое предложение, связанное с женитьбой человека, в чьей судьбе он был заинтересован, но когда мистер Пиквик стал его убеждать и особенно подчеркивал тот факт, что Мэри не вдова, он начал понемножку сдаваться. Мистер Пиквик имел на него большое влияние, а наружность Мэри ему очень понравилась: по правде говоря, он уже успел подмигнуть ей несколько раз отнюдь не по-отцовски. Наконец, он объявил, что не ему противиться желаниям мистера Пиквика и он будет счастлив последовать его совету, после чего мистер Пиквик с удовольствием поймал его на слове и призвал Сэма.

— Сэм! — откашлявшись, сказал мистер Пиквик.— Мы с вашим отцом беседовали о вас.

— О тебе, Сэмивел,— подтвердил мистер Уэллер покровительственным и внушительным тоном.

— Я не слепой, Сэм, я давно уже заметил, что вы питаете более чем дружеские чувства к горничной миссис Уинкль,— продолжал мистер Пиквик.

— Ты слышишь, Сэмивел? — осведомился мистер Уэллер тем же поучительным тоном.

— Надеюсь, сэр,— сказал Сэм, обращаясь к своему хозяину,— надеюсь, сэр, ничего предосудительного нет в том, что молодой человек обращает внимание на молодую женщину, бесспорно хорошенькую и примерного поведения.

— Разумеется,— отвечал мистер Пиквик.

— Ясное дело,— согласился мистер Уэллер ласково, но с важностью.

— Я не только не вижу ничего предосудительного в таком поведении, которое считаю вполне естественным,— продолжал мистер Пиквик,— но я бы хотел вам помочь и пойти навстречу вашим желаниям. Вот потому-то я и имел разговор с вашим отцом и, убедившись, что он разделяет мое мнение...

— Раз эта особа не вдова,— вставил мистер Уэллер в виде пояснения.

— Раз эта особа не вдова,— с улыбкой повторил мистер Пиквик,— я хочу освободить вас от тех обязанностей, которые в настоящее время вас связывают, и доказать вам свою благодарность за вашу преданность и многие прекрасные качества. Я хочу помочь вам жениться немедленно на этой девушке и обеспечу заработок, достаточный для вас и вашей семьи. Я буду горд, Сэм,— добавил мистер Пиквик, сначала говоривший дрожащим голосом, но постепенно овладевший собой,— горд и счастлив, если помогу вам устроиться в жизни.

На несколько мгновений воцарилось глубокое молчание, потом Сэм сказал тихо и хриплым голосом, но тем не менее очень твердо:

— Я вам премного благодарен, сэр, за вашу доброту, она как раз в вашей натуре, но этому не бывать.

— Не бывать?! — воскликнул изумленный мистер Пиквик.

— Сэмивел! — степенно произнес мистер Уэллер.

— Я говорю, что этому не бывать,— повысив голос, повторил Сэм.— А как вы без меня обойдетесь, сэр?

— Мой друг,— отвечал мистер Пиквик,— перемены, происшедшие в жизни моих друзей, отразятся также и на моей жизни. Вдобавок я старею и нуждаюсь в отдыхе и покое. Мои скитания кончились, Сэм.

— Как знать, сэр! — возразил Сэм.— Сейчас вы думаете так, а вдруг ваши желания изменятся, и это очень возможно, потому что у вас душа двадцатипятилетнего. Как вы тогда обойдетесь без меня? Этому не бывать, сэр.

— Очень хорошо, Сэмивел, в твоих словах много истины,— поощрительно заметил мистер Уэллер.

— Я принял такое решение после долгих размышлений, Сэм, и, конечно, не изменю его,— покачав головой, сказал мистер Пиквик.— Для меня настали новые времена. Конец скитаниям!

— Прекрасно, сэр,— отвечал Сэм,— но по этой-то причине вы и должны держать при себе человека, который вас понимает и позаботится о ваших удобствах. Если вам нужен парень более вылощенный, чем я, ладно, берите его, но за жалованье или без жалованья, с предупреждением об увольнении или без предупреждения, со столом или без стола, с квартирой или без квартиры, а Сэм Уэллер, которого вы подобрали в старой гостинице в Боро, от вас не отойдет, что бы ни случилось. И пусть кто хочет старается, все равно никто этому помешать не может!

По окончании этой декларации, которую Сэм произнес с большим чувством, старший мистер Уэллер встал и, забыв о времени, месте и приличиях, замахал шляпой над головой и оглушительно крикнул три раза «ура».

— Мой друг! — сказал мистер Пиквик, когда мистер Уэллер снова сел, слегка сконфуженный собственным энтузиазмом.— Вы должны подумать и о молодой женщине.

— Я думаю о молодой женщине, сэр,— отвечал Сэм.— Я подумал о молодой женщине. Я с ней поговорил. Я ей объяснил свою ситивацию. Она готова ждать, пока все не наладится, и мне кажется, она так и сделает. А если нет, то, стало быть, она не та женщина, за какую я ее принимаю, и я готов от нее отказаться. Вы меня не первый день знаете, сэр. Я принял решение, и ничто не может его изменить.

Кто бы стал возражать против такого заявления? Во всяком случае не мистер Пиквик. В этот момент он чувствовал такую гордость и испытывал такую радость при виде бескорыстной привязанности своих скромных друзей, какой не пробудили бы в его сердце десятки тысяч заверений в дружбе самых великих людей.

Пока в комнате мистера Пиквика шла такая беседа, в гостиницу явился маленький старый джентльмен в костюме табачного цвета, сопровождаемый носильщиком с небольшим чемоданом. Условившись относительно ночлега, он осведомился у лакея, здесь ли остановилась некая миссис Уинкль, на что лакей отвечал, разумеется, утвердительно.

— Она сейчас одна? — спросил старый джентльмен.

— Кажется, одна, сэр,— ответил лакей.— Я могу позвать ее горничную, сэр, если вы...

— Нет, она мне не нужна,— быстро перебил старый джентльмен.— Проводите меня в комнату леди без доклада.

— Как же так, сэр? — переспросил лакей.

— Вы оглохли? — спросил маленький старый джентльмен.

— Нет, сэр.

— Ну, так слушайте. Сейчас вы меня хорошо слышите?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Проводите меня в комнату миссис Уинкль без доклада.

Давая такое распоряжение, старый джентльмен сунул в руку лакея пять шиллингов и пристально посмотрел на него.

— Право, сэр,— начал лакей,— я не знаю, сэр, можно ли...

— А, понимаю, вы согласны,— перебил маленький старый джентльмен.— Ну, так сделайте это сейчас же. Незачем терять время.

Джентльмен держал себя столь уверенно и спокойно, что лакей сунул пять шиллингов в карман и повел его наверх, не проронив ни слова.

— Вот эта комната? — спросил джентльмен.— Можете идти.

Лакей повиновался, недоумевая, кто бы мог быть этот джентльмен и что ему нужно. Старый джентльмен выждал, пока он не скрылся из виду, а затем постучал.

— Войдите,— сказала Арабелла.

— Гм... голос во всяком случае приятный,— пробормотал старый джентльмен,— а впрочем, это ничего не значит.

С этими словами он открыл дверь и вошел. При виде незнакомца Арабелла, сидевшая за рукодельем, встала и слегка смутилась, но в этом смущении была грация.

— Пожалуйста, не вставайте, сударыня,— сказал неизвестный, войдя и прикрыв за собой дверь.— Если не ошибаюсь, миссис Уинкль?

Арабелла наклонила голову.

— Миссис Натэниел Уинкль, которая вышла замуж за сына старика из Бирмингема? — продолжал незнакомец, с явным любопытством разглядывая Арабеллу.

Арабелла снова наклонила голову и с беспокойством огляделась, словно раздумывая, не позвать ли на помощь.

— Вы, кажется, удивлены, сударыня,— заметил старый джентльмен.

— Да, признаюсь,— отвечала Арабелла, недоумевая еще больше.

— Если вы разрешите, сударыня, я сяду,— сказал незнакомец.

Он уселся и, достав из кармана футляр, не спеша извлек из него очки, которые водрузил на нос.

— Вы меня не знаете, сударыня? — спросил он, так пристально глядя на Арабеллу, что та начала волноваться.

— Не знаю, сэр,— робко отозвалась она.

— Ну, конечно,— сказал джентльмен, обхватив руками левую ногу.— Откуда вам меня знать? Но моя фамилия вам известна, сударыня.

— Неужели? — промолвила Арабелла и задрожала, сама не зная почему.— Может быть, вы ее назовете?

— Успеется, успеется,— отвечал незнакомец, не сводя глаз с ее лица.— Вы недавно вышли замуж, сударыня?

— Да, недавно,— чуть слышно сказала Арабелла, откладывая рукоделье и начиная все сильнее волноваться

от одной мысли, которая уже мелькнула у нее раньше, а сейчас снова пришла ей в голову.

— Вышли замуж, не объяснив своему мужу, что следовало бы сначала посоветоваться с его отцом, от которого он, кажется, зависит?

Арабелла прижала носовой платок к глазам.

— Вышли замуж, даже не попытавшись как-нибудь стороной узнать, каково отношение старика к этому вопросу, которым он, само собой разумеется, должен интересоваться? — настаивал незнакомец.

— Я этого не отрицаю, сэр,— сказала Арабелла.

— Вышли замуж, не имея своего собственного приличного состояния, чтобы оказывать мужу поддержку, взамен тех мирских благ, которые, как вам известно, были бы ему предоставлены, если бы он женился, считаясь с волей отца? — продолжал старый джентльмен.— Мальчики и девочки называют это бескорыстной любовью, пока не обзаведутся своими собственными мальчиками и девочками, а тогда они совсем иначе и более трезво смотрят на это дело.

Арабелла залилась слезами и сказала в свое оправдание, что она молода и неопытна, что только любовь побудила ее совершить этот шаг и что она чуть ли не с самого детства была лишена родительских советов и руководства.

— Это плохо,— заявил старый джентльмен более мягким тоном,— очень плохо. Глупо, романтически и легкомысленно.

— Это я виновата, я одна, сэр! — плача, отозвалась бедная Арабелла.

— Вздор! — сказал старый джентльмен.— Полагаю, вы не виноваты в том, что он в вас влюбился. А впрочем,— добавил он, лукаво посмотрев на Арабеллу,— вы и в самом деле виноваты. Как было ему не влюбиться?

Этот маленький комплимент, или странная манера, с какой он был сделан, или изменившееся обращение старого джентльмена, или, наконец, и то, и другое, и третье заставили Арабеллу улыбнуться сквозь слезы.

— Где ваш муж? — резко спросил старый джентльмен, прогнав улыбку, осветившую и его физиономию.

— Я его жду с минуты на минуту, сэр,— отвечала

Арабелла.— Я его уговорила пойти погулять. Он не получает никаких известий от отца и очень удручен.

— Удручен, вот как! — сказал старый джентльмен.— Поделом ему.

— Боюсь, что он страдает за меня,— добавила Арабелла,— а я, сэр, глубоко страдаю за него. Ведь я навлекла на него это несчастье.

— Не беспокойтесь о нем, моя дорогая,— сказал старый джентльмен.— Поделом ему. Я очень рад, чрезвычайно рад — поскольку это его касается.

Едва эти слова сорвались с уст старого джентльмена, как на лестнице послышались шаги, которые показались знакомыми и ему и Арабелле. Когда мистер Уинкль вошел в комнату, маленький джентльмен побледнел и, пытаясь сделать вид, будто овладел собой, встал.

— Отец! — воскликнул мистер Уинкль, попятившись от изумления.

— Он самый, сэр,— отозвался маленький старый джентльмен.— Ну, сэр, что вы имеете мне сказать?

Мистер Уинкль молчал.

— Надеюсь, вам стыдно самого себя, сэр? — спросил старый джентльмен.

Мистер Уинкль все еще молчал.

— Стыдитесь вы себя, сэр, или не стыдитесь? — осведомился старый джентльмен.

— Нет, сэр,— отвечал мистер Уинкль, беря под руку Арабеллу,— я не стыжусь ни себя, ни своей жены.

— Вот как! — иронически воскликнул старый джентльмен.

— Я очень сожалею, если мой поступок повлиял на вашу любовь ко мне, сэр,— сказал мистер Уинкль,— но должен сказать, что нет оснований стыдиться, если я могу называть эту леди своей женой, а вы — своей дочерью.

— Твою руку, Нат! — воскликнул старый джентльмен изменившимся голосом.— Поцелуйте меня, моя милочка. Что и говорить, вы очаровательная невестка!

Спустя несколько минут мистер Уинкль отправился отыскивать мистера Пиквика и, вернувшись с этим джентльменом, представил его своему отцу, после чего они без устали пожимали друг другу руки в течение пяти минут.

— Мистер Пиквик, я вам глубоко признателен за вашу доброту к моему сыну,— сказал мистер Уинкль с грубоватой прямолинейностью.— Я человек вспыльчивый, а когда мы в последний раз с вами виделись, я был раздражен и застигнут врасплох. Теперь я сам все проверил и больше чем удовлетворен. Нужно приносить еще какие-нибудь извинения, мистер Пиквик?

— Никаких,— отвечал сей джентльмен.— Вы сделали как раз то, чего мне не хватало для полноты моего счастья.

После этого начались новые рукопожатия, затянувшиеся на пять минут и сопровождавшиеся многочисленными комплиментами, каковые, впрочем, отличались тем доселе невиданным преимуществом, что были вполне искренни.

Сэм, исполняя сыновий долг, проводил своего отца до «Прекрасной Дикарки» и, вернувшись оттуда, встретил в переулке жирного парня, которому Эмили Уордль поручила отнести какую-то записку.

— Послушайте,— сказал Джо с непривычной для него болтливостью,— какая хорошенькая девушка Мэри! Я от нее без ума!

Мистер Уэллер не дал никакого словесного ответа, но, ошеломленный такой самонадеянностью жирного парня, воззрился на него, затем взял за шиворот, довел до угла и на прощание угостил его безболезненным, церемонным пинком, после чего, насвистывая, пошел домой.

ГЛАВА LVII,

в которой Пиквикский клуб прекращает свое существование и все заканчивается ко всеобщему удовольствию

В течение целой недели после счастливого прибытия мистера Уинкля из Бирмингема мистер Пиквик и Сэм Уэллер отсутствовали с утра до вечера, возвращаясь только к обеду, и имели вид таинственный и многозначи-

тельный, совершенно несвойственный их натурам. Было ясно, что надвигаются весьма серьезные и знаменательные события, но различные догадки касательно характера этих событий ни к чему не приводили. Иные (в том числе мистер Тапмен) готовы были предположить, что мистер Пиквик помышляет о супружеских узах, но леди энергически отвергали такую догадку. Другие склонялись к тому, что он хочет отправиться в далекое путешествие и в настоящее время занят приготовлениями, но и это предположение было категорически опровергнуто самим Сэмом, который на вопрос Мэри решительно заявил, что никаких новых путешествий больше не предвидится. Наконец, когда у всех помутилось в голове от шестидневных бесплодных размышлений, было единогласно решено потребовать от мистера Пиквика, чтобы он объяснил свое поведение и ясно изложил, почему он не появляется в кругу своих преданных друзей.

С этой целью мистер Уордль пригласил всю компанию на обед в Эдельфи, и когда графины дважды обошли вокруг стола, приступил к делу.

— Все мы горим желанием узнать,— начал пожилой джентльмен,— чем мы вас обидели и почему вы нас покидаете и предаетесь уединенным прогулкам?

— Как странно! — сказал мистер Пиквик.— Как раз сегодня я собирался вам все объяснить. Если вы мне нальете еще стаканчик вина, я удовлетворю ваше любопытство.

Графины с необычайной поспешностью двинулись дальше из рук в руки, а мистер Пиквик, весело улыбнувшись, окинул взглядом своих друзей и приступил к объяснениям.

— События, происшедшие в нашем кругу,— начал мистер Пиквик,— я имею в виду брак уже заключенный и брак еще предстоящий,— и перемены, с ними связанные, побудили меня обдумать трезво и без промедления мои планы на будущее. Я решил удалиться в какое-нибудь тихое и живописное местечко в окрестностях Лондона. Я нашел дом, отвечающий всем моим требованиям, нанял его и меблировал. Сейчас все приготовления закончены, и я намерен переехать туда немедленно в надежде прожить еще много лет в мирном уединении, скрашивая свои дни

обществом друзей и лелея надежду остаться в их памяти после смерти.

Тут мистер Пиквик сделал паузу, и вокруг стола пронесся тихий шепот.

— Дом, который я нанял, —продолжал мистер Пиквик,— находится в Даличе. При нем небольшой сад, а расположен он в одном из очаровательнейших уголков близ Лондона. Он обставлен вполне комфортабельно и, пожалуй, даже изящно, но об этом вы будете судить сами. Сэм переезжает туда вместе со мной. По рекомендации Перкера, я нанял экономку — очень старую — и тех слуг, какие, по ее мнению, мне нужны. Я хотел бы освятить свое маленькое убежище, предоставив его для совершения одной церемонии, к которой я отношусь с глубоким интересом. Если мой друг Уордль не возражает, мне бы хотелось, чтобы свадьба его дочери была отпразднована в моем новом доме в тот день, когда я туда перееду. Счастье молодежи,— с чувством добавил мистер Пиквик,— всегда доставляло мне величайшую радость. Весело будет у меня на сердце, когда я под собственной кровлей буду свидетелем счастья самых дорогих для меня друзей.

Мистер Пиквик снова сделал паузу. Эмили и Арабелла громко всхлипывали.

— О своем намерении я известил членов клуба лично и письменно,— продолжал мистер Пиквик.— За время нашего длительного отсутствия в клубе возникли разногласия, а мой уход в связи с некоторыми другими обстоятельствами привел к его роспуску. Пиквикский клуб больше не существует. Я никогда не стану жалеть,— тихим голосом добавил мистер Пиквик,— о том, что посвятил почти два года общению с самыми разнообразными людьми, хотя мои поиски новых впечатлений могут многим показаться легкомысленными. Чуть ли не вся моя жизнь была посвящена делам и погоне за богатством, а теперь передо мной открылось нечто, о чем я до сей поры не имел понятия и что поведет, надеюсь, к просвещению моего ума и к его совершенствованию. Если я мало сделал добра, то смею думать, что зла я причинил еще меньше, и все мои приключения послужат источником занимательных и приятных воспоминаний на склоне моей жизни. Бог да благословит всех вас!

С этими словами мистер Пиквик, дрожащей рукой наполнив свой бокал, осушил его и прослезился, а его друзья разом встали и с воодушевлением провозгласили тост за его здоровье.

К свадьбе мистера Снодграсса не требовалось почти никаких приготовлений. Так как у него не было ни отца, ни матери и до своего совершеннолетия он находился под опекой мистера Пиквика, то сей джентльмен прекрасно знал его материальное положение и виды на будущее. Сделанный мистером Пиквиком отчет касательно обоих пунктов вполне удовлетворил мистера Уордля,— как, впрочем, удовлетворил бы его любой отчет, ибо добрый старый джентльмен находился в чрезвычайно веселом и благодушном расположении духа, а когда Эмили было выдано хорошее приданое, свадьбу назначили через три дня, и такая поспешность довела чуть ли не до сумасшествия трех портних и одного портного.

Заложив почтовых лошадей в свой экипаж, старик Уордль уехал на следующий же день, чтобы привезти свою мать в город. Когда он со свойственной ему стремительностью сообщил новость старой леди, та мгновенно упала в обморок, но быстро ожила и, приказав немедленно уложить парчовое платье, принялась рассказывать о некоторых подобных же обстоятельствах, связанных со свадьбой старшей дочери покойной леди Толлимглауэр, причем рассказ ее длился три часа и не был доведен до середины.

Нужно было уведомить миссис Трандль о великих приготовлениях, происходивших в Лондоне, а так как она находилась в деликатном положении, то мистер Трандль сам сделал это сообщение, опасаясь, как бы новости не слишком на нее повлияли. Но они не слишком на нее повлияли, ибо она тотчас же послала в Магльтон за новой шляпкой и черным атласным платьем и вдобавок заявила о своем решении присутствовать при церемонии. Тогда мистер Трандль призвал доктора, а доктор сказал, что миссис Трандль сама должна знать лучше всех, как она себя чувствует. На это миссис Трандль ответила, что она чувствует себя прекрасно, и решила ехать. Тогда доктор, который был человек мудрый и рассудительный и умел блюсти не только чужие интересы, но и свои собствен-

ные, сказал, что, если миссис Трандль останется дома, она будет волноваться и, пожалуй, еще больше себе повредит, а стало быть, пусть она едет. И она поехала. А доктор очень заботливо прислал с полдюжины микстур и предписания принимать их в дороге.

В разгар всей этой суматохи Уордлю было поручено передать два письмеца двум молодым леди, которых просили быть подружками. По получении этих писем обе молодые леди пришли в отчаяние, ибо у них не было «вещей», подходящих для столь важного события, и не хватало времени запастись ими,— обстоятельство, казалось, доставившее двум достойным папашам двух молодых леди скорее удовольствие, чем неудовольствие. Впрочем, старые платья переделали, купили новые шляпки, и молодые леди были так очаровательны, как только можно было от них ожидать. А так как при совершении обряда они плакали в подобающих местах и трепетали в надлежащее время, то привели в восторг всех зрителей.

Как добрались до Лондона двое бедных родственников,— притащились ли они пешком, поместились ли на запятках, подвезли ли их на телеге, или они по очереди несли друг друга на руках,— остается невыясненным. Как бы там ни было, но они опередили Уордля. И в день свадьбы первыми гостями, стучавшимися в дверь мистера Пиквика, были двое бедных родственников, сиявших улыбками и воротничками.

Впрочем, их приняли радушно, ибо бедность или богатство не имели значения в глазах мистера Пиквика. Новые слуги были расторопны и усердны, Сэм удивительно весел и оживлен, а Мэри блистала красотой и яркими лентами.

Жених, который последние два-три дня проживал в доме мистера Пиквика, галантно выехал навстречу невесте в даличскую церковь, сопровождаемый мистером Пиквиком, Беном Элленом, Бобом Сойером и мистером Тапменом; Сэм Уэллер, помещавшийся на запятках, был одет в новую великолепную ливрею, сшитую специально для этого дня, с белой ленточкой в петлице — подарком его дамы сердца. Их встретили Уордли, Уинкли, невеста, подружки и Трандли, а по окончании церемонии кареты покатили обратно к дому мистера Пиквика, где был при-

готовлен завтрак и где их уже ждал маленький мистер Перкер.

Здесь рассеялись легкие облачка, навеянные торжественной церемонией: все лица просияли, и ничего не слышно было, кроме поздравлений и комплиментов. Все казалось таким красивым: лужайка перед окнами, сад позади дома, миниатюрная оранжерея, столовая, гостиная, спальни, курительная комната, а в особенности кабинет с картинами, креслами, старинными шкатулками, оригинальными столиками и множеством книг, с большим светлым окном, откуда открывался вид на веселую лужайку, а вдали разбросаны были домики, полускрытые деревьями,— кабинет с портретами, коврами, креслами и диванами! Все было так очаровательно, так изящно, так уютно, все свидетельствовало о таком изысканном вкусе, что, по мнению присутствовавших, трудно было решить, чем следует больше восхищаться.

А посреди этой комнаты стоял мистер Пиквик. Лицо его сияло улыбкой, перед которой не могло бы устоять ни сердце мужчины, ни сердце женщины, ни сердце ребенка. Сам он был счастливейшим в этой компании, снова и снова пожимал руки все тем же гостям, а когда его собственные руки были свободны, с удовольствием их потирал; он без конца озирался по сторонам, откуда то и дело раздавались восклицания, выражавшие восторг или любопытство, и всех заражал своим весельем.

Завтрак подан. Мистер Пиквик усаживает старую леди (которая очень красноречиво повествовала о леди Толлимглауэр) во главе стола; Уордль занимает место против нее; друзья размещаются по обе стороны стола; Сэм становится за стулом своего хозяина. Смех и болтовня стихают. Мистер Пиквик, прочитав молитву, умолкает на секунду и осматривается вокруг. От избытка счастья слезы струятся у него по щекам.

Расстанемся же с нашим старым другом в одну из тех минут неомраченного счастья, которые, если мы будем их искать, скрашивают иногда нашу преходящую жизнь. Есть темные тени на земле, но тем ярче кажется свет. Иные люди, подобно летучим мышам или совам, лучше видят в темноте, чем при свете. Мы, не наделенные такими органами зрения, предпочитаем бросить последний прощаль-

ный взгляд на воображаемых товарищей многих часов нашего одиночества в тот момент, когда на них падает яркий солнечный свет.

Такова участь большинства людей, которые входят в общение с другими людьми,— в расцвете лет они приобретают истинных друзей и теряют их, повинуясь законам природы. Такова участь всех писателей и летописцев,— они создают воображаемых друзей и теряют их, повинуясь законам творчества. Но этого мало: от них требуется отчет о дальнейшей судьбе воображаемых друзей.

Подчиняясь этому обычаю — бесспорно тягостному,— мы приводим кое-какие биографические сведения о лицах, собравшихся в доме мистера Пиквика.

Мистер и миссис Уинкль, окончательно завоевав расположение мистера Уинкля-старшего, вскоре поселились в новом доме на расстоянии полумили от мистера Пиквика. Мистер Уинкль работал в Сити как представитель или агент своего отца и заменил свое прежнее платье костюмом рядового англичанина, и с той поры обрел внешность цивилизованного христианина.

Мистер и миссис Снодграсс обосновались в Дингли Делле, где купили маленькую ферму и занялись хозяйством скорее для развлечения, чем с целью наживы. Мистер Снодграсс, предаваясь иногда мечтательности и меланхолии, слывет и по сей день великим поэтом среди своих друзей и знакомых, хотя нам неизвестно, чтобы он хоть какими-нибудь творениями давал основание для такой уверенности. Репутация многих знаменитых людей, литераторов, философов и так далее, зиждется на таком же точно фундаменте.

Мистер Тапмен нанял квартиру в Ричмонде *, где проживает с тех пор, как его друзья поженились, а мистер Пиквик избрал оседлый образ жизни. В летние месяцы он постоянно прогуливается по Террасе, и вид у него юношеский и игривый, чем он завоевал восхищение многих пожилых и одиноких леди, обитающих в этих краях. Больше он никогда и никому не делал предложения.

Мистер Боб Сойер, попав предварительно в «Газету» *, попал затем в Бенгалию в сопровождении мистера Бенд-

жемина Эллена; оба джентльмена были приняты Ост-Индской компанией на должность хирургов. Они четырнадцать раз переболели желтой лихорадкой, а затем решили испробовать метод воздержания от спиртных напитков, и с тех пор зажили благополучно.

Миссис Бардл сдает комнаты многим приятным холостым джентльменам с большой для себя выгодой, но никого не привлекает к суду за нарушение брачного обещания. Ее поверенные, мистеры Додсон и Фогг, по-прежнему занимаются своей профессией, получая солидные барыши и пользуясь репутацией самых ловких людей.

Сэм Уэллер сдержал свое слово и оставался холостым два года. По прошествии сего времени умерла старая экономка, и мистер Пиквик назначил на ее место Мэри при условии, чтобы она немедленно вышла замуж за мистера Уэллера, что она и исполнила безропотно. Судя по тому, что у калитки сада постоянно вертятся два толстых мальчугана, можно предположить, что Сэм обзавелся семьей.

Мистер Уэллер-старший в течение года ездил с каретой, но, заболев подагрой, вынужден был подать в отставку. Впрочем, содержимое бумажника было так удачно помещено мистером Пиквиком, что он имеет теперь независимое состояние и живет в превосходном дворе около Шутерс-Хилла, где его почитают как оракула, а он хвастается своей дружбой с мистером Пиквиком и попрежнему питает непреодолимое отвращение к вдовам.

Мистер Пиквик живет в своем новом доме, посвящая часы досуга приведению в порядок своих записок,— впоследствии он презентовал их секретарю некогда знаменитого клуба,— или слушая, как Сэм Уэллер читает вслух и сопровождает чтение приходящими ему на ум замечаниями, которые неизменно доставляют мистеру Пиквику величайшее удовольствие. Сначала его весьма беспокоили мистер Снодграсс, мистер Уинкль и мистер Трандль, неустанно обращавшиеся к нему с просьбой крестить их отпрысков, но теперь он привык к этому и относится к своим обязанностям, как к делу самому обыкновенному. Ему ни разу не пришлось пожалеть о благодеяниях, оказанных Джинглю, ибо и этот субъект и Джоб Троттер сделались со временем достойными членами общества, хотя упорно отказывались вернуться в те места, где некогда

подвизались, уступая искушениям. Мистер Пиквик начал прихварывать; впрочем, он сохраняет юношескую бодрость духа, и нередко можно видеть, как он любуется картинами в даличской галерее * или прогуливается в ясный день по живописным окрестностям. Его знают все местные бедняки, которые всегда с глубоким почтением снимают шапки, когда он проходит мимо. Дети его боготворят; впрочем, так же относится к нему и все местное население. Каждый год он отправляется на торжественное семейное празднество к мистеру Уордлю, и, куда бы он ни ездил, его неизменно сопровождает верный Сэм, связанный со своим хозяином крепкой взаимной любовью, конец которой может положить только смерть.

Конец

Приложение

ЧАСЫ МИСТЕРА ХАМФРИ

Выпустив в свет в течение четырех лет (1836—1839) четыре книги («Очерки Боза», «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Приключения Оливера Твиста», «Жизнь и приключения Николаса Никльби»), Диккенс в 1840 году приступил к новому произведению. Но эта книга задумана была не как цельный роман, а как серия новелл, очерков, путевых приключений, объединенных только внешне сюжетной линией. По замыслу Диккенса, постоянные гости некоего мистера Хамфри располагались вокруг старинных «стоячих» часов и, доставая из футляра этих часов рукописи, читали упомянутые новеллы и очерки в своем кругу. Так возникло произведение, названное писателем «Часы мистера Хамфри», которого он наименовал по-старинному «мастер». Подобно предшествующим книгам, «Часы» должны были выходить выпусками. Но читающая публика, с нетерпением ожидавшая нового цельного произведения Диккенса, сдержанно отнеслась к его затее, и Диккенс тотчас же изменил первоначальный план, начав вскоре печатать в «Часах» роман «Лавка древностей». Трижды он прерывал роман, вводя вставные эпизоды с участием мистера Пиквика, мистера Уэллера и Сэма.

Мы печатаем эти *пять* эпизодов, в которых мистер Пиквик, Сэм и мистер Уэллер появляются вновь после прощания с ними автора в конце «Посмертных записок Пиквикского клуба».

I

Гость мистера Хамфри

Когда я бываю в меланхолическом расположении духа, мне часто удается отвести поток печальных мыслей, вызывая ряд фантастических картин, связанных с окружающими предметами, и размышляя о сценах и действующих лицах, подсказываемых ими.

Эта привычка привела к тому, что каждая комната в моем доме и каждый старый портрет, взирающий со стены, возбуждают во мне особый интерес. Например, я убежден, что величавая, устрашающая своей суровой благопристойностью дама, которая висит над камином в моей спальне, была некогда владелицей этого дома. Во дворе внизу находится высеченное из камня лицо, исключительно уродливое, в котором я почему-то,— боюсь, в силу своеобразной ревности,— вижу лицо ее супруга. Над моим кабинетом расположена маленькая комнатка, где сквозь переплет окна пробивается плющ; из этой комнаты выходит их дочь, очаровательная девушка лет восемнадцати — девятнадцати, всегда покорная и послушная, за исключением тех случаев, когда затрагивают ее глубокую привязанность к молодому джентльмену на лестнице, чья бабушка (которую спровадили в заброшенную прачечную в саду) кичится старой семейной ссорой и является неумолимым врагом их любви. Пользуясь подобным же

материалом, я сочиняю немало маленьких драм, главное достоинство коих заключается в том, что я могу по собственному желанию привести их к благополучной развязке. Столько их у меня в голове, что, если бы я, вернувшись вечером домой, застал какого-нибудь грубоватого старца, насчитывающего двести лет и комфортабельно расположившегося в моем кресле, и страдающую от несчастной любви девицу, тщетно взывающую к его жестокому сердцу и опирающуюся белой рукою на мои часы, я уверен, что выразил бы только изумление, почему они заставили меня ждать так долго и до сей поры не удостаивали своим посещением.

В таком расположении духа я сидел вчера утром в своем саду, в тени цветущего любимого дерева, упиваясь очарованием, разлитым вокруг меня, и чувствуя, как оживают надежды и радость благодаря прекраснейшей поре года — весне, как вдруг мои размышления были прерваны неожиданным появлением в конце аллеи моего цирюльника, который — я тотчас же это заметил — направлялся ко мне быстрым шагом, предвещавшим нечто знаменательное.

Мой цирюльник — очень живой, суетливый, проворный человечек,— он весь кругленький, однако не толстый и не громоздкий,— но вчера его стремительность была столь необычна, что повергла меня в изумление. Не мог я также не заметить, когда он подошел ко мне, что его серые глаза поблескивали в высшей степени странно, что красный носик пылал необычайно, что каждая черточка его круглого веселого лица сократилась и как бы закруглилась, выражая приятное изумление, а вся его физиономия сияла от удовольствия. Я удивился еще больше, заметив, что моя экономка, которая всегда сохраняет весьма степенный вид и боится уронить собственное достоинство, выглядывала из-за изгороди в конце аллеи и обменивалась кивками и улыбками с цирюльником, который раза два или три оглянулся. Я не понимал, о чем может возвещать подобное поведение, разве что в то утро цирюльник и экономка заключили брачный союз.

Вот почему я был слегка разочарован, когда обнаружилось всего-навсего, что пришел какой-то джентльмен, который желает со мной поговорить.

— А кто он такой? — спросил я.

Цирюльник, еще туже подвинтив свою физиономию, ответил, что джентльмен не пожелал себя назвать, но хочет меня видеть. Я на секунду призадумался, недоумевая, кто бы мог быть этот посетитель, и заметил, что цирюльник, воспользовавшись случаем, обменялся еще одним кивком с экономкой, которая не двигалась с места.

— Ну, что ж! — сказал я.— Просите джентльмена пожаловать сюда.

Эти слова как будто увенчали надежды цирюльника, ибо он круто повернулся и пустился бегом.

Дальнозоркостью я не отличаюсь, и когда джентльмен только что появился в конце аллеи, я не мог его разглядеть и не знал, знаком я с ним или нет. Это был пожилой джентльмен, но шел он легко и быстро, отличался приятнейшими манерами, ловко обходил садовый каток и бордюры клумб, пробираясь между цветочными горшками и улыбаясь с невыразимым добродушием. Не успел он дойти до середины аллеи, как уже начал приветствовать меня; тогда мне показалось, что я его знаю; но когда он приблизился ко мне с шляпой в руке и солнце осветило его лысую голову, кроткое лицо, блестящие очки, светло-коричневые, плотно облегающие панталоны и черные гетры,— вот тогда меня потянуло к нему, и я окончательно убедился в том, что это — мистер Пиквик.

— Дорогой сэр,— сказал джентльмен, когда я встал, чтобы приветствовать его,— прошу вас, сядьте. Пожалуйста, садитесь. Не стойте из-за меня. Право же, я настаиваю на этом.

С этими словами мистер Пиквик деликатно принудил меня сесть и, взяв за руку, потряс ее еще и еще раз с сердечностью, поистине покоряющей. Я постарался выразить в своем приветствии радость, которую вызвало его появление, и усадил рядом. Он то выпускал, то снова хватал мою руку, смотрел на меня сквозь очки, и такой сияющей физиономии я никогда не видывал.

— Вы меня сразу узнали! — воскликнул мистер Пиквик.— Как приятно, что вы меня сразу узнали!

Я ответил, что частенько перечитывал историю его приключений, а его лицо хорошо знакомо мне по портретам. Я выразил ему свое соболезнование,— считая, что случай благоприятствует упоминанию об этом,— по поводу разных пасквилей на его особу, появлявшихся в печати. Мистер Пиквик покачал головой и на секунду как будто рассердился, но тотчас же улыбнулся снова и заявил, что я, конечно, знаком с прологом Сервантеса ко второй части «Дон-Кихота», а сей пролог вполне выражает его отношение к данному вопросу.

— Но, послушайте,— сказал мистер Пиквик,— неужели вас не интересует, как я вас отыскал?

— Я не буду интересоваться этим, и, с вашего разрешения, пусть это останется для меня тайной,— сказал я, улыбаясь в свою очередь.— Достаточно, что вы доставили мне это удовольствие. Я отнюдь не хочу, чтобы вы мне сообщили, каким путем я его получил.

— Вы очень любезны,— отвечал мистер Пиквик, снова пожимая мне руку,— таким я вас себе и представлял! Но как вы думаете, с какой целью я вас отыскал, дорогой сэр? Ну как вы думаете, зачем я пришел?

Мистер Пиквик задал этот вопрос с таким видом, словно не допускал возможности, чтобы я каким бы то ни было образом угадал тайную цель его посещения, которая должна быть сокрыта от всего человечества. Поэтому хотя я и радовался тому, что предугадал его намерение, но притворился, будто понятия о нем не имею, и, после недолгого раздумья, безнадежно покачал головой.

— А что бы вы сказали,— начал мистер Пиквик, прикасаясь указательным пальцем левой руки к моему рукаву, и посмотрел на меня, откинув назад голову и слегка склонив ее набок,— что бы вы сказали, если бы я признался, что, прочитав ваш отчет о вас самих и вашем маленьком обществе, я пришел сюда в качестве скромного кандидата на одно из свободных мест?

— Я бы сказал,— отвечал я,— что только одно событие могло бы сделать для меня еще милее это маленькое общество, а именно — вступление в него моего старого друга...— разрешите мне называть вас так — моего старого друга, мистера Пиквика.

Когда я дал ему такой ответ, лицо мистера Пиквика расплылось, выражая полнейший восторг. Сердечно пожав мне обе руки сразу, он легонько похлопал меня по спине, а затем — причина была мне понятна — покраснел до самых глаз и с величайшей серьезностью выразил надежду, что он не причинил мне боли.

Если бы даже мне было больно, я предпочел бы, чтобы он совершил такое преступление сто раз, только бы не волновался; но так как никакого вреда он мне не причинил, я без труда переменил тему разговора, задав вопрос, который уже раз двадцать вертелся у меня на языке.

— Вы мне ни слова не сказали о Сэме Уэллере,— заметил я.

— О! — воскликнул мистер Пиквик.— Сэм ничуть не изменился. Все тот же верный, преданный друг, каким был раньше. Что сказать вам о Сэме, дорогой сэр, кроме того, что с каждым днем он становится все более необходимым для моего счастья и благополучия?

— А мистер Уэллер-старший? — спросил я.

— Старый мистер Уэллер,— отвечал мистер Пиквик,— изменился отнюдь не больше, чем Сэм,— пожалуй, стал только чуточку более самоуверенным, чем был прежде, и иной раз бывает более болтлив. Теперь он проводит много времени в наших краях и определил себя в штат моих телохранителей, и если я попрошу для Сэма местечка в вашей кухне в «вечера часов» (предположим, что ваши трое друзей сочтут меня достойным занять место среди них), то боюсь, что мне придется частенько приводить и мистера Уэллера.

Я с большой охотой обязался предоставить как Сэму, так и его отцу свободный доступ в мой дом в любой час дня и в любую пору года; покончив с этим пунктом, мы завели длинный разговор, который поддерживался обеими сторонами с такой непринужденностью, словно мы были близкими друзьями с юных лет, разговор, укрепивший во мне приятную уверенность в том, что бодрый дух мистера Пиквика, равно как и прежний его жизнерадостный характер нимало не изменились. Так как он выразил сомнение, дадут ли согласие мои друзья, я заверил его, что его предложение будет, несомненно, принято ими с величай-

шим удовольствием, и несколько раз просил разрешения представить его без дальнейших церемоний Джеку Редберну и мистеру Майлсу (которые находились поблизости).

Однако деликатность мистера Пиквика категорически воспрещала ему пойти на это предложение, ибо он утверждал, что вопрос о его избрании должен быть обсужден формально, и пока это не будет сделано, он не может и помышлять о том, чтобы навязывать свою особу. Мне удалось добиться от него только обещания присутствовать на следующем нашем вечернем собрании, чтобы я тотчас же после избрания имел удовольствие его представить.

Мистер Пиквик, раскрасневшись, вручил мне свернутую в трубку бумагу, которую он назвал своей «квалификацией», и задал великое множество вопросов касательно моих друзей, а в особенности Джека Редберна, которого он называл «чудесным человеком» и в чью пользу был, по-видимому, весьма расположен. Удовлетворив его любопытство, я повел его к себе, чтобы он мог ознакомиться со старой комнатой, где происходят наши собрания.

— А вот и часы! — воскликнул мистер Пиквик, останавливаясь как вкопанный.— Ах, боже мой! Это те самые старинные часы!

Я думал, что он никогда от них не оторвется. Тихонько подойдя и прикоснувшись к ним с таким почтением и так приветливо, словно они живые, он принялся исследовать их решительно со всех сторон,— то взбирался на стул, чтобы взглянуть на верхушку, то опускался на колени, чтобы осмотреть низ, то обозревал их с боков, причем очки его почти касались футляра, то старался заглянуть в щель между ними и стеной, чтобы рассмотреть их сзади. Затем он отступал шага на два и взглядывал на циферблат, дабы удостовериться, что они идут, а затем приближался снова и стоял, склонив голову набок, чтобы послушать тиканье, не забывая при этом посматривать на меня через каждые несколько секунд и кивать головой с таким благодушием, какое я положительно не в силах описать. Его восхищение не ограничилось часами, а распространилось на все вещи в комнате, и, право же, после

того как он исследовал их одну за другой и в конце концов посидел на всех шести стульях по очереди, чтобы испытать, удобны ли они, я никогда не видывал такого олицетворения добродушия и счастья, какое он являл собой, начиная с блестящей макушки и кончая последней пуговицей на гетрах.

Я был бы чрезвычайно доволен и получил бы величайшее наслаждение от его общества, останься он со мной на целый день, но мои возлюбленные часы, начав бить, напомнили ему, что он должен откланяться. Я не мог удержаться, чтобы не сказать ему еще раз, как он меня порадовал, и мы пожимали друг другу руки все время, пока спускались с лестницы.

Не успели мы войти в вестибюль, как моя экономка, выскользнув из своей комнаты (я заметил, что она надела другое платье и чепчик), приветствовала мистера Пиквика приятнейшей из своих улыбок и реверансом, а цирюльник, притворившись, будто очутился здесь случайно, отвесил ему множество поклонов. Когда экономка приседала, мистер Пиквик раскланивался с величайшей вежливостью, а когда он раскланивался, экономка приседала снова; должен сказать, что, очутившись между экономкой и цирюльником, мистер Пиквик повертывался и раскланивался раз пятьдесят по крайней мере.

Я проводил его до двери; в этот момент за углом переулка проезжал омнибус, и мистер Пиквик окликнул его и побежал с удивительным проворством. На полпути он оглянулся и, видя, что я все еще смотрю ему вслед, остановился, помахивая рукой,— по-видимому, колеблясь, вернуться ли назад и еще раз пожать руку, или бежать дальше. Кондуктор закричал, и мистер Пиквик пробежал несколько шагов по направлению к нему; потом он оглянулся в мою сторону и пробежал несколько шагов назад. Снова окрик, и он опять повернулся и побежал. После ряда таких колебаний кондуктор разрешил вопрос, схватив мистера Пиквика за руку и втащив его в омнибус, но последнее, что мистер Пиквик успел сделать, это опустить окно и, отъезжая, помахать мне шляпой.

. . . .
. . . .

II

Еще кое-какие сведения о госте мистера Хамфри

Нетрудно догадаться, что я, памятуя о заявлении мистера Пиквика и весьма польщенный оказанной мне честью, сообщил об этом своим трем друзьям, которые единогласно высказались за его принятие в наше общество. Все мы ждали с нетерпением того дня, когда он вступит в число его членов, но я жестоко ошибусь, если скажу, что Джек Редберн и я сам оказались наиболее терпеливыми.

Наконец, настал этот вечер, и в начале одиннадцатого раздался стук мистера Пиквика в парадную дверь. Его провели в комнату нижнего этажа, а я тотчас же взял свой костыль и пошел, чтобы проводить гостя наверх и представить его со всеми почестями и соблюдениями формальностей.

— Мистер Пиквик,— сказал я, входя в комнату,— я рад вас видеть, я радуюсь при мысли о том, что это лишь первый из длинной серии визитов в мой дом и лишь начало близкой и прочной дружбы.

Сей джентльмен дал подобающий ответ с присущей ему сердечностью и искренностью и посмотрел с улыбкой на двух человек, стоявших за дверью, которых я сначала не заметил; тотчас же я признал в них мистера Сэмюела Уэллера и его отца.

Вечер был теплый, однако старший мистер Уэллер был одет в широчайшее пальто, а подбородок закутал большим клетчатым шарфом, какой обычно носят кучера пассажирских карет, находясь при исполнении своих обязанностей. Он был очень румян и очень толст; особенно толстым казались ноги, по-видимому не без труда втиснутые в сапоги с отворотами. Широкополую шляпу он держал под мышкой левой руки, а указательным пальцем правой прикоснулся великое множество раз ко лбу, приветствуя мою особу.

— Очень рад вас видеть в добром здоровье, мистер Уэллер,— сказал я.

— Благодарю вас, сэр,— отвечал мистер Уэллер,— ось еще не поломалась. Мы подвигаемся ровным шагом — не слишком налегаем, но помаленьку тормозим,— и оно так и выходит, что мы еще бежим и прибудем регулярно к сроку... А это мой сын Сэмивел, сэр, как вы, должно быть, читали в историческом сочинении,— добавил мистер Уэллер, представляя своего первенца.

Я принял Сэма очень ласково, но не успел он сказать слово, как отец его снова заговорил.

— Сэмивел Веллер, сэр,— начал старый джентльмен,— преподнес мне древний титул деда, который давно уже захирел, и похоже на то, что чуть было совсем не угас в нашей фамилии. Сэмми, расскажи-ка историйку об одном из мальчишек — этот-вот анекдотец о маленьком Тони: о том, как он сказал, что обязательно выкурит трубку потихоньку от матери.

— Не можете вы, что ли, помолчать! — сказал Сэм.— Никогда еще я не видывал такой старой сороки!

— Этот-вот Тони — расчудеснейший мальчишка,— продолжал мистер Уэллер, не обращая внимания на Сэма,— такого расчудеснейшего мальчишки я на своем веку не видывал! Слыхал я о прелестнейших младенцах, которых похоронили малиновки, когда они совершили самоубийство, поев ежевики, но не было еще на свете такого, как этот-вот маленький Тони. Он всегда играет с кружкой, вмещающей кварту,— вот чем он занимается! Сидит на пороге и делает вид, будто пьет из нее, а потом вздыхает глубоко, курит щепку и говорит: «Теперь я дедушка»,— и это он проделывает двух лет от роду, а такие штуки будут позанятней любой комедии. «Теперь я дедушка!» Он не возьмет кружки в пинту, если бы вы ее вздумали подарить ему,— нет, он берет свою кварту, а потом говорит: «Теперь я дедушка!»

Мистер Уэллер был столь потрясен этой картиной, что с ним тут же приключился устрашающий припадок кашля, каковой несомненно привел бы к каким-нибудь роковым последствиям, если бы не ловкость и расторопность Сэма, который, крепко ухватившись за шарф как раз под отцовским подбородком, начал раскачивать старика с большой энергией, нанося ему в то же время ловкие удары между лопаток. Благодаря такому любопытному способу лече-

ния мистер Уэллер в конце концов совершенно оправился после припадка, но очень раскраснелся и, казалось, совсем обессилел.

— Теперь он отойдет, Сэм,— сказал мистер Пиквик, который и сам встревожился.

— Отойдет, сэр! — подхватил Сэм, укоризненно глядя на родителя.— Да, он отойдет очень скоро, отойдет окончательно и тогда пожалеет, что это сделал. Ну, видывал ли кто-нибудь такого легкомысленного старикана? Хохочет до судорог перед всем обществом и топочет по полу, словно принес с собой собственный ковер и побился об заклад, что сотрет на нем узор к положенному сроку! Через минутку он опять начнет. Ну вот... закатился... Я так и знал!

Действительно, мистер Уэллер, чьи мысли все еще были заняты его скороспелым внуком, начал покачивать головой из стороны в сторону, а смех, действуя, как землетрясение в глубоких недрах, вызвал ряд поразительных явлений, отразившихся у него на лице, груди и плечах,— явлений тем более устрашающих, что они не сопровождались ни единым звуком. Впрочем, это волнение постепенно улеглось, и после трех-четырех коротких приступов он вытер глаза обшлагом пальто и более или менее спокойно огляделся по сторонам.

— Прежде чем командир удалится,— сказал мистер Уэллер,— Сэмми хочет задать вопрос насчет одного пункта. Покуда тут этот вопрос разберут, быть может джентльмены разрешат мне удалиться?

— Чего ради вы уходите? — крикнул Сэм, хватая отца за фалды пальто.

— Я никогда еще не видывал такого непочтительного мальчика, как ты, Сэмивел,— ответил мистер Уэллер.— Разве ты не дал торжественного обещания, можно сказать — клятвы, что сам задашь этот-вот вопрос за меня?

— Ну, что ж, я согласен,— сказал Сэм,— но только если вы не будете меня шпынять, как заметил кротко бык, поворачиваясь к погонщику, когда тот подгонял его стрекалом к двери мясника. Дело в том, сэр,— продолжал Сэм, обращаясь ко мне,— что он хочет узнать кое-что об этой леди, которая состоит у вас экономкой.

— А что именно?

— Видите ли, сэр,— сказал Сэм, ухмыляясь еще веселее,— он желает знать, не...

— Короче говоря,— решительно вмешался старый мистер Уэллер, у которого пот выступил на лбу,— это-вот старое созданье — вдова или не вдова?

Мистер Пиквик от души расхохотался, и я последовал его примеру, заявив решительно, что «моя экономка целомудренная девица».

— Ну вот! — воскликнул Сэм.— Теперь вы удовлетворены. Вы слышите — она целомудренная.

— Она что? — с глубоким презрением переспросил его отец.

— Целомудренная,— повторил Сэм.

Минуты две мистер Уэллер смотрел очень пристально на сына, а затем сказал:

— Не все ли равно, мудреная она или нет, это неважно. А я хочу знать, вдова она или не вдова?

— Почему вы заговорили о том, что она мудреная? — спросил Сэм, совершенно ошеломленный речью своего родителя.

— Неважно, Сэмивел,— серьезно отвечал мистер Уэллер,— мудреность может быть очень хорошей или может быть очень плохой, и женщина может быть ничуть не лучше и ничуть не хуже от того, что она мудреная, но это не имеет никакого отношения к вдовам.

— Подумайте,— обернувшись, сказал Сэм,— ну, поверит ли хоть кто-нибудь, что человек в его годы может вбить себе в голову, что целомудренная и мудреная — одно и то же?

— Между ними нет разницы ни на соломинку,— объявил мистер Уэллер.— Твой отец, Сэмми, так долго правил каретой, что уж он-то знает свой родной язык, коли речь идет об *этом*.

Оставив в стороне вопрос этимологический, который не вызывал у старого джентльмена никаких сомнений, его уверили, что экономка никогда замужем не была. Услышав это, он выразил большое удовольствие и просил простить заданный им вопрос, добавив, что не так давно его чрезвычайно напугала вдова, а в результате природная его робость усилилась.

— Это было на железной дороге,— с пафосом сказал мистер Уэллер.— Я ехал в Бирмингем по железной дороге, и меня заперли в закрытом вагоне с живой вдовой. Мы были одни — вдова и я, мы были одни. И думаю я, только потому, что мы были одни и ни одного священника не было,— только потому эта-вот вдова и не вышла за меня замуж, прежде чем мы доехали до ближайшей станции. Подумать только, как она начала визжать, когда мы проезжали в темноте в этих туннелях, как она падала в обморок и цеплялась за меня и как я старался открыть дверь, а дверь была крепко заперта, бежать некуда! Ах, какой это был ужас, какой ужас!

Мистер Уэллер был столь удручен этим воспоминанием, что, пока не вытер несколько раз лба, не мог ответить на вопрос, одобряет ли он железнодорожное сообщение, хотя об этом предмете он составил себе вполне определенное мнение, что̀ явствует из ответа, который он в конце концов дал.

— Я так полагаю,— сказал мистер Уэллер,— железная дорога — это привилегия беззаконная и против конституции, и очень хотелось бы мне знать, что сказала бы эта-вот старая Хартия, которая защищала когда-то наши вольности и добилась своего,— хотелось бы мне знать, какого она была бы мнения, живи она сейчас на свете, о том, что англичан запирают вместе с вдовами или с кем бы там ни было против их желания. А то, что сказала бы старая Хартия, может сказать и старый кучер, и я так полагаю, что с этой точки зрения железная дорога — беззаконна. Если говорить об удобствах, то где они — эти удобства, когда вы сидите в кресле, глядите на кирпичные стены и кучи грязи, никогда у трактира не останавливаетесь, никогда стакана эля не видите, никогда заставы не проезжаете, никогда никакой перемены не встретите (и лошадей не меняете), и всегда приезжаете в такое место, если вообще куда-нибудь приезжаете, которое в точности похоже на предыдущее: те же полисмены стоят, тот же проклятый старый колокол звонит, тот же несчастный народ стоит за перилами, ждет, чтобы его впустили; и все то же самое, кроме названия, которое написано той же величины буквами, как и предыдущее название, и теми же красками. А какой тебе будет почет и уважение, коли

путешествуешь без кучера? А что такое железная дорога для кучеров и кондукторов, которым иной раз приходится по ним ездить? Надругательство и оскорбление — вот что оно такое! А что до скорости, то как по-вашему, с какою скоростью я, Тони Веллер, прокатил бы карету за пятьсот тысяч фунтов с мили,— плата вперед, прежде чем карета выехала на дорогу? А что до машины — какая она грязная, всегда сопит, скрипит, хрипит, пыхтит, ну и чудовище, всегда задыхается, спина у нее блестящая, зеленая с золотым, как у противного жука в этом-вот увеличительном стекле! Ночью она выплевывает горячие красные угли, а днем — черный дым, и, сдается мне, самое разумное, что она делает, это когда попадется ей что-нибудь на дороге, и она издает страшный вопль, как будто говорит: «Здесь вот двести сорок пассажиров в самой ужасной опасности, а это-вот их двести сорок воплей в одном!»

Тем временем я начал опасаться, что мои друзья потеряют терпение, недовольные моим долгим отсутствием. Поэтому я попросил мистера Пиквика идти со мною наверх, а обоих Уэллеров оставил на попечение экономки, дав ей строгое предписание оказать им самый радушный прием.

III

Часы

Когда мы поднимались по лестнице, мистер Пиквик надел очки, которые до сей минуты держал в руке, поправил галстук, одернул жилет и проделал ряд других операций, о которых обычно вспоминают люди, когда должны впервые появиться в незнакомом обществе и хотят произвести благоприятное впечатление. Видя, что я улыбаюсь, он тоже улыбнулся и сказал, что, несомненно, явился бы в лакированных туфлях и шелковых чулках, если бы эта мысль пришла ему в голову прежде, чем он вышел из дому.

— Я бы непременно это сделал, дорогой сэр,— сказал он очень серьезно,— если бы я не надел гетр. Я бы выразил тем самым свое уважение обществу.

— Можете быть уверены,— сказал я,— что мои друзья пожалели бы об этом, очень пожалели бы, так как они им очень нравятся.

— Да неужели! — воскликнул мистер Пиквик с явным удовольствием.— Вы думаете, что им нравятся мои гетры? Вы всерьез думаете, что при мысли обо мне они вспоминают и мои гетры?

— Я в этом уверен,— ответил я.

— В таком случае,— сказал мистер Пиквик,— это одно из очаровательнейших и приятнейших открытий, какое я только мог сделать!

Я бы не стал записывать этот короткий разговор, если бы он не осветил маленькой черточки в характере мистера Пиквика, с которой я до сей поры не был знаком. Втайне он гордился своими ногами. Тон, каким он говорил, и взгляд, брошенный им на свои панталоны, убеждают меня в том, что мистер Пиквик взирает на свои ноги с весьма невинным тщеславием.

— Но вот и наши друзья,— сказал я, открывая дверь и беря его под руку,— пусть они говорят сами за себя. Джентльмены, позвольте вам представить мистера Пиквика!

Должно быть, в этот момент мистер Пиквик и я являли резкий контраст: я спокойно опирался на свой костыль с видом несколько изнеможенным и терпеливым, а он взял меня под руку и раскланивался направо и налево с грациозной учтивостью, выражая всей своей жизнерадостной физиономией добродушие, которое казалось безграничным. Разница между нами, должно быть, обнаружилась еще резче, когда мы приблизились к столу и любезный джентльмен, приноравливая свой бодрый шаг к моей неуверенной походке, старался относиться с величайшим вниманием к моим немощам и в то же время делал вид, будто нисколько не подозревает, что я в этом крайне нуждаюсь.

Я познакомил его с каждым из моих друзей по очереди. Прежде всего с глухим джентльменом, которого он рассматривал с большим интересом и приветствовал с величайшей искренностью и сердечностью. По-видимому, у него мелькнуло в тот момент какое-то туманное подозрение, что мой друг, будучи глух, должен быть также и нем,

ибо когда последний раскрыл рот, чтобы выразить то удовольствие, какое ему доставила встреча с джентльменом, о котором он столько слышал, мистер Пиквик пришел в такое замешательство, что я поспешил ему на выручку.

Истинным наслаждением было наблюдать его встречу с Джеком Редберном. Мистер Пиквик улыбнулся, пожал ему руку, посмотрел на него сквозь очки и из-под очков и поверх очков, одобрительно покивал головой, а затем кивнул мне, словно говоря: «Это тот самый — вы были совершенно правы»,— а потом повернулся к Джеку и сказал несколько задушевных слов, а потом проделал и повторил все сначала с неподражаемой живостью. Что же касается самого Джека, то он был в таком же восторге от мистера Пиквика, в какой пришел от него мистер Пиквик. Никогда с сотворения мира не встречались двое людей, которые могли бы обменяться более горячими и восторженными приветствиями.

Занятно было наблюдать разницу между этой встречей и последовавшей за ней встречей мистера Пиквика с мистером Майлсом. Было ясно, что сей последний джентльмен рассматривал нашего нового члена как некоего соперника, заслужившего расположение Джека Редберна, а кроме того, он не раз намекал мне конфиденциально, что хотя он нимало не сомневается в достоинствах мистера Пиквика, однако считает некоторые его подвиги неподобающими джентльмену солидному и в летах. Не говоря уже об этих основаниях для недоверия, одно из его непоколебимых убеждений заключается в том, что правосудие никогда и ни при каких обстоятельствах не может допустить никакой ошибки; он, стало быть, смотрит на мистера Пиквика как на человека, который справедливо поплатился деньгами и покоем за нарушение обещания, данного беззащитной женщине, и утверждает, что вследствие этого он обязан относиться к нему с некоторым подозрением. Эти причины привели к довольно холодному и официальному приветствию, на которое мистер Пиквик отвечал с тем же достоинством и подчеркнутой вежливостью, какие были проявлены другой стороной. Действительно, он принял столь величавую и вызывающую осанку, что я испугался, как бы он не разразился каким-нибудь

торжественным протестом или декларацией, а посему усадил его, не теряя ни секунды, в кресло.

Этот маневр вполне удался. Едва усевшись, мистер Пиквик обозрел всех нас с самым благожелательным видом и в течение целых пяти минут не переставал улыбаться. Наши церемонии интересовали его чрезвычайно. Они не очень многочисленны и не сложны, и описать их можно в нескольких словах. Так как о нашем церемониале уже упоминалось на этих страницах, а равно и впредь должно упоминаться, то он не требует детального описания.

Собравшись все вместе, мы прежде всего обмениваемся рукопожатиями и весело друг друга приветствуем. Памятуя о том, что мы собираемся не только для того, чтобы способствовать личному нашему благополучию, но с целью внести что-нибудь в общий фонд, мы отнеслись бы к вялому и равнодушному виду кого-либо из членов нашего общества как к своего рода измене. У нас никогда не бывало таких преступников, но если бы таковой оказался, несомненно ему был бы сделан очень строгий выговор.

По окончании приветствий мы молча заводим почтенную древность, у которой заимствуем свое название. Эту операцию всегда совершает сам мистер Хамфри (да будет мне позволено прибегать в повествовании о клубе к стилю исторических сочинений и говорить о самом себе в третьем лице), который, вооружившись большим ключом, влезает для этой цели на стул. Пока длится эта процедура, Джек Редберн должен находиться в дальнем конце комнаты под охраной мистера Майлса, ибо он, как известно, лелеет некоторые честолюбивые и кощунственные замыслы, связанные с часами, и даже позволил себе однажды заявить, что если бы он мог на день или два вынуть механизм, то, по его мнению, ему удалось бы его усовершенствовать. Мы прощаем ему такую самонадеянность, принимая во внимание добрые его намерения и соблюдение им почтительного расстояния; на этой последней мере мы настаиваем, опасаясь, как бы он, стремясь усовершенствовать предмет нашего внимания, не повредил тайком какой-нибудь чувствительной его части и не поверг нас всех в смятение и ужас.

Эта процедура доставила мистеру Пиквику величайшее удовольствие и, если это только возможно, возвысила Джека в его добром мнении.

Следующая операция заключается в том, что мы открываем футляр от часов (ключ от коего находится опять-таки у мистера Хамфри), вынимаем оттуда столько рукописей, сколько может понадобиться для нашего вечернего чтения, и прячем туда те новые вклады, какие были доставлены со времени нашего последнего собрания. Это мы делаем всегда с особой торжественностью. Затем глухой джентльмен набивает и раскуривает свою трубку, и мы снова занимаем свои места вокруг вышеупомянутого стола, мистер Хамфри исполняет обязанности председателя,— если можно говорить о председателе там, где все находятся на одной и той же ступени социальной лестницы,— а Джек — секретаря. Теперь наши приготовления закончены, и мы начинаем беседу на любую тему, какая придет в голову, или же приступаем немедленно к одному из наших чтений. Во втором случае выбранная рукопись вручается мистеру Хамфри, который тщательно разглаживает ее на столе и загибает уголки каждой страницы, чтобы легче было перелистывать; Джек Редберн снимает нагар с фитиля лампы маленькой машинкой собственного изобретения, которая обычно ее гасит; тем не менее мистер Майлс взирает на это с полным одобрением; глухой джентльмен придвигает свое кресло, чтобы следить за чтением по рукописи или по губам мистера Хамфри, как ему вздумается; а сам мистер Хамфри с величайшим удовольствием, бросив взгляд на присутствующих и на свои старые часы, приступает к чтению.

Лицо мистера Пиквика во время чтения его рассказа привлекло бы внимание самого тупого человека. Блаженное покачивание головой и указательным пальцем, когда он потихоньку отбивал такт и подчеркивал ритм воображаемыми паузами, улыбка, расплывавшаяся на его лице при каждом шутливом замечании, и лукавый взгляд, который он бросал исподтишка, наблюдая произведенное впечатление, спокойствие, с каким он закрывал глаза и слушал какое-нибудь описание, живая мимика, которой он мысленно сопровождал диалог, желание, чтобы глухой джентльмен понял, о чем идет речь, и страстная потреб-

ность исправлять чтеца, если тот запинался на каком-нибудь слове в рукописи или заменял его другим,— все это было равно достойно внимания. Когда же, наконец, после неудачной попытки объясниться с глухим джентльменом посредством ручной азбуки, с помощью которой он составлял слова, не существующие ни на едином языке цивилизованных или первобытных народов, он взял грифельную доску и написал крупным шрифтом, по одному слову в строке, вопрос: «Как — вам — это — нравится?» — когда он это написал и, протянув доску через стол, ждал ответа, с физиономией, просиявшей и похорошевшей от сильного волнения, тогда даже мистер Майлс смягчился и не мог не взглянуть на него внимательно и благосклонно.

— Мне пришло в голову,— сказал глухой джентльмен, который следил за мистером Пиквиком и за всеми остальными с любопытством,— мне пришло в голову,— сказал глухой джентльмен, вынимая изо рта трубку,— что теперь настал момент занять наше единственное пустующее кресло.

Так как наш разговор, естественно, перешел на вакантное место, то мы охотно прислушались к этому замечанию и вопросительно взглянули на нашего друга.

— Я уверен,— продолжал он,— что мистер Пиквик знаком с кем-нибудь, кто явился бы для нас приобретением; он должен знать человека, который нам нужен. Прошу вас, не будем терять времени и покончим с этим вопросом. Не так ли, мистер Пиквик?

Джентльмен, к которому был обращен сей вопрос, хотел было дать устный ответ, но, вспомнив о дефекте нашего друга, заменил такого рода ответ пятьюдесятью кивками. Затем, взяв доску и начертав на ней печатными буквами гигантское «да», он протянул ее через стол и, потирая руки и всматриваясь в наши лица, объявил, что он и глухой джентльмен прекрасно понимают друг друга.

— Человек, которого я имею в виду,— сказал мистер Пиквик,— и которого в настоящее время я бы не осмелился еще назвать, если бы вы не представили мне такой возможности,— очень странный старик. Его фамилия — Бембер.

— Бембер! — воскликнул Джек.— Я уверен, что уже слышал это имя.

— В таком случае я не сомневаюсь,— отвечал мистер Пиквик,— что вы помните его по истории моих приключений (я говорю о посмертных записках нашего старого клуба), хотя о нем упоминается лишь вскользь, и, если я не ошибаюсь, он появляется только один раз.

— Совершенно верно! — сказал Джек.— Позвольте-ка... Это — тот человек, который питает исключительный интерес к старым, заплесневелым комнатам и Иннам, рассказывает какие-то истории, имеющие отношение к его излюбленной теме... и рассказал странную повесть о привидениях... это он?

— Он самый. Так вот,— продолжал мистер Пиквик, понизив голос и говоря таинственным и конфиденциальным тоном,— это весьма необыкновенный и замечательный человек; живет, и говорит, и взирает, словно какой-то странный призрак, которому доставляет наслаждение обитать в старых домах; и до такой степени поглощен этой одной темой, о коей вы только что упомянули, что это поистине вызывает изумление. Удалившись в частную жизнь, я разыскал его, и, смею вас уверить, чем чаще я его вижу, тем сильнее воздействует на меня странное и мечтательное расположение его духа.

— Где он живет? — осведомился я.

— Он живет,— отвечал мистер Пиквик,— в одном из этих скучных, заброшенных, старых домов, с которыми связаны все его помыслы и рассказы; живет в полном одиночестве и часто проводит взаперти несколько недель подряд. В таком уединении он предается тем фантазиям, которым давно потворствовал, а когда появляется на людях или кто-нибудь из внешнего мира приходит навестить его, эти фантазии по-прежнему занимают его мысли и остаются его любимой темой. Пожалуй, я могу сказать, что он начал относиться с уважением ко мне и с интересом к моим визитам — я уверен, что эти чувства он перенесет и на *Часы мистера Хамфри,* если он хоть раз появится среди нас. Я хочу только объяснить вам, что он — странный, одинокий мечтатель — в мире, но не от мира,— и не похож ни на кого из здесь присутствующих, так же как не похож ни на кого из людей, которых я когда-либо встречал или знал.

Мистер Майлс выслушал этот отзыв о предлагаемом

члене нашего общества с довольно кислой физиономией и, пробурчав, что, пожалуй, старик немножко тронулся, пожелал узнать, богат ли он.

— Я его никогда не спрашивал,—сказал мистер Пиквик.

— Тем не менее вы могли бы это знать, сэр,— резко возразил мистер Майлс.

— Быть может, сэр,— сказал мистер Пиквик не менее резко, чем тот,— но я не знаю. Да и в самом деле,— добавил он, вновь обретая обычную свою мягкость,— я не имею возможности судить. Он живет бедно, но это, по-видимому, соответствует его характеру. Я никогда не слышал, чтобы он заговаривал о своем материальном положении, и никогда не встречал никого, кто бы имел об этом хоть малейшее представление. Право же, я сообщил вам все, что о нем знаю, и от вас зависит решить, желаете ли вы узнать больше, или уже знаете вполне достаточно.

Мы единогласно пришли к тому заключению, что нам хотелось бы знать больше; и, в виде компромисса с мистером Майлсом (который хотя и сказал: да... о, разумеется... он не прочь знать больше об этом джентльмене... Он не имеет никакого права восставать против воли всех и так далее, однако же с сомнением покачал головой и несколько раз произнес «гм!» с особой выразительностью), было условлено, что мистер Пиквик отправится вместе со мной с вечерним визитом к объекту нашей дискуссии; для этой цели сей джентльмен и я немедленно сговорились встретиться в ближайшее время, причем было указано, что ответственность будет лежать на мне, и либо я предложу старику присоединиться к нам, либо не предложу, в зависимости от того, что покажется мне более уместным. Когда был разрешен этот важный вопрос, мы вернулись к часовому футляру (читатель нас уже опередил), и благодаря находящимся в нем рукописям и разговору, ими вызванному, время пролетело быстро.

Когда мы распустили собрание, мистер Пиквик отвел меня в сторону и объявил, что провел чудеснейший и приятнейший вечер. Сделав это сообщение с видом в высшей степени таинственным, он отвел Джека Редберна в другой угол, чтобы сказать ему то же самое, а затем удалился в третий угол с глухим джентльменом и грифельной доской, чтобы повторить свое заверение. Забавно было на-

блюдать происходившую в нем борьбу, выразить ли и мистеру Майлсу свое дружеское расположение, или обойтись с ним со сдержанным достоинством. Несколько раз он с дружелюбным видом подходил к нему сзади и столько же раз отступал, не произнеся ни слова; наконец, когда он наклонился к самому уху этого джентльмена и готов был шепнуть что-то умиротворяющее и приятное, мистер Майлс случайно оглянулся, после чего мистер Пиквик отскочил и сказал с некоторой запальчивостью: «Спокойной ночи, сэр... я хотел бы пожелать спокойной ночи, сэр... и больше ничего»,— и при этом поклонился и отошел от него.

— Ну как, Сэм? — сказал мистер Пиквик, спустившись вниз.

— Все в порядке, сэр,— отвечал мистер Уэллер.— Держитесь крепко, сэр. Сперва правая рука... потом левая... потом нужно хорошенько встряхнуться, и пальто надето, сэр.

Мистер Пиквик последовал этим указаниям и, пользуясь и в дальнейшем помощью Сэма, который дернул его за один конец воротника, и мистера Уэллера-старшего, который сильно дернул за другой конец, был быстро облачен. Мистер Уэллер-старший извлек затем большой конюшенный фонарь, который он по прибытии заботливо поставил в дальний угол, и осведомился, желает ли мистер Пиквик, чтобы «фонари были зажжены».

— Пожалуй, сегодня не надо,— отвечал мистер Пиквик.

— Тогда, с разрешения этой-вот леди,— сказал мистер Уэллер,— мы оставим его здесь до следующего путешествия. Этот-вот фонарь, сударыня,— продолжал мистер Уэллер, протягивая его экономке,— когда-то принадлежал знаменитому Билю Блайндеру, который ныне усопший, как и все мы уснем в свою очередь. Биль, сударыня, был конюхом и ходил за двумя всем известными пегими кобылами, которые возили бристольскую скорую карету и только под одну песенку и соглашались бежать — о южном ветре и облачном небе,— ее-то и играл кондуктор без передышки всякий раз, как их впрягали. Несколько недель Биль держался на ногах, а потом потерял аппетит, а потом почувствовал себя очень плохо; вот он и говорит

своему приятелю: «Мейти, говорит, сдается мне, что я подхожу к столбу не с того боку и скоро мне крышка. Не отрицай, говорит, я-то знаю, что это так, и позаботься, чтобы мне не мешали, говорит, потому, что я отложил немножко денег и иду теперь в конюшню писать свою последнюю волю и завещание».— «Я позабочусь, чтобы никто не мешал,— говорит его приятель,— а ты держи только голову выше, тряхни малость ушами и еще двадцать лет проживешь». Биль Блайндер ничего ему не отвечает, идет в конюшню и там немного погодя ложится между двумя пегими и умирает, написав сперва на крышке ящика для овса: «Это последняя воля и завещание Биля Блайндера». Все натурально очень удивились и стали искать в соломе и на сеновале, и где только не искали, а потом открывают ящик и видят, что он взял да и написал мелом свою волю изнутри на крышке; крышку пришлось снять с петель и отправить в Докторс-Коммонс на утверждение, и по этому-вот самому документу этот фонарь перешел к Тони Веллеру, и вот почему, сударыня, он для меня сокровище, и я прошу, если вы будете так добры, о нем особенно позаботиться.

Экономка любезно обещала хранить дорогой мистеру Уэллеру фонарь в надежнейшем месте, и мистер Пиквик, смеясь, удалился. Телохранители следовали бок о бок: мистер Уэллер-старший был застегнут и закутан от подбородка до сапог, а Сэм, засунув руки в карманы и заломив шляпу набекрень, упрекал на ходу своего отца за крайнее многословие.

Я был немало удивлен, когда, повернувшись, чтобы идти наверх, встретил в коридоре цирюльника в такое позднее время; ибо его присутствие ограничивается каким-нибудь получасом, и то по утрам. Но Джек Редберн, который узнает (чутьем, я думаю) обо всех домашних событиях, очень весело сообщил мне о том, что в этот вечер было основано в кухне общество в подражание нашему, названное «Часы мистера Уэллера», членом коего стал цирюльник, и что он, Джек, обязуется найти способ знакомить меня со всеми его будущими трудами; после чего я попросил его как в собственных интересах, так и в интересах моих читателей сделать это во что бы то ни стало.

IV

Часы мистера Уэллера

Оказывается, как только экономка была оставлена в обществе двух мистеров Уэллеров в первый день знакомства, она тотчас же призвала на помощь цирюльника, мистера Слитерса, который прятался в кухне, ожидая ее зова; не переставая слащаво улыбаться, она представила его как человека, который поможет ей исполнить общественную обязанность — принять почтенных гостей.

— Право же,— сказала она,— без мистера Слитерса я была бы поставлена в очень неловкое положение.

— О неловкости не может быть разговора, сударыня,— сказал мистер Уэллер-старший с величайшей вежливостью,— решительно никакого разговора! Леди,— добавил старый джентльмен, оглядываясь вокруг с видом человека, который устанавливает неопровержимый факт,— леди не может быть неловкой. Натура об этом позаботилась.

Экономка наклонила голову и улыбнулась еще слащавее. Цирюльник, который суетился вокруг мистера Уэллера и Сэма, страстно желая познакомиться с ними ближе, потер руки и воскликнул: «Правильно! Весьма справедливо, сэр!» — после чего Сэм повернулся и молча смотрел на него в упор в течение нескольких секунд.

— Я знавал только одного из вашей профессии,— сказал Сэм, задумчиво устремив взгляд на краснеющего цирюльника,— но он стоил дюжины и был прямо-таки предан своему делу!

— Он был известен мягкой манерой брить, сэр,— осведомился мистер Слитерс,— или стрижкой и завивкой?

— И тем и другим,— отвечал Сэм.— Мягкое бритье было его натурой, а стрижка и завивка — его гордостью и славой. Все свои радости он получал от своей профессии. Он тратил все деньги на медведей и вдобавок еще влез из-за них в долги, и медведи по целым дням рычали внизу в переднем погребе и бессильно скрежетали зубами, а жир их родственников и друзей продавался в розницу в аптекарских банках в цирюльне наверху, и окно первого

этажа было украшено их головами, не говоря уже о том, каким для них было ужасным огорчением видеть, как человек шагает целый день взад и вперед по тротуару с портретом медведя в предсмертной агонии, а внизу написано крупными буквами: «Еще одно прекрасное животное было убито вчера у Джинкинсона!» Как бы то ни было, а они там жили, и Джинкинсон там жил, пока очень сильно не заболел каким-то внутренним расстройством, у него отнялись ноги, и он был прикован к постели и пролежал очень долго; но даже и в ту пору он так гордился своей профессией, что, как только ему сделалось хуже, доктор, бывало, спускался вниз и говорил: «Сегодня утром Джинкинсон очень плох, нужно расшевелить медведей»; и в самом деле, как только их расшевелят и они поднимут рев, Джинкинсон, как бы он ни был плох, открывает глаза, кричит: «А вот медведи!» — и оживает снова *.

— Поразительно! — воскликнул цирюльник.

— Ни капельки,— сказал Сэм.— Ничего нет хитрее человеческой природы. Однажды доктор сказал ему: «Завтра я, по обыкновению, наведаюсь утром»,— а Джинкинсон хватает его за руку и говорит: «Доктор, говорит, сделайте мне одно одолжение!» — «С удовольствием, Джинкинсон»,— говорит доктор. «В таком случае, доктор,— говорит Джинкинсон,— приходите небритым и разрешите мне вас побрить!» — «Согласен»,— говорит доктор. «Да благословит вас бог!» — говорит Джинкинсон. На следующий день приходит доктор, а когда Джинкинсон отменно его побрил, он и говорит: «Джинкинсон, говорит, совершенно ясно, что вам это идет на пользу. Так вот, говорит, есть у меня кучер с такой бородой, что у вас на сердце легко станет, когда вы над ней поработаете, и хотя, говорит, выездной лакей не может похвастаться бородой, однако он пробует отпустить такие бакенбарды, что бритва будет для них божеской милостью. Если, говорит, они будут по очереди смотреть за экипажем, когда он ждет внизу, что вам мешает делать им операции каждый день так же, как и мне? У вас, говорит, шестеро ребят, что вам мешает обрить им всем головы и всегда их подбривать? У вас есть два помощника в цирюльне внизу, что вам мешает стричь и завивать их, когда вздумается? Сделайте, говорит, это, и вы опять будете человеком». Джинкинсон

стиснул доктору руку и в тот же день принялся за дело; инструменты он держал у себя на постели, и как только чувствовал, что ему становится хуже, брал одного из ребят, которые носились по всему дому, а головы у них были похожи на чистейшие голландские сыры, и снова его брил. Однажды приходит к нему законник писать завещание, и все время, пока он писал, Джинкинсон потихоньку стриг ему волосы большими ножницами. «Что это за щелканье? — нет-нет да и скажет законник.— Похоже на то, что человеку стригут волосы».— «Очень похоже на то, что человеку стригут волосы»,— с самым невинным видом говорит Джинкинсон и прячет ножницы. К тому времени, когда законник узнал, в чем дело, он распрощался с последними волосами. Таким манером Джинкинсон держался очень долго, но вот однажды зовет он всех детей одного за другим, бреет каждого наголо и целует в макушку; потом зовет двух помощников, всех их подстригает и завивает в самом элегантном стиле, а потом говорит, что ему хотелось бы услышать голос самого жирного медведя, и эту его просьбу немедленно исполняют; потом он говорит, что чувствует себя очень хорошо и желает остаться один, а потом умирает, но сначала самому себе подстригает волосы и делает один завиток на самой середине лба.

Эта история произвела огромное впечатление не только на мистера Слитерса, но и на экономку, которая проявляла такое желание всем угодить и такое благодушие, что мистер Уэллер со встревоженным видом осведомился шепотом у сына, не зашел ли он слишком далеко.

— Что это значит — «слишком далеко»? — спросил Сэм.

— Да этот-вот комплиментик, Сэмми, насчет неловкости, которой нет и в помине у леди,— пояснил его отец.

— Уж не думаете ли вы, что она влюбилась в вас по этому случаю? — воскликнул Сэм.

— Случались и более чудные вещи, мой мальчик,— хриплым шепотом отвечал мистер Уэллер,— я всегда боюсь влюбить в себя, Сэмми. Знай я, как сделать себя безобразным или неприятным, я бы это сделал, Сэмивел, это лучше, чем жить в постоянном страхе!

В тот момент мистер Уэллер не имел возможности останавливаться на тех опасениях, какие его осаждали,

ибо непосредственная причина его страхов проследовала вниз по лестнице, извиняясь при этом, что ведет его в кухню, которую, однако, она вынуждена предложить ему предпочтительно перед своей собственной маленькой комнатой еще и потому, что в кухне удобнее будет курить и она находится в ближайшем соседстве с пивным погребом. Сделанные приготовления в достаточной мере свидетельствовали о том, что это были не пустые слова, ибо на сосновом столе находились солидный кувшин эля и стаканы, подле них лежали чистые трубки и обильный запас табаку для старого джентльмена и его сына, а на кухонном шкафу поблизости — большой кусок холодной говядины и всякая другая снедь. При виде этой сервировки мистер Уэллер сначала разрывался между своей склонностью к общительности и предположением, не следует ли рассматривать эту сервировку как признак того, что в него уже влюбились, но вскоре он уступил своим природным побуждениям и не спеша с веселым лицом уселся за стол.

— Что касается, сударыня, поглощения этой-вот сорной травы в присутствии леди,— сказал мистер Уэллер, беря трубку и снова кладя ее на стол,— то это не годится. Сэмивел, полное воздержание!

— Но я это очень люблю,— сказала экономка.

— Нет! — возразил мистер Уэллер, качая головой.— Нет!

— Честное слово, люблю,— сказала экономка.— Мистер Слитерс знает.

Мистер Уэллер кашлянул и, несмотря на подтверждение цирюльника, снова сказал: «Нет», но менее энергически, чем раньше. Экономка зажгла кусок бумаги и настояла на том, чтобы своими прекрасными руками поднести его к трубке. Мистер Уэллер сопротивлялся; экономка кричала, что обожжет пальцы; мистер Уэллер уступил. Трубка была зажжена, мистер Уэллер сделал хорошую затяжку и, поймав себя на том, что улыбается экономке, тотчас же изменил выражение лица и строго посмотрел на свечку с непреклонным решением никого не влюблять в себя и у других не поощрять мыслей о влюбленности. В этом твердом решении он укрепился, как вдруг услышал голос сына.

— Мне кажется,— сказал Сэм, который курил хладнокровно и с большим удовольствием,— если леди согласна, было бы для нас четверых очень кстати основать наш собственный клуб, вроде того, который командиры устроили наверху, и пусть он,— Сэм указал мундштуком трубки на своего родителя,— будет председателем.

Экономка любезно заявила, что эта самая мысль уже приходила ей в голову. Цирюльник сказал то же самое. Мистер Уэллер ничего не сказал, но положил свою трубку, словно в припадке вдохновения, и приступил к следующим маневрам.

Расстегнув три нижних пуговицы жилета и приостановившись на секунду, чтобы насладиться свободным притоком воздуха, вызванным этой процедурой, он энергически ухватился за свою часовую цепочку и медленно и с величайшим трудом извлек из кармана огромные серебряные часы с двойной крышкой, которые вылезли вместе с подкладкой кармана, а для того чтобы их отцепить, мистер Уэллер затратил много сил и очень раскраснелся. Вытащив их, наконец, благополучно, он открыл крышку и завел их ключом соответствующих размеров, затем снова закрыл крышку и, приложив к уху часы с целью убедиться, что они идут, сильно ударил ими несколько раз по столу, чтобы улучшить ход.

— Вот! — сказал мистер Уэллер, кладя их на стол циферблатом вверх.— Вот название и вывеска этого-вот общества. Сэмми, придвинь сюда те два табурета вместо тех незанятых кресел! Леди и джентльмены, часы мистера Уэллера заведены и сейчас идут. К порядку!

Дабы придать силу этому воззванию, мистер Уэллер, пользуясь часами как председательским молоточком и заметив с большой гордостью, что повредить им ничто не может, а всякого рода падения значительно повышают качество механизма и помогают регулятору, стукнул по столу несколько раз и объявил общество формально учрежденным.

— И чтобы никто у нас не подсмеивался над председателем, Сэмивел,— сказал мистер Уэллер своему сыну,— а не то я запру тебя в погреб, и тогда мы можем очутиться в таком положении, которое американцы называют «тупик», а англичане — вопросом привилегий.

Сделав это дружеское предостережение, председатель с большим достоинством расположился в своем кресле и предложил мистеру Сэмюелу рассказать какую-нибудь историю.

— Я одну уже рассказал,— отвечал Сэм.

— Очень хорошо, сэр, расскажите другую,— возразил председатель.

— Мы только что рассуждали, сэр,— сказал Сэм, поворачиваясь к мистеру Слитерсу,— о цирюльниках. На эту-вот плодотворную тему я вам коротко расскажу романическую историйку еще об одном цирюльнике, которой вы, может быть, никогда не слышали.

— Сэмивел,— сказал мистер Уэллер, снова приводя часы в резкое столкновение со столом,— обращайтесь со всеми своими замечаниями только к председателю, сэр, а не к частным личностям.

— А если мне разрешат сказать к порядку заседания,— сказал кротким голосом цирюльник и, оглядываясь вокруг с примирительной улыбкой, перегнулся через стол, опираясь на него суставами левой руки,— если мне разрешат сказать к порядку заседания, я бы заметил, что «цирюльники» не совсем соответствуют тому выражению, которое приятно и успокоительно для наших чувств. Вы, сэр, поправьте меня, если я ошибаюсь, но мне кажется, что *есть* в словаре такое слово, как «парикмахеры».

— Да, но предположите, что он не был парикмахером,— вставил Сэм.

— А ты, Сэм, будь парламентарным и называй его парикмахером,— возразил его отец.— В каком-нибудь другом месте каждого джентльмена зовут «почтенный», а здесь каждый цирюльник — парикмахер. Когда вы читаете речи в газетах и видите, что один джентльмен говорит о другом: «Почтенный член, если он разрешит мне назвать его так»,— вы понимаете, сэр, что это значит: «Если он разрешит мне поддерживать эту-вот приятную и общую ложь».

Отметим факт, подтвержденный историей и опытом: великие люди возвышаются сообразно с тем положением, какое занимают. Мистер Уэллер в роли председателя проявил такую одаренность, что Сэм сначала не мог говорить и только ухмылялся от изумления, которое сковало

его умственные способности, а затем издал протяжный и монотонный свист. Мало того, старый джентльмен как будто даже сам себя крайне изумил, о чем свидетельствовал тихий и сдавленный смех, которым он услаждал себя после того, как высказал сию правильную мысль.

— А вот и история,— начал Сэм.— Жил когда-то молодой парикмахер, который открыл славную маленькую лавку с четырьмя восковыми куклами в витрине — два джентльмена и две леди; у джентльменов синие точки вместо бороды, большие бакенбарды, пышная шевелюра, необыкновенно светлые глаза и удивительно розовые ноздри, у обеих леди — голова, склоненная к плечу, правый указательный палец прижат к губам, а формы прекрасно развиты, и в этом последнем отношении леди пользовались преимуществом перед джентльменами, которым разрешено было иметь только очень маленькие плечи, а дальше они неожиданно заканчивались замысловатой драпировкой. Было у парикмахера также много головных и зубных щеток, выставленных в витрине, аккуратные стеклянные ящики на прилавке, наверху комната для стрижки и весы в лавке, как раз против двери; но главной приманкой и украшением были куклы, и этот-вот молодой парикмахер постоянно выбегал на улицу поглядеть на них и постоянно подбегал к ним, чтобы навести лоск; короче говоря, он так гордился ими, что, когда наступало воскресенье, он всегда грустил и печалился, думая о том, что они закрыты ставнями, и по этому случаю с нетерпением ждал понедельника. Одна из этих кукол была его любимицей предпочтительно перед другими, а когда его спрашивали, почему он не женится,— особенно часто спрашивали знакомые молодые леди,— он, бывало, говорил: «Ни за что! Никогда! Я, говорит, не свяжу себя узами брака, пока не встречусь с молодой женщиной, которая будет такой, как моя мечта, эта-вот прекрасная кукла с белокурыми волосами. Тогда, но не раньше, я, говорит, соглашусь пойти к алтарю!» Все его знакомые молодые леди, у которых были темные волосы, говорили ему, что это грешно и что он поклоняется идолу, а те, которые хоть чуточку походили цветом на куклу, очень сильно краснели и, как было замечено, считали его очень милым молодым человеком.

— Сэмивел! — важно сказал мистер Уэллер.— Один из членов этого общества принадлежит к нежному полу, о котором только что упоминалось, и потому я должен просить, чтобы ты не делал никаких замечаний.

— А разве я их делаю? — осведомился Сэм.

— К порядку, сэр! — возразил мистер Уэллер с достоинством; затем отец заслонил в нем председателя, и он добавил обычным своим тоном: — Сэмивел, погоняй!

Сэм обменялся улыбками с экономкой и продолжал:

— Молодой парикмахер заявлял об этом в течение полугода, а потом встретил молодую леди, которая была точной копией прекрасной куклы. «Ну,— говорит он,— все кончено. Я — раб!» Молодая леди оказалась не только копией прекрасной куклы, она была очень романтична, так же как молодой парикмахер, и он сказал: «О! Какое сродство душ! Какое излияние чувств! Какое взаимное понимание!» Молодая леди, конечно, говорила не много, но выражалась приятно, и вскоре после этого пришла навестить его с их общим другом. Парикмахер бежит ей навстречу, но она, увидев кукол, меняется в лице и начинает ужасно дрожать. «Посмотрите, моя милая,— говорит парикмахер,— вот еще изображение в моем окне, но здесь оно не лучше, чем в моем сердце!» — «Мое изображение!» — говорит она. «Ваше!» — отвечает парикмахер. «Ну, а это чье изображение?» — спрашивает она, показывая на одного из джентльменов. «Ничье, моя милая,— говорит он,— это только мечта».— «Мечта! — кричит она.— Это портрет, я чувствую, что это портрет, и это-вот благородное лицо должно принадлежать военному!» — «Что я слышу!» — восклицает он, взъерошивая свои кудри. «Уильям Гибс,— говорит она очень твердо,— об этом больше ни слова! Я, говорит, уважаю вас, как друга, но мои чувства направлены на это мужественное чело».— «Это,— говорит парикмахер,— полный крах, и в нем я вижу перст судьбы. Прощайте!» С этими словами он врывается в лавку, отбивает кукле нос щипцами для завивки, растапливает ее в камине и с тех пор не улыбается.

— А молодая леди, мистер Уэллер? — осведомилась экономка.

— Видите ли, сударыня,— отвечал Сэм,— убедившись, что судьба питала злобу против нее и всех, с кем она

имела дело, она тоже никогда не улыбалась, а читала много поэзии и чахла — довольно медленно, потому что она до сих пор не умерла. Понадобилось очень много поэзии, чтобы убить парикмахера, а кое-кто и сейчас говорит, что он попал под колеса больше по вине джина с водой; может быть, виноваты тут обе причины, и произошло это от смешения того и другого.

Цирюльник заявил, что мистер Уэллер рассказал одну из интереснейших историй, какую ему когда-либо приходилось слышать, и это мнение вполне разделила экономка.

— Вы женатый человек, сэр? — осведомился Сэм.

Цирюльник ответил, что он не удостоился этой чести.

— Вероятно, собираетесь жениться? — спросил Сэм.

— Право, не знаю,— отвечал цирюльник, потирая руки и ухмыляясь,— мне это кажется маловероятным.

— Плохой знак,— заявил Сэм.— Если бы вы сказали, что намерены на днях жениться, я бы считал, что вы находитесь в безопасности. Ваше положение очень ненадежное.

— Во всяком случае, я понятия не имею об опасности,— возразил цирюльник.

— И я не имел, сэр,— вмешался мистер Уэллер-старший.— У меня были точь-в-точь такие же признаки. Этак я дважды попался. Будьте настороже, мой друг, иначе вы пропали.

Было нечто столь внушительное не только в этом предостережении, но также в тоне и в пристальном взгляде, какой устремил мистер Уэллер на ничего не подозревавшую жертву, что сначала никому не хотелось говорить и, быть может, захотелось бы не скоро, если бы экономка случайно не вздохнула; вздох отвлек внимание старого джентльмена и вызвал галантный вопрос: «Нет ли какой-нибудь острой занозы в этом-вот маленьком сердечке?»

— Ах, боже мой, мистер Уэллер! — смеясь, воскликнула экономка.

— А может быть, что-нибудь волнует его? — продолжал старый джентльмен.— Всегда ли оно было суровым, всегда ли противилось счастью человеческих существ? А? Что?

В этот критический момент, вызвавший у нее румянец и смущение, экономка обнаружила, что нет больше эля,

и поспешила отправиться за ним в погреб в сопровождении цирюльника, который настоял на том, чтобы нести свечу. Посмотрев ей вслед с весьма самодовольной миной, а ему вслед — с некоторым презрением, мистер Уэллер начал медленно обводить глазами кухню, пока, наконец, они не остановились на сыне.

— Сэмми,— сказал мистер Уэллер,— я не доверяю этому цирюльнику.

— Почему? — спросил Сэм.— Какое вам до него дело? Нечего сказать — хороши вы! — сначала выдумываете всякие ужасы, а потом отпускаете комплименты и говорите о сердцах и занозах!

Обвинение в галантности, по-видимому, доставило мистеру Уэллеру величайшее удовольствие, ибо голос его, когда он отвечал, прерывался от сдавленного смеха, так что слезы выступили у него на глазах.

— А разве я говорил о сердцах и занозах, разве я говорил, Сэмми, а?

— Не говорили? Ну, конечно, говорили.

— Ей это невдомек, беды в этом нет, никакой опасности нет, Сэмми, она только мудреная. А она как будто осталась довольна, верно? Ну, конечно, она осталась довольна, это натурально, очень натурально.

— Он этим чванится! — воскликнул Сэм, веселясь вместе с отцом.— Он и в самом деле чванится!

— Тс!..— отозвался мистер Уэллер, перестав смеяться.— Они возвращаются, маленькое сердечко возвращается! Но обрати внимание на мои слова и вспомни их, когда твой отец скажет, что он говорил: Сэмивел, я не доверяю этому-вот плутоватому цирюльнику!

V

Мистер Хамфри в своем углу с часами у камина

На третий или четвертый вечер после учреждения «Часов мистера Уэллера» мне послышался, когда я гулял по саду, голос самого мистера Уэллера где-то неподалеку; и, приостановившись раза два, чтобы прислушаться внима-

тельнее, я убедился, что звуки доносятся из маленькой комнаты моей экономки в задней половине дома. В то время я не обратил внимания на это обстоятельство, но на следующее утро оно послужило темой для разговора между мной и моим другом Джеком Редберном, и я убедился, что мой слух меня не обманул. Джек сообщил мне нижеследующие подробности, и так как он, по-видимому, повествовал о них с необычайным удовольствием, то я попросил его на будущее время записывать те домашние сценки или происшествия, какие его позабавят, чтобы они были изложены в свойственном ему стиле. Должен признаться, что так как мистер Пиквик и он постоянно бывают вместе, то я, обращаясь к нему с этой просьбой, руководствовался тайным желанием узнать что-нибудь об их встречах.

В тот вечер, о котором идет речь, комната экономки была приведена в порядок с особенным старанием, а сама экономка оделась очень нарядно. Эти приготовления были, однако, рассчитаны не только на внешний эффект, ибо вдобавок был приготовлен чай на три персоны и устроена маленькая выставка варенья и сладкого печенья, возвещавшая о каком-то исключительном событии. Мисс Бентон (моя экономка носит эту фамилию) находилась в сильном волнении, часто подходила к парадной двери, с беспокойством выглядывала в переулок и несколько раз сообщала служанке, что ждет гостей и боится, как бы их что-нибудь случайно не задержало.

Наконец, тихий звонок рассеял ее опасения, и мисс Бентон убежала в свою комнату, захлопнула за собой дверь, чтобы иметь такой вид, будто ее застигли врасплох, что является столь необходимым для вежливого приема гостей, и, улыбаясь, ждала их появления.

— Добрый вечер, сударыня,— сказал мистер Уэллер-старший, постучав, а затем заглянув в дверь,— боюсь, что мы пришли с маленьким опозданием, но этот молодой жеребенок показал свой норов, закусывал удила, бросался в сторону и путался в постромках столько раз, что, если его скоро не объездят, он разобьет мне сердце, а тогда его будут выводить на прогулку только для того, чтобы он обучался азбуке по надписи на могильной плите своего деда.

С такими патетическими словами, обращенными к чему-то находившемуся за дверью и поднимавшемуся на два фута шесть дюймов от земли, мистер Уэллер представил очень маленького мальчика, твердо стоявшего на крепких ножках, которого, казалось, ничто не могло свалить. Не говоря уже о круглом лице, сильно напоминавшем лицо мистера Уэллера, и толстенькой фигурке точь-в-точь такого же сложения, как у него, этот юный джентльмен, стоя с широко раздвинутыми ногами, как будто привыкшими к сапогам с отворотами, подмигнул экономке младенческим глазом, подражая деду.

— Вот он, дрянной мальчишка! — сказал мистер Уэллер, приходя в восторг.— Вот он, беспутный Тони! Видал ли кто-нибудь маленького мальчугана четырех лет и восьми месяцев от роду, который бы подмигивал незнакомой леди?

Так же мало тронутый этим замечанием, как и первым призывом к его чувствам, юный Уэллер поднял руку, в которой держал миниатюрный кучерской бич, и, обратившись к экономке с пронзительным: «Йя-хок!» — осведомился, «собралась ли она в путь». Наблюдая, как его внук воспользовался уроком, преподанным ему еще во младенчестве, мистер Уэллер не мог сдерживать дольше свои чувства и тут же подарил ему два пенса.

— Что толку отрицать, сударыня,— сказал мистер Уэллер.— Этот-вот мальчишка пришелся по сердцу своему деду и перегнал всех мальчишек, какие были или будут. Хотя в то же время, сударыня,—добавил мистер Уэллер, стараясь глядеть сурово на своего любимца,— это было очень нехорошо, когда он пытался перелезать через все тумбы, мимо которых мы проходили, и очень жестоко — поджимать ноги и заставлять дедушку переносить его через каждую тумбу. Он ни одной тумбы не пропустил, сударыня, а в этом переулке их стоит сорок семь в ряд и очень близко одна от другой.

Тут мистер Уэллер, чье горделивое чувство, внушаемое ему подвигами внука, постоянно враждовало с сознанием его собственной ответственности и необходимости внедрять в него правила морали, разразился приступом смеха, но, вдруг сдержавшись, заметил суровым тоном, что маленькие мальчики, которые заставляют своих дедушек

переносить их через тумбы, никогда и ни за что на свете не попадут на небо.

Тем временем экономка приготовила чай, и маленький Тони, сидевший рядом с ней на стуле,— причем глаза его находились почти на одном уровне со столом,— получил разные вкусные вещи, доставившие ему большое удовольствие. Экономка (которая как будто побаивалась ребенка, хотя и ласкала его) погладила его по головке и объявила, что это самый чудесный мальчик, какого ей случалось видеть.

— Что правда, то правда, сударыня,— сказал мистер Уэллер,— вряд ли вы много таких увидите. Но если бы мой сын Сэмивел сделал по-моему, сударыня, и снял с него... как бы это... могу я сказать это слово?

— Какое слово, мистер Уэллер? — спросила экономка, слегка краснея.

— Юбку, сударыня,— отвечал этот джентльмен, кладя руку на платье своего внука.— Если бы только мой сын Сэмивел снял с него вот это, вы бы увидели такую перемену, какую и вообразить невозможно.

— А как бы вы хотели одеть ребенка, мистер Уэллер? — спросила экономка.

— Я несколько раз предлагал моему сыну Сэмивелу, сударыня,— сказал старый джентльмен,— приобрести за мой собственный счет костюм, который бы сделал из него человека и с младенческих лет образовал его ум для тех занятий, которым, надеюсь, семейство Веллеров всегда будет предано. Тони, мой мальчик, расскажи леди, какой это костюм отец должен тебе купить, как советует дедушка.

— Белая шапочка и жилетик с разводами и короткие полосатые штанишки и сапожки с отворотами и зеленая курточка с блестящими пуговичками и бархатным воротничком! — ответил Тони залпом и с большой готовностью.

— Вот какой костюм, сударыня,— сказал мистер Уэллер, с гордостью взирая на экономку.— Сделайте из него такую модель, и вы скажете, что он ангел!

Быть может, экономка подумала, что в таком наряде юный Тони будет похож скорее на ангела в Ислингтоне *, чем на какого бы там ни было другого ангела, или, может быть, она смутилась, убедившись, что все прежние ее

понятия поколебались, ибо ангелов не принято изображать в сапогах с отворотами и в жилетах с разводами. Она недоверчиво кашлянула и ничего не сказала.

— Сколько у тебя братьев и сестер, мой милый? — спросила она, помолчав.

— Один брат и ни одной сестры,— ответил Тони.— Его зовут Сэм, и так же зовут моего папу. Вы знаете моего папу?

— О да, я его знаю,— ласково сказала экономка.

— Мой папа вас любит? — продолжал Тони.

— Надеюсь,— ответила, улыбаясь, экономка.

Тони секунду подумал, а потом спросил:

— А мой дедушка вас любит?

Казалось бы, на этот вопрос очень легко ответить, но, вместо того чтобы так и поступить, экономка в большом смущении улыбнулась и сказала, что, право же, дети задают удивительные вопросы и с ними чрезвычайно трудно разговаривать. Мистер Уэллер ответил за нее, что он очень любит леди, но когда экономка взмолилась, чтобы он не вбивал ребенку в голову таких вещей, мистер Уэллер покачал своей собственной головой, пока экономка смотрела в другую сторону, и, казалось, был встревожен предчувствием, что пленение уже не вызывает сомнений. Быть может, потому-то он и переменил вдруг разговор.

— Очень нехорошо, когда маленькие мальчики потешаются над своими дедушками, не правда ли, сударыня? — сказал мистер Уэллер, шутливо качая головой, пока Тони не взглянул на него, после чего он изобразил на своем лице скорбь и глубочайшее уныние.

— О, очень печально! — согласилась экономка.— Но, я надеюсь, ни один мальчик этого не делает?

— Есть один негодный мальчишка, сударыня,— сказал мистер Уэллер,— который, увидев, как его дедушка выпил лишнее по случаю дня рожденья друга, начал расхаживать по дому, пошатываясь и спотыкаясь и делая вид, будто он и есть этот старый джентльмен.

— Ах, какой стыд! — воскликнула экономка.

— Вот именно, сударыня! — подтвердил мистер Уэллер.— А прежде чем это проделать, этот-вот маленький предатель, о котором я рассказываю, щиплет себя за носик, чтобы он покраснел, а потом икает и говорит: «Все в

порядке, спойте-ка нам еще!» Ха-ха! «Спойте-ка, говорит, нам еще!» Ха-ха-ха!

Вне себя от восторга мистер Уэллер совсем позабыл о своей моральной ответственности, пока маленький Тони не начал болтать ногами и не воскликнул, заливаясь хохотом: «Это был я, это был я!» — после чего дедушка, с трудом овладев собою, стал опять чрезвычайно серьезен.

— Нет, Тони, не ты! — сказал мистер Уэллер.— Надеюсь, это был не ты, Тони. Должно быть, это был тот дрянной мальчишка, который выходит иной раз из пустой караульной будки за углом,— тот самый мальчишка, которого поймали, когда он стоял на столе перед зеркалом и делал вид, будто бреется ножом для открывания устриц.

— Надеюсь, он не порезался? — осведомилась экономка.

— Он-то порежется, сударыня! — гордо отвечал мистер Уэллер.— Господь с вами! Этому мальчугану вы можете доверить чуть ли не паровую машину, такой он смышленый малыш...

Но вдруг, опомнившись и заметив, что Тони прекрасно понял и оценил комплимент, старый джентльмен застонал и объявил, что «все это было очень, очень скверно».

— Да, он дрянной,— продолжал мистер Уэллер,— этот-вот мальчишка из караульной будки, он поднимает такой шум и возню во дворе, поит деревянных лошадей и кормит их травой, вечно вываливает своего братца из тачки и до смерти пугает свою мать, а она-то как раз собирается подарить ему на счастье еще одного товарища для игр. О, он очень дрянной! Он даже до того дошел, что заставил своего отца сделать ему бумажные очки, надел их и разгуливает по саду, заложив руки за спину,— изображает мистера Пиквика,— но Тони таких вещей не делает, о нет!

— О нет! — подхватил Тони.

— Уж он-то не так глуп,— продолжал мистер Уэллер,— он знает, что если он вздумает заниматься такими играми, никто не будет его любить, и дедушка совсем разлюбит, даже смотреть на него не захочет. Вот почему Тони всегда хороший.

— Всегда хороший! — подхватил Тони, а дедушка тотчас же посадил его к себе на колени, поцеловал и в то же

время, кивая и подмигивая, лукаво указал большим пальцем на голову ребенка, чтобы экономка, которая в противном случае могла быть введена в заблуждение прекрасным мастерством, с каким он (мистер Уэллер) провел свою роль, не предположила, будто речь идет о каком-то другом юном джентльмене, и ясно поняла, что мальчик из караульной будки является лишь плодом воображения и двойником самого Тони, придуманным для его усовершенствования и исправления.

Не ограничившись одним только словесным описанием способностей своего внука, мистер Уэллер, по окончании чаепития, подстрекнул его, с помощью нескольких пенсов и полпенни, курить воображаемую трубку, пить несуществующее пиво из настоящей кружки, без стеснения изображать дедушку и — что самое главное — в пьяном виде, а это привело старого джентльмена в восторг и преисполнило экономку изумлением. Но даже таким спектаклем гордость мистера Уэллера не была удовлетворена, ибо он, распрощавшись, понес ребенка, словно какую-то редкую и изумительную диковинку, сначала к цирюльнику, а потом к табачнику, и у того и у другого повторил свое представление, произведя чрезвычайное впечатление на аплодирующих и восхищенных зрителей. В половине десятого можно было наблюдать, как мистер Уэллер нес его домой на плече, и даже пошел слух, что в это время младенец Тони был слегка под хмельком.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 5. *...ходит за полцены в театр Эдельфи...* — то есть после начала спектакля, часов около девяти, когда билеты продавались значительно дешевле; Эдельфи — театр, в котором главным образом ставились мелодрамы.

Стр. 8. *Специальное жюри* — то есть специальный состав присяжных по ряду гражданских дел в отличие от обычного состава (в Англии ряд гражданских дел подсуден суду присяжных).

Стр. 10. *Валентинов день* — 14 февраля, когда, по английскому обычаю, юноши избирают возлюбленных.

Стр. 11. *По способу Берка* — удушен (по имени преступника, продававшего трупы удушенных им жертв в анатомический театр).

Стр. 14. *Королевский юрисконсульт* — звание (почетное) крупных юристов (иначе — сарджент), в прошлом соответствовало званию «доктор права».

Стр. 25. *Патены* — деревянные подошвы, подкованные низким железным кольцом и прикрепляемые к башмакам ремешком; заменяли калоши вплоть до их появления.

Стр. 27. *Кидерминстерский ковер* — дешевый ковер особой выделки; производился в Англии, в городе Кидерминстере.

Стр. 31. *Больница Барта* — больница Сент-Бартоломьюз (св. Варфоломея), которая является самой старинной лондонской больницей.

Стр. 33. *...открыты последние «натуральные»...* — комбинация карт в игре «двадцать одно».

Стр. 38. *...мотив, сложенный из двух других...* — Музыка популярной песенки «Бискайский залив» была написана Дж. Дэви;

старинная баллада, начинавшаяся словами: «Лягушка хотела бы посвататься», известна была еще в XVII веке, мотив ее менялся.

Стр. 43. *Валентинка* — анонимные письма молодых людей своим избранницам в Валентинов день.

Стр. 46. *Святочный ящичек* — ящичек, в который вкладывались деньги, вручаемый поздравлявшему со святками.

Уорреновская вакса — вакса фирмы Уоррена, в предприятии которого Диккенс работал мальчиком.

Ролендовское масло — растительное масло для волос, изготовляемое фирмой Роленд.

Стр. 56. *Дибдин* (1745—1814) — популярный английский композитор и автор песенок.

Стр. 61. *Гилдхолл* — ратуша лондонского Сити; в ней слушалось дело Пиквика, так как заседания Суда общих тяжб по делам лондонского Сити происходили в ратуше, а не в здании Уэстминстер, где в этом же суде разбирались дела жителей графства Мидлсекс, из которого Лондон был выделен.

Стр. 66. *«Открыл дело»* — юридический термин, которым пользуется Диккенс для игры слов, означающий краткое изложение сущности дела и оснований судебного иска. Читатель, приступающий к чтению глав о процессе Бардл против Пиквика, сразу встречается с *тремя* разрядами адвокатов. Вот перед нами юрист Перкер. Он ведет своего клиента, Пиквика, ко второму юристу — знаменитому адвокату, *королевскому юрисконсульту (сардженту)*. Этот второй юрист обращается к первому с вопросом: «Кто еще участвует в деле?» Перкер называет, и посылают за третьим юристом. Наступает день суда. Первый юрист молчит, третий юрист только допрашивает свидетелей, выступает перед судьей и присяжными лишь второй. Первый и третий юристы должны участвовать в деле: первый всегда, а третий — с сарджентом. Но ни второй юрист, ни третий не имеют права входить в непосредственное отношение с клиентом, а могут это делать только через первого, который значительно ниже их рангом. Но еще раньше (в гл. XXXI) выясняется, что третий юрист (его зовут Фанки) был *юниором,* то есть *«младшим»* в процессе, а юниор (или *плидер)* не есть полноправный барристер — он ведет до судебного заседания всю письменную подготовку дела, совместно с солиситором пишет заявления в суд и возражения на заявления противника, но выступать в суде не имеет права. Почему же Фанки выступал, хотя бы допрашивая свидетелей? Потому что он сам был барристером и, ввиду

отсутствия клиентов, взял на себя обязанности юниора, хотя был рангом выше, чем юниор. Судебное заседание, сатирически нарисованное Диккенсом, дает читателю ясное представление о том, как организована английская адвокатура и какие препятствия стоят в этом отношении перед бедняком, вынужденным обращаться к суду для защиты своих прав.

Стр. 72. *...у Гереуэя...* — в кафе, основанном Томасом Гереуэем в XVII веке.

Стр. 86. *Газовый микроскоп* — проекционный фонарь, освещавшийся газом и дававший на экране увеличенное изображение предмета. Этот фонарь, названный «газовым микроскопом», широко рекламировался и даже был выставлен для демонстрации в Лондоне на Стренде в «Галерее практических наук» (на экране, например, демонстрировалось изображение блохи). Шарлатанство рекламы заключалось в том, что сообщались фантастические данные об увеличении предмета в миллион раз, чем и объясняется упоминание Сэма о «газовых микроскопах особой силы, увеличивающих в два миллиона раз».

Стр. 90. *Бат* — популярнейший английский курорт на западе Англии с целебными минеральными источниками.

Стр. 98. *...гибкая трость черного дерева...* — Диккенс допустил ошибку, полагая, будто трость черного дерева может быть гибкой.

Стр. 99. *Клепхем-Грин* — юго-западное предместье Лондона.

Стр. 102. *Рапè* — французский крепкий нюхательный табак.

Стр. 109. *Томпионовские часы* — стенные или стоячие часы работы известного английского часовщика конца XVII века Томпиона (ум. в 1713 г.); его часы славились затейливым боем и точностью.

Статуя Нэша — статуя Ричарда Нэша (род. в 1674 г.), игрока, искателя приключений, который в конце концов избрал своей профессией устройство публичных увеселений для «светского» общества и прославился своей деятельностью на посту «церемониймейстера» Бата.

Стр. 110. *Батское кресло* — кресло на трех колесах для больных, подталкиваемое сзади слугой.

Стр. 112. *Плиний* (старший) — римский историк и натуралист I в. н. э., погибший при извержении Везувия.

Стр. 116. *Пролив.* — Диккенс имеет в виду Бристольский про-

лив между полуостровами Уэллс и Корнуолл на западе Англии; курорт Бат находится неподалеку от города Бристоля.

Стр. 140. *Клифтон* — живописный пригород Бристоля, известный своими минеральными источниками.

Стр. 173. *Гиг, стенхоп, охотничья* — виды двуколок; гиг — напоминает ящик, стенхоп — с одним сиденьем на высоких колесах, в охотничьей двуколке пассажиры сидят спиной друг к другу, а собака помещается под ними в ящике.

Стр. 174. *Ботени-Бей* — порт на восточном берегу Австралии, куда впервые в 1788 году были сосланы английские каторжники; превращен был в место ссылки преступников на каторжные работы и вошел в состав колонии Новый Южный Уэльс, чем и объясняется ироническая характеристика манер Джингля.

Стр. 175. *Вы — квакер?* — Иронический вопрос Сэма вызван тем, что чиновник шерифа, войдя в комнату, не снял шляпы; члены религиозной секты квакеров отказывались снимать шляпу перед кем бы то ни было, усматривая в этой норме общежития нарушение начал равенства между людьми.

Стр. 178. *Уайткросс-стрит* — улица, на которой находилась одна из долговых тюрем с тяжелым режимом.

Стр. 179. *Флит* — одна из древнейших лондонских тюрем, в которую с XVII века заключали только неисправных должников; была снесена в 1845 году.

Habeas corpus — указ, который король Карл II Стюарт вынужден был издать в 1679 году в связи со злоупотреблением властью его министров и чиновников, вызвавшим народные волнения; указ должен был обеспечить жителям Англии наличие законных оснований для лишения свободы, и действие его приостанавливалось постановлением парламента. К этой мере господствующие классы Англии прибегали не раз, приостанавливая действие habeas corpus при возникновении народных волнений; так, например, с 1715 до 1818 года действие указа приостанавливалось сроком до одного года тринадцать раз.

Стр. 187. *Галерея* — так назывался каждый этаж четырехэтажной тюрьмы Флит; подвал тюрьмы назывался «Ярмарка».

Стр. 189. *Феррингдонский отель* — то есть тюрьма Флит, которая находилась на Феррингдон-стрит, пересекающей Флит-стрит.

Стр. 200. *Суд на Портюгел-стрит* — лондонский суд по делам о несостоятельности.

Стр. 203. *Чучело Гая Фокса* — гротескное чучело с фонарем и в огромных белых перчатках, изображающее одного из участников так называемого «порохового заговора» 1605 года, организованного католической оппозицией против Иакова I Стюарта. По замыслу вожаков католической партии в подвалы парламента были помещены бочки с порохом, поджог поручен был Гаю Фоксу и был назначен на день выступления короля с обычной тронной речью. Благодаря случайности взрыв был предотвращен, заговор раскрыт, главные зачинщики и среди них Гай Фокс погибли на эшафоте, а чучело с изображением Гая Фокса лондонцы ежегодно — в годовщину покушения, 5 ноября — носили по улицам и торжественно сжигали. Этот обычай, о котором Диккенс часто упоминает в своих романах, сохранялся в течение двух с половиной столетий.

Стр. 217. *«Miscellanea»* Констебля — «Смесь» Констебля — серия дешевых книг разнообразного содержания, издаваемых известным книгоиздателем Констеблем с 20-х годов прошлого века.

Коронер — чиновник, главной обязанностью которого является осмотр трупов, обнаруженных с признаками внезапной или насильственной смерти, и производство дознания по этому вопросу. Решения выносятся так называемым «судом коронера» — 15—18 присяжными, призываемыми на место нахождения трупа (пережиток XIII века). Также с участием присяжных коронер производит дознание о причинах пожаров, если есть предположения о поджоге, о причинах кораблекрушений и пр.

Стр. 221. *Хаундсдич* — улица в Лондоне, являвшаяся в эпоху Диккенса центром торговли поношенным платьем.

Стр. 222. *«Тюремные границы»* — район вокруг тюрьмы Флит, в пределах которого заключенным несостоятельным должникам разрешалось проживать. Такие же «границы» были вокруг других тюрем, и существовала такса, определяющая плату за право проживания.

Стр. 229. *Красноносый Никсон* — автор дешевых бульварных книжек с прорицаниями.

Стр. 230. *Бумажник in octavo* — то есть размером в восьмую долю листа — гиперболизм Диккенса.

Стр. 232. *Дик Терпин* — известный разбойник XVII века, герой многочисленных баллад и повестей.

Хаунсло Хит — вересковая пустошь к западу от городка

Хаунсло, где Терпин совершал грабежи чаще, чем на других больших дорогах.

Стр. 238. *Кенсингтон* — в эпоху Диккенса лондонское предместье с большим парком, вошедшее позже в черту города. В парке находится один из дворцов, где жил король до середины XVIII века.

Стр. 240. *Бентамский петушок* — порода бойцовых петухов, известных своей драчливостью, на что намекает сапожник.

Стр. 242. *...тысячи по доверию...* — то есть поручили в завещании душеприказчику распределить имущество между наследниками.

Caveat (берегись!) — юридический термин, который сапожник переводит «стоп!»; так называется заявление заинтересованных лиц в суд о том, что завещание не должно приводиться в исполнение, так как они намерены его оспаривать.

Стр. 244. *Друрилейнский театр* — один из двух главных лондонских театров, открытый во второй половине XVII века; на его сцене ставились все классические английские пьесы.

Стр. 257. *...снаружи — святого Симона, а внутри — святого Враля.* — Уэллер-старший намекает на то, что ханжа Стиггинс внешне похож на волхва Симона, который, по библии, для вящей убедительности своего сана священнослужителя предлагал апостолам купить у них власть «подавать» дух святой через возложение рук.

Стр. 314. *Тодди* — любимый напиток шотландцев — водка, разбавленная подслащенной горячей водой.

Стр. 331. *Мертвые письма* — так называются в Англии не доставленные адресату или невостребованные письма.

Стр. 345. *Гримальди* — знаменитый английский клоун Джозеф Гримальди (1779—1837), мемуары которого Диккенс редактировал в 1838 году.

Стр. 349. *Ковентри* — городок в ста пятидесяти километрах к северо-западу от Лондона, в графстве Уорвик.

Стр. 350. *Ни один человек не видел мертвого осла...* — намек на эпизод из романа Стерна «Сентиментальное путешествие» (1768).

Стр. 373. *Брамовский замок* — замок, изобретенный инженером Брама, напоминающий современные автоматические замки.

Стр. 374. *Диспансация* — в богословии: порядок, установленный свыше.

Стр. 382. *Демерара* — область в английской колонии Британская Гвиана, в Южной Америке.

Стр. 416. *Эбернетиевский бисквит.* — Диккенс в шутку называет так хлеб; Джон Эбернети, лондонский врач конца XVIII и начала XIX века, занимался вопросами пищеварения и рационального питания.

Стр. 447. *Ричмонд* — городок к югу от Лондона на правом берегу Темзы.

«Газета» — «Лондонская газета», официальный орган английского правительства; в нем печатаются правительственные распоряжения, назначения и перемещения чиновников, судебные решения по делам о банкротстве и т. д.

Стр. 449. *Даличская галерея* — собрание картин, находящееся в городке Даличе, живописном пригороде Лондона; галерея помещается в колледже, основанном актером Оллейном, современником Шекспира, и включает свыше трехсот картин европейского искусства, начиная с XVI века; колледжу галерея завещана художником П. Буржуа, получившим ее также по завещанию от Озанфана, торговца картинами.

Стр. 478. *«А вот медведи!» и оживает снова* — в основе анекдота Сэма лежит объявление в газете «Таймс» за 1793 год; в объявлении сообщалось, что некий парикмахер Росс держит у себя медведей и на днях им был убит «жирный русский медведь», сало которого он продает по 46 шиллингов за фунт. Упоминание об этом «историческом факте» мы находим также в романе «Жизнь и приключения Николаса Никльби», гл. 35.

Стр. 489. *Ангел в Ислингтоне* — популярная лондонская харчевня, в районе Ислингтон, на вывеске которой был изображен ангел.

ЕВГЕНИЙ ЛАНН

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

Собр. соч., т. 3

Редактор Н. Банников
Художник Е. Сем пер
Художеств. редактор Л. Калитовская
Технический редактор Г. Каунина
Корректоры В. Седова и Е. Козлова

Сдано в набор 4/IV 1957 г. Подписано к печати 3/XII 1957 г. Бумага 84 × 108 1/32 — 5,75 печ. л.=2583 усл. печ. л. 25,26 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 (300 001—450 000) экз.
Цена 11 руб. Заказ № 3217.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Отпечатано на бумаге
Чеховского бумажного комбината

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.